ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.»
Владимiръ Мономахъ.

1861

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

HIBV

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Іюля 16 дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

ПРЕДСМЕ́РТНІ ДУ́МИ.

XX.

Не нарікáю я на Бóга,
Не нарікáю ні на кóго:
Я сáмъ-себé, дурни́й, дурю́,
Тá ще й співáючи... Орю́
Свій перелігъ—убóгу ни́ву,
Та сію слóво: дóбрі жни́ва
Коли́сь-то бу́дуть!... И дурю́—
Себé-таки́, себé-самóго,
А більше, бáчитця, нікóго....

Ори́ся жъ ти, моя́ ни́во,
Дóломъ та горóю,
Та засійся, чóрна ни́во,
Вóлею яснóю!
Ори́ся жъ ти, розвéрни́ся,
Пóлемъ розстели́ся,
Та посійся дóбримъ жи́томъ,
Дóлею поли́йся!
Розвéрни́ся жъ на всі бóки,
Ни́во-десяти́но!
Та посійся не словáми,
А рóзумомъ, ни́во!
Ви́йдуть лю́ди жи́то жáти....
Весéлиі жни́ва!...
Розвéрни́ся жъ, розстели́ся жъ,
Убóгая ни́во!!

Чи не дурю́ себе́ я зно́ву
Своїмъ химе́рнимъ до́бримъ сло́вомъ?...
Дурю́! Бо лу́чче одури́ть
Себе́-таки, себе́-само́го,
Ніжъ зъ во́рогомъ по-пра́вді жить
И всу́е нарікáть на Бо́га!

Сентября 1861 р.
Петербургъ.

XXI.

Якъби съ кімъ сісти, хліба ззісти, —
Промо́вить сло́во, — то воно́ бъ,
Хочъ и якъ-не́будь, на сімъ світі,
А все бъ таки́ яко́сь жило́сь.
Та ба́!.. нема́ съ кімъ! Світъ широ́кий,
Люде́й чима́ло на землі,...
А доведе́тця одино́кимъ—
Въ холо́дній ха́ті кривобо́кій,
Або підъ ти́номъ—простягти́сь!...
Або... ні!... Тре́ба одружитись,
Хоча бъ на чо́ртовій сестрі!
Бо доведе́тця одурі́ти
Въ самотині... Пшени́ця, жи́то,
На до́брімъ сіялось лану́,
А лю́де та́къ-собі пожну́ть
И ска́жуть:—десь ёго́ уби́то,
Серде́шного, на чужині...
О го́ре, го́ренько мені!...

Т. Шевченко.

4 ноября 1860 р.
Петербургъ.

ДНЕВНИКЪ Т. РГ. ШЕВЧЕНКА.

Второй отрывокъ.

1857 г., 19 іюня.

Вчера ушелъ пароходъ въ Гурьевъ и привезетъ оттуда вторую роту и самого баталіоннаго командира, а по случаю прибытія его сюда,— остающаяся здѣсь рота, къ которой принадлежу и я, готовится къ смотру. Для этого важнаго грядущаго событія, мнѣ сегодня пригоняли аммуницію. Какое тягостное грядущее важное событіе! Какая безконечная эта пригонка аммуниціи! Неужели и это еще не въ послѣдній разъ? — — — — — Въ дѣтствѣ, сколько я помню, меня не занимали солдаты, какъ это обыкновенно бываетъ съ дѣтьми. — — —

20 іюня.

Сегодня рота придетъ въ Гурьевъ, а по случаю полноводія въ Уралѣ, она пройдетъ прямо на Стрелицкую-Косу, и сегодня же сядетъ на пароходъ. Завтра рано пароходъ подыметъ якорь, и послѣзавтра высадитъ роту въ Новопетровской гавани. Держись наша офиція! гроза, гроза ужасная близится. Баталіонный командиръ, подобно тучегонителю Кроніону, грядетъ на тебя въ облацѣ мрачнѣ, въ томъ числѣ и насъ солдатиковъ. Многіе уже блажатъ и умоляютъ эскулапа засвидѣтельствовать ихъ небывалыя немощи душевныя и тѣлесныя, а паче—душевныя. — — — —

«Къ добру ли это я та́къ сегодня разфантазировался? Въ прежніе годы, въ эти истинно-критическіе дни, со мною этого не было. Не было однакожъ и того, не въ похвалу будь сказано, чтобы я прятался подъ кровомъ стоновъ и воздыханій. Въ этомъ случаѣ я никогда не искалъ медицинскаго пособія. Съ трепетнымъ замираніемъ сердца

я всегда фабрилъ усы, облачался въ броню и являлся предъ лицо отца-командира сдать экзаменъ въ пунктахъ, ружейныхъ пріемахъ и, въ заключеніе, выслушать длиннѣйшее наставленіе о томъ, ка́къ долженъ вести себя бравый солдатъ, — — любить Бога и своихъ ближайшихъ начальниковъ, начиная съ дядьки и капральнаго ефрейтора. — — — —

Странно еще вотъ-что́. Все это неисповѣдимое горе прошло какъ-будто не касаясь меня. Малѣйшаго слѣда не оставило по себѣ. Опытъ, говорятъ, есть лучшій нашъ учитель. Но горькій опытъ прошелъ мимо меня невидимкою. Мнѣ кажется, что я точно тотъ же, что́ былъ и десять лѣтъ тому назадъ. Ни одна черта въ моемъ внутреннемъ образѣ не измѣнилась. Хорошо ли это? Хорошо. По-крайней-мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. И я отъ глубины души благодарю моего Всемогущаго Создателя, что онъ не допустилъ ужасному опыту коснуться своими желѣзными когтьми моихъ убѣжденій и младенчески-свѣтлыхъ вѣрованій. Нѣкоторыя вещи просвѣтлѣли, округлились, приняли болѣе естественный размѣръ и образъ; но это — слѣдствіе не возмутимо-летящаго старика Сатурна, а никакъ не слѣдствіе горькаго опыта.

Получивши отъ К—ка письмо съ приложеніемъ 25 р.,—значитъ— съ приложеніемъ весьма вещественнымъ,—я отблагодарилъ его письмомъ же, со вложеніемъ собственнаго поличья, и вторымъ письмомъ, со вложеніемъ еще менѣе вещественнымъ — со вложеніемъ небывалаго разсказа мнимаго *варнака*, подъ названіемъ *Москалёва Криниця*. Я написалъ его вскорѣ по полученіи письма отъ *ба́тька ота́мана Кошово́го*. Стихи оказались почти одной доброты съ прежними моими стихами,—немного упруже и отрывистѣе. Но это ничего: дастъ Богъ, вырвусь на свободу, и они у меня потекутъ плавнѣе, свободнѣе, проще и веселѣе. Дождусь ли я этой хромой волшебницы— свободы? — — — —

25 іюня.

Только-что успѣлъ я написать — *слѣдовательно, тоже птица не мелкаго полета,*—какъ раздалось во всѣхъ концахъ огорода слово—*пароходъ*. Я, разумѣется, бросилъ свое писаніе и побѣжалъ въ крѣпость. Съ пароходомъ я ожидалъ Оренбургской почты, а съ почтой—свободы. Вышло однакожъ противное тому, чего я ожидалъ. Пароходъ почты не привезъ, а слѣдовательно и волшебнаго, очаровательнаго слова... А вмѣсто онаго *слова* привезъ *дѣло* въ

видѣ баталіоннаго командира, первымъ дѣломъ котораго было обѣгать казармы — — — И послѣ этого вступленія, назначенъ былъ формальный смотръ той ротѣ, къ которой и я принадлежу. Бѣдная рота всю ночь готовилась къ этому истинно-страшному суду, и въ пять часовъ утра, 23 іюня, умытая, причесаная, нафабренная, выстроилась на полянкѣ, точно игрушка, вырѣзанная изъ картона. Отъ 5 и до 7 часовъ, въ ожиданіи судіи праведнаго, рота равнялась. Въ 7 часовъ, явился, во всемъ своемъ грозномъ величіи, самъ судія и испытывалъ ее ровно до 10 часовъ. — — — Для всѣхъ гроза прошла, а для меня она еще только собиралась. Въ числѣ прочихъ конфирмованныхъ, долженъ былъ и я предстать, послѣ обѣда въ 5 часовъ, на вторичное, и еще горшее, испытаніе. Къ этому вторичному испытанію я готовился довольно равнодушно, какъ человѣкъ вполовину-свободный. Но когда предсталъ предъ неумолимаго экзаменатора, куда что̀ дѣвалось! Ни же малѣйшей тѣни, ничего похожаго на человѣка вполовину-свободнаго во мнѣ не осталось... Та же самая, мучительная, холодная, дрожь пробѣжала по моему существу. То же самое что̀ и въ прежніе годы чувство, — — — охватило меня; однимъ словомъ, я превратился въ ничто. Экзаменъ повторился слово-въ-слово, какъ и десять лѣтъ тому назадъ: четверти буквы не прибавлено, не убавлено. — — — — По примѣру прежнихъ годовъ, экзаменаторъ спросилъ насъ по ранжиру, кто̀ и за что̀ несетъ — — обязанность солдата.

— Ты за что̀? — спросилъ онъ у перваго.

— За утрату казенныхъ денегъ, ваше высокоблагородіе.

— Да, знаю: ты не осторожно загнулъ уголъ. Надѣюсь, впередъ не будешь гнуть углы, — сказалъ онъ насмѣшливо, и оборотился къ слѣдующему: — А ты за что̀?

— По волѣ родительницы, ваше высокоблагородіе.

— Хорошо. Надѣюсь, впередъ не будешь и... — и обратился къ слѣдующему. — Ты за что̀?

— За буйные поступки, ваше высокоблагородіе.

— Хорошо. Надѣюсь, впередъ...и — Ты за что̀? — спросилъ онъ у слѣдующаго.

— По волѣ родителя, ваше высокоблагородіе.

— Надѣюсь... А ты за что̀? — спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я отвѣтилъ.

— Надѣюсь, впередъ не будешь... — А ты за что? — спросилъ онъ у послѣдняго.

Послѣдній отвѣчалъ, что тоже по волѣ родительницы, и не выслушавши послѣдняго, онъ обратилъ къ намъ сильную рѣчь, замкнувшуюся вовсе не новой истиной, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. — — — —

Всѣ эти конфирмованные, такъ называемые здѣсь *господа-дворяне,* съ которыми я теперь представлялся предъ лицо отца-командира, всѣ они — люди замѣчательные по своимъ нравственнымъ качествамъ, но одинъ субъектъ всѣхъ ихъ перещеголялъ. Всѣ ихъ пороки онъ вмѣстилъ въ своей двадцатилѣтней особѣ. Странное и непонятное для меня явленіе этотъ отвратительный юноша. Гдѣ и когда́ успѣлъ онъ такъ глубоко заразиться всѣми гнусными нравственными болѣзнями? Нѣтъ мерзости, низости, на которую бы онъ не былъ способенъ. Романы Сю, съ своими отвратительными героями, — пошлыя куклы передъ этимъ двадцатилѣтнимъ извергомъ. И нельзя предполагать, по чину отца, чтобы не было средствъ дать ему не какое нибудь, а порядочное, воспитаніе. И что́ же? Никакого. Хорошъ долженъ быть и родитель! Да вообще должны быть хороши отцы и матери, отдающіе дѣтей своихъ въ солдаты на исправленіе! И для чего, наконецъ, попечительное правительство наше беретъ на себя эту неудобоисполнимую обязанность? Самое лучшее — предоставить ихъ попеченію нѣжныхъ родителей: пускай спотѣшаются на старости лѣтъ своимъ собственнымъ произведеніемъ. Разумѣется, до перваго криминальнаго проступка.

До прибытія моего въ Орскую крѣпость, я и не воображалъ о существованіи этихъ гнусныхъ исчадій нашего православнаго общества. И первый этого разбора *мазурикъ* меня поразилъ своимъ зловреднымъ существованіемъ. Особенно, когда мнѣ сказали, что онъ тоже *несчастный,* такой же какъ и я разжалованный и, слѣдовательно, мой товарищъ, по званію и по квартирѣ, т. е. по казармамъ. Слово *несчастный* имѣло для меня всегда трогательное значеніе, пока я не услышалъ его въ Орской крѣпости. Тамъ оно для меня опошлѣло и я до сихъ поръ не могу возвратить ему прежняго значенія.

По распоряженію О., я имѣлъ случай просидѣть подъ арестомъ въ одномъ казематѣ съ колодниками и даже съ клеймеными каторжниками, и нашелъ, что къ этимъ заклейменымъ злодѣямъ слово *не-*

счастный больше къ лицу, нежели къ этимъ растлѣннымъ сыновьямъ безпечныхъ эгоистовъ-родителей.

26 іюня.

Два дня уже прошло, какъ выѣхалъ отъ насъ отецъ-командиръ нашъ, но я все еще не могу освободиться отъ тяжелаго вліянія, наведеннаго его короткимъ присутствіемъ. Этотъ смотръ та́къ плотно притиснулъ мои блестящія розовыя предположенія, та́къ меня обезкуражилъ, что еслибы не Лазаревскаго письмо у меня въ рукахъ, то я бы совсѣмъ обезсилѣлъ подъ гнетомъ этого тяжелаго впечатлѣнія. Но слава Богу, что у меня есть этотъ неоцѣненный документъ; значитъ, у меня есть канва, по которой я могу выводить самые прихотливые, самые затѣйливые арабески.

Надеждою живутъ ничтожные умы, сказалъ покойникъ Гёте. И покойный мудрецъ сказалъ истину вполовину. Надежда свойственна и мелкимъ, и крупнымъ, и даже самымъ матеріальнымъ и положительнымъ умамъ. Это наша самая нѣжная, постоянная, до гробовой доски неизмѣнная, нянька-любовница. Она, прекрасная, и всемогущаго царя, и міроваго мудреца, и бѣднаго пахаря и меня, мизернаго, постоянно лелѣетъ довѣрчивое воображеніе, и убаюкиваетъ недовѣрчивый умъ своими волшебными сказками, въ которыя всякій изъ насъ та́къ охотно вѣритъ. Я не говорю—безотчетно: тотъ, дѣйствительно, ничтожный умъ, который вѣритъ, что на вербѣ груши выростутъ. Но почему не вѣрить мнѣ, что я, хотя къ зимѣ, но непремѣнно, буду въ Петербургѣ? увижу милыя моему сердцу лица, увижу мою прекрасную академію, эрмитажъ, еще мною невидѣнный, услышу волшебницу-оперу. О, какъ сладко, какъ невыразимо сладко вѣровать въ это прекрасное будущее! Я былъ бы равнодушный, холодный атеистъ, еслибы не вѣрилъ въ этого прекраснаго бога, въ эту очаровательную надежду.

Матеріальное мое существованіе я предполагаю устроить *та́къ* (разумѣется, съ помощію моихъ друзей). О живописи мнѣ теперь и думать нѐчего. Это было бы похоже на вѣру, что на вербѣ выростутъ груши. Я и прежде не былъ даже и посредственнымъ живописцемъ, а теперь и подавно. Десять лѣтъ неупражненія въ-состояніи сдѣлать и изъ великаго виртуоза самаго обыкновеннаго, ка́башнаго, балаганщика. Слѣдовательно, о живописи мнѣ и думать нѐчего. А я думаю посвятить себя безраздѣльно гравюрѣ *аква-тинта*. Для

этого, я полагаю ограничить свое матеріальное существованіе до крайней возможности и упорно заняться этимъ искуствомъ, а въ промежуткѣ времени дѣлать рисунки сепіею съ знаменитыхъ произведеній живописи, рисунки для будущихъ эстампповъ. Для этого, я думаю, достаточно будетъ двухъ лѣтъ прилежнаго занятія. Потомъ, уѣду на дешевый хлѣбъ въ мою милую Малороссію и примусь за исполненіе эстампповъ, и первымъ эстампомъ моимъ будетъ *казарма*, съ картины Теньера, — съ картины, про которую говорилъ незабвенный учитель мой, великій Карлъ Брюловъ, что можно пріѣхать изъ Америки, чтобъ взглянуть на это дивное произведеніе. Словамъ великаго Брюлова, въ этомъ дѣлѣ, можно вѣрить.

Изъ всѣхъ изящныхъ искуствъ мнѣ теперь болѣе всего нравится гравюра, — и не безъ основанія. Быть хорошимъ гравёромъ, значитъ быть распространителемъ прекраснаго и поучительнаго въ обществѣ, — значитъ быть распространителемъ свѣта истины, — значитъ быть полезнымъ людямъ и угоднымъ Богу. Прекраснѣйшее, благороднѣйшее призваніе гравёра! Сколько изящныхъ произведеній, доступныхъ только богачамъ, коптилось бы въ мрачныхъ галлереяхъ безъ твоего чудотворнаго рѣзца! Божественное призваніе гравёра!

Кромѣ копій съ мастерскихъ произведеній, я думаю, современемъ, выпустить въ свѣтъ, въ гравюрѣ *аква-тинта*, и собственное чадо — *притчу о блудномъ сынѣ*, принаровленную къ современнымъ нравамъ купеческаго сословія. Я раздѣлилъ эту поучительную притчу на двѣнадцать рисунковъ; они уже почти всѣ сдѣланы на бумагѣ. Но надъ ними еще долго и прилежно нужно работать, чтобы привести ихъ въ состояніе, въ которомъ они могутъ быть переданы мѣди. Общая мысль довольно удачно принаровлена къ грубому нашему купечеству, но исполненіе ея оказалось для меня не по силѣ. Нужна ловкая, мѣткая, вѣрная, а главное — не каррикатурная — скорѣе драматическій сарказмъ, нежели — насмѣшка. А для этого нужно прилежно поработать и съ людьми свѣдущими посовѣтоваться. Жаль, что покойный Ѳедотовъ не наткнулся на эту богатую идею: онъ бы изъ нея выработалъ изящнѣйшую сатиру въ лицахъ для нашего темнаго полутатарскаго купечества.

Мнѣ кажется, что для нашего времени и для нашего средняго полуграмотнаго сословія необходима сатира, только сатира умная, благородная. Такая, напримѣръ, какъ *Женихъ*, Ѳедотова, или *Свои люди, сочтемся*!, Островскаго, и *Ревизоръ*, Гоголя. Наше юное

среднее общество, подобно лѣнивому школьнику, на складахъ остановилось, и безъ понуканья учителя не хочетъ и не можетъ перешагнуть черезъ эту безтолковую *тму, мну*. На пороки и недостатки нашего высшаго общества не стоитъ обращать вниманія. Во-первыхъ, по малочисленности этого общества, а во-вторыхъ, по застарѣлости нравственныхъ недуговъ; кроткій способъ сатиры тутъ не дѣйствуетъ. Да и имѣетъ ли какое нибудь значеніе наше маленькое высшее общество въ смыслѣ національности? Кажется, никакого. А средній классъ — это огромная и, къ несчастію, полуграмотная масса, это половина народа, это сердце національности; ему-то и необходима теперь не суздальская лубочная притча о блудномъ сынѣ, а благородная, изящная и мѣткая сатира. Я считалъ бы себя счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, еслибы удался мнѣ такъ искренно, чистосердечно, задуманный мной безсознательный негодяй, мой *блудный сынъ*.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Мнѣ здѣсь года два тому назадъ говорилъ Н. Д—скій, человѣкъ стоющій вѣры, что будто бы комедія Островскаго—*Свои люди, сочтемся*, не дается на сценѣ по просьбѣ московскаго купечества. Если это правда, то сатира, какъ нельзя болѣе, достигла своей цѣли. Но я не могу понять, что̀ за расчетъ въ этой уступкѣ невѣжеству? Странная мѣра!

27 іюня.

Отъ купечества перехожу къ офицерству. Переходъ не рѣзкій, — — оно также принадлежитъ къ среднему сословію, съ тою только разницею, что купецъ вѣжливѣе: онъ называетъ офицера — *вы, ваше благородіе*, а офицеръ его называетъ — *эй, ты, борода*! Ихъ, однакожъ, нисколько не разъединяетъ это наружное разъединеніе, потому-что они, по воспитанію, родные братья. Разница только та, что офицеръ — вольтерьянецъ, а купецъ — старовѣръ; а въ-сущности—одно и то же.

Сегодня къ вечеру появились комары на огородѣ, и я, чтобы избавиться этихъ несносныхъ насѣкомыхъ, ушолъ на ночь въ укрѣпленіе. Но увы! Неумолимая Немезида преслѣдуетъ меня на каждомъ шагу. Избѣгая комаровъ, я наткнулся на шмелей... Съ подобающимъ почтеніемъ проходя мимо офицерскаго флигеля, я услышалъ новую для меня пѣсню, начинающуюся такъ:

Коврики на коврики
И шатрики на шатрики.

Далѣе я ничего не могъ разслышать, потому-что пѣвецъ слишкомъ густо забасилъ. — — Хозяинъ — — выбѣжавъ на площадь, не знаю для какой надобности, и увидя меня, вздумалъ оказать мнѣ небольшую услугу и покровительство, познакомивъ меня съ вновь прибывшими *лихими ребятами,* по его выраженію. Для этого, схватилъ онъ меня за рукавъ и потащилъ въ коридоръ. Вновь прибывшіе лихіе ребята сидѣли и лежали на разостланой кошмѣ — — живая сцена изъ *Двумужницы*, кн. Шаховскаго. Я, чтобы не дополнить собою такой группы, вырвался изъ объятій покровителя и выбѣжалъ на площадь — — — —

Записывая въ журналъ эту весьма обыкновенную въ моемъ положеніи траги-шутку, я въ глубинѣ души прощаю моихъ гонителей.— —

Сегодня ожидаютъ парохода съ почтою изъ Гурьева, и никто его не ожидаетъ съ такимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ, какъ я. Что́, если не привезетъ онъ мнѣ такъ долго ожидаемой свободы? что́ я тогда буду дѣлать? Придется — — знакомиться со вновь прибывшими — — Мрачная, — — перспектива! А если, паче чаянія, привезетъ эту лѣнивую колдунью—свободу,—о, какая радостная, какая свѣтлая перспектива! Иду въ укрѣпленіе и, на всякій случай, упакую въ *чувавъ* (торба) мою мизерію, авось либо и совершится.

28 іюня.

Совершилось, — только совершилось не то, чего я ожидалъ, — — Пошелъ я вчера въ укрѣпленіе, въ ожиданіи парохода, паковать свою мизерію и, ка́къ это обыкновенно бываетъ, когда человѣкъ ожидаетъ чего-нибудь хорошаго, то на этомъ хорошемъ и хорошіе строитъ планы. Такъ и я, въ ожиданіи вѣстника благодатной свободы, развернулъ коверъ-самолетъ, и еще одна-одна только минута— и я очутился бы на седьмомъ магометовомъ небѣ. Но, не доходя укрѣпленія, навстрѣчу мнѣ посланный за мною вѣстовой отъ коменданта.—Не пришолъ ли пароходъ?—спрашиваю я у вѣстоваго.—Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ онъ. — Какая встрѣтилась во мнѣ надобность коменданту?—спросилъ я самъ-себя, и прибавилъ шагу. Прихожу. И комендантъ, вмѣсто всякаго привѣтствія, молча подаетъ мнѣ какую-то бумагу. Я вздрогнулъ, принимая эту таинственную бумагу какъ несомнѣнную вѣстницу свободы. Читаю—и глазамъ не вѣрю. Это рапортъ на имя коменданта отъ К—ни о томъ, что я *не въ трезвомъ видѣ надѣлалъ ему дерзости* — — — —

29 іюня.

Широ́кий би́тий шляхъ изъ ра́ю, а въ рай—узе́нька сте́жечка, та й та́ колю́чимъ те́рномъ поросла́,» говорила мнѣ, еще ребенку, одна замиравшая старуха. И она говорила истину. Истину, смыслъ которой я теперь только вполнѣ разгадалъ.

Пароходъ изъ Гурьева пришелъ сегодня, и не привезъ мнѣ совершенно ничего, ни даже письма. Писемъ, впрочемъ, я не ожидаю, потому-что вѣрные друзья мои давно уже не воображаютъ меня въ этой конурѣ. О, мои искренніе, мои вѣрные друзья! Еслибъ вы знали, что̀ со мною дѣлается, на разставаньи, — вы бы не повѣрили, потому что я самъ едва вѣрю въ эти гнусности. Мнѣ самому это кажется продолженіемъ десятилѣтняго, отвратительнаго сна... И что́ значитъ эта остановка? Никакъ не могу себѣ и растолковать. Мадамъ Эй—тъ, отъ 15 мая, изъ Оренбурга, поздравляетъ меня съ свободой, а свобода моя гдѣ-нибудь съ дѣльцомъ-писаремъ въ кабакѣ гуляетъ. И это вѣрно,—вѣрно потому, что— — письменныя дѣла вѣдаетъ какой-нибудь писарь Петровъ, разжалованный въ солдаты за мошенничество. Та́къ принято искони, и нарушить священный завѣтъ отцовъ изъ-за какого-то рядоваго Шевченка было бы противно и заповѣди отцовъ, и правиламъ службы.

На сердцѣ страшная тоска, а я себя шуточками спотѣшаю! А все это дѣлаетъ со мною вѣтренница надежда. — —

Сегодня празднуется память величайшихъ двухъ провозвѣстниковъ любви и мира. Великій въ христіанскомъ мірѣ праздникъ! А у насъ— колосальнѣйшее пьянство по-случаю христова праздника.

О, святые, великіе верховные апостолы! еслибъ вы знали, какъ мы запачкали, какъ изуродовали провозглашенную вами простую, прекрасную, свѣтлую истину! Вы предрекли лжеучителей—и ваше пророчество сбылось: — — во имя ваше учреждали инквизицію и ужасное автодафе; — — во имя же ваше мы покланяемся безобразію и совершаемъ въ честь вашу безобразнѣйшую вакханалію.... Истина стара и, слѣдовательно, должна быть понятна, вразумительна, а вашей истинѣ, которой вы были крестными отцами, минуетъ уже 1857 годо́чекъ. Удивительно, ка́къ тупо человѣчество!..

30 іюня.

Чтобы придать болѣе прелести моему уединенію, я рѣшился завестись мѣднымъ чайникомъ. И эту мысль привелъ я въ исполне-

ніе только вчера вечеромъ, и то́ случайно. Къ тихому, прекрасному утру на огородѣ, прибавить стаканъ чаю—мнѣ казалось это роскошью позволительной. Съ самаго начала весны, меня преслѣдуетъ эта милая, непышная затѣя. Но я никакъ не могъ привести ее въ исполненіе по неимѣнію здѣсь въ продажѣ такой затѣйливой вещицы. Только вчера вечеромъ пошелъ я къ З—скимъ, и проходя мимо кабака, увидѣлъ оборваннинго, но трезваго, деньщика одного изъ вновь прибывшихъ офицеровъ, съ мѣднымъ чайникомъ въ рукѣ такой величины, какой мнѣ нужно.—Не продаешь ли чайникъ?—спросилъ я.—Продаю,—отвѣчалъ онъ.—Не *хапаный* ли онъ?—Никакъ нѣтъ-съ. Сами баринъ велѣли продать. Они думаютъ самоваръ завести.—Хорошо, я спрошу. А что́ стоитъ?—Рубль серебромъ.—Полтину серебра,—сказалъ я сколько могъ хладнокровнѣе, и пошелъ своей дорогой. Едва успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ деньщикъ догналъ меня и безъ торгу вручилъ мнѣ давно желанную посуду; а деньщикъ, получивши полтину серебра, отправился прямо въ кабакъ и черезъ минуту вышелъ изъ него съ штофомъ въ рукѣ, и направился прямо къ своей квартирѣ.—Туда и дорога!—подумалъ я. Проводя вечеръ въ сообществѣ Филемона и Бавкиды (такъ я въ шутку называю З—скихъ), по дорогѣ зашелъ я къ маркитанту, взялъ у него полфунта чаю, фунтъ сахару, и сегодня я, въ 4 часа утра, сибаритствую себѣ на огородѣ и вписываю въ свой журналъ происшествіе вчерашняго вечера, благословляя судьбу, пославшую мнѣ мѣдный чайникъ.

Собираясь *путеплавать* по Волгѣ отъ Астрахани до Нижняго, я обзавелся чистой тетрадью для путеваго журнала и пологомъ отъ комаровъ, которые неутомимо преслѣдуютъ путешественника отъ устьевъ Волги до самаго Саратова. Запасаясь этими необходимыми вещами, мнѣ и въ умъ не приходилъ мѣдный чайникъ. И вчера только—спасибо старику З—скому—онъ объяснилъ мнѣ важность этой нехитрой посуды во время плаванія на рѣчной водѣ, гдѣ необходимъ крѣпкій чай во избѣжаніе поноса, и просто для препровожденія времени, какъ онъ выразился въ заключеніи. И многимъ кое-чѣмъ совѣтовалъ онъ мнѣ запастись въ Астрахани на дорогу, но это все лишнее. Я отправляюсь, да не на пароходѣ, а на одной изъ барокъ, буксируемыхъ пароходомъ, просто отставнымъ солдатомъ.

Странно, что меня считаютъ здѣсь всѣ, въ томъ числѣ и З—скіе, темнымъ богачемъ. Это, вѣроятно, потому, что если я дѣлаю долги, разумѣется—ничтожные, то въ сказанный срокъ аккуратно ихъ выплачиваю, не прибѣгая къ помощи Израиля, и не закладываю послѣд-

ней рубашки, какъ это дѣлаютъ иные изъ офицеровъ. Когда я сказалъ З—скимъ, что весь мой капиталъ состоитъ изъ 100 р. ер., на который я, кромѣ дорожныхъ издержекъ, намѣренъ еще сдѣлать въ Москвѣ необходимое платье, то они въ одинъ голосъ назвали меня Плюшкинымъ. Я не нашелъ нужнымъ разочаровывать ихъ своей нищетою, и разстался съ ними какъ настоящій богачъ.

Странные старые люди эти З—скіе! Бездѣтные, старые, одинокіе, имѣютъ—обезпечивающее—даже прихотливую старость—состояніе, вздумали поселиться въ этой безводной, безплодной пустынѣ! И добро бы на отдыхъ: нѣтъ, онъ взялъ обязанность. Я думаю, что это необходимая потребность усвоенной въ юности физической дѣятельности, или просто, жажда къ пріобрѣтенію. Послѣднее, можетъ быть, только вполовину, потому что не замѣтно было скряжничества, нерѣдко сопровождающаго въ могилу одинокую, безпомощную старость. Она, т. е. З—ская, мнѣ очень нравится; это—добродушно улыбающаяся, гостепріимная, кубическая старушка, бывшая нѣмка, а теперь православная. Онъ тоже добродушный старикъ, но пренаивный и самый безвредный лгунишка. Напримѣръ, онъ очень простодушно, и каждый разъ съ новыми варіаціями, разсказываетъ, какіе онъ прошелъ мытарства, пока достигъ настоящаго званія. Происхожденіе свое ведетъ отъ какого-то короля польскаго, Сигизмунда, вѣроятно, третьяго. О ближайшихъ предкахъ онъ не упоминаетъ, равно какъ и о виновникѣ собственнаго существованія; дѣтство тоже покрыто мракомъ неизвѣстности. Первую часть юности провелъ онъ въ званіи домашняго учителя, у извѣстнаго табачника Анисима Головкина, въ Петербургѣ. И въ этотъ-то періодъ его жизни случилось съ нимъ таинственное происшествіе, которое разомъ поставило его на ноги. Происшествіе такого сорта. Однажды, ночью, на улицѣ, ему кажется, что на Литейной,—но за достовѣрность не ручается,—схватываютъ его два гайдука, сажаютъ въ карету, завязываютъ глаза, везутъ, везутъ, и наконецъ привозятъ прямо въ роскошнѣйшій будуаръ, надо думать какой нибудь богатѣйшей особы. Является, наконецъ, и таинственная обладательница будуара, вся въ дезабилье (собственное выраженіе), только лицо покрыто маской. Тутъ—таинственная любовь;—завязываютъ ему опять глаза, сажаютъ въ карету, провозятъ на то самое мѣсто, гдѣ взяли и одинъ изъ гайдуковъ вручаетъ ему пачку ассигнацій не болѣе, не менѣе какъ 20 тысячъ.

Долго онъ думалъ, какую основать будущность на этомъ незыблемомъ фундаментѣ и, хладнокровно отринувъ почести и злато, всту-

пилъ (внемля внутреннему призванію) въ скомный кружокъ поклонниковъ Мельпомены, гдѣ имѣлъ блестящій успѣхъ въ роляхъ Эдипа, Фингала, Дмитрія Донскаго и въ *Ябедѣ*, Капниста, къ несчастію не помнитъ, въ какой именно роли; но по проискамъ знаменитаго учителя Каратыгина, Яковлева, долженъ былъ оставить избранное поприще и вступить въ морскую службу, разумѣется—лейтенантомъ. Здѣсь онъ совершилъ плаваніе (два раза) вокругъ свѣта, и одинъ только разъ къ южному полюсу вмѣстѣ съ Лазаревымъ. И во время этихъ плаваній, онъ узналъ досконально, откуда добывается деревянное масло, неправильно называемое прованскимъ. Вотъ гдѣ его родина: между Ливорно и Сингапуромъ (удивительное знаніе географіи!) есть островъ Провансъ,—на этомъ островѣ Провансѣ растетъ огромное масличное дерево, изъ котораго и выпускаютъ масло, какъ у насъ, напримѣръ, весною изъ березы. Островомъ и деревомъ владѣетъ англичанинъ, французъ и италіанецъ, а мы и нѣмцы уже отъ нихъ получаемъ этотъ дорогой продуктъ.—Изъ корабля переселился онъ въ земскій одесскій судъ, неизвѣстно въ какомъ рангѣ. Тутъ онъ велъ жизнь отчаяннаго кутилы, попалъ въ сонмище *политиковъ* и былъ сосланъ безсрочнымъ арестантомъ въ крѣпость Измаилъ, гдѣ въ скоромъ времени сдѣлался правой рукой коменданта и, по стеченію удивительныхъ обстоятельствъ, былъ переведенъ въ городъ Астрахань, въ званіи квартальнаго надзирателя. Но щекотливыя иногда обязанности этого званія заставили его выйти въ отставку и принять званіе повѣреннаго въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.

К—ни, мой *покровитель*—не меньшій враль, но не такой безвредный и совѣстливый, завралcя однажды до-того, что назвалъ себя племянникомъ графа З—скаго и кандидатомъ дерптскаго университета. Чтобы разомъ озадачить и уничтожить дерзкаго лгунишку, З—скій разомъ махнулъ въ ротмистра лейбъ-гусаръ и въ ближайшіе родственники графу Г—чу. Знай нашихъ!

Несмотря на этотъ невинный недостатокъ, онъ все-таки добрый и наивный старикъ, а она также добрая, кроткая, невинная говорунья и немножко сентиментальная старушка; и я ихъ не иначе называю, какъ Филемонъ и Бавкида. Они получаютъ, вмѣстѣ съ Н—скимъ, Петербургскія Вѣдомости, я частенько приношу имъ съ огорода укропъ и петрушку и тому подобный злакъ, пью чай, прочитываю фельетонъ и выслушиваю волшебныя похожденія наивнаго Филемона, за что́ и пользуюсь полной довѣренностью Бавкиды.

НЕ БУЛО́ ЗМА́ЛКУ — НЕ БУДЕ Й ДО'СТА́НКУ.

I.

По десятому году я остáлась сиротóю. Бáтько й мáти па однімъ тижні помéрли, одъ якóісь промóрії, — да мáти ще й удýшливенька булá: булó усю ніченьку ссидить, усé бухікае. Батько изрáзу занедýжавъ — такъ и занедýжавъ; мáти пóслі захоровáла; дýмали, що вінъ скорішъ умре за мáтюръ, а бáтько ще, якъ мáти вмéрла, очýнявъ, встáвъ, на полý посéдівъ, плáкавъ на насъ глéдючи: (у мене́ ще сестрá и братъ були́ меньші мене́:), велівъ наварúть вечéрять — поминýть мáтюръ. Якъ вечéрявъ, — тільки й рéчи чýли. *Смéрти — не однéрти.*

Тілько й згадáю тепéръ про іхъ, що оцé булó ми, дітвóра, на печі́, абó тáкъ, захóдимось пустовáти, — зикъ такий сколóтимо, що хоть изъ хáти тікáй, — отъ мáти за деркáчъ, да до насъ прожóгомъ такъ и кипетця, — ми й втихнемъ; одійшлá до пéчи — ми й зновъ за своé. Нехáй же булó бáтько тілько озвéтця, гóлосъ подáсть, — ужé й не телéхнешъ. Тільки й зазнáю про іхъ. Ще булó, оцé, бáтько пійде въ гóсті въ Бáхмачи, неділю прохóдить — байдýже; бо вінъ тільки жáловавъ одного Олексáндрика: «сей,» кáже, «мене́ хлібомъ догодýе;» такá бъ то дýмка: — сі́ дівчáта — чужá корúсть, покúнуть, ростечýтця, — а хлóпець при ёмý бýде, стáрости доглéдить. А мáти всіхъ однáково жáловала: булó що-субóти позмивáе и поросчісуе гóлови, сорочкú чистéнькі понадівáе, комірú булó повишивáе, — а мені, разъ-колúсь, тілько присцёбала, бо сéрдилась.

Мáти булó якъ зірвéтця хочъ на одинъ день кудú, — Бóже мій! нудимъ світомъ, вибігáемъ ій пазýстрічъ, гукáемъ, прислухáемся до її гóлосу, — примівъ би всіхъ птúць изъ гáю порозганявъ, щобъ не щебетáли, гай би вúвернувъ зъ корінне́мъ щобъ не шумівъ; ýши

насторо́шимъ да й слу́хаемъ, чи не кашляне́, чи не йде́ ма́ти: ска́зано — *ма́тюръ не купа́ти, не заслужи́ти*... Оце́ було́ йде́ да й кашляне́ — не ду́жа була́: біжимо́! «Ма́мо, ма́мо!» опадемо́ ії, улі́пнемъ, якъ му́хи до ме́ду; що́ зро́бимо — хва́лимось... Бо́же, які́ ра́ді! Я мала́ була́; нихто́ вже́, якъ я, було́, мату́сі дожида́юсь,— якъ оповесні ла́стівки! Жду, пожду́, а послі біжу́ гаями цілу верству́ ій назу́стрічъ. Разъ була́ ажъ заблуди́лась блука́вши; а тутъ зірва́лась фу́га така́. вітеръ, до́щъ ставъ накрапа́ти, — такъ те́мно въ лісі зроби́лось, наче воронне́ на до́щъ ску́пилось; лісъ шуми́ть, зме́рзла я — такъ мене́ й бье́; коли́жъ нагоди́лись ночліжники, що зна́ли батька, — такъ мене́ й зібра́ли на коня́; ве́рхи їхали, взяли́ мене́, посади́ли, у мішо́къ угорну́ли: та́къ и довезли́ до до́му. Оце́ було́ якъ ма́ти куди́ пійде, то ба́тько требува́въ, щобъ ми у ха́ті сиділи, а я не всижу, біжу́ вслідъ, шука́ю, а ба́тько й вийде: огля́нусь — вінъ за мно́ю, ба́чу неподале́ку зру́блену бере́зу, я й прихилю́ся на́че сплю...

Якъ ба́тько й ма́тюръ поме́рли — бігали ми до́вго на мо́гилки,—ту́жимо; ище́ такъ бли́зько лежа́ли — въ вишне́вому саду́, коло ха́ти. Кли́кали й ба́тька й ма́тюръ, дакъ не йду́ть!... не докли́чесся вже́! Сама́, коли́ ни пійду́-було́, дакъ пла́чу. Все зга́дую, якъ ма́ти було́ намъ ка́же: «Діточки, *запобігайте світа, поки слу́жять літа:* коли́ я посвару́сь, або́ ба́тько, то не на́ ли́хо, а на добро́ вамъ, для ми́ру васъ готу́емъ, а тамъ усе́го спітка́етця»... Ба́тьку поста́вили хрестъ, а ма́тері й ні. Ма́ти попе́реду вме́рла да й хреста́ нема́! Пройшло́ вже́ те давно́, а се́рце щими́ть и до́сі якъ згада́ю. Гірко було́ безъ матері жить; счасли́ва моя́ сестра́, що Богъ ії прия́въ ра́но. Всяке пе́стить по сво́ему: нема́ надъ чоловіка, нема й надъ ма́тюръ, нема й надъ дити́ну. Якъ сю тро́йцю поло́жимъ, то хочъ и самъ живи́й заривайся въ зе́млю: ні роди́ни, ні до́брої годи́ни тогді нема́. *Се не те́, що мете́, а те́, що зве́рху йде́.* Що зглянe дити́на, то вже́ не згля́нуть такъ чоловікові; що погля́не ма́ти, то вже́ ніхто́ въ світі такъ дру́гий не погля́не. Тепе́ръ тільки мое́і и втіхи, що дити́на: и світъ би мені не світи́въ, и зо́ри не ся́ли, якъ би не воно́.

По́слі сме́рти батька й матері, взяла́ мене́ до се́бе дя́дина замісь дити́ни. Вона́ була́ одино́ка и замо́жня, скри́ні не причиня́лись одъ того́ добра́: усе́ поспо́внёвано.—Усе́,—ка́же,—Зіню, тобі бу́де. Дай Бо́же мені тільки здоровья тебе́ ви́кохать, доро́зуму довести́...—Я підійма́юсь.

Вона мене почала прихороше водити,—було між дівчатами такъ и зорію. Плахти, знаете, все хороші, картацькі, старосвіцькі; запаски все зъ розводами, якъ по писанці, що неділі то й уберé. Я її шановала за матюръ. Такъ мені любо й весело. Підлітки мої подруги коло мене, якъ бжоли кругомъ квітки, опадуть. Вони мене люблять а я—іхъ; гуляемъ-було; проти Духа, у насъ такъ гарно колиску вішають, парубки ключинъ чотирі вирубають, уживками звяжуть да батогивъ два, да на батоги привьяжуть дошку да й гойдаютця и веху вьють. Колесо надінуть, квітками вберуть, любисткомъ, чорнобривцями и поставлять на майдані де улиця дівчача; чередъ иде,—вони ще гуляють, пісень співають; хто іде, такъ и кажуть: краса яка!... И тутъ дівчата не поленовались: підмічаемъ було за дівчатами, за парубками, хто съ кімъ покохаетця, — жартуемъ було; підмічаемъ тожъ на музикахъ, котрі лучше до танцівъ, и собі у кутку учимось. Примічаемъ у кого яка мережка, у кого які стёнжки въ косахъ. Посядимо було усі рядомъ, лузаемъ сімьечко и йде між нами своя весела беседа!.. А у танець, поміжъ дівчатъ и парубоцтво, іще не пускались... Було, на мої намиста, запаски, личмани заглежуютця и дівчата й молодиці и роспитують про дядину, чи вона мене уже зовсімъ за дитину взяла, чи такъ?,... про її добро. «Гмъ, щаслива,» — кажуть на мене: — «се все їй буде! теперъ, кажуть, да якъ рядить! якъ вишню... За писаря, або за якого міщанина, еднае.» А я—хі-хі! да й захилюся за кого-небудь. Я объ сёму ще й не думала: мені тільки весело, та любо... Усе весело, усе кругомъ мене мовъ всміхаетця! Хрущъ гуде надъ ухомъ, олёнка... а мені—що твій соловей... Сказано—пьятнадцятий годъ постигъ, не мала ще горя... а старе—глибше запало, дитиною ще пройшло... На Великодні святки — чого у мене нема! самими писанками обмінююсь було, якъ христосуюсь съ подругами. Уберé було мене дядина, въ дрібушки поплете, стёнжки до кірокъ попустить, — тілько квітки робленої було ще надівать не дае. «Порано ще,» каже, «небого: ще вигуляйся, підіймись на кірхъ, — тогді й квітки и въ танець дозрівши, а то що! не роспуковкою ходити: не на тебе будуть дивитьця, а на твою квітку.» — Я було стёнжки понадкроюю, дівчатамъ пороздаю; разки понадниізую, такъ би все й розділилась зъ ними. А послі було й сама признаюсь дядині, що надполовинула, а дядина вже сёго—ні... «Я,» каже, «копила, не руки склавши, а ти его марне поростриінькуешъ... а мені ажъ на шиі важко.»

II.

Отъ, на Вели́кдень, пішла я, зъ сусідомъ и зъ по́другами вгурті па́ски святи́ти. У насъ и поросѧ́ и са́ло, й ковба́си: спасибі Бо́гу, усёго́ було́. Привезли́, — поста́ли на цви́нтарі: я по́ручъ зъ своімъ сусідомъ,—вінъ на своімъ во́зі й привізъ, бо моѧ́ дѧ́дина на хазѧ́стві зоста́валась. Изъ ворітъ на цви́нтаръ лю́де та́къ и точѧ́тця, якъ бжо́ли зъ у́лля, съ паска́ми; ажъ ду́шно зроби́лось. Круго́мъ лю́де у два рядѝ поста́ли рѧ́сно, мовъ квіто́къ хто рядо́чками насажа́въ, тільки поміжъ пропусти́ли попу́ съ причётомъ пройти́; почали́ зъ рушниківъ усѧ́чину вивьѧ́зовати, и коло́ ме́не хто́сь по пра́ву ру́ку ста́въ, да я й не оглѧ́нулась: са́ме піпъ изъ це́ркви зъ причётомъ ви́йшовъ и поча́въ кропи́ти, иде́ рядѧ́ми да всё кро́пить, а тутъ за ни́мъ вслідъ ти́таръ про́скури кла́де́, а одъ ми́ру одбіра́е крашанки́, ѧ́блука, пьѧта́чче.

Порівнѧ́лись изо мно́ю и одъ мене́ одібра́ли, я й гро́ши подала́; підійшли́ й до мого́ сусіда, що по пра́ву ру́ку, — ажъ и взять-то нічого. Па́сочка пшени́шна мале́нька, са́ла шмато́къ, па́ра крашанокъ и хріну корінчикъ. У мене́ ажъ тёхнуло. Зглѧ́нула я, — ажъ Бо́же жъ мій ми́лий! Па́рень, якъ квіта, стоітъ, — тільки вро́да ёго́! Взявъ ти́таръ кра́шанку, поде́ржавъ у руці, подиви́всь на ёго́, да й положи́въ наза́дъ мо́вчки. Ба́чила я сёго па́рубка на музи́кахъ и всё дивова́лась, чомъ вінъ не йде у тане́ць, чомъ вінъ не жениха́етця? Горди́й, думаемъ... пиша́етця-ѧ́къ своёю вро́дою... и па́ри собі не подбере́. Статніший одъ усіхъ, молоди́й и худорлѧ́вий; чорноу́сий, смуглѧ́вий, о́чи якъ тере́нъ, и ку́чері по ёму́. Тільки на ёго́ й дивова́лась, — а то й байду́же. Дівча́та ка́жуть: и той га́рний и той бага́тий,—я на те́ й не вважа́ла; тільки тепе́ръ ски́нула очи́ма, що усі-то въ си́ніхъ жупана́хъ, якъ воло́шки въ жи́ті синіють, а мій — въ таки́й день въ сірачи́ні, да тільки вро́да ёго́ го́рда й пи́шна все зкраша́е,—мовъ місяць надъ зо́рами... Стоітъ вінъ зо мно́ю по́ручъ. Мені ажъ жа́рко ста́ло, да такъ щось одъ са́мого се́рця и покоти́лося: и жаль мені чого́сь и кого́сь, и сама́ не зна́ю; и ве́село й не зна́ю — куди́ мені о́чи свої повести́? хочъ я й поведу́ іхъ куди́, до все рі́вно — нічо́го не ба́чу й не чу́ю. Хотілось би на ёго... дакъ ви́ замигтѧ́ть - замигтѧ́ть — и не зглѧ́ну, якъ на со́нце... Такъ и чу́ю, якъ кра́ска мені шиба́е вго́ру, ажъ у о́чи наллѐтця, да й опу́ститця... Одхлѧ́нуло; я—зі́ркъ: про́ти ме́не

стоя́ть зъ паскáми, а я й забу́ла де́ я: спасибі імъ, и не ди́влятця на ме́не. Я хусти́ну ви́няла, уте́рлась; стáла затикáти за запащи́ну, ру́ки трясу́тця — не заложу́, да й упусти́ла; вінъ нахили́всь мені підійма́ти, а я й собі,—да якъ ски́нулись зблі́зька очи́ма, такъ я й до до́му приіхала зъ паскáми, нічо́го не ти́мивши.

Дя́дина насъ зустріла: «що́ се́ ти, моя голу́бко, якъ по́вна ро́жа розцвіла?..» А я й сло́ва не промо́влю. «Охъ, чи не нагля́нуло тебе́ що́?» Соро́чку мені за́разъ навиворотъ наділа. Я горіла ажъ два дні,—тільки кри́шечкою па́ски розговілась и то дя́дина ублагáла: «мо́же,» кáже, «одъ свяче́ного поду́жчаешъ;» а то й рісочки не було́ въ ро́ті.

Зъ того́ ча́су вінъ уже й на віки зостáвсь у моéму се́рці, зъ тоéі годи́ночки якъ зглянулись зъ нимъ на цви́нтарі. Вінъ мій, мій! Усé мені стáло немило; ёго́ хо́чу бáчить, — не дя́дину, не дівчáтъ... ёго́!.. сі́ру убо́гу свити́ну, ку́чері... Якъ би кри́ла—поленýла бъ до ёго зозу́лею, ковáла бъ, визивáла бъ его́: да куди́ жъ?.. У людéй би роспитáла — да я́къ же ёго́ величáти?.. Бо́же жъ мій! сіра свити́на, чо́рні ку́чері, да й тільки: — не врозуміють... да оцé бъ то імъ и сказáти?... Самá зпе́ршъ надивлю́ся, самá... нікому не скажу́ про ёго́, — бу́ду ду́мкою жи́ти...

III.

Прихо́дять дівчáта, кли́чуть на музи́ки, — я тільки на тре́тій день пішлá. Підхо́димъ до ши́нку; на гáнкахъ такóго нарóду зібрáлось, — музи́ка у сіняхъ гуде́, дівчáта кругóмъ однá за однiéю якъ у́тки пливу́ть. Я — ти́ць на порігъ, а о́чи зáразъ и зустріли, чого́ бажáли. Я ні туди́, ни сюди́; дівчáта на мене́ зза́ду: «що́ ти прикипіла? йди́ шви́дче;» а мене́ но́ги не несу́ть. Си́лою гу́рьба допхáла. Прийшли́, посіли. Усі гомоня́ть, — музи́ка такъ и ріже *гóрлиці, журавля́;* бу́бонъ гуде́; а у мене́ въ очáхъ усé верти́тця. Дівчáта на ме́не гукáють, — я не чу́ю; котрáсь мене́ схибну́ла за плече́: «що́ це ти, Зінько? не зду́жаешъ, чи що́? Оцé хтось нагля́нувъ, або ти ступи́ла въ такé місце де злá чоловічина не до́бре поду́мала... Оглу́хла?!» Тутъ молоди́ці підійшли́, — кáжуть, «чи не переполо́хъ, — що пойти́ бъ до Золотари́хи — вонá до́бре вміе вилиβáти,—усé роскáже — съ чого́ стáлося и чи́мъ лічи́ти одъ якóі хоро́би.» Люде почали́ потро́ху збірáтись коло́ насъ, а я всé горю́.

Бідкаюсь, на що міжъ люде пішла; — дакъ и тожъ біда, — єго не побачила бъ; а тимъ часомъ за мною поміча́ють. Дивлятця на мої щоки, да добре що не знають, що серденько моє мені каже: а въ єму такъ и розливаєтця мовъ у котлі, такъ тобі и болізько и любо... Прийшла додому, — не весело мені, не знаю за що взятьця, світъ мені не милъ. Дядині бъ одкрить усе, дакъ не хочетця: здаєтця не такъ зглядне, якъ я, на єго. Хожу наче впустці, нянчусь зъ своімъ серцемъ, да все одна думка: якъ би мені єго побачить, якъ би мені провідать, де вінъ живе, якъ єго зовуть. А тутъ дядина усе коло мене клопочетця. «Нічого, тіточко,» кажу їй: «се мене собаки налякали. Я дужа, зовсімъ дужа.»

Вийшла увечері, сіла на призьбі: такъ вінъ въ моіхъ очахъ и увиджаєтця! Якъ же мені провідать, никому не казавши? Згадала я, що молодиці про ворожку Золотариху казали. «Пойду жъ,» думаю: «що Богъ дасть. Хай вона мені скаже, хто то и де вінъ; да якъ» згадаю и про дядину, що її морочу — правди не кажу, — то ажъ серце мое заболить: такъ мені жаль стане. Думаю собі: скажу їй, — а послі зновъ — ні. Тільки Золотарисі одкрию: й тожъ лихо! Якъ же я прихилюся послі до дядини, котра мені за матюръ стала? Сижу, а серце такъ у мене колотитця; припала я на холодну призьбу, ажъ стогну, метушуся. Боже жъ мій! Боже жъ мій! колибъ хочъ разъ поглянуть на *єго* безъ людей! Одну годиночку, одну хвилечку... А тутъ соловьі душу дотинають: вмерти мені не хочетця и жить мені нудно. «Мовчіть,» кажу собі, «соловеечки; дайте трохи душі утихнуть, а то вистановитця... Охъ, щобъ не затхнутись одъ тієі муки!» А дядина одсунула кватирочку, почула, й почала гукати: — Зінечко, Зінечко! се ти, моя крішко, такъ стогнешъ и розмовляєшъ? съ кімъ се ти такъ... зъ зорею вечірнею, чи що? —

У мене й духъ занявся... що се я наробила!

— Ходи сюди, моя доне... Що це на тебе пригодонька? Завтра пійдемъ до Золотарихи, — нехай вилле. Вона всю правду скаже. Колись мені виливала якъ я ногу звихнула: я то колись въ гарбузовій гудині заплутавшись упала; болить нога да й болить, а хто єго знає й чого, які ліки прикладати?.. Иди въ хату, серце. Коли бъ якъ переждати нічъ: уже пізно, моя дитино; я прилягла да й заснула, послі вечері. А ти й не входила и въ хату досі? подивись на зорі: уже на світъ займаєтця. —

«Дядиночко, дядиночко!» кажу́, да й сло́ва більшъ не промо́влю: та́къ се́рце розходи́лося.

— Що́ тобі?—

«Нічо́го. Ай!...»

— Да таки́ що́ жъ, моя́ квіточко?—

«Ту́тъ щось,» кажу́, показуючи на се́рце. Не вмію гара́здъ и росказа́ти—що́.

— Ну́дно? — ка́же.

«Ну́дно.»

— Ля́жъ. —

Лягла́ я; скропи́ла вона́ мене́ свято́ю водо́ю, уложи́ла спа́ть, — сама́ до́вго не спа́ла, да й я — ні.

IV.

Вста́ли ра́но; дя́дина скоре́нько спорядила мене́, — ми й пішли́ до Золотари́хи. Вилива́ла вона́, зъ во́ску, два́ ра́зи: такъ и запливе́ й стуманіе. Золотари́ха ажъ головою покру́тить и якось ніби жа́лібно на ме́не зглянe. У тре́те взяла́ да й вилила изъ са́мого о́лива, да тогді й ка́же: «дивітця по прекмѣтамъ, чи не вгада́ете чого́?» Я зглянула да на́че на доло́ні все ба́чу. А дя́дина моя́ толку́е: — Ото́, що на́че ко́пи здаютця, то паски́ розста́влені, — тамъ ії й нагляну́то. — А я ще й більшъ добача́ю: — що ми схили́лися, и якъ вінъ мені ху́стку подавъ, — а ій здаетця — то́ ті соба́ки, що мене́ налякали — зіпьялись, гризу́тця. А Золотари́ха на мене́ зглянула: — а тобі що́, до́ню, — ка́же, — здаетця? — Я такъ и зарділась, да й кажу́: «соба́ки.» А вона́: — Ні: то́ — па́рень, моя́ голубко, тобі до ніг уклоняетця. — Готу́йся, — ка́же моїй дядині: — скоро старости́ завіта́ють у ха́ту до твоеі небоги, хоть ище й ра́но, до-пори́. И тебе́, моя́ до́ню, нагляне не одно́ парубо́цьке о́ко и зза сёго бу́де твоїй молодій голові бага́то ту́рбу... Що мо́жна, то одведу́, — а чого́ не мо́жна, то й дури́ть, мое́ серде́нько, не ста́ну. Се тільки втре́те мені довело́сь на віку́ тру́дно вилива́ти, а то — одра́зу: хочъ и во́скомъ, то все якъ намолюетця. —

Да й ви́слала дя́дину у дру́гу ха́ту. А мені: — ляжъ, — ка́же. — Я лягла́. Вона́ налила́ у стакане́цъ води́: навхрестъ наліпи́ла до стака́на чотирі страсні свічки, и запали́ла. И ста́ла диви́тьця у

во́ду, а послі поклóни покладáти; да изнóвъ погля́не у во́ду да й изнóвъ кладé й хрестú й поклóни велúкі. Пóслі подéржала менé за пья́ти, пошептáла щось и сплёвáла; послі притулúла рукóю до очéй, до сéрця, и почалá знóвъ молúтись, а послі звелíла менї подýть на свічки и напúтись тіéї водú. — Голýбко моя́, — каже: — жаль менї тебé. Ти, — кáже, — ще дитúна, а сéрденько твоé ужé заня́те, якъ голýбка зъ гнізда вúпурхнуло. Попонóсисся ти зъ нúмъ, — бодáй не казáти!.. Ось же щó: Дождáвши неділі, встáнь врáнці, рáно-рано, й пойдú до кринúці, возьмú непочáтої водú и не оглядáючись повертайсь до-домý, пійди до цéркви, и якъ дочитаютця до *Иже Херувúми*, обійди зъ тіéю водóю кругомъ цéркви три рáзи. — «Дóбре,» кажý, «бабýсю.»

Ввійшлá я у другу хату, до дя́дини, и усé ій росказáла: дядина подалá Золотарúсі на станóкъ полотна и кóпу грóшей. Тільки жъ Золотарúха не взялá: — Якъ помóжетця, тогді, — кáже, — й принесіть; вкýпі хліба й сóли перекýсимъ. Я не изза-грóшей пóмічъ людямъ даю, а изъ лáски. Я рáда, що дя́кують лю́де и кáжуть, що помогáетця. А ми всі рівні, у Бóга все едúні діти. —

Отъ и пішлá я изъ дядиною до цéркви діждáвшись неділі и пля́шечку зъ водою взялá. Передъ тимъ, якъ співать *иже херувими*, я й вúйшла изъ цéркви. Отъ, идý, обійшлá разъ кругóмъ да й дýмаю: «чи дóбре жъ то менї бýде, якъ я оджену́ отý любу мою́ тýгу одъ сéрця, и не побáчу ёгó? Чи йти́ менї вдрýге, втрéте, чи нї?»

Зупинúлась трóхи й мірку́ю. Постóяла, подýмала: «не пійду більшъ... Лю́бо за мúлого и потужúти.»

Рýхнула щобъ итú до церкви... Бóже мій! лéдві зъ нігъ не збила: вінъ передо мнóю! якъ изъ водú вúрісъ. Потýпилась, стою: ні туди́, ні сюди́, мовъ окаменіла. А вінъ—такъ до мéне: «Світе мій, світе мій,» кáже. «Ти менї світъ завьязáла. Погля́нь на мéне, моя́ гáлочко, ще разъ, якъ тогді... світъ менї знемúлила... Стáньмо сюди́.» Взя́въ менé за плéчи, одвівъ трóхи въ бокъ: (бáчте, селó кругóмъ, лю́де щобъ не наглéділи, а то скáжуть—«малá, ще підлітокъ, а вже спізнаéтця, й молúтву покúнула:) я йду́, — слýхаюсь... зглянула на ёго. А вінъ изнóвъ: «рибчúно моя́, замóвъ менї однó словéчко... однó... чия́ ти? я́къ звать тебé?» Я трушýсь: казáла бъ, да устá не мóвлять; дивлю́сь на ёгó, упивáюся, й сóромно менї, и вінъ зъ менé очéй не зведé. Обвівъ рукóю кругомъ плечéй, дúшимъ однúмъ дýхомъ, щóки нáши ажъ пáшуть... Вінъ зхилúвся, бо висó-

кий, а я ще недолітокъ: дивимось, дивимось мóвчки, дивимось въ вічи однó другому, ажъ хтóсь зъ дзвінкóмъ по шляхý пронісся, — ми й розійшлись, не промóвивши ні слóва... Сіла я у цéркви на рундукý, пóки люде стáли вихóдить. Дорóгою казáла дядині, що въ менé головá розболілась у цéркві,—дýшно, дакъ я й вийшла. Прийшли до дóму; дядина мені и тé и сé,—розмовляе, а мені світъ немилъ,—такъ мені нýдно, що усé перебивае мені думать про ёго; а тутъ незабáромъ біжáть дівчáта на музики кликати йти. А, Боже жъ мій! щó мені казáти? постережýть якъ скажý, що не хóчу йти. «Погуляйте жъ; згóдомъ пійдемо»... И дядина такú кáже: трéба ій юпчину другу зодягти и грóшей припасти на маковникі, дó-що. «Дядиночкó,» кажý: «достáньте зъ скрині всé;» а самá зъ хáти, да за двéри; въ сіняхъ стáла, закрилась рукáми, и ýши затулила, й óчи заплющила щобъ ніхтó не полóхавъ; одвернýлась у кутóкъ, та й думаю... Одвелá трóхи дýшу; ввійшлá въ хáту, прибрáла менé дядина и провелá насъ ажъ у сіни за двéри, ще й подивилась вслідъ—якъ-то мені. Идемó дорóгою; а нудьгá жъ якá йти між люде! я бъ теперъ у лёхъ забрáлась, у гай густий, щобъ тільки про ёго думать. «Ай, постойте,» кажý, «стриці! нóгу підколóла. «Шкитильгъ, шкитильгъ:» ні, не пійду шкитильгáючи між люде,—вернýсь»—и вернýлась. Дядина трóшки злякáлась, а пóслі й нічóго: пообідала й лягла спáти. Мені й істи не хóчетця,—кажý: «дівчáта насіннемъ, дó-що, нагодовáли.» А вонá дýже й не домагáлась: — Да и мені щось нá душу не йде; мáбуть тогó, що пóрано встáли. —

Дядина заснула,—я й пішлá блукáть по дворý, по горóду. Журýся, що дурнá булá—не поспитáла, дé вінъ живé и хтó вінъ?... А устá мої горять... листечко рвý, притуляю до гýбъ,—тáкъ и скипить, и скипить! Журýся, никáю, серденько ние... а й любо жъ якъ!.. Сóнце сяе, соловьí... ажъ лісъ розлягáетця,—вишнéві садú всміхáютця... квіточки, якъ зірочки, понасторóшовались,—усé пригортáла бъ да свогó сéрця, усé бъ цілоáла! Прийшлá до берéзи, сокъ тóчитця, пить хóчу, да й не пью: щóки пáшуть, я—гиллечка молодúхъ берізокъ въ жмéню зберý да притýлюю щобъ прохолóли, огортáю собі шию. Здýмаю, якъ вінъ менé такъ обняв; чýю ёгó, бáчу—якъ стоіть зо мною, якъ дивитця,—хóчу крикнуть, назвáть ёго да й не вмію. Сéрце мое, сéрце мое!... Дýмаю:—якъ не побáчу ёгó сёгóдні,—побіжý селóмъ, буду кричáть, бýду звать когó-нébудь, а, мóже, й вінъ вирне...

Ой Бóже, Бóже, колú той вéчіръ бýде!...

Ой видсіль туди́ пішла—поіхала
Любая розмо́ва...

и моє́ се́рце несе́тця вслідъ. Ось изновъ ставъ коло́ ха́ти на лісі, ша́пку зня́въ... чи ба́чить-то вінъ мене́? Я пізнаю ёго́, да вро́ди ёго́ не ба́чу,—каріхъ оче́й ёго́: зни́къ и нема́, й нема́... Тепе́ръ же я зна́ю, де́ вінъ живе́!

VI.

Верну́лась я въ ха́ту,—та́къ мені ве́село,—ажъ всміха́юсь, и землі нога́ми не сяга́ю,—такъ би й ки́нулась дя́дині на ши́ю и всю бъ щи́ру пра́вду росказа́ла. Дя́дина не спа́ла вже, тільки лежа́ла. Я ввійшла́; вона́ й ка́же:—скуча́ешъ, моя голу́бко а що́, чи ска́бку ви́няла зъ ноги́?—«Уже́,» кажу́: «тільки трошки боли́ть.»

Вста́ла вона́, погомоніла, по́тімъ заходи́лися вече́рять: ілось намъ обо́мъ такъ сма́шно; посе́діли ще у вікна́, послу́хали соловьівъ, що зъ га́ю ажъ луна́ по зорі йде́. Наша ха́та була на ви́гоні и лісо́къ у боку́ понадъ доро́гою недале́чко: и въ огоро́ді на бере́зі свищуть соловьі, и де́сь у кущі щебета́въ... послу́хати лю́бо! Місяць зійшо́въ, світить—пливе́ по не́бу, хмарки леге́нькі, якъ серпа́нокъ, коли́-не-коли перепина́ють ёго́; у селі почало́ стиха́ти; тільки де-не-где́ воро́та заскрипля́ть, звідъ здійметця; ове́чка замке́че; пісню зти́ха хто, додому верта́ючись, заспіва́е; а да́лі все ти́хше, ти́хше, и пилъ надъ доро́гою ста́въ осяда́ть; роса́ спа́ла; свіжий пахучий вітере́ць повіявъ, ути́хло все́—тільки соловьі ще ду́жче перекликались и се́рцю мойму́ наче одъ мого́ лю́бого звісточку передава́ли: «мо́же й вінъ тепе́ръ,» думаю, «слу́хае,—може й вінъ зо́рі лічить и мене́ зга́дуе.»

— Хто?—дя́дина пита́е... А я—якъ стрепену́лась!—Що́ се ти? задрімала?! Ля́жмо спа́ть,—годи́на вже́ и мені щось позіха́етця.—

Полягали спа́ть на полу́; я підкоти́лась до дя́дини, почала́ її пригорта́ти, цілова́ти. «Дя́диночко,» кажу́, «я покоха́ла...» да й не домо́вила: хотіла призна́тьця, що покоха́лась, а послі́ прищу́лилась до її, да такъ уже й не просина́лася до світа. Уранці вста́ла, причипури́лась; хожу́ по горо́ду, підкочу́ коло́ду до ліси, зіпну́сь,—усе́ на ту ха́ту, усе́ туди моя́ душа́ рве́тця! А гара́здъ, що я зна́ю, у якій стороні вінъ живе́! се́рце що годи́ни заходомъ бьетця—не ді-

ждусь ёго́. «Ну,» думаю: «до ся́къ до такъ, до ве́чора буду жи́ть, а въ вечері мій миленькій прибіжи́ть; усе надією жила́. И дя́дина при́йде, на село́ погля́не,—ду́мае, що й я того́ дивлю́сь:—хто про́йде, проіде,—доро́га до міста ми́мо насъ поля́ми постягла́сь... День мені го́домъ зда́вся,—нема́ ёго́! На другий, ще́ тре́ті півні не заспіва́ли, я уже́ схопи́лася, біжу́—нема́ ёго́... не чу́ть!... стою, дивлю́сь... тільки верба́ коло́ ёго́ ха́ти коси́цями рясни́ми тремти́ть, темни́мъ стовбо́мъ ди́мъ пішо́въ зъ ёго́ бо́вдура, незаба́ромъ звідъ звівся вго́ру и зно́въ опусти́вся... «Хто-то ёму́,» ду́маю, «ха́ту зато́пивъ, води́ці вити́гъ?..» Нема́ й нема́! Оце́-то! кому́ ща́сте, тому й до́ля! И ве́чора діжда́лась и спа́ти лягла́ жу́рячись... Мо́же насмія́вся... Коли́бъ була́ не люби́ла, го́ренька бъ не зна́ла, —такъ—ні!..Побі́гла бъ по ёго́ сліду стежка́ми, перела́зами,—да снаги́ нема́ю, па́че мені світъ завьязано, хмели́ною но́ги спу́тано, о́чі заснічино. Де́ ща́сте, та́мъ и ворогъ: мо́же люде що́ наколоти́ли? не стра́шно соба́ки, а звя́ги его́. Тиня́юсь по за́куткамъ... Та́къ пройшло́ изъ неділю, ру́ки опу́сти́ла... якъ водо́ю зми́то—нема́ й нема́!.. Тільки й рідного, здае́тця, що те́ містечко, що ми сиділи, та ліса, де́ ми размовля́ли. Вже й на дру́гій ти́жденъ поверну́ло якъ ёго́ не ба́чила...

Ве́чоръ на дворі; дядина заходи́лась лягати спа́ть, и я вже́ розбіра́лась, ажъ що́сь бурти́сь въ горо́дъ, бурти́сь, а послі ліса трісь... у мене́ й у души похоло́ло: «чи не вінъ се», ду́маю. Я такъ до віко́нця підійшла, мовъ що беру́ на ла́ві: ба́чу, тінь до́вга постягла́сь по зеле́нихъ грядка́хъ; въ серце мене́ заколо́ло... Я—зъ ха́ти, дядина ще й заверну́ла:—надінь, до́ню, корсе́тку;—я ски́нула на пле́чи що похватніше, й ви́бігла не о́бзиръ на горо́дъ, ста́ла коло́ ха́ти да й мі́мрю:

Ой чи се той Мики́та,
Що на о́пашку сви́та?
Підъ віко́нцемъ зогну́вся,
Чи не вийде Мару́ся?

Тільки що почала, вінъ до мене й обізва́вся:

— Мой? — ка́же.

— «Твоя», да такъ и при́снула до ёго. Я по сей бікъ ліси стою, вінъ по той. — Тутъ ви́дно, — ка́же.

Ми поступи́ли такъ щобъ тінь зза бере́зи не була́ ви́дна.

«Де́ ти бувъ, моё се́рце?»

— Бо́же жъ мій,—ка́же́:—поверни́сь до місяця! гу́боньки у тебе́ якъ посма́гли!—Пригорну́въ мене́ кріпко.

«Я ду́мала», кажу́: «що ти мене́ поки́нувъ...»

— Ні, ні, моя зо́ре я́сная, — ні! Хіба́бъ я скоси́всь... и на одну́ хвили́ну ти въ мене́ зъ се́рця не спада́ла, а мене́ такъ ра́по на па́нщину зая́то, що я не м'въ ча́су тебе́ оповісти́ти. На ху́торі хлібъ домоло́чувати тре́ба було́, що одъ зіми́ зоста́вся. Иду́ тими поля́ми зеле́ними, якъ на шибиницю. Ка́жуть, у по́лі, въ козака́, ду́мка молодіе, а у мене́ се́рце боліло. Коли́бъ годи́на, щобъ я тебе́ оповісти́въ, — то бъ и байду́же. Де роби́ть, до роби́ть,—я діла не бою́ся... Летя́ть журавлі, гу́си изъ ви́рия, летя́ть галки́, голуби́, — гада́ю якъ не промо́влю: — накажіте́ моій дівчині вірноі, я́къ моє́ се́рце ни́е, де́ я й чого́ я забари́вся, и слова оста́ннёго ій не замо́вивъ... Оце за́разъ відтиля поверну́лися; я й до ба́тька не захо́дивъ. Ду́маю:—подивлюсь хочъ на ii віко́нце коли́ спи́ть. И груддемъ пуска́въ въ горо́дъ, чи не почу́е... не-йдешъ!.. хотівъ лісу злама́ть—така́ мене́ ту́га взяла́.. Прощай, моя́ голу́бко! спи... А дядина?

«Лягла́», кажу́.

— Иди́ жъ спочи́ть: за́втра...—

Кріпко, до-любови, поцілова́лись, и розійшли́сь. Біжучи́ люби́сточку рвану́ла, унесла́ въ ха́ту. «Оце,«кажу́,» заслу́халась соловьівъ, да люби́сточку ввірва́ла—у го́лови положу́, щобъ душіло.... да лю́бощи снились», ду́маю, «да ти́хая розмо́ва». Да й загада́ла:— хто на вінецъ мені суди́тця, той сю нічъ мені присни́тця. Проки́нулась на зорі. Зновъ ве́село! Ста́ла хлібъ місити, нічъ затопи́ла, въ ха́ті убра́ла,—та́къ мені любо! и со́нце світить и́ншъ и ха́та світла, біле́сенька, мовъ усміха́етця... Божни́къ квітка́ми ути́кала, лавки́ зми́ла, обідъ застанови́ла, хлібъ посади́ла,—ще кажу́ дядині— «пойду́, грядки́ пополю́»: такъ и знесу́, знесу́ гря́дку; а тамъ усе́ на́зірцемъ, чи не йде́. Дядина до ме́не вийшла, — ску́чила. Ажъ и пройшо́въ, да поба́чивъ, що дядина—ша́пку подня́въ:—будьте здоро́ві зъ суботою!—и пійшовъ да́лі; тільки й ба́чились. Дядина стоі́ть на гря́дці, а я такъ, похню́пившись, полю́,—займа́ю не тільки бурья́нъ, да й буряки́, и все́, що підве́рнетця, — та́къ и оголи́ла.

А да́дина ка́же:—Оце́ крепа́къ пройшо́въ, Теще́нковихъ панівъ. Таке́ убо́жество! Ска́зано—безъ хазя́йки: ба́тько стари́й, ні ма́тері,

ні сестри́ нема́, сами́ собі й обідати ва́рять, хлібъ печу́ть, ва́рево кладу́ть. Сей Хве́діръ на па́нщині, а той старий тільки чо́боти на люде́й ла́дить. Да й Хве́діръ обуча́вся сёму реме́ству; зіму пше, літомъ у по́лі ро́бить. Що загору́ють у двохъ, те й зъідя́ть. Хве́діръ що заро́бить, то себе́ тро́хи спора́дить и ба́тька. Да й самъ-то яки́й собі уда́вся: якъ тичи́на, висо́кий, худорля́вий,—не ціпомъ би ёму́ й ору́довать! Уже скільки було ёму́ старий ка́же: «ожени́сь, Хве́доре: до́ки одино́кими намъ жи́ти?» — Ні,—каже: — іще па́ра мо́я десь, ви́дно, на при́пичку ка́шу їсть: нікого́ не вподо́баю.—«Дакъ я́къ же?! у робо́чу годи́ну и соро́чки нікому ви́прать».—Я лу́чче,—ка́же, —самъ ви́полощу, а ніжъ візьму́ собі не до любо́ви. — *Отъ яки́й ви́рісъ, а ума не ви́ніс*ъ: таке́ прова́дить! зъ душкомъ уда́вся якъ и ма́ти ёго́. И поло́щитця було́ самъ, на́че се́лехъ на воді. Жу́ритця ёго ба́тько ста́ростю; ка́же: «не доведе́тця тебе́ поба́чить въ па́рі. Подби́вся я, хиля́ючись самъ коло́ пе́чи...» Иногді й ха́ти не то́пить; та́къ у холодній и сиди́ть якъ си́на нема́.

Пішла́ дя́дина до ха́ти. А я тільки й ба́чила ёго́ той день. На дру́гий зостріли́сь на одну́ хви́лечку. Все боімо́сь до́вго вку́пі стоя́ти, що бъ люде не помі́чали, да й дя́дина — хто її зна́е, що ми́слить. Не замо́вилажъ—та́къ: отъ якъби ти, небо́го, ста́ла ёму́ подру́жжемъ, — старо́го бъ догля́нула и ёму бъ, худорля́вому, соро́чечку сполосну́ла, хату бъ ви́чипурила,..—а то й обійшла́,—тільки на язикъ его́ взяла́... Поба́чилась я ще разъ зъ Хве́доромъ.—Коли́ бъ—ка́же мені Хве́діръ,—пора́ твоя́ вийшла: сказа́въ би ба́тьку, сватівъ посла́въ. Пійдешъ?—«Пійду́».

А тутъ до ме́не старости́ за старости́ами: одні — въ ха́ту, дру́гі зъ ха́ти якъ за прича́стемъ. Дя́дина радіе да одмовля́етця: — Ще ій пора́ не вийшла, —шіспа́дцяти нема́, —ще погуля́е.—А я шутку́ю зъ нею да приспівую:

Ой я жъ тобі, моя ма́ти, перекіръ наряжу́:
По́вну ха́ту и кімна́ту женихівъ наведу́;
Ой я тобі, моя ма́ти, перекірочку:
Повну ха́ту и кімна́ту, ще й комірочку!...

А тамъ собі радію, що мене́ не турбу́ють: «не пора» — и одхлі́нуть.

VII.

Пройшо́въ и рікъ. Ми крадькома́ вбача́лися. Ось упа́въ мені и сімна́дцятий годъ. Умо́вилась я зъ Хведоромъ стрітитись у лісу́. Убра́лась я, уквіччалась якъ на Вели́къ-день. «Дай, дядиночко, зъ шо́вкомъ мені пла́хту.» Дя́дина дала́, — и ро́блені квітки достае́. «Ні, дядиночко́: я свіже́нькими ути́каюсь,—пойду́ въ лісъ.» — Иди́ жъ, иди́... —

Сама та́къ радіе, що тутъ-то вже́ на́товпъ бу́де старостівъ: пора́ настигла.—

Якъ я́ зраділа, якъ стрілись! якъ я обняла́ мого́ Хве́дора! «Сежъ мені,» кажу, «сёго́дні упа́въ сімна́дцятий, — дядина каза́ла» А вінъ ка́же:—Ти й зъ бу́дня яке́ мені свя́то зробила!...—Гуля́ли, сиділи, співа́ли, квіто́къ уку́пі нарва́ли бага́то, вінокъ извили́,—я й ёму́ звила́,—понаді́ва́ли; сидимо́,—смі́ётця вінъ!.. Зае́тця, що се все на не́бі ро́битця: ти́хо въ се́рці й круго́мъ, якъ у Бо́га! пахучо, свіжо, тільки ли́стечко ше́пчитця; я́къ со́нечко по ёму́ гра́е, пробива́етця, — и по насъ, мовъ що живе́, бігае,— ми ло́вимо; а на личмані въ мене́,— каза́въ Хве́діръ,—якъ зора́ скри́тця, и зглянуть не мо́жна.

Погуля́ли ми, суни́ць набра́ли, квітокъ — божни́къ убра́ть; измо́вились сёго́дні старостівъ посила́ть до ме́не. — Я,—ка́же Хве́діръ,— зъ ба́тькомъ поговорю́ й пришлю́.—

Прийшла́ я до до́му; дя́дина коло варе́никівъ зъ я́годами заходи́лась, я уквіччала усю́ ха́ту, прибра́ла, повимі́тала: весе́лі ми такі обидві! Дя́дина й ка́же: — постели́ настільникъ, — той, що на споді у скрині, и хлібъ положи́ на столі; — ще сама́ й ви́брала— запе́чений, легки́й. Уже́ й надве́чіръ; я усе́ позира́ю у віко́нце; чу́емо — го́мінъ: по той бікъ у́лиці, черезъ лісу, хто́сь бере́тця. У мене́ въ души́ мо́въ заняло́ся,—такъ се́рце й заколоти́лось. По́тімъ гомінъ сти́хъ, ажъ ди́вимось—у воро́тяхъ, на дворі, показа́лось двое пова́жнихъ чоловікъ: иду́ть зъ хлібомъ-зо́лю. Я місця не знайду́. Почервоніла, зраділа, ле́дві у но́ги не впала дядині. Спуюся по ха́ті, тиня́юсь,—ажъ старости́!.. Сама́ чу́ю, якъ у мене́ вінокъ той тру́ситця, мовъ усі квіточки зашамотіли. Ажъ и на поро́зі. «Здоро́ві! зъ пра́зникомъ! Кла́няемось хлібомъ и сіллю. Ми прийшли́ по ва́шу Зіньку, — що бъ ва́шого хліба не іла більшъ, поро́гівъ не оббива́ла.» А у мене́ ажъ у́шки сміютця.

— Сідайте, дóбрії люде, щобъ все дóбре сідáло.

«Спасибі вамъ. Сади́, Бóже, все дóбре!»

— Одъ когó жъ васъ Богъ несé?—

А я́ ажъ рукáми затули́ла видъ, бо згоріла, да хі—хі собі потихéньку въ долóні: «одъ могó Хвéдорка,» гадáю... а вони́ якъ гри́мнуть: «одъ Мики́ти Волóщенка!» Я за пічъ такъ и вхопи́лась, а пóтімъ и сіла на прилáвокъ. Дядина всміхну́лася: — Хай Богъ помагáе,—кáже:—зъ дорогóю душéю... А що, Зіне, скáжешъ?—«Я ще, дядиночко, погуля́ю.»—Да вонó таки пóрано.—«Нічóго, голу́бко,» —всі трóе загомоніли, мовъ у дзвóни вдáрили: «мóжна заручи́ти.»—«Ні, дядиночко, ні! мені тогді не вільно бу́де диви́тись на когó я схóчу.

— Ну, дóбрії люде, ви́пийте по чáрці, и варéничківъ зъ суни́цями посмаку́йте, — а сé не втечé: дáсть Богъ, не оглéдимось, якъ и рікъ прóйде,—мáйте надію.

— Сіли вони́ до тіхъ варéниківъ;—дядина імъ такъ гóдить, а вони́ ій; вонá іхъ припрóшуе, а вони́: «Да спасибі Бóгу та й вамъ; що бъ у васъ весь вікъ такъ булó ря́сно, якъ оце тепéръ на столі».

Щé чарочку, щé, — да, слава Бóгу, й зди́хали іхъ.

А могó й немáе й немáе! Задáвъ мені дýмки, клóпоту,—душі не стáло!... щó се вінъ?!—Пізнéнько вийшла, ужé пéрший сонъ заснýвши, ажъ вінъ попідти́нню блукáе; я пізнáла,—до ёго.—Бáтько змагáетця, —не хóче. Я зовсімъ того не сподівáвся. «Щó ти,» кáже, «сóрому набрáтьця хóчешъ? Ти—крепáкъ, гольтя́й, поткнéсся до багати́рки? Вони́ спокóнъ-віку вóльні козаки́, на всю гýбу. Ти у іхъ попи́хачемъ бýдешъ, якъ я́ бувъ у твоéі жъ мáтері... Ні! зъ чужóго пóля я́годи не бери́; я й зарі́къ положи́въ — не жени́ть тебé на козáцці. Якъ вони́ надъ нáми знущáютця и панськими помийницями взивáють... пійде, а послі самá й óчи ви́сть... пойми́ти ми мені віри. Лýче мені въ холóдній хáті сидіти, сорóчку корáву носи́ти, ніжъ тебé утопи́ти, мій сúну. Ти стільки зъ éю бýдешъ бáчить тогó счáстя, якъ свою поти́лицю. А рідъ же ій якъ знущáтиметця! *не такъ пани́ якъ панпня́та*».—И ні зá що, ні зá що, не схотівъ. Благáвъ я ёгó, моли́въ, зéмлю ціловáвъ: вінъ все своé. «Бери́ убóгу, да свою, а не козáчку. *Чортъ бери́ й сребрó, якъ жи́ть не добрó*. Я старий чоловікъ, я се дóбре знáю».—Ні зáщо! якъ завья́зано.

«Я скажý самá дядині, що я тебé покохáла, и оповіщу тебé».—Пóтімъ росказáла ёму, щó зо мнóю булó и розійшли́ся. Якъ... же ме-

ні до ії доступи́тьця, якъ замо́вити? Стра́шно!.. а якъ отка́зъ? Да й не кажу день, другий, неділю, місяць и другий: не приступлю до неі,—усе́ ра́жусь зъ Хве́доромъ якъ лу́чче. А тутъ двері, що су: бо́ти, не перестаютъ ри́пать: старости́! Дядина Воло́щенка уподо́бала: бага́тий и люде ёго́ зна́ютъ. «Бага́тий,» кажу, «дакъ ёму́ й добро́. А на вро́ду яки́й! увесь номо́рхъ, а ходá, а мо́ва яка́! худо́ба за плечи́ма, а ли́хо пере́дъ очи́ма. Богъ изъ імъ, дядиночко: я ні за ко́го не пійду́».

— Що́ жъ ти собі гада́ешъ, до́ню?.. зроби́ть би зару́чени!

«Ні, ні! я ёго́ не люблю́».

— Дакъ що́ жъ ти ду́маешъ? на музи́ки переста́ла ходи́ть, о́дъ дівча́тъ одби́лась,—уже́ бъ и сама́ у тане́ць пійшла́...

«На що мені дівча́та й музи́ки тепе́ръ? Нехай мені й со́нце зни́кне!..

— Що́ тобі таке́?...—

«Я покоха́ла Хве́дора крепака́.

Дядина ажъ за го́лову схопи́лась, вся затрясла́сь:—Отъ тобі:—ка́же, — добула́ся якъ сова́ на току́! Бідна жъ моя голо́вонько! всі надії мої ка́нули... Ні, до́ню, ні, се́рце! за крепака́ не пійдешъ... на́шому ро́ду такъ не приго́же,—свої потови́ ска́рби у па́нські дво́рища передава́ти. Ми у іхъ бере́мъ дівку, то й ви́купъ дае́мъ; а якъ у насъ, то ще дода́й,—да вона́ ще імъ и роби́тиме,—що бу́демъ іхъ дворі́ сповня́ти, а свої збідня́ти. Що ска́же рідъ, що й сусіде близні́? И вінъ хістки́й, за вітромъ би пішо́въ якъ би пусти́въ! ти за імъ не наживе́сся, а краси́ своеі збавишъ, замордуе́сся: те́ старе́, а те́ хістке́. Ти ёго́ тільки ввечері хіба поба́чишъ, — тре́ба па́нщину справля́ти.

«Ми́», кажу́, «у двохъ ходи́тимемъ, то намъ дней більше перепада́тиме».

— *Що той чи́нъ, якъ борщъ не съ чи́мъ!..*

«Хоть ніжка въ гнойку́, дакъ зате́ ду́шка въ лойку́», всмілилась я ій на се́.

— Ні, ні, го́ді, Зінечко: ви́бий зъ голови́ се́й дуръ. Не гніви́ Бо́га й мене́. Я тебе́ за дити́ну ма́ла, доглядáла; а ти́ нібі мій найпе́рший во́рогъ заговори́ла. Весь рідъ спозо́рити хо́чешъ. Воло́щенка лю́де зна́ютъ,—вінъ у два плу́ги о́ре; ёго́ семья́ зро́ду пішки до це́ркви не ходи́ла й пова́жного ро́ду: надъ такіхъ и нема́ у насъ на селі.

«Дядиночко,—сміюся ій:—*ми посіемъ наволо́комъ, уро́дить якъ*

наро́комъ... якъ дїждемо́ лїта да нажнемо́ жи́та, поста́вимо въ ко́пи да вда́римо го́пи!»

— Да ну, го́ді витребе́ньковати! слу́хай сюди́!... на ёго матері намітка до кірокъ чепа́е—а ху́сткою до це́ркви й не повьяжетця. Кунту́шъ, пля́хта зъ шо́вкомъ, усе́ старосвіччини держи́тця. А гро́ши и ка́мень довба́ють. А що вро́да ёго́, да підстарий... да що́, Зіню? жа́ловатиме більшъ, за дочку́ ма́тиме. Вінъ оди́нъ у ма́тері.—

А я ій въ одвітъ:

Ой ти дубъ,—я бере́за;
Ой ти па́нъ,—я твере́за:
Ой изъ те́бе, ду́бе, нічого не бу́де,
А изъ мене́, берізки, вінки и різки».

— Ти зовсімъ скоси́лася,—зъ се́рцемъ промо́вила дядина.

Я замо́вкла: се́рце зти́снуло..

Зно́въ лізуть старости́ зъ кінця́ села́. «Щобъ», я ду́маю, «ви доро́ги не зна́ли, ні зъ до́му, ні до до́му, якъ ви мій вікъ заіда́ете!»

Підъ повіточку сяду, да ду́му гада́ю. Світъ завьяза́ла и собі й ёму́; изму́чилася такъ! Дя́динині ре́чи на́че грімъ прогремівъ; и ёго́ не хо́чу ба́чить, сму́тку ему завдава́ть. Вінъ гне́тця якъ ги́чечка одъ ту́ги, и я затого́ звалю́ся. На кра́й світа одъ люде́й би бігла.

VIII.

Дя́дина ба́чить, що вже́ й на восімна́дцятий поверну́ло, а я не йду́,—ду́мае, що я за Воло́щенка тільки не хо́чу:—Ну,—ка́же,—дру́гого вибірай. Пра́вду лю́де ка́жуть! до́ки сидіти? Я стара́ и ча́сто не зду́жаю...—

И той у ій хоро́ший, и той, а Хве́дора и обійде.

«Бо́же мій! дядиночко!» ки́нулась я до не́і.» Не кра́йте мого́ се́рця! Окроме́ Хве́дора я нікого́ не люблю́, нікого́! Я коха́ю ёго́ уже три ро́кі.»

— И мені не каза́ла?! а той волоцю́га, костогри́за, ще дити́ною тебе́ зво́дивъ! а ти й на дядину забу́ла и не признава́лася, а горну́лася до ме́не мовъ щи́ра пра́вда?!..

«Дя́диночко,» кажу́, роспина́ючись:—«простіть мене́! я скільки разъ хотіла каза́ти, дакъ со́ромно й стра́шно... Мені бажа́лось самій у ёму́ накоха́тьця. Прости́ мене́, мо́я ма́тінко!»

— За ёго́ не благословля́ю!.. Дакъ бачъ, якъ за рідну дити́ну ста́ла!.. пригріла сироту́... Обдурью ти зо мно́ю жила и на мої літа не огля́нулась!.. Не спідка́лася бъ тобі така́ біда, не покоха́ла бъ ти нерівню своїмъ мали́мъ ро́зумомъ....

«Вінъ и тепе́ръ и довіку бу́де мені милі́ший одъ усіхъ багатирівъ...

— Ні, сёго́ не бу́де! Шви́дче умру́, ніжъ благословлю тебе́ підъ віне́цъ: не знева́жу добрий рідъ свій, не ста́ну костей на́шого ро́ду ру́шити. Се й съ того́ світу повстаютъ, якъ би скоілось.

«А ма́тіночко жъ! ні за ко́го, якъ ні за ёго.»

— Коли́ мене́ за ма́тюръ не ма́ешъ, то...—махну́ла руко́ю, и не ста́ла більшъ говори́ти...

Поба́чилась я зъ Хве́доромъ: «Що́ робити? Не пі́ду́ я ні за кого... и за тебе́. Боже жъ мій! на що́ я ії дури́ла? Вона жъ мене́, бідола́шну, взяла́, за ма́тюръ мені ста́ла, коха́ла, пе́стила мене́ якъ! Я зра́дниця ії, не скра́сила ії старо́го віку, а ще́ въ дя́ку й засмути́ла... Хве́дорку, світе мій! на що́ я зра́дила дя́дині, матінці моёі... Не пі́ду́, мій го́лубе, проти ії во́лі: вона́ сёго́ не знесе́. Пла́кала я гі́рко, и въ ёго́ слёза на ви́і повисла.

— Се я зъ тебе зроби́въ таку́ безчасну́!..—Обняли́ся ми й розішли́ся съ такимъ сму́ткомъ, що й не ска́зати.

Сумна́ моя́ дядина, сумна́ якъ нічъ! мене́ бстрахъ бере́, моро́зомъ обдае́, а за се́рце якъ пьявки́ ссу́ть.—А старости́—якъ ті репьяхи́: изно́въ одъ Воло́щенка.

«Чи до́вго твоя небо́га рости́ме? та на хустки́ пря́стиме?

— Да неха́й же Богъ помага́е. Я ії не спиня́ю, — неха́й иде́.

«Пора́ вже па́ру ма́ти и працюва́ти.

Дядина до ме́не:—За кого́ ти йдешъ?

«Ні за ко́го!»

— Да́рма,—ка́жуть старости́:—ми собі и́ншу зна́йдемо, а ви собі держіть на насіпне.—Да й ля́сь дверми́, ажъ гли́на зъ сте́лі посипалась.

— Иди́, до́ню, хочъ за Дмитра́ Му́ху,—Бо́га бійся,—пля́му на на́шъ рідъ накладати. Бу́дешъ яко́ю господи́нею! Подвірье яке́ широ́ке, зеле́не! горобина ажъ на землі лежи́ть якъ зоздріе, королівъ цвітъ пови́вся по лісі, ви́шні поперехиля́лись: Бо́же! цвіту того́, цвіту! якъ молоко́мъ ули́то!.. и назимочка, и третячо́къ и корівка; въ засікахъ по́вно... чого́ тобі? и самъ па́рубокъ мото́рний, и я—всё що въ мене́ е—тобі одда́мъ: скри́ню и сто цілко́вихъ гро́шей и

корівку, а ха́ту, горо́дъ и подвірье по сме́рти; хочъ и е́ въ мене́ ріду дово́лі, да ти въ мене́ найбли́жча, найкра́ща. *Розу́мна жона́ якъ сту́па пшона́, а якъ нема́, дакъ и дурна́.*

«Дядиночко! не кажіть мені сёго́...

— Иди́, кажу́! не дурій: тобі не шосна́дцятий. Изъ пьяти́ па́ръ мо́жно ви́брать хочъ кому́: дру́га й одніе́і не діждётця... и ха́та по́ручъ—якъ бли́зько!

«*Бли́зько, да сли́зько дале́ко, да ле́гко.* Я лу́чче ні за ко́го не пійду́, матінко, якъ не за ёго́.

Почми́хають було́ старости́ по три́чі ходи́вши, да й пійдуть. Усе́ на насіпне мене́ про́чять, на ви́садки...

Дя́дина, я и Хве́діръ ходимо́ такі невесе́лі... А ту́тъ вре́мья йде; уже́ й девьятна́дцатий настиґъ... сижу́ въ дівка́хъ! Люде заторо́чили: «чого́ се́, чого́?» Дядина ста́ла мене́ підстерега́ти, щобъ я зъ ни́мъ не ба́чилась, а ба́тько Хве́дорівъ—собі, бо й пра́вда,—зъ насъ добра́ нема́: собі світъ завьяза́ли и імъ... Отъ, и ста́ли ми рідко вбача́тись—у лі́сі хіба́, якъ зострінимось. У селі, якъ на доло́ні, не схова́есся. Дядина відсіль постерега́е, якъ горо́дами йде́, а ба́тько ёго́—відти́ль; обла́вою стоя́ть,—по місяцю, бу́ло, не ба́чимось, ки́немось,—обіймемось, не промо́вивши сло́ва, и розійдимось. Тільки одинъ Богъ зна́е на́ші му́ки! Всюди наче стережу́ть, всюди о́чи. Дядина до ме́не й ре́чи не обе́рне.

Зійшлися́ ми разъ,—Хве́діръ мені й ка́же: — Изнуди́вся я зовсі́мъ, моє се́рце, да й наду́мався: сёго́дні ходи́въ до панівъ, просився на обро́къ, у го́родъ... На сімъ ти́жні я батька похова́въ Нема́ мені до́лі, ні складу́, ні ла́ду; кому́ не було́ зъ-ма́лку, то й до'ста́нку: такъ намъ обо́мъ. Ма́бутъ, я ёму́ не́мощи дода́въ. Тлівъ вінъ се́рцемъ, гля́дючи на мене́. Ха́та мені рідная замість труни́ ста́ла... Щобъ уже́ тебе́ й себе́ не сушити, пійду на місто жи́ть, до шевця́ и пана́мъ полови́ну плати́тиму, Мо́же мені ле́гше бу́де, якъ я тебе́ не ба́читиму, дай ти́ оче́й своїхъ не стира́тимешъ. —

«До́бре, мій го́лубе! Розійдемось... и я пійду́ въ лю́де. Щобъ мені й містечка того́ не ба́чити, де ми́ спозна́лися»... Да такъ и вда́рилася о́бъ землю... «Неха́й,» кажу́, «моя́ коса́ побіліе, а я не бу́ду ничи́я́ більшъ, якъ твоя́»... Такъ и поедна́ли, и розійшлися́ якъ хма́ра на не́бі.

Дя́дина мовчи́ть,—не замо́вить. Въ ха́ті мені тісно,—духъ спіра́е,—пеке́льний ого́нь мене́ пожира́...

IX.

Вста́ла я ра́но, уклони́лася дя́дині мо́вчки въ но́ги, а вона мо́вчки по́ясъ ла́дитця плести́, — тільки здихну́ла. Переступи́ла я порігъ,—якъ не впаду́: заверну́лась, поці́лова́ла ёго́,—да й пішла́, пішла́ обло́гомъ,—сама́ не зна́ю куда́ й до ко́го,—ажъ на край села́. Всю доріженьку слёзами злила́—опла́кала свою́ до́лю.... Загле́діла ха́ту Золотари́сину,—біліе якъ ма́ківка на воді... все коха́ннечко своє́ згада́ла! Зайду́ до її не съ ти́мъ, щобъ хліба-со́ли одвідати, а де́ мені подітись зъ своїмъ го́ремъ—грішною душе́ю. Иду́ поузъ її двіръ, слёзо́ю вмива́юся. Вона́ мо́тки вішае, мене́ не ба́чить. Заверну́ла я у двіръ.

«Бабу́сенько, бабу́сенько: де́ подітись?.. я́къ се го́ре забу́ти?»

— На сі му́ки,—одка́же мені Золотари́ха,—нема́, се́рце, зілля: не, посіявъ Госпо́дь... Хто сімъ запеду́жавъ, той и въ труну́ зъ сімъ пійде.

«Я пійду міжъ лю́де вчи́тись свій хлібъісти... Дя́дина не ве́ли́ть мені ба́читись зъ моімъ Хве́доромъ; сама́ світомъ ну́дить й мені докоря́е.»

— Иди́, до́ню, у ше́сту ха́ту по пра́ву ру́ку: тамъ пя́ньку́ тре́ба.—Тільки й пора́ди дала́.

Пішла́ я собі; підійшла́ мимохо́домъ икъ коло́дязю до кори́та; промі́ла о́чи, щобъ лю́де не такъ-то дозира́лись. Прийшла; двоє́ діто́къ бігае мале́нькихъ на подвірьі, а тре́те на рука́хъ у молоди́ці: вдову́ю. Пита́ю, чи не треба наймички?

— Ні, стри́це, не тре́ба: вчо́ра собі пня́ла. Да якъ же ти зморилась! присі́дь тро́шки. Пойди́,—ка́же,—тутъ не по́далі, багати́ръ живе́,—Свиріпенко; вінъ по по́штахъ смотри́телемъ бувъ;—ото́, зъ кра́сними око́пицями, ёго будинки и клу́ня нова́.—Япішла́. Тільки-що прочини́ла въ двіръ фіртку, соба́ка за ну́чку, а по́слі за запа́ску, и пошматова́ла,—чу́ть зъ нігъ не звали́ла. Го́споди! се щось не до́бре. Де́ то я притулю́ся?!..

Тутъ стара́ дівка ви́бігла, да такъ про́жогомъ и лізе:—одъ кого́ и чого́, ка́же?, да та́къ ди́витця зпідъ ло́ба.

«Кажуть лю́де, вамъ на́ймичку треба?»

— Намъ и сами́мъ істи нічого.—Такъ мені одмо́вила.

«Да мені», кажу́, «не бага́то й тре́ба.» А тутъ и підста́ркова-

тій чоловікъ на ґанки́ ви́йшовъ: у жилетці; въ кармани ру́ки заложи́въ; халя́ви чирво́нимъ сапья́номъ обши́то; лице́ блищи́ть.

— Дівчино, дівчино! — на ме́не.

Я уклони́лась, да й кажу: «вамъ на́ймичку тре́ба?» А сама́ такъ и колочу́сь,—таки́й неприязни́й, Господи!

— Тре́ба. Чтожъ! тебѣ, мо́жетъ, мно́го потре́буетця?

Боже мій! да яка́жъ мо́ва! а ка́жуть — изъ на́шихъ,! Сво́го одбігъ, — чужо́го не доско́чивъ.

«Ні».

— А скілько жъ тебѣ воспослѣдуетъ да́ть въ годъ мѣста?

«Вісімъ кіпъ», кажу́, «да юпчи́ну»: вже й не домо́вила про чо́боти. «Я чу́ла одъ лю́дей, що та́къ пла́тятъ».

— Изоби́луешъ требованіемъ жесто́ко. Три копи́...три́, три. Ну?? И юпку мо́жна да́ть, е́сли Хавро́нья, какъ одхо́дила, не захвати́ла зъ собо́ю,—мо́жно снабди́ть...—додавъ,—да ще такъ на носки́ ди́бки зпья́вся и опусти́вся, и язикомъ прицмо́кнувъ.

«Ну, нехай и по ва́шому».

— Работать, — ка́же, — все.

«До́бре».

Зо́ста́лася... А яки́ ящури́ни у его о́чи! яки́ жъ вони́ мені не ми́лі!... Посади́ли мене́ за́разъ сорочки́ лата́ть и ду́ху перевести́ не дали́. Рубе́ць на рубцю́, ла́тка на ла́тці!... діжу вчини́ла—попола́мъ зъ греча́нимъ; полягали спа́ть, и я,такъ,— на соло́мці, юпчи́ну въ го́лови. На зорі мене́ збуди́ли до коро́ви, хлібъ замісить, въ ха́ті убра́ть, стра́ву застанови́ть Ха́зя́інъ зъ двома́ хло́пцями у по́ле поіхавъ. Я днемъ, до обідъ, гурки́ підбива́ла. По́ки самъ не поверну́всь зъ по́ля, безъ его́ й сестра́ не присо́лювала, не зато́вкувала стра́ви: у са́мого хазяіна ключъ одъ скрині и все́ хазя́йство: мірою й одсипа́е. За обідъ посядимо, — такъ и гли́на на всіхъ, якъ хто ло́жку до ро́та несе́. Хлібъ підъ замко́мъ,—скна́рость така́! и зви́чая сёго нема́, щобъ хлібъ на столі бувъ на приходя́щого. Да ще й всміха́етця до ме́не, за плече́ мене́:—косни́ки,—ка́же,—куплю́ тобі но́ві,—по щоці мене́ тре́пле... А то, разъ, у сіняхъ мене́ догна́въ зъ пляхо́ю привели́кою. — Ви́пий чарку, ви́пий.

«И хлібъ твій,» ду́маю, «ставъ въ го́рлі, а не то щобъ ва́шу горілку пи́ть... Зги́нь ти», ду́маю собі, «стари́й шкарба́нъ зъ своими жа́ртами»,—да й поки́нула іхъ черезъ три дні. Ви́йшовши за воро́та ажъ сплю́нула и но́ги отруси́ла: та́къ гідко було́! Та́къ гідко,

що зпéршу й не журилась и не дýмала ні про дядину, ні про Хвéдора; а послі бігóмъ, бігóмъ до дядини,—ажъ на зýстрічъ пішъ нашъ идé... «Оцé жъ», дýмаю, «не кінéць моій біді»,—та до ёго: «Бáтечку», кажý, уклонившись у нóги: «візьміть менé до сéбе!»

— Шó ти? Бóга бійся!.. а дядина?

«Равнó пійдý въ людe, якъ не візьмите.

— А гріхъ же старý кидати! Вона жъ тобі...

«Я бýду молитись,» перебила я ёго: «вонá й самá одстýпитця... візьміть!

— Ну, прихóдь: равнó менi трéба; тільки я не совітую.

А я щé разъ пішлá до дядини, и знову въ нóги ій.

— Дé ти валасáлася?.. Дóню моя, послýхайся менé. Красý свою знівичишь,—літá своі мáрне стрáтишъ. Иди за любóго,—тільки не за крепакá... и духъ мій не дише, якъ подýмаю... Дитино моя, сéрце моé, опамьятáйся!

«Ні, мáтіночко, живи съ кімъ хóчъ, а я тільки пáмьять твою не забýду довіку... Прощáйте! Я идý въ людe».

И пішлá... и жилá у попá дáромъ,—тільки зодягáли.

X.

Дядина взялá до сéбе двóхъ рóдичокъ: тáкъ и віку дожилá... Оцé, булó, я пійдý до цéркви—у тій ще запащині, що собáки кінéць порвáли, якъ я зняла́сь изъ дóму,—а тутъ ще не ввернýлись справить новóі,—отъ, вихóдячи зъ цéркви, на цвинтарі, уклонюся ій нізько, якъ мáтері,—поткнýся до нéі: вонá мóвчки рукóю й одведé. Менi не скáрбівъ тіхъ жáль, що я тамъ покидала, а тáкъ,—ії, и тогó, що я ії зобідила, що прáця ії пропáла не зá що.

Пóслі й зъ Хвéдоромъ побáчилась, одійшóвши одъ дядини. Якъ зраділа! усé лíхо минýлось, и на дядину забýлась...

Прійшлá я додóму до попá; трóхі згóдомъ, вийшла за ворóта, а Хвéдіръ менé й постерегáвъ, на пригóрку, у якій я двіръ поверну́, поддаль стáвъ и дожидáвсь, чи не пройдý я по дворý. Я тільки-що переступила съ порóга, зáразъ помітила сірачину; вінъ изъ пригóрка, да й пішóвъ поузъ ворóта: мовъ не до мéне, а своéю дорóгою, бо людéй багáто по-дé-куди гуляло. Порівнявся, и кáже стíха: — Прихóдь у лісъ, на старé місце: цілий дéнь ждáтиму.—Я

ви́зиркала таку́ годи́ну, що людъ похова́вся тро́хи... да й у га́й: я́годъ, грибівъ, зілля цілю́щого пошука́ти бъ то.

«Не сподіва́лась я тебе́ такъ шви́дко ба́чити, се́рце».

— Ні, моя́ голу́бко си́зая, — не сте́рпівъ: въ привели́ку си́лу дожда́вся неділі.

Я ёму росказа́ла все своє́ житте́, що́ и я́къ.

— Дакъ *моя́*, — ка́же.

«Твоя́ навіки».

— Поду́май, яка́ ти ста́ла! ніщо́ на тобі не бли́щить....

«Аби я тобі блища́ла, мій бро́ле!»—да й обняла́ ёго́.

— Коли́ жъ ми поберемо́ся?

«Не приступлю́, се́рце, зако́на, не бу́ду більшъ ді́дини гніви́ти. Та́къ уже́ й ру́ки зложу́, якъ не поблагослови́ть.

— Охъ, біда́, се́рце, въ тобо́ю!—да й замовкне.

Не огле́димось, якъ и повечоріе: тільки пти́ця хіба́ сполохне́. Розійдимось. Вінъ ище́ недале́чко поблукає; послі, піхо́ю, на всю нічъ, за де́сять версто́въ, на місто.

Ди́дина три го́ди пожила да й переста́вилась; хай ій земля́ перо́мъ! мене́, сироту́, до літъ довела́. Умі́раючи сказа́ла ро́дичкамъ:— Усе вамъ. Ха́ту й скри́ню, пятдеся́тъ карбо́ванцівъ и това́ръ; а пятдеся́тъ — похова́ть мене́, попу́, старця́мъ и на це́ркву: все́ на рі́вні ча́сті. Про ме́не сказа́ли,—дакъ тільки о́чи кріпко сти́снула и го́лову одверну́ла. Я гірко пла́кала, що не довело́сь мені о́чи ії заслони́ти: стою́, було́, въ сіняхъ, слізно пла́чу, а до ії й не потку́лась, щобъ на Бо́жій доро́зі ії не спиня́ти, ії поко́ю не ру́шити. Хай ій Госпо́дь у ца́рство небе́сне прийме! До віку спаси́бі.

Поба́чилась я зно́въ изъ Хве́доромъ. И Хве́діръ жури́вся зо мно́ю.

— Зіронько моя,—ка́же:—коли́ тобі со́нечко засвітить? Пра́вду сказано: *не роди́сь въ пла́ттечку, а роди́сь въ ща́стечку; хочъ ря́ба́ и пога́на, да ії до́ля коха́на....* журба́ тобі за журбо́ю!— Обніма́є, цілу́є мене́, голу́бить.—Я,—ка́же,—наду́мавъ: місяць доживу́ у хазя́іна, заплачу́ оброкъ пана́мъ да й старостівъ до тебе́ пошлю́. И зно́въ у селі зоста́нусь жи́ть, — па́нщину бу́ду одробля́ти. Тя́ жъ моя́?

«Твоя, се́рце!»

XI.

Діждали місяця; Хведіръ заплативъ оброкъ, одпросився зновъ у село. Самъ хату змазавъ, зчипуривъ такъ-що!.. Люде дивуютця: — Боже нашъ, — кажуть: якъ-то вони люблятця. Вона жъ ще підліткомъ була, а ось скільки роківъ лихо терпіла, чужі пороги терла послі роскошівъ таки́хъ: да й вінъ же!... Отъже й діждали свого. Самъ хату, призьбу маже, — дожидаетця своеі голубки...

Повінчали насъ. Весілле одгуляли тихо, да до любови. Переступила я порігъ въ его хату мовъ у рай Божий. Якъ покинули насъ уже люде, якъ зостались ми на самоті,—сіни, хату засунули,—не змовлявшись, кинулись одно до 'дного, ажъ заплакали: змили той кипть, що за сімъ літъ на серці осівъ. Цілий день не іли й не пили, наче зареклись спостити той день святий. и світлий Такъ любо, такъ тихо на серденьку... Сидимо обнявшись, — и муха не пролетить, гріхъ наче... Самъ Богъ, здаетця, між нами.

Цілий місяць насъ обохъ на панщину не ганяли, одпочинокъ молодимъ дали. Такимъ яснимъ цвітомъ зацвіла знову наша доля, морозомъ прибита... Що то душа наболіла, серце намліло!...

Почали ми порядкувати, а вінъ у людей роботу брать де-яку маленьку. Въ своій хаті и угли, кажуть, помагають. Що заробимъ, то й купимъ що-небудь въ хазяйствечко. И гарно у насъ, и весело. Одну стравочку було постановлю, юшку, чи борщъ, да який же то присмашний здастця! *На що*, кажуть, *та й шанoба, якъ добрее слово*... Я всі роскоши позабувала! Иногді й віри не доймаемо, що доля наша така красна. Не треба мені ні золота, ні сріблa, що було дивую людей; нічого мені того не треба,-нічого не страшно. *Чоловіче мій, затуло моя! якъ за тебе захилюсь, то й нікого не боюсь*. На панщину мене не звали; — тільки въ зіму на панівъ одпрядала. Хведіръ одбувавъ свої дні, а я дома скільки моги працёвала.

Два роки прожили ми одинокі. Не дае намъ Богъ дітокъ;—жаль, ад не скушно. Одно тільки горе: згоріла хата у панськихъ людей, дакъ вдову, зъ трома дітьми, до насъ перевезли, бо у насъ просторно було. А де багато господинь, тамъ хата неметена. Усего було: діти и побьють и попереставляють усе, и гамъ такий складуть, що ажъ уши було затикаешъ. У нашій хатини чисто й затишно було. Хведіръ було ажъ метушитця: такъ крикъ той его доймае!

На третій годо́чокъ я ста́ла у вазі: Господь и мені да́въ. Радъ мій Хве́дірко и я ра́да: своє, то й не ва́дить. Ми все зъ нимъ живимо́ дру́жно. Зроді́ла я дівчя́тко, Ната́лкою взва́ли. — Дай, Боже, до́лю!—ка́же Хве́діръ,—да не таку́ якъ тобі.—«Що́жъ, се́рденько, я те́е вже́ забу́ла. Колибъ тільки тобі Богъ да́въ здоро́вье!...»

А мій Хве́дірко усе́ марніе. Вінъ изро́ду бувъ худорля́вий, да ставъ ще гірший. Згада́ла я тогді дядиниие сло́во, що не ціпомъ би ёму ору́довати, и що й моя́ пра́ця ма́рне пійде... Усе́ справди́лось!...

XII.

Втіша́емось ми Ната́лочкою; росте́ воно́, всміха́етця: рученя́та дає́, уже́ й ди́бки, уже́ й ходи́ти почало́, и говори́ти. Що́ вінъ було́ ёю втіша́етця! Тільки го́ренько жъ моє́! я притоми́лась: підбива́юся, зъ нігъ валю́ся, а нізащо рукъ зачепи́ти, бо чоловікъ занепада́е; тре́ба и отопи́тьця и одягти́ся и прокормитись, а зъ ёго по́мочи ніякої. А тутъ — мала́ дити́на: звісно, коло ёго зага́ісся...

Хве́діръ зъ ча́су на часъ хиріе: якъ що́ болить, то й соро́чка ва́дить. Прийде зъ па́нщини и ні за холо́дну во́ду; зогне́тця якъ похи́ле де́рево, и сиди́ть. На па́нщині ро́бить, а свої дні до́ма й та́къ,— иду́ть пу́сто. Ни́е и ни́е мое се́рце на ёго гля́дючи; та́не вінъ въ моїхъ о́чахъ якъ віскъ. А я одъ ту́ги, й того більшъ, дни́ми рука́ми не вхоплю́. Пійде вінъ зъ двора́, а я й світонька Бо́жого за слёза́ми не ба́чу и ділечка за іми не вроблю́: та́къ вінъ мене́ кру́шить!

Упа́ли ёго ще три дні незаба́ромъ; ото́ жъ вінъ до́ма день и дру́гий пробу́въ, говори́въ и ходивъ, зъ пе́чи зла́зивъ, да усе́ такъ скоре́сенько. Я зъ Степани́дою ему́ дві соро́чки одрізали; сижу́, шию́; и вінъ поліня́ку дро́въ, віде́рце води́, принісъ, да вже й не зду́жае,— сто́гне, и зновъ злізъ на пічъ.

«Що́ у тебе́, Хве́дорку, боли́ть?

— Колю́чка.

«Извару́ я тобі узва́рцю?

Отъ горщо́къ навари́ла, два ра́зи напоіла.

— Изведи́ мене́ на пілъ, — ка́же.

А я зъ На́талочкою: у мене́ такъ тісно!

«Ні», кажу́, «Хве́дорку, голу́бчику: иди́: — нігде мені примости́тьця зъ дити́ною.

— Дай мені сирóватки зъ хлібомъ.

Я накрипила, подала. Вінъ сёрбъ, сёрбъ разівъ зъ пьять, да й гóді.

— Ой, якъ, — кáже, — досáдно на печі лежáть...

Я послáла на полý, сіла билá его; изчепила рýки; въ сéрці мене мовъ цýркою крýтить; глянýла на его да й изхопилась,—злякáлась: такъ вінъ змінився.

«Хвéдорку, мій світоньку, щó це зъ тоббю?

А Степанида и кáже:—чи не послáть за попóмъ? заприча́стить,— ёму й полýччае.

— Пійди, кажý, — будь лáскова, Степанидó.

Хвéдіръ почýвъ, скорéсенько схопився, перевернýвъ сорóчку, бо навиворотъ, нашвидку, надіта булá. Сівъ, сидить, дожидáетця попа: немá! Вінъ и лігъ. Я хожý по хáті, — не знáю, що мені въ світі й робити... Я за кожушину, на сéбе,—пічъ, и хвища такá йде!— да за дякóмъ. Вінъ мені й кумъ. «Кýмочку», кажý, «голýбчику, сходітъ за попóмъ. «А вінъ:—да ужé пьять разъ ходивъ: попá нáшого немá дóма, а до дрýгого ходили на той кутокъ, — не бáчили нікóго; ходили, ходили по підъ-віконню,—немá нікóго: тільки гýсі да кóні, а люде сáме обляглі—поснýли кріпко, не достýкаесся.

Въ короткій вікъ мій багáто кáрбівъ лягло на мойму сéрці, да ще ні óдного такóго глибóкого не булó, якъ цéй послідній. Нікóли не загóішъ...

Изборóла лихá годи́на... Хвéдіръ умéръ: самá осталась на білому світі! Хочъ, бацця, й широкий, а немá де дітись—безъ грóшей, безъ рóду. И хáти своéі дрýжнеі одиурáлась: въ чужій ýголъ пійшлá доживáть, зъ Натáлочкою бáтька оплáковать...

Такъ чуствительно вмірáвъ!... Я пішлá до дитини, ажъ чýю— вінъ на печі тáкъ стóгне. Я припáла до его:—«Хвéдорку, щó у тéбе, мій світе?«Якъ устремивъ у мене óчи, такъ якъ не пробьé. Чи ти мене бáчишъ, Хвéдорку, дружино моя вірная, порáдь же мене?»

— Ти вже самá себé порáдишъ, бачý... — Да три рáзи позіхнýвъ—и Бóгу дýшу оддавъ,—одъ нáсъ одклонився.

Я такъ и застила, náче духъ у мене вистановивсь. Степанида кинулась, сусідокъ кликнула. Три бáби прийшлó, одхáяли мене, его изрядили... Якъ живий ходивъ... ніякоі ему й пригóди не булó. Положили его на пóкуті, на лáві... Натáлочка у рýченьку его цілýе... припáло до его нігъ, обняло да й тягне до сéбе. А я... и рéчи

у мене́ нема́, що зо мно́ю тогді діялось! Ната́лочка було́, що-ве́чора, та́та гука́е... а тепе́ръ и не помьяне́... Оце́, було́, малюсеньке, вста́не да й гука́е: та́то, тато-о-о-о́! а тепе́ръ спита́ю — де́ та́то, прищу́литця до ме́не, на́че зна́е, — и мовчи́ть. А я—на́че зъ ума́ схибну́ла... якъ було́ вінъ жа́лує й:—ти жъ моя манюсюнечка! Хотя бъ намъ,—бува́ло ка́же,—діжда́ть, щобъ воно́ ходи́ло.—И діжда́ли жъ, хвали́ть Бо́га; а вінъ — и не стя́милась якъ вінъ и ви́линувъ изъ моіхъ рукъ...

Такъ мені гірко тепе́ръ якъ згада́ю, що ще вінъ, якъ ду́жчий бувъ, то я разъ коли́сь ёму́ й сказа́ла: «Боже мій! тимъ у насъ, Хве́дорку, нічо́го й нема́, що не хо́чемо роби́ти... На горо́ді—посціліе, поме́рзне: ніча́мъ ти мені не запомога́ешъ, а я сама́ не вверну́сь. И ти бъ,» кажу́, «Хве́дорку, копи́чку накоси́въ,—продали́ бъ: аже́ жъ,» кажу́,» «на всіхъ, коло́ кру́чи, сіноко́су да́но.» А вінъ мене́ й нала́явъ. Я ни́щечкомъ и собі; дакъ вінъ мене́ у потилицю:—и рідъ твій не діжде,—ка́же. А я зъ се́рця: «отъ, наказа́въ мене́ Богъ таки́мъ чоловікомъ!» Тільки оце́ всёго́ и було́ міжъ на́ми сва́рки... Вінъ жа́ловавъ мене́ кріпко: е́ чимъ згада́ть!..

Якъ хова́ли, я дала́ на Еванге́лію, а то піпъ самъ одъ себе́ чоти́рі прочита́въ. «Вінъ,» ка́же, «и на мене обла́тувавъ, царство ёму небе́сне!» А то свої пани́ дали́ півка́рбо́ванця гро́шей, горілкі, дощо́къ на труну́, и чужа́ одна́ пані дала́ сальця́ й хліба помьяну́ть. «Вінъ,» ка́же, «мене́ якъ своіхъ панівъ обла́тувавъ,—такъ и мене́, спаси́бі ёму́. Хай леге́нько лежа́ть!..»

Хведіръ не торгова́вся; мене́ було́ суди́ть кого́ запреща́е...—Не вчи́сь, було́—ка́же,—та́къ роби́ти. Бу́дешъ ти́хше ходи́ть, тобі жъ лу́чче бу́де...

Я ёго́ га́рно помьяну́ла и похова́ла: шпалерками зеле́ними труну́ обби́ла, ру́тою, васи́льками обложи́ла... Господи́! все дівова́нне своє́ тогді згада́ла, сірачи́ну мою любу споряжа́ючи у вічнюю доро́гу... припа́ла до ёго. да на оста́нній доро́зі поговори́ла якъ зъ живи́мъ. Хто жъ мені світітиме тепе́ръ, якъ вінъ? съ кімъ я буду жи́ть, съ кімъ и горова́ть?.. Тогді мені здава́лося, що вінъ те усе́ чу́е, що вінъ огля́нетця на моє́ сирітство!.. ажъ и тепе́ръ не вде́ржуся отъ слізъ... Нізакого тепе́рь мені захили́тись... Не згля́нувся на мене́ Госпо́дь! пі́дліткою все поки́нула, пісні, музи́ки, жа́рти

дівоцьки... Надъ сірачину не було́ мені нічо́го доро́гшого.... Заквічча́въ вінъ мій вікъ колю́чими терна́ми,—не довело́сь пожи́ть изъ лю́бимъ моімъ Хве́доркомъ: самъ изся́къ и я захи́ріла...

Иногді, якъ при́йдетця, такъ ти́жко ста́не на се́рці, що й молю́ Бо́га, що бъ мені бчи засла́ть; а по́слі—та́къ зро́битця Ната́лочки жа́лко....

А. Печуй-вітеръ.

30 мая, 1860.

КОБЗАРЬ.

XXII.

СЕСТРІ.

Минáючи убóгі сéла
По-над-Дніпрянські невесéлі,
Я дýмавъ: дéжъ я прихилюсь,
И дé подінуся на світі?...
И снитця сонъ мені... дивлюсь:
Въ садóчку, квітами повита,
На пригорі собі стоіть—
Ненáче дівчина—хатина;
Дніпро геть-геть собі роскинувсь!
Сіяе бáтько та горить!
Дивлюсь: у тéмному садóчку,
Підъ вишнею, у холодóчку,
Моя единая сестрá,
Многострадáлиця святáя,
Ненáче въ раі, спочивáе,
Та зза широкого Дніпрá
Менé, небóга, виглядáе.

И ій здаетця—виринáе
Зза филі чóвенъ... доплива́...
И въ филі чóвенъ поринá...
— Мій брáтіку! моя ти дóле!—
И ми прокинулися: ти—
На пáнщині! а я—въ невóлі!..

Ота́къ намъ довело́ся йти,
Ще зма́лечку, колю́чу ни́ву!
Моли́ся, се́стро! бу́демъ живі,
То Богъ помо́же перейти́.

20 іюля 1859 р.
Г. Черкаси.

XXIII.

Тече́ вода́ зпідъ я́вора
Яромъ на доли́ну;
Пиша́етця надъ водо́ю
Черво́на кали́на;
Пиша́етця кали́нонька,
'Яворъ молодіе,
А круго́мъ іхъ верболо́зи
Й ло́зи зеленіють.

Тече́ вода́ изза га́ю
Та по-підъ горо́ю;
Хлюпо́щутця кача́точка
Поміжъ осоко́ю;
А ка́чечка випливае
Зъ качуро́мъ за ни́ми,
Ло́влять ря́ску—розмовля́ють—
Зъ дітками своіми.

Тече́ вода́ край горо́да:
Вода́ ста́вомъ ста́ла;
Прийшло́ дівча́ во́ду бра́ти—
Бра́ло, заспіва́ло;
Ви́йшли зъ ха́ти ба́тько й ма́ти
Въ садо́къ погуля́ти—
Пора́дитись—кого́ бъ-то імъ
Своімъ зя́темъ зва́ти?

7 ноября 1860 р.
Петербургъ.

Т. Шевченко.

ЗНАЧЕНІЕ ШЕВЧЕНКА ДЛЯ УКРАЙНЫ. ПРОВОДЫ ТѢЛА ЕГО ВЪ УКРАЙНУ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

Пôрано ще, панъве-громадо, прорекáти остáтнє слôво про Тарáса: щé ми гарáздъ не змірили, скільки ми зъ нимъ утерялы! Надъ могилою, у сороковий день. П. А. К.

Кто-то сказалъ, что впечатлѣніе, производимое *смертью* человѣка, показываетъ значеніе его *жизни*. И это правда. Только смерть, какъ послѣднее слово вполнѣ-высказавшейся идеи — жизни, — заставляетъ насъ сосредоточиться, отдать себѣ отчетъ въ ея смыслѣ, привести въ ясность и отношенія наши къ умершему и ощущенія нашего сердца, пораженнаго неожиданнымъ ударомъ судьбы, которая часто такъ-безжалостно останавливаетъ человѣка на полпути и въ самую лучшую для него минуту.

Смерть общественнаго дѣятеля примиряетъ непримиримыхъ, пробуждаетъ сочувствіе охладѣвшихъ, вызываетъ безпристрастіе въ пристрастныхъ, погружаетъ въ безвыходное горе слабыхъ и воодушевляетъ сильныхъ духомъ на дальнѣйшее дѣло, на новую борьбу, борьбу усиленную, потому что еще одной силой стало меньше. Смерть общественнаго человѣка уясняетъ и его-самого и самое общество: по впечатлительности и послѣдующимъ проявленіямъ общественнаго сердца можно навѣрное судить, чѣмъ оно бьется, и если оно нездорово, то симптомы болѣзни выкажутся скорѣе всего тутъ, въ его тревожномъ состояніи.

По нашему наблюденію, и смерть Шевченка вызвала наружу все, чтó есть живаго въ нашемъ южнорусскомъ обществѣ. Шевченко обнималъ такъ широко прошедшую и настоящую жизнь родины, такъ вѣрно понималъ состояніе современнаго нашего общества и потреб-

ности народа, что его поэзія, естественно, должна была коснуться всякаго. Поэтому, у насъ нѣтъ человѣка, который, имѣя какое-нибудь понятіе о Шевченкѣ, могъ остаться совершенно равнодушнымъ къ его смерти и не высказаться такъ, или иначе. Прослѣдить за всѣми дѣйствіями и взаимными отношеніями людей сочувствующихъ родинѣ, за всѣми толками, возникшими вслѣдствіе этой великой утраты — было бы въ высшей степени полезно и любопытно: вся *громада* и отдѣльныя личности, волею-неволею, опредѣлились бы при этомъ настолько ясно, что можно было бы смѣло сдѣлать нѣкоторые не безплодные выводы и для настоящаго и для будущаго... Мы на этотъ разъ ограничиваемъ свою задачу исторически-вѣрнымъ изложеніемъ фактовъ, которые дошли до насъ по сю пору.

По всѣмъ извѣстіямъ, смерть бѣднаго Козбаря отозвалась повсюду—отъ хатъ до палатъ, въ украинцахъ и неукраинцахъ, читавшихъ и нечитавшихъ Шевченка, а только слышавшихъ объ этомъ крепакѣ—поэтѣ.

И—что всего замѣчательнѣе—сочувствіе это въ большинствѣ возбуждено не произведеніями его за послѣднее время, извѣстными лишь весьма немногимъ: оно идетъ съ давняго времени, со времени появленія «Кобзаря» въ 1840 году, и только обновлено изданіемъ его въ 1860. Это сочувствіе не измѣняло поэту во всѣ 20 лѣтъ его литературной извѣстности; онъ и самъ, быть-можетъ, не подозрѣвалъ какъ оно было велико и глубоко, такъ-точно, какъ весьма многіе только по смерти Шевченка поняли все высокое его значеніе, только по смерти его узнали, что *Тарасъ*—дѣйствительно былъ для Украинцевъ *батькомъ*. Да иначе и не могло быть: стóитъ только припомнить наше прошедшее, характеръ Шевченка какъ человѣка, и уяснить себѣ содержаніе и направленіе его поэзіи...

Десятилѣтняя разлука Украины съ Шевченкомъ нисколько не охладила восторга и любви молодаго поколѣнія къ поэту, который нежданно, (въ 1840 году) заговорилъ языкомъ, по мнѣнію *письмённыхъ* — уже замершимъ на устахъ *простаго, непросвѣщеннаго* народа, языкомъ, давно осужденнымъ ими на безжизненность. Съ самыхъ первыхъ пѣсенъ Кобзаря, оживилась надежда немногихъ, еще связанныхъ съ корнемъ народной жизни, что этотъ мелодическій родной языкъ, эта богатая и прекрасная народная поэзія, отразившая въ себѣ такую живую жизнь, не умрутъ безплодно; а чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда взглядъ Шевченка расширился, когда жизнь и искуство

мало по малу восполнили въ его развитіи тó, чего не дало ему образованіе, когда его пѣсни зазвучали всѣми струнами народной души и народное слово какимъ-то чудомъ стало выражать самыя задушевныя думы современнаго человѣка—надежда немногихъ перешла въ отрадную увѣренность, и вскорѣ самые невѣрующіе повѣрили въ возможность развитія нашего языка, словесности и жизни на чистыхъ народныхъ началахъ. «Впечатлѣніе, которое производили стихотворенія Шевченка,» говоритъ Н. И. Костомаровъ,» напомнило Шиллерову балладу «Занавѣшенный Саисскій Истуканъ». Муза его раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!... Поэзія всегда идетъ впередъ, всегда рѣшается на смѣлое дѣло; по ея слѣдамъ идутъ исторія, наука и практическій трудъ. Легче бываетъ послѣднимъ, но тяжело первой. Сильное зрѣніе, крѣпкіе нервы нужно имѣть, чтобъ не ослѣпнуть или не упасть безъ чувствъ отъ внезапнаго свѣта истины, дружелюбно сокрытой для спокойной толпы, идущей по торной колеѣ, мимо таинственнаго занавѣса,—не знающей, чтó сокрывается за этимъ занавѣсомъ! Тарасова муза прорвала своимъ свѣтомъ какой-то подземный заклепъ, уже нѣсколько вѣковъ запертый многими замками, запечатанный многими печатьми, засыпанный землею, нарочно вспаханною и засѣянною, чтобъ скрыть для потомства даже память о мѣстѣ, гдѣ находится подземная пустота: Тарасова муза смѣло проникла въ эту пустоту съ своимъ неугасимымъ свѣточемъ и открыла за собою путь и солнечнымъ лучамъ и свѣжему воздуху и людской любознательности. Шевченко, какъ поэтъ — это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсня Шевченка была сама по себѣ народная пѣсня, только новая, — такая пѣсня, какую могъ бы запѣть теперь цѣлый народъ, — какая должна была вылиться изъ народной души, въ положенія народной современной исторіи. Съ этой стороны, Шевченко былъ избранникъ народа въ прямомъ значеніи этого слова; народъ какъ бы избралъ его пѣть вмѣсто себя (¹).»

Тó, чтó принимали за смерть, былъ только сонъ, утомленіе, разочарованіе, послѣ долгой и безплодной для народнаго блага борьбы: явился истинный поэтъ, съ неугасимой искрой Прометея —

И—о, дúво! трýпи встали
И óчі раскрúли:

(*) Воспоминаніе о двухъ малярахъ.

И братъ зъ братомъ обнялися
И проговорили
Сло́во тихоі любові
На віки и віки....

Облегчить обремененнаго, поднять покинутаго или падшаго, возвысить его до достоинства *человѣка*, пробудить его къ жизни *ему* свойственной, самобытной—вотъ идея, одушевлявшая Шевченка отъ первой до послѣдней минуты жизни. Независимо отъ того, что поэзія Шевченка была въ высшей степени проста, нѣжна, о́бразна, независимо отъ того, что она народна, — понятна рѣшительно каждому, — жизненность ея заключалась именно въ общечеловѣчности его думъ и чувствъ: при всей своей народности, поэзія Шевченка не носитъ въ себѣ ни малѣйшаго признака какой бы то ни было исключительности—національной, религіозной, политической, сословной; его пѣсни исполнены такой глубокой наивности — искренности, такой человѣчной правды, что нѣтъ ни одного народа, нѣтъ ни одного современно-развитаго человѣка, который бы не призналъ ихъ близкими, родными себѣ. Намъ разсказывалъ извѣстный славянистъ, Лужицкій Сербъ, г. Смолеръ, что въ одномъ обществѣ изъ представителей разныхъ славянскихъ племенъ кто-то предложилъ, чтобы каждый прочиталъ на своемъ нарѣчіи то́, что́ ему всего болѣе по сердцу. И вотъ, одинъ, вмѣсто того чтобъ читать на родномъ языкѣ, просилъ согласія на прочтеніе украинскихъ стиховъ Шевченка: въ своемъ собственномъ онъ не нашелъ ничего болѣе симпатичнаго... Великая душа Шевченка была полна безграничной любви къ человѣку и сочувственнаго безпристрастія ко всякому: отъ киргиза до украинца, отъ дикаря до Тургенева, отъ богача до бѣдняка, отъ пана до варнака; онъ, учась немногому, или, вѣрнѣе, почти не учась ничему, понималъ *жизнь* лучше весьма и весьма многихъ, которые цѣлый вѣкъ свой просидѣли за книгами и ничего изъ нихъ не умѣли вычитать, кромѣ узкой, обрамленной, все заранѣе порѣшающей, системы. Шевченко любилъ и уважалъ *человѣка* какъ онъ есть, какъ онъ вышелъ изъ рукъ жизни, исторіи; онъ яснѣе многихъ разумѣлъ—отчего люди вышли такими, а не иными—и былъ снисходителенъ ко всѣмъ ихъ недостаткамъ, — быть-можетъ и оттого, что самъ прошелъ всѣ степени нравственнаго развитія, могъ на себѣ наблюдать весь ходъ его, всѣ трудности, лежащія внѣ и внутри человѣка, на пути къ тому, чтобы стать истиннымъ *человѣкомъ*.

Безъ малодушой укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Измѣрить пропасти страстей,
Понять на дѣлѣ жизнь людей;
Прочесть всѣ черныя страницы,
Всѣ беззаконныя дѣла —
И сохранить полетъ орла
И сердце чистой голубицы: —
Се — человѣкъ!... (1)

Злоначинающихъ спини́,
У пу́та ку́тпі не куй,
Въ глибо́кі тю́рми не муру́й;
А до́бре зи́здущимъ рука́мъ
И покажи́ и поможи́ —
Святу́ю си́лу низпошли́;
А чи́стихъ се́рцемъ... коло іхъ
Поста́ви а́нгели свої
И чистоту́ іхъ соблюди́;
А всімъ намъ вку́пі на землі
Любо́въ, о Го́споди, пода́й,
И правдолю́біе пошли́!

Не нарі́ка́ю я на Бо́га,
Не нарі́ка́ю ні на ко́го:
Я са́мъ-себе́, дурни́й, дурю́,
Та́ ще й співа́ючи... Орю́
Свій перелі́гъ—убо́гу ни́ву,
Та сію сло́во: до́брі жни́ва
Колись-то бу́дуть!...
Ори́ся жъ ти, мой ни́во,
До́ломъ та горо́ю,
Та засі́йся, чо́рна ни́во,
Во́лею ясно́ю!

---

(1) *Тризна,* соч. Т. Гр. Шевченка на в.-русск. языкѣ.

Орися жъ ти, розвернися,
По́лемъ розстелися,
Та посійся до́бримъ жи́томъ,
До́лею полийся!
Розвернися жъ на всі бо́ки,
Ни́во-десяти́но!
Та посійся не словами,
А ро́зумомъ, ни́во!
Вийдуть лю́ди жи́то жа́ти...
Весе́лиі жни́ва!...
Розвернися жъ, розстелися жъ,
Убо́гая ни́во!!

«Да пусть Марко Вовчокъ пишетъ хоть по-самоѣдски,—лишь бы въ его писаніяхъ была *правда*», сказалъ онъ однажды по поводу вопроса, не слѣдуетъ ли высокоцѣнимому имъ писателю ограничиться сочиненіями на одномъ украинскомъ языкѣ.

И день иде́, и нічъ идѐ...
И, го́лову схопи́вши въ руки,
Диву́есся, чому не йде́
Апо́столъ пра́вди и на́уки!...

Вотъ его идеальныя, задушевныя желанія! Разумѣется, Шевченко не могъ, какъ истинный народный поэтъ, поэтъ правды и жизни, а не личныхъ только идеаловъ,—выражать одну любовь, одни идеальныя стремленія въ тѣхъ своихъ пѣсняхъ, гдѣ онъ былъ выразителемъ массы, которая такъ много выстрадала и такъ много горечи вынесла изъ своей исторической прошедшей и современной ему жизни. Но тамъ, гдѣ онъ выражаетъ самого себя, его поэзія всегда проникнута духомъ новой жизни, примирительныхъ отношеній даже къ врагамъ, тѣмъ духомъ, какой видѣнъ, напримѣръ, въ поступкахъ современнаго героя — Гарибальди. Шевченко, какъ великой нравственной силѣ, не надобно были проклятія. Даже въ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ онъ, съ такою страшною горечью и съ необычайною силой убѣжденія, высказывалъ правду современному обществу, — у него слышится *юморъ*, а не презрительно-холодный сарказмъ; — крикъ и слезы страданія,

источникъ котораго — оскорбленная любовь, — это зовъ къ благородству человѣческой природы, а не отчаяніе, — не смертный приговоръ.

Въ этомъ-то строѣ поэзіи Шевченка заключается всеувлекающая сила, которой поддавались невольно, какъ голосу нѣжнолюбящаго брата, люди всякаго возраста, состоянія, мнѣній—и въ-особенности женщины, сочувствіемъ которыхъ онъ дорожилъ выше всего и которымъ не переставалъ сочувствовать до послѣдней своей минуты.

Но мы слишкомъ отвлеклись отъ прямой своей задачи: наше дѣло изложить данныя; выводы возникнутъ сами-собою.

Возвращеніе Шевченка, послѣ 10-лѣтней разлуки, привѣтствовала вся Украина и не-Украина истиннымъ восторгомъ: на всемъ пути, отъ Астрахани до Петербурга, его встрѣчали, какъ друга, всѣ, безъ различія національностей,—знавшіе его по сочиненіямъ, или по слухамъ; всѣ старались дать ему почувствовать, что разлука и 10-лѣтнее молчаніе его ничуть не измѣнили ни уваженія къ нему, какъ человѣку, ни любви и сочувствія, какъ къ народному пѣвцу. Вотъ стихи (найденные въ бумагахъ покойнаго), которыми привѣтствовалъ его, въ то время, одинъ Украинецъ, *потомокъ Запорожца:*

Здоровъ, Кобзарь, здоровъ, брате,
Иди-лишь до хати:
Годі тобі журитися,
Годі сумувати!
Уже старі позбірались,
Прибігли дівчата,
Уже й хлопцівъ позбігалось —
Повнісенька хата.
Усі тобі зо́стрічь вийшли,
Усі ми радіимъ,
Що Тараса побачили
Тимъ же добродіимъ;
Що вінъ й теперъ, якъ бувало,
Добре въ кобзу грае,
Украину нашу любить
И гарно співае...
Заспівай же намъ, Тарасе,
Про тую чужину
Де ти бувавъ, якъ покинувъ
Свою Украіну;

Чи у полі, чи у лісі,
Чи, може, на морі—
Умивався слізонькамн
У біді та горі?
Чи тамъ світить ясне сонце
И зірки, якъ очі,
Або, може, хмари звисли
Одъ ночі до ночі?
Заспівай намъ, сизий голубъ,
Віддай серця долю:
Забуть тобі легше буде
Про злую неволю...
Сідай, друже, на покуті,
Кинь объ землю лихомъ:
Нехай воно пропадае,
Або лежить тихо;
Нехай тебе, нашъ кобзарю,
Хранить Божа Мати,
Подасть тобі довго жити
И довго співати.

На перепутьи, въ Москвѣ, за обѣдомъ, даннымъ Шевченку, прочитано было слѣдующее стихотвореніе:

25 марта 1858.

На святе Благовіщенне
Тебе привітаю,
Що ти, друже мій, вернувся
Зъ далекого краю!
Ой, якъ дуже за тобою
Тужила Вкраіна;
Усе тебе споминала,
А якъ мати сина.
Твоі думки—туманами
По лугахъ вставали;
Твоі слёзи —росицею
По степахъ спадали;
Твоі пісні—соловейкомъ
Въ садахъ щебетали...

Да щó й казать! Треба кажуть,
Великоі хусти,
А щобъ людямъ завьязати
Говорливі усти.
А тепера вже й не треба,
Бо вже времья иньше:
Теперъ людямъ говорити
И дíхать вільніше.
Хвалить Бога!... Вже й ти зъ нами,
Нашъ любий кобзáрю!
Бувай здоровъ—намъ—на радість,
А собі—на славу.
Перебувъ ти тяжке лихо
И лихý недолю;
Заспівай-же новихъ пісень
Про людськую волю;
Заспівай намъ такихъ пісень,
Щобъ мати-Вкраина
Веселилась, що на славу
Тебе породила!

За другимъ обѣдомъ, 12 апрѣля 1858 г. въ Петербургѣ, была такъ тепло и просто высказана общественная признательность многострадальному, но неизмѣнному, поэту:

«Несчастіе Шевченка кончилось, и съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожилась одна изъ неправдъ... Отрадно видѣть человѣка, который, среди ужасныхъ, убійственныхъ обстоятельствъ, не ослабѣлъ духомъ, не отдался отчаянію, но сохранилъ любовь къ своей тяжелой долѣ, потому-что она благородна. Это высокій примѣръ всѣмъ современнымъ нашимъ художникамъ и поэтамъ и уже одно это достойно обезсмертить Шевченка...

«Позвольте-же предложить тостъ признательности за Шевченка, который своими страданіями поддержалъ то святое вѣрованіе, что истинно нравственную природу человѣка не въ-силахъ побороть никакія обстоятельства!..»

Едва радостная вѣсть о возвращеніи батька—Тараса достигла Украины, какъ тотчасъ полетѣли къ нему привѣтствія и стихи, ему посвященные, просьбы о томъ, чтобъ онъ не измѣнилъ своему поэти-

ческому призванію. Тотъ проситъ у него новыхъ громкихъ пѣсенъ, «що бъ усі почули, чтобы снова отозвалось на нихъ людское сердце, чтобы веселѣе улыбнулась доля»; другой повѣряетъ ему свои собственныя думы:

Мина́ють дні, літя́ть года́, —
Чима́ло іхъ у вічность ли́не,—
И омива́ землю вода
Испо́кінъ-віку, — й не́бо си́не,
Уве́сь миръ Божий огляда́...
Въ однаковісеньку доро́гу —
Все по нака́зу, въ ладъ оди́нъ,
Куди́сь иде́, чого́сь кружля́...
Чи жъ безъ мети́ християни́нъ?
Чи жъ безъ кіньця́ — ота́ земля́?
И звідкі місяць яснолиці́й?
Те не́бо — со́нце — кра́сний рай?
И звідкі зіркі-чарівни́ці? —
Нашъ бідний ро́зумъ поспита́й! —
Про все ёго́ ти поспита́й —
Про світъ, за Бо́га и про люде, —
Про жизнь, за не́бо и про рай —
Та-ба! — одпо́віді не бу́де, —
Зати́хне ро́зумъ пере́дъ тимъ —
Вели́чнимъ ро́зумомъ святи́мъ...

Какъ къ другу, какъ дѣти къ отцу, обращались къ Шевченку съ своими надеждами, съ своимъ собственнымъ и народнымъ горемъ и радостію. Изъ далекой и дикой горной страны, *брати́*-переселенцы посылали свои жалобы въ Украину, черезъ *ба́тька Тара́са*, который живѣе всѣхъ могъ имъ сочувствовать:

— — — Кругомъ ліса́, кругомъ гори,
Байракъ зеленіе,
Да що́ зъ того, коли́ хліба
Ніде братамъ сіять!
Скрізь ка́менемъ взялась земля. —
Не можна орати:
Извелися ні-на-віщо,
Ба́тьку, наші брати!..

У де-якихъ й куска хліба
У хаті немае...
Друга річка буде текти
Скоро іхъ слёзами.
Оттакую, батьку рідний,
Брати встріли долю:
Біднимъ дітямъ въ Украіні —
Що батькй придбали
Степъ, широку славу—волю—
Й куточка не стало...
Щó жъ робити? сіромахи
Попрощались зъ родомъ,
Завьязали собі очи —
И — якъ камень въ воду! — —

Шевченко былъ очень скроменъ во всемъ, чтó до него лично касалось; о степени сочувствія къ нему узнали только послѣ его смерти.

Въ числѣ писемъ къ Т. Гр., мы встрѣтили письмо его *названоі дочки:* — кто она — угадать не трудно. Невозможно было читать это письмо безъ особеннаго трогательнаго чувства: оно не застало уже Тараса Григорьевича въ живыхъ, и такъ живо его напоминаетъ:

«Мій дуже дорогий Тарасъ Григоровичъ! Чую, що Ви усé нездужаете та боліете, а сама вже своімъ розумомъ дохóжу, якъ то Ви не бережете себе и які сердиті теперъ. Отсе, добрі люди скажуть: «Тарасъ Григоровичъ! може Ви шапку надінете: вітеръ!» а Ви заразъ и кирéю зъ себе кидаете.—«Тарасъ Григоровичъ, треба вікно зачинити:—холодно...»,—а Ви хутенько до дверей:—нехай на стежі стоять. А сами Ви тілько одно слово вимовляете: «одчепітця,» да дивитесь тілько у лівий кутокъ. Я все те добре знаю, та не вбоюся, а говорю Вамъ и прошу Васъ дуже: бережіте себе. Чи такихъ якъ Ви въ мене поле засіяно?..

«Іздили Ви на Украіну, були Вамъ тамъ пригоди, писали мині. Коли-то побачимось?—буду дожидати. Я теперъ пишу до Васъ зъ Риму; коли бъ же Васъ сюди занісъ який човничокъ, щобъ Ви не одъ людей почули, а на своі очи побачили, які тутъ руіни, дерева, квіти, а народъ який, а яке тепло, яке сонце. Я була у Колизеі на самому вишку, на окні сиділа, а якъ звідти зийшла, то й сама

не знаю. Була въ Ватикані:—колибъ же Ви були тамъ, Тарасъ Григоровичъ. У мене е для Васъ фотографія, та якъ її Вамъ передати? Я тутъ и роботаю, и вчуся, и гуляю. Ви напишіть мині словечко, коли часъ буде. Ви забули, чи ні, що Ви названий батько? Коли взяли имья, то взяли и біду батьківську: теперъ думайте и не забувайте.

«Прощавайте. Бережіть же себе, прошу Васъ дуже. Щиро до Васъ прихильна М. М.»

Вѣсть о болѣзни Тараса Григорьевича нашла названу дочку далеко отсюда; съ нѣжнымъ, истинно женскимъ участьемъ и совѣтомъ подходитъ она къ непокорному, равнодушному къ жизни больному, но... теплое слово дружбы достигаетъ до *названого батька* уже тогда, когда онъ былъ холоденъ и недвижимъ на вѣки...

Съ какою почтительною любовью, съ какимъ восторгомъ обращаются къ *Кобзарю,* вовсе незнакомые ему люди, въ телеграмахъ и письмахъ, посланныхъ, изъ разныхъ сторонъ Украины — увы! — къ послѣднему дню его именинъ, а также по случаю освобожденія крестьянъ,—котораго онъ ждалъ съ такимъ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ...

Вотъ-что́, между прочимъ, прочитали мы на одномъ посланномъ ему листѣ, съ рисункомъ, изображающимъ, въ лицахъ, освобожденіе крестьянина отъ крѣпостной зависимости (¹).

«Гей, степи́ безкра́і, го́ри тума́номъ пови́ті, моги́ли висо́кі, байра́кі глибо́кі, го́ді вамъ сумовати!... не бу́дете ви більше одкликатись на слёзи и жа́лібні пісні своіхъ синівъ; загуркоти́ть, мовъ грімъ, голосна́ и во́льна пісня, ви́рвутця зъ души́ високі думки и вітромъ бу́йнимъ пронесу́тця відъ кра́ю до кра́ю... стрепену́тця відъ ра́дости сини́ Украіни... Кобза́рю ди́вний! будь здоровъ и щасливъ на мно́гі літа; хай до́ля шану́е ти́хий супокой твоёі души́, щобъ стру́ни твоёі ліри го́лосно звеніли, на втіху и нау́ку ріднимъ дітямъ Украіни. День твого́ я́нголя зійшо́всь зъ велико́ю годи́нною во́лі народнёі семьі... Наста́не часъ, що й вони́, бідні, дозна́ютця гра́моти, що й іхъ ду́ші

(¹) Мы не сочли себя вправѣ назвать авторовъ по имени, не имѣя на то отъ нихъ позволенія, но готовы объявить объ нихъ по первому требованію съ ихъ стороны.

освітятця й одъ тéмного сну прокúнутця; зашумотятъ крúла рóзуму и полетятъ за хмáру висóкі дýмки нарóдні...»

Но — увы! — нашъ Кобзáрь не дождался дня освобожденія *братівъ своіхъ;* не слыхалъ уже ни привѣтствій, ни поздравленій: не залечили они смертельныхъ ранъ, нанесенныхъ ему жизнью...

Шевченко умеръ—и когда горестная вѣсть достигла Украины и Галицкой Руси, тотчасъ увидѣли, что это было *общественнымъ* несчастьемъ, *народной* утратою. Львовская молодежъ носила трауръ (*жалóбниі кокáрди*, какъ пишутъ оттуда), на своихъ козацкихъ шапкахъ. Въ Кіевѣ, Харьковѣ, Черниговѣ и Полтавѣ, извѣщенныхъ о смерти Шевченка по телеграфу, служили панихиды. Изъ Кіева по телеграфу сообщали желаніе принять, на свой счетъ, издержки на перевезеніе тѣла Шевченка въ Украину, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ похороненъ въ Кіевѣ; въ то же время, одинъ молодой помѣщикъ, изъ Черниговской губерніи, предлагалъ похоронить его въ своемъ имѣніи и насыпать надъ нимъ, по древнему народному обычаю, *висóку могúлу*. Можно навѣрное сказать, что смерть Шевченка отозвалась даже въ людяхъ равнодушныхъ, хоть чѣмъ-нибудь связанныхъ съ Украиной. Это всеобщее сочувствіе показалось бы, безъ сомнѣнія, больше всего неожиданнымъ для самого поэта. Онъ не сдѣлалъ во всю жизнь ни одного ни лишняго, ни криваго шага для снисканія популярности и чьего бы ни было благорасположенія. Онъ имѣлъ полное право сказать о себѣ, что *шелъ прямо* и *не лукавилъ*. Для себя собственно онъ ничего не ждалъ отъ жизни и ничего не желалъ отъ людей. Онъ съ трудомъ вѣрилъ, что его не позабудутъ современники, но это его не смущало: онъ зналъ, что жилъ не даромъ, что его вспомнятъ когда-то на Украинѣ—и эта мысль была для него единственною отрадой, если только онъ могъ находить отраду въ себѣ-самомъ.

Но глубоко почувствованная печаль Украинцевъ показала, что и современное поколѣніе умѣло оцѣнить Шевченка, что и оно умѣетъ быть признательнымъ. Мы не говоримъ объ его похоронахъ въ Петербургѣ: они уже были описаны въ *Основѣ* (мартъ); здѣсь мы только дополнимъ, что въ самый день смерти Тараса Григорьевича, всѣ бывшіе вечеромъ на панихидѣ собрались къ другу его, М. М. Л — му, гдѣ тотчасъ же было приступлено къ подпискѣ на увѣковѣченіе памяти Шевченка, и положено: 1) перевезти тѣло его на Украину, согласно (поэтическому) его завѣщанію; 2) поставить ему памятникъ; 3)

основать народную школу, подъ именемъ *Тарасовой* или *Шевченковой*; 4) содержать одного, или нѣсколькихъ, стипендіатовъ въ университетахъ—Кіевскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ лицеѣ и Академіи Художествъ; 5) издать наилучшимъ образомъ его сочиненія; 6) назначить преміи за лучшее жизнеописаніе поэта на украинскомъ языкѣ и за лучшій критическій разборъ его сочиненій; 7) издавать народныя руководства по разнымъ предметамъ; 8) помогать его роднымъ, и 9) кому-либо изъ ближайшихъ друзей его, ежегодно посѣщать его могилу на Украинѣ.

Разумѣется, все это было высказано какъ желанія, исполненіе которыхъ обусловливается количествомъ сбора по подпискѣ до сихъ поръ вполнѣ исполненъ лишь первый пунктъ, но мы увѣрены, что при добромъ содѣйствіи земляковъ, для которыхъ дороги память поэта и народная польза все предположенное будетъ исполнено. Увѣренность свою мы основываемъ на множествѣ писемъ, стиховъ и предложеній, съ которыми связано имя дорогаго поэта. Приводимъ нѣкоторыя въ подлинникѣ, чтобы читатели могли вывести сами свое заключеніе.

Насъ чрезвычайно тронуло письмо, присланное изъ за-границы, однимъ москвичемъ, который, путешествуя по Киргизскимъ степямъ, въ 1852 году, имѣлъ случай видѣться и познакомиться съ Шевченкомъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Вотъ-что писалъ г. Г — овъ при первой вѣсти о нашей утратѣ:

«Шевченко умеръ!... —

«Плачъ, плачъ, скорбный плачъ души отозвался на это извѣстіе. Это былъ человѣкъ, передъ которымъ, по огромности его таланта и самымъ горькимъ испытаніямъ, безмолвно клонилась вся Россія. И, только-что освобожденнаго, только спокойно зажившаго, подышавшаго свѣжими намеками настоящаго времени, настоящаго царствованія, судьба скрутила. Неужели всегда судьбѣ нужны бываютъ, при исполненіи чего-нибудь великаго, люди, которые живутъ мыслью совершаемаго,— лучшія жемчужины вѣка? Скорбно, невыразимо скорбно.... Это страшное извѣстіе какъ громъ поразило меня. Тарасъ Григорьевичъ! Неужели не увижу я тебя больше, не услышу твоей рѣчи, не упьюсь твоимъ свѣтлымъ, свободнымъ словомъ? Конецъ концовъ насталъ для тебя, и мы всѣ, съ сжавшимися отъ горя и скорби сердцами, плачемъ, и только плачемъ, безсильные противъ страшныхъ ударовъ судь-

бы. И какъ-то страшно и не хочется сказать: «миръ праху твоему,» какъ будто прахъ тотъ не прахъ еще, какъ будто оживетъ онъ, какъ будто судьба не могла такъ насмѣяться надъ нами....

«Видѣли ли вы его въ послѣднее время, и что́ съ нимъ было? Что́ говорилъ онъ, глядя на настоящія событія въ Землѣ Русской, на начинанія чего-то свѣтлаго, начинанія, которыя, увы! не дано было ему увидѣть; я увѣренъ, что вы, не откажете тотчасъ же написать мнѣ объ этомъ. Грустно, невыразимо грустно, не могу ни о чемъ больше думать, ни о чемъ больше говорить. Это ужасно: въ послѣдніе два мѣсяца Аксаковъ, Хомяковъ и наконецъ—Шевченко! Это неистовство смерти!..»

Во множествѣ другихъ писемъ и стиховъ высказалось такое же соболѣзнованіе. Общественное сочувствіе къ памяти народнаго поэта, живѣе всѣхъ выразила Полтава:

«Щирі Полтавські Украинці,»—писавъ А. Я. Коніський,—25 лютого, послали Т. Гр. Шевченку телеграмму, и поздоровляючи его зъ именинами, сподівались, що певно любий «Кобзарь» утне на своїй голосній кобзі нову голосну пісню, котру почують далеко-далеко! Та ба!..

«Передъ обідомъ, 27 лютого, прогриміла въ Полтаві несподівана звістка, и ко́ло серця гадюкою обвилася... Черезъ телеграфъ, намъ дано зна́ти, що 26 лютого, въ половині шестої години зранку, умеръ Шевченко... Чи треба жъ объ тімъ й говорити, яке горе, яка смута, яка страшна нудьга залягла въ душу кожного, хто хоть чувавъ про Шевченка...

«У вечері того жъ дня була випущена по городу печатна оповістка, що завтра буде по покійному панахида. Сёгодні (28-го) въ $^1/_2$1-і години зранку Стрітенська церковъ була повнісенька усякого народу: панівъ, козаківъ, крепаківъ, міщанъ и купцівъ. Отъ, очинились олтарні двері и вийшли, въ чорнихъ ризахъ, протопопъ съ трома панотцями и стали править панахиду... Коли бъ же ви бачили, якъ щиро, якъ тепло молились усі люди за покійного поэта! які тихі, та гарячі слёзи лились зъ очей у кожного! А якъ заспівали *вічну памьять*, отутъ-то було плачу!.. Здавалось, що и дзони гули якось не такъ: неначе и вони голосили жалібно-жалібно!.. Наче й вони говорили: «ні, нема, нема вже Кобзаря! Нікому теперъ могучимъ голосомъ звеселить Украіну!.. Що жъ теперъ станешъ діяти, Украіно, Украіно, рідна наша ненько!...

«Тяжко-тяжко згадувать про Т. Г. Шевченка и якъ про чоловіка, и якъ про поэта...

«Спочивай же, любий Кобзарю, тихо-тихо, та часомъ поглядуй изъ за могили на насъ, на всю Украіну, и привітай ласкаво нашу молитву, нашу любовъ и наше щире, жалібне слово:

Вийшовъ місяць—на могилки
Зъ неба подивитись,
Кругомъ глянувъ яснимъ окомъ,
И почавъ журитись...
Далі въ хмару завернувся
Не схотівъ світити;
За нимъ й зірки поховались,
Якъ за батькомъ діти.
Нічъ, якъ воронъ чорний, стала,
Хмари скрізь блукають,
Вітри буйні съ хрестами
Сумно розмовляють...
Чого жъ місяць, чого ясний
Хмарами укрився?
Чого, вітеръ, чого буйний,
Грізно росходився?...

— Місяць бачивъ, якъ учора
Могилу копали,
И въ могилу домовину
Стиха опускали...
Зачинилосъ въ Украіні
Покутне віконце! —
Заховалось підъ землею
Украінське сонце!..
Умеръ Кобзарь!.. Его пісні
Більше не греміти.....
И ставъ вітеръ на могилі
Сумно голосити,
То завие, то застогне,
Жалібно заллетця:
Наче сокілъ объ могилу
Крилами забьетця;

Бьетця, квилить,—свіжу землю
Зъ могили змітае, —
Молить: «встань мій вольний брате!»—
Ні! не дочувае!...
Спи, Тарасе, тихо-тихо,
Поки Богъ розбудить;
Твого жъ слóва въ Украіні
Повікъ не забудуть...

Кромѣ *А. Я. Конисскаго*, стихи на смерть Т. Гр. Шевченка доставлены еще отъ гг. *А. Василенка*, *В. Э. Дьяковскаго*, *Ив. Кривоносова*, *В. С. Кулика*, *А. Липянскаго*, *М. А. Максимовича*, *М. А. Малашенка*, *В. Маслія*, *К. Мовы*, *А. А. Навроцкаго*, *Неизвѣстнаго*, *В. Пивтора-Кожуха*, *А. Славира*, *И. Л. Соколова*, *Авкс. Ив. Тарновскаго*. Приводимъ нѣкоторые:

I.

В. С. КУЛИКА.

Поховали.... Украіна
Загадавшись плаче,
Поховали духъ великий
И серце гаряче;
Кобзаря свого втеряла
Вдова-Украіна,—
Поховала бідна мати
Найкращого сина!..

Ні, не всёго поховали
Тебе на чужині.....
Твое слово животворне
Живе на Вкраіні;
Твоя дума, твоя пісня
Повікъ не загине,
Поки буде рости-жити
Козацька дитина;
Твое слово измáлечку
Повитвердять діти:

Будешъ зъ ними зеленіти
Українськиий квіте!
Тее жито, що посіявъ,
Зійде... жати будемъ.
Розбудивъ еси насъ, батьку...
Тебе не розбудимъ!

II.

М. А. МАКСИМОВИЧА (*).

Все утрата въ певнихъ людяхъ —
Ой, якъ не тужити!
Отъ, и нашого Шевченка
Не стало на світі...
Порôвнявся день изъ нôччю,
Сонце пригрѣвае,
Пропадá зима велика,
Весна настигае.
Отъ, затóго Днѣпро скине
Ледяныи шаты;
Станутъ луги зеленѣти,
Сади розцвѣтати;
Заспѣваютъ жайворонки
Весело у полі,
И возрадуютця люде,
Що дождались волі.
А ты, друже, непробудно
Заснувъ на чужинѣ,
И не будешъ твоихъ пѣсень
Співатъ на Вкраинѣ.
Не судилось, якъ хотѣлось,
Щобъ у своêй хатѣ,
На тôй горѣ наддніпровôй
Життя зазнавати.

(*) 12 марта, 1861 г. *Михайлова-Гора.*
Сохраняемъ, по желанію автора, правописаніе подлинника.

Иншу долю Божа воля
Для тебе судила,
Що високимъ даромъ пѣсень
Тебе надѣлила;
Дала серце, щобъ любило
Широкую волю;
Вѣщу душу, щобъ боліла
За людьську недолю;
Ясны очи, щобъ лилися
Зъ ихъ слёзи гарячи,—
Щобъ по світу роздалися
Твои дивни плачи...
Стоить верба підъ горою,
На Днѣпръ похилилась;
За коханымъ своимъ синомъ
Мати зажурилась.
Вѣчна памьять тобѣ, друже,
Кобзарю единый!
Твоя пісня, твоя слава
Не вмре, не загине...

III.

А. А. НАВРОЦКАГО.

1.

То не вітеръ стогне въ полі,
Не филя у морі:
То постигло Украіну
Тяжке-важке горе:
Наше щастя, наша радість,
Наша кріпка сила,
Душа чиста, праведная,
Якъ свічка згоріла!..
Плачъ же, нене, плачъ нещасна
Вдо́во-сиротино:

Нашъ кобзарь, нашъ батько щирий,
Тарасъ насъ покинувъ!
Хто жъ піснею високою,
Чистою, святою,
Тутъ підніме наши души
Зъ мертвого покою?
Не роздастця смілий голосъ
На всю Украіну,
Не порадить щирихъ дітокъ
У лиху годину....

Тільки вставъ ти —
Тільки визволивсь — и щирий
Голосъ твій роздався,
Тільки-що живéе слово
Міжъ нами пробігло,
Якъ изнову похололо,
Навіки застигло
На устахъ твоіхъ холодних,
И безъ тебе діти
Осталися сиротами
Малими на світі...
Осталися... А ти жъ, орле,
А ти жъ, рідний тату,
Піднімавъ насъ всіхъ у гору,
Привертавъ до хати;
Еднавъ Славянъ всіхъ до купи
У семью велику,
Благавъ Бога, щобъ злилися
Славянськиі ріки,
Щобъ братами люде стали
Во віки и віки.

Літай, орле, й зъ того світа,
Літай поміжъ нами,
И віщуй намъ живе слово
Й мертвими устами,

Віщуй дітямъ слово правди,
Щобъ не забували,
И любовию святою
Ввесь світъ обгортали!

2.

Не втихомирилась душа,
Сумуе и плаче,
Виливае тугу-горе
И серце гаряче,
Виливае гіркі слёзи,
Якъ мала дитина...
То не одні моі слези —
Чистая росина:
Въ моій тузі—то по тобі,
По великімъ сину,
По тобі, Тарасе, плаче
Мати—Україна:
Стогне, бьетця и голосить,
Жалібно ридае,
Що безъ тебе порадоньки
Де найти не знае...
Твоя пісня не озветця
Соловейкомъ въ гаі,
Не розважить, не рознесе
Вдовиного жалю;
Не наповнить знову души
Живою росою —
Сцілющою, живущою
Дрібною слёзою...

Ні, не вмре вона, не згине
Та пісня висока:
Всімъ запала вона въ душу
Глибоко, глибоко.
Хоча бъ, батьку, після тебе
Затихло, змарніло

Наше слово молодее,
Й навіки въ могилу
Полягло воно зъ тобою,
То намъ, хвалить Бога,
На вікъ вічній стане твого
Сло́ва голосно́го.
Не вмре воно — животворне,
Не вмре—не поляже,
И про твою тяжку славу
Всімъ людямъ роскаже;
И освітить всёму миру
Твій рай — Украіну,
Всімъ покаже, що недаромъ
Жила сиротина;
Що іі тихая доля —
Не пустоцвітъ въ світі,
Що ище колись здадутця
Іі щирі діти....
А ти, батьку, й зъ того світу
Доглядуй за нами,
Щобъ не пішли твоі діти
Чужими шляхами.

IV.

А. ВАСИЛЕНКА.

Пу́гу-пу́гу!!! ні, не чути!..
Вже Тарасъ не відгукнетця.
Надало ёму майнути...
Хто слёзою засміетця,
Хто про горе намъ заграе,
Щобъ ажъ лихо танцювало...
Батька нашого не стало:
Хто жъ сирітъ насъ привітае?!
Плачте, браття, плачте, діти,
Сталось люте горе:

Наша доля слёзи лити...
Виллемъ ціле море;
Ні, не стане й моря—мало—
Горе утопити...

Гай-гай! кете-лишъ кресало
Люльку запалити!..
Ой, на серці дуже тьмяно,
А дихнути —важко, важко.
Душу всю укрили рани...
А де-жъ нашъ ватажко?!..

Ти все знавъ, Тарасе, кобзарю нашъ рідний,
Чого реве вітеръ въ безкраімъ степу,
Чого вінъ питае козацьки могили,
И сумно гуде про вдову-сироту.
Ти знавъ, чого чайка надъ Дніпромъ кигіче,
Объ чімъ соловейко співа на тополі,
Чого й пугачъ стогне, и жалібно кличе
Когось-то, щобъ глянувъ на гіркую долю....
Ти знавъ, чого й батько—Дніпро нашъ широкий,
Надметця и филю горою здійма,
И кинетця въ море и въ Чорнімъ, глибокимъ,
Чогось и шука й підіймае зо дна....

Живая либовь Украинцевъ къ своему поэту не могла ограничиться однѣми пѣснями и слезами: тотчасъ же явилось желаніе—увѣковѣчить память Шевченка общеполезными дѣлами. Изъ нѣсколькихъ писемъ, выражающихъ это, приводимъ письма Н. М. Мельника и М. Н. Дарагана.

«Дуже спечалила насъ вість про смерть дорогого нашого Тараса Григоровича...» (озвався щирий землякъ нашъ Н. М. Мельникъ). «Покійний батько одинъ у насъ бувъ, та чи й діждемо другого. Мабуть уже намъ не дожидати, а хоть би дітямъ нашимъ. Вінъ такъ багато зробивъ и для родного письма и для народу, що ми не знаемо, съ кімъ его й рівнять, якъ его й почитать. — У такого чоловіка, который самъ, своими гіркими трудами и окровавленними ногами, зійде на ту дорогу, якъ покійний Тарасъ, мабуть не ба-

гато останется въ калитці або скрині, мабуть стілько, що нічимъ буде и поховать, а щобъ хрестъ на могилі поставить—про те нічого й думать... Отъ же мені й прийшло на думку: чи не можна бъ зібрать покійному на хрестъ? И Земля наша велика, и насъ, спасибі Богу, багато (хоть мало багатихъ, а всі—якъ то кажуть—безгрішні): то, я думаю, треба начать, а въ добрімъ ділі и другі поможуть, — не пожаліють, хто скільки зможе, да такъ може й зберемо стільки, що й на хрестъ стане—не на деревьяный, а на такий, що ні въ огні не горить, ні въ воді не тоне. Отъ моя думка: якъ би зо всеі Вкраіни назбірать стільки, щобъ воспитовать, во имья покійного Тараса, ёго родича, або земляка, въ Київскимъ университеті,—звичайно—на процентъ изъ зібраних грошей. Ото булабъ вічна памьять покійному! легше булобъ ёму лежать підъ землю, якъ би хоть посмерти его почтили, якъ подоба, коли за живота не вміли. Прошу васъ, земляче, гукніть, будьте ласкові, землякамъ столичнімъ, Кіевскимъ, Полтавськимъ и всімъ Украинцямъ: побачите коли воно не вийде до діла. Ище якъ я вчився въ Полтавській гимназіи, то збірали по всімъ школамъ на памьятникъ Крылову; дітвора давала по сороківці, а вже багато—по коповику, та й дуже важний памьятникъ изъ збору зробили, що стало бъ процентівъ не на одного школяра. Жаль тільки, що вінъ даромъ бованіе, а сей, що хотілось би поставить Тарасові, знатимуть и будуть почитать люди, бо не одна бідна душа черезъ ёго може світъ побачить. Збіранка наша не пійде въ осудовище, а всі похвалять, и подякують, и поможуть...»

Вотъ другое предложеніе.

«Я желалъ бы,»—писалъ М. Н. Дараганъ,—«обратиться къ почитателямъ безсмертныхъ произведеній нашего украинскаго поэта съ нижеизложеннымъ предложеніемъ, и надѣюсь, что оно не останется безъ сочувствія со стороны просвѣщенныхъ соплеменниковъ.

«Извѣстно, что покойный Т. Г. Шевченко, по своему рожденію, принадлежалъ къ крѣпостному состоянію изъ имѣнія помѣщика Флёрковскаго, Кіевской губерніи. Геніальныя поэтическія дарованія открыли ему, впослѣдствіи, возможность свободно развивать свои таланты, но едва ли онъ могъ когда нибудь забыть извѣданныя въ лѣта юности испытанія, едва ли онъ могъ забыть прежнихъ собратій своихъ. Это скорбное чувство, которое Тарасъ Григорьевичъ, безъ сомнѣнія, ко конца жизни не переставалъ носить въ сердцѣ своемъ, и было, донечно, въ значительной степени причиною, что почти всѣ его сти-

хотворенія проникнуты глубокою, иногда безотрадною, грустью. Смерть похитила поэта только за нѣсколько дней до великаго торжества (5 марта), когда всенародно произнесенъ былъ смертный приговоръ крѣпостному праву. Ему не привелось видѣть погребенія того начала, которое было источникомъ многихъ его несчастій... Нельзя не пожалѣть объ этомъ, нельзя не грустить о преждевременной кончинѣ... Намъ остается однакожъ утѣшеніе,—это—право дѣлать все, чтобъ память о Тарасѣ Григорьевичѣ запечатлѣлась какъ можно болѣе твердыми чертами въ томъ народѣ, которому онъ всю жизнь былъ всецѣло преданъ, въ томъ сословіи, изъ котораго онъ вышелъ. Какъ одно изъ средствъ для этой цѣли, я предлагаю воспользоваться великимъ событіемъ дарованія помѣщичьимъ крестьянамъ правъ свободныхъ гражданъ и соединить имя нашего поэта съ обезпеченіемъ судьбы нѣкоторыхъ изъ тѣхъ прежнихъ его собратій, кои не имѣютъ средствъ для выкупа у помѣщика своей усадебной осѣдлости и полевыхъ угодій. Я предлагаю открыть подписку на пожертвованія, съ цѣлію оказать пособіе въ упомянутомъ случаѣ сначала родственникамъ покойнаго Тараса Григорьевича, а потомъ, если сумма будетъ достаточна, бѣднѣйшимъ крестьянамъ, поселеннымъ въ той деревнѣ, гдѣ родился поэтъ. Кромѣ подписки, для увеличенія средствъ, можно было бы устроить также литературныя чтенія. Собранныя деньги могутъ быть употреблены по назначенію или черезъ мироваго посредника, въ уѣздѣ котораго находится сказанное имѣніе, или чрезъ посредство другаго довѣреннаго лица, какъ это будетъ признано болѣе удобнымъ.

«Какъ бы ни былъ малъ итогъ будущихъ пожертвованій, но если онъ будетъ достаточенъ на пособіе, въ необходимой мѣрѣ, даже только одному семейству, то и этотъ фактъ, совершенный въ память славнаго пѣвца нашей родины, уже будетъ долго служить хоть малымъ и скромнымъ, но живымъ памятникомъ Тарасу Григорьевичу.

«Если предложенная мною мысль найдетъ въ обществѣ сочувственный отзывъ, то можно будетъ приступить къ ходатайству о дозволеніи открыть подписку. Зная восторженный успѣхъ, какимъ пользуются произведенія поэта и популярность его имени въ Малороссіи, можно надѣяться, что это дѣло не встрѣтитъ недостатка въ единодушіи со стороны нашего общества. Что касается до меня, то, какъ первый подавшій мысль о пожертвованіи, я напередъ обязываюсь представить куда потребуется ту малую долю (25 р.), какую позволяютъ мнѣ удѣлить, на общеполезное народное дѣло, мои ограниченныя средства. Да послужатъ

намъ примѣромъ, въ настоящемъ случаѣ, наши единоплеменники—Чехи, которые, начиная подписку съ самой незначительной суммы, успѣваютъ собирать большія средства на воздвиженіе памятниковъ своимъ знаменитымъ литературнымъ дѣятелямъ (*).

Мысль объ увѣковѣченіи памяти Шевченка явилась также въ Полтавѣ, Харьковѣ, Черниговѣ, Одессѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ: осуществить ее предполагалось посредствомъ подписки, концертовъ, спектаклей и публичныхъ чтеній.

Нѣкоторыя лица уже прислали деньги для этого назначенія. Отъ Черноморцевъ, изъ Екатеринодара, доставлено 200 р., при слѣдующемъ письмѣ:

«Пройшла чутка й на Чорноморії, якъ ви тамъ, у Петербурсі, ховали нашого, на віки вічні славного Тараса. Читали й ми увъ *Основі* ті речі, що ви, спасибі вамъ, говорили біля труни ёго, и на серці полегшало одъ думки, що й у далекій стороні знайшлись-таки люде зъ щирою душею,—що й тамъ уклонилися на могилі Незабутного!.. Батьки наші не вміли гарно, якъ-то кажуть—по-пісьменному балакати, або хвалити;—такички й ми: серце ворушитця, на душі наче промінь божий, а язикомъ не втнешъ—вибачайте!

«Довелось и намъ прочитати, що люде й у Московщині збірають поміжъ-сéбе гроші, щобъ зробити щó на памьять Тарасові; а ми-бъто й сидітемемъ, мовъ се діло чуже, абó-що?.. Ні!.. А ну-лишъ, бідолашне козацтво, хапайсь за «*Наталку-Полтавку*,» та заграемо на тіятрі, та заспіваемо: отъ и зберемо грошенятъ хочъ трохи...

Чорноморські Паніі *Любовъ Шарáпова* да *Марѳа Головата* изъ радістю узяли свої ролі; *Клеофасъ Головáтий*, *Дмитро Кучерóвъ*, *Иванъ Плохúй* и *Стецькó Шарáпъ*—тежъ,—та оце ті гроши, що зібрали зъ невеличкої Екатеринодарської громади нашої, и посилаемо: не багацько,—вибачайте: — обідрались, бачте, кишені Запорозькі въ вісімдесятъ рікъ..—тільки посилаемо ми іхъ одъ щірого серця!—Робіть зъ ними—що хочеше—на памьять Тараса Шевченка,—и не порéмствуйте на Чорноморцівъ...»

Съ искреннею благодарностью и невыразимою радостью приняла здѣшняя громáда не столько самое приношеніе, сколько родное теплое

(*) Нельзя не пожелать, чтобы благородныя мысли, высказанныя въ приведенныхъ письмахъ, нашли себѣ полный отголосокъ въ обществѣ, и скорѣе осуществились на дѣлѣ. *Михаилъ Матвѣевичъ Лазаревскій* не отказался бы принимать у себя присылки для вышеозначенныхъ цѣлей.

слово и благородныя чувства, его сопровождавшія, какъ явное опроверженіе невѣрныхъ слуховъ, будто *Чорноморці*, вдали отъ родины, какъ вѣтка оторванная отъ роднаго дерева, уже измѣнились, *охолодимися для неньки старенької, для Вкраїни милої, для дорогихъ її памьятокъ*.—Нехай же добрі люде довідаютця, що сему не була правда й ніколи не буде: щира й правдива душа и на крайсвіта несе зъ собою оттой найдорогший скарбъ—найкращу втіху — при добрій и при лихій годині!—

6 мая, въ Полтавѣ, на память о Шевченкѣ посаженъ дубъ (надъ дорогою, въ саду И. Н. Гуссона). Дубъ этотъ будетъ обгороженъ желѣзною рѣшеткой; на мѣдной дощечкѣ будутъ вырѣзаны стихи: «*Твоя дума, твоя пісня не вмре, не загине.*»

Украинская *громада* въ Петербургѣ свѣжо хранитъ священную память о Тарасѣ: въ каждый воскресный день—день смерти великаго *громадянина*—собираются земляки вмѣстѣ, чтобъ помянуть его добрымъ словомъ или любимою его пѣсней, и всякій разъ при этомъ собирается небольшая сумма на увѣковѣченіе его памяти какимъ-нибудь общеполезнымъ дѣломъ. Пока тѣло Шевченка оставалось здѣсь, Украинцы собирались повременамъ на его могилу; обыкновенно почтенный священникъ-землякъ правилъ панихиду, которая сопровождалась также и пѣніемъ земляковъ, знающихъ церковную службу. Могила Шевченка постоянно вся была въ зелени и вѣнкахъ; изъ-за нихъ не было видно ни земли, ни снѣгу, и она скорѣе напоминала весну, жизнь, чѣмъ смерть.

Въ сороковой день, передъ отправленіемъ гроба въ Украину, земляки собрались на могилу проститься; послѣ панихиды, М. И. Комаровъ произнесъ слѣдующее слово:

«Ще́ разъ зібра́лись ми́ до те́бе, по Тара́се, да́кувати тобі́ за все́, що́ зроби́въ ти́ для на́съ, — за гірки́ слёзи, що ли́въ ти́ цілви́ вікъ свій за своїхъ діте́й. Ду́же, ма́бути, були́ вони́ палю́чі, бо схамену́лась вся Украіна, якъ поба́чила іхъ. Схамену́лась та й загада́лась... Нагада́въ ти ій, Тара́се, про сла́вну давнину, про вели́кі діла́ на́шихъ батькі́въ, про сла́внее коза́цтво... Нагада́въ ти ій про все́, що колись діялось на Вкраіні:

«Чия пра́вда, чия кри́вда,
И чиі́ ми діти».

«Якъ Бо́жий грімъ грімнула твоя́ свята́ пісня по всій Украіні. За-

ворушилась бідолаха,—прокинулись твої дітки, ажъ дивлятця, а ти показуєшь імъ далеко-далеко щось ясне та блискуче.

«Не одна Україна здивувалась твоїй святій річи: здивувались їй всі, кому дороге слово правди.

«Ніхто, до тебе, Тарасе, не зъумівъ такъ голосно заявить, що й підъ сірякомъ бьєтця щіре серце й правдива душа. Честь тобі, Тарасе, и козацька слава: якъ никатувала якъ ни мордовала тебе злая твоя доля, не зломила вона тебе.

«Проволочивъ еси, Тарасе, своє тяжке горе ажъ до самої могили:—вибачай,—не вміли ми тебе шанувати. Теперъ тільки, якъ ти вже покинувъ насъ, зважили ми наше лихо, та не вернетця. Теперъ тільки побачили ми, що зъ тобою заховали ми въ труну все те, чімъ билось серце України, чимъ живилась и душа. Своїмъ лихомъ протоптавъ ти намъ надъ Дніпромъ добру стежку; маємо въ Бога надію, що всіми не похибно підемъ по тій стежці. А якъ-же котрі зъ насъ похилятця, або відцураютця одъ твого великого завіту, то відцурайся й ти відъ ніхъ, Тарасе, бо то не твої діти. Але жъ маємо въ Бога надію, що не знайдетця міжъ нами такіхъ, бо наші батьки такъ не робили, та й дітей своїхъ не вчили такъ робить....

«Бачъ, Тарасе, яка тісненька купка зібралась биля тебе: оце все твої щірі діти прийшли сказать тобі остатнє велике спасибі. Благословиі-жъ насъ, батьку, кінчать те діло, що обіллявъ ти гіркими слёзами....»

П. А. Кулишъ также приготовилъ-было рѣчь, но не могъ произнести ее—по нездоровью. Сообщаемъ ее читателямъ *Основы*.

«Пановe-громадо! Уся́ка людина мае свою вагу на світі, уся́ке наше діло мае свій таемничий розумъ; тільки що-дрібнимъ дрібязкомъ точатця наші що-денні справи,—тимъ и не змогли бъ ми зважити, хочъ би й хотіли, чого стоїть міжъ нами оттака й така людина и що за сила въ оттакихъ и такихъ її учинкахъ. Виднійше намъ усе те въ високихъ розумомъ письменникахъ, або въ великихъ гетьманахъ. Тимъ-то біография, менша сестра історні, пильно придивляетця до життя значнихъ мужей громадськихъ, а ще пильнійшъ до життя славнихъ писателівъ: сі бо великі люде знаменують собою нашу родову високість народню, нашу живу силу громадську. Такий знаменатель бувъ и Шевченко. Порано ще, панове громадо, прорекати слово остатнє про Тараса: ще ми гаразд не зрахували, скільки ми зъ нимъ утеряли. Хочъ же бъ се була й найбільша наша втрата

після Берестéцькоі хáлепи, то все жъ намъ не честь, не подóба безъ пуття́ надъ ёго́ моги́лою смуткувáти. Живи́й живé гадáе: живи́й чоловíкъ перемóже вся́ку тýгу й печáль, и найбільша пригóда найбільше додаé живóму чоловíкові си́лі. Отъ же, якъ я вважáю, панóве-громáдо, то смерть Тарáсова нічóго въ насъ не одняла́, я́ко въ нарóду. Ні, вонá намъ, я́ко нарóдові, óчи оспя́ла; вонà передъ нáми велíке дíло Шевчéнкове впóвні явíла, а самóго Шевчéнка мовъ на горі посередъ насъ постáвила, що всякому теперъ розýмно, якóю тернóвою стéжкою добрáвся Тарáсъ до свогó вічнёго опочи́нку.

«Изъ панськоі *перéднеї*, шви́ргонýла Тарáса дóля на край світа, на оцé бáлище химéрне, та й постáвила передъ чоловíкомъ, котóрий трохá чи не оди́нъ въ столиці уважáвъ себé вільнимъ всемирнимъ громадя́ниномъ. Річъ про Брюлóва Кáрла. Підъ ёго́ гóрдимъ крилóмъ ви́кохавъ Шевчéнко свої дýми висóкі; одъ ёго перенявъ Шевчéнко гарячу живóпись, а фáрбами до нéі взавъ рідне, щи́ре, голосне́ слóво. Чи по всякъ же то день, панóве громáдо, пробувáвъ Тарáсъ на висóкости висóкий? Пéвно, що ні.

«А щó жъ вінъ, спускáвшись, дóлі знахóдивъ?... Оввá!... Згадáйте лишъ панóве брáття, слáвні козáченьки, згадáйте сорокóві рóки столи́чні, ти́і-то рóки, якъ ще́ свіжою си́лою кипіла кровъ у Тарáса. Що тоді булó въ нáшій громáді столи́чній?... До кóго булó Шевчéнкові тоді въ товари́стві прихили́тися? чи до тихъ, що себé людьми́ статéчними величáли и людське́ безголівья гáрнимъ яки́мся поря́дкомъ уважáли, чи до тихъ, що на ввесь миръ рукóю махнýли и бурлáцькимъ рóбомъ пó світу буя́ли, що «свою,» мовлявъ, «пили́, а не кровъ людськýю»? Хто зъ нихъ бли́жче припадáвъ до сумнóі душі поэти́чнёі?.. Эгé!.. Отъ же, коли́ хóчете знáти, то й та статéчність, и те буя́ння необáчне рівно огóнь святи́й у людськи́хъ дýшахъ гасили, и куди́ бъ ні ки́нувся Шевчéнко, куди́ бъ ні оберну́вся, всюди вінъ багáто своéі си́ли збувъ би, якъ и всі ми збувáли. Передъ очи́ма жъ у ёго бувъ таки́й же, якъ и вінъ, гороп́аха, щó поглядомъ глибóкимъ збагнýвъ невилáзні затóни життя́ громáдського, та й попусти́въ свої орлóви кри́ла відъ смýтку. Тя́жко вони́ сумувáли оби́два, що немá крáю тимъ затóнамъ, немá черезъ нихъ брóду,—сумувáли, пáдали ни́зько дýхомъ висóкимъ, и багáто одня́въ у іхъ обóхъ той упадокъ. Мóже, тільки части́ну, малý части́ну свогó душéвного скáрбу, ви́явивъ намъ Шевчéнко; мóже, вінъ не прорікъ намъ що-найкрáщихъ річéй своіхъ. Чи дýрно жъ бо въ ёго написано про Перебéндю: «Оди́нъ вінъ міжъ

ними, якъ сонце високе?..» Ой,—ой,—ой, панове громадо! Хиба жъ бо й справді вінъ бувъ не одинъ середъ блискучого натовпу столичнёго, котóрому булó байдуже про тéмнихъ братівъ своіхъ? Хиба жъ бо й справді не одинъ вінъ міжъ усіма поэтами заговорив мужичимъ, тимъ забутимъ словомъ про всемирню правду? Хиба жъ не одному ёму, мужикові вбогому, сироті безталанному, мусили нізько вклонитись люде розумні и поважні, яко «тому, хто все знае, тому,хто все чуе»?.. Отъ же, панове-громадо, оцёй Шевченко, вийшовши дивомъ якимся изъ тиі темноти притоптаноі, похилоі, безъязикоі, знаменуе намъ собою, що то за глибиня нескінченно-багата, котóра ёго на світъ появила! Добре ви чините, що великимъ поэтомъ ёго величаете и шанобу ёму, яко великому поэтові, воздаете; а ще лучче, а ще краще зробите, якъ поглянете на ёго иншимъ поглядомъ. Вінъ бувъ пророкомъ иншого життя громадського. Вінъ, вийшовши съ того мужицтва таемничого, не багато кому розумного и доступного, горить передъ нами, мовъ у ночі ясна свічка надъ великимъ скарбомъ,—и чи даремне жъ вінъ горітиме? Чи довго ще той скарбъ великий, незрахований, потай нашого товариства письменного лежатиме? Ні, панове громадо, земляки мои кохані! наставъ для насъ усіхъ великий часъ праці святоі на користь націі нашій, на іі честь и шанобу міжъ народами, и могила Шевченкова мусить намъ статись початкомъ новоі науки и подвигівъ, праведно християнськихъ.»

Наконецъ, въ апрѣлѣ, получено разрѣшеніе, на перевезеніе тѣла Шевченка на родину; всѣ приготовленія для этого сдѣланы заботливымъ другомъ поэта; гробъ выкопанъ изъ земли переложенъ въ другой, свинцовый, и поставленъ на особыя ресорныя дроги, которыя должны были довести тѣло на Украину; Гр. Н. Ч—скій и Ал. М. Л—скій уже готовы сопровождать его. Всѣ Украинцы, имѣвшіе возможность быть 26 апрѣля на могилѣ Шевченка, явились туда раннимъ утромъ, чтобъ въ послѣдній разъ проститься съ тѣмъ, кто, въ теченіи 20 лѣтъ, былъ самою живою общею связью съ родиною для всѣхъ, оторванныхъ отъ нея по какимъ-либо обстоятельствамъ.

Чорный гробъ уже возвышался на запряженныхъ дрогахъ. Какое тяжелое впечатлѣніе! Какія печальныя, серьезныя у всѣхъ лица! Всѣ были поглощены минутой, всѣхъ пронзала мысль о вѣчной разлукѣ съ дорогимъ поэтомъ и человѣкомъ. Пока онъ оставался здѣсь, пока

была передъ глазами хоть эта могила въ зелени и цвѣтахъ, казалось будто смерть еще не все унесла съ собою; а теперь—*прощай, Тарасе, навіки прощай!* Въ эту минуту не могло утѣшить и то, что наконецъ исполнится хоть одно его желаніе,—что онъ будетъ хоть мертвый спокойно лежать въ Украинѣ!

Когда всѣ, такимъ образомъ, находилисъ подъ гнетомъ сосредоточенной печали, вдругъ заговорилъ П. А. Кулишъ:

«Щó жъ се ти, бáтьку Тарáсе, одъіжджáешъ на Вкраіну безъ червóної китáйки, заслýги козáцької? Чимъ же ти нижчий одъ тихъ козáцькихъ лицарівъ, що червóною китáйкою вкривáлися, заслýгою козáцькою пишáлися? Ні одинъ вільний прéдокъ твій, Тарáсе, не схóдивъ зъ сёгó світу безъ сéі остáннёі чéсти. Чи вже жъ ти — нехáй Богъ крие — умéръ чужимъ чуженицею на чужині? Щó жъ се про насъ на Вкраіні скáжуть, якъ ми тебé вирядимо въ дорóгу, непокритого червóною китáйкою? Скáжуть, що й ми такі перéвертні, якъ ті дýки, що позабірáли всі козáцькі луги й лýки, та й старосвітські звичáі позанедóбували. Ні, бáтьку Тарáсе, не годитця тобі такъ одъіжджáти на Вкраіну! Ищé—дякувати Бóгові святóму—не поперевóдились козáцькі діти, козáцькі дýши: е комý тебé на дорóгу китáйкою червóною обмислити. Вони тобі наготóвили чéсне козáцьке покривало... Роскиньте жъ, небожáта, червóний цвітъ славéтний по чóрній, сумній домовині Тарáсовій. Нехáй нашъ бáтько зъявитця на Вкраіні лицаремъ щиримъ, що живъ и вмеръ побивáючись про добрó, про честь и волю нáшу... Оттепéръ ідь, бáтьку Тарáсе, до своéі домівки. Нехáй землякú бáчять, що ти зъ малóі рідноі семьі у велику рідну сéмью вертáесся; нехáй знáють, що ми тутъ на столиці своéі святóі старосвіщини не занедóбуемо, що ми свогó великого поéта по-своёму шанýемо».

— Но подъ мокрымъ дождевымъ снѣгомъ, обильно падавшимъ на непокрытыя головы присутствующихъ, скоро потемнѣла *червона китайка*, будто знаменуя, что не крáсна была жизненная борьба народнаго пѣвца и не такъ была радостна смерть его *на чужині*, какъ *козацькихъ лицарівъ* его предковъ—*на рідній Вкраіні*,— и лица унылыхъ земляковъ не просіяли съ появленіемъ новаго покрова на чорномъ гробѣ....

«Въ-остáнне витáемо тебе на чужині, дрýже нашъ Тарáсе!» (такъ началъ П. А. Кулишъ другую рѣчь свою). «Не вдéржала тебé чужá земля у своéму холóдному лóні: тяжко бо сумувáвъ еси,

що тобі засиплють чужимъ піскомъ очи; гаряче жадавъ еси, щобъ тебе на Вкраіні поховано:

Якъ умру, то поховайте
Мене на могилі,
Середъ степу широкого
На Вкраіні милій;
Щобъ лані широкополі
И Дніпро и кручи
Було видно,—було чути
Якъ реве реву́чий...

«Отъ же ми вволили твою волю, Тарасе: провожаемо тебе на славну Вкраіну... На славну!?.,.. а чимъ же вона славна, Тарасе? за що ти її полюбивъ щиримъ серцемъ твоімъ, рідний нашъ батьку? за яку славу, за яку честь міжъ народами?

Обідрана, сиротою
По-надъ Дніпромъ плаче...
Тяжко-важко сироти́ні,
А ніхто не бачить!...

«Отъ уся похвала, що ти воздавъ своїй Украіні! отъ за що її полюбивъ еси твоімъ серцемъ великимъ! — — —

«Зъявися, батьку, середъ рідного краю підъ своєю червоною китайкою, заслугою козацькою; згромадь навкруги себе сліпіхъ, глухіхъ и безъязикихъ: нехай побачять, якъ далеко вони одъ правди постали, нехай почують изъ мертвихъ устъ твоіхъ твое слово безсмертне; нехай, хочъ помиляючись, зачнуть глаголати непозиченою мовою після столітніхъ позичокъ! Чи даремне жъ бо ти проклявъ тую славу, що въ літописяхъ нашихъ восхвалена? чи даремне, батьку, проклінъ твій, паче молитву, люде слухали! Ой, ні, Тарасе! твоя душа велика нову, свіжу Вкраіну посередъ старої трухлої вбачала.

«И забудетця сромотна, давняя година... »Нехай вона забудетця на віки! Нехай оживе добра слава Украіни! — Тарасъ Шевченко—нашъ первий добродій народній. У насъ *громада-великій чоловікъ*: отъ нашъ короговъ, отъ нашъ стягъ чесний! И підъ сімъ-то корогвомъ навкруги твоеі домовини, батьку, твоі правдиві діти зберутця. Вони тебе, батьку, до твоеі домівки провожатимуть; вони тобі могилу високу насиплють, на могилі прапоръ непорочний поста-

влять и сло́во твоє́ животворя́ще по всёму ми́ру рознесу́ть. Вони зрозуміють, ба́тьку, чо́го се ти притьмо́мъ посередъ Украіни на вічний спочи́нокъ укла́вся. Не па́нська въ іхъ, Тара́се, буде душа, щобъ твое се́рце въ марморя́ну у́рну кла́сти, або́ надгрібокъ тобі зъ горорізьбами вели́кимъ ко́штомъ споружа́ти. Ні, ба́тьку, вони́ нерукотворний тобі спо́минъ на Вкраіні зроблять.

»Ти докінча́въ свій по́двигъ, Тара́се, обідрану сироту́-Украіну на ввесь світъ опла́кавши. Спочива́й тепе́ръ, ба́тьку, у святій шано́бі, посередъ рідного кра́ю. Зна́йдутця люде, що твоє святе́ *сло́во* на святе діло обе́рнуть. Ті люде, Тара́се, на сирітські ла́ти, на ма́терене ря́мья не скрізь лорне́тки дивитимутця: вони́ душе́ю побива́тимутця, щобъ не сиділа вже більше не́нька у безверхій хаті; вони́, шану́ючи сло́во твоє́, обми́слять ії усімъ до́брим щобъ вона́ тебе́ по всі вічні ро́ки споминала. — — —

»Спочива́й, ба́тьку Тара́се! а ми вже зна́тиммео, якъ твою́ моги́лу шанова́ти. Вже не по-коза́цькій ми про свою́ до́лю дба́тимемо. Ти насъ навчивъ, ти намъ очи одкривъ, що съ того коза́цтва необа́чного добра́ не ви́йшло. Ро́зумомъ, а не гва́лтомъ, му́симо ми уся́ке лука́вство переважати.— —Такъ якъ ти, ба́тьку, безъ гва́лту, безъ бу́чи ви́зволивсь, и вже ніяке ярмо на світі твоє́і шиі до зе́млі не нахили́ло: такъ бу́демо ми й усіхъ братівъ твоіхъ визволя́ти. Неха́й инші своімъ геро́ямъ монуме́нти висо́кі ста́влять,—вони́ зъ на́ми не зрівня́ютця: ми тобі воздви́гнемо ти́сячи и деся́тки ти́сячъ живи́хъ монуме́нтівъ, распросте́рши духъ твій спасе́нний поміжъ людьми неха́й зо́лотомъ та сріблом утіша́ютця: на́шою втіхою буде си́ла на́шого духу невгамо́ваного; тие́ю си́лою ми собі більше добра́ набудемо. Неха́й хто хоче вели́кимъ ро́домъ своімъ пиша́етця,—а зъ насъ уся́кий— но́вий, чи́стий рідъ починатиме. Твоімъ слідомъ, Тара́се, всі ми пійдемо. Ти насъ ожививъ-еси́ сло́вомъ своімъ на світъ, прокля́вши на́шу сла́ву, нашу предківщину.

«Нашъ еси́ поэтъ, а ми народъ твій; ми ду́хомъ твоімъ вовіки и віки ди́хатимемъ, и духъ твій про́стий и ясний всели́тця въ на́шу освіту и въ наши спра́ви громадські, и сла́ва ненарожде́нниихъ на́шихъ бу́де сла́вна по-твоёму, а не такъ якъ про на́шихъ пре́дківъ писано; и якъ зъя́витця но́вий таки́й поэтъ, якъ ти, то вже тие́і сла́ви не проклина́тиме».

Печальный поѣздъ тронулся съ Смоленскаго кладбища; черезъ Васильевскій островъ, Адмира́лтейскую площадь и Невскій проспектъ,

гробъ накрытый червоною китайкою прибылъ на станцію Московской желѣзной дороги. «Встрѣтивъ гробъ Шевченка» — такъ писалъ въ *Основу* г. Т—, о своихъ впечатлѣніяхъ, «я пошелъ вслѣдъ. Всѣ лица, сопровождавшія его, кажутся близкими, знакомыми: какъ будто ты много говорилъ съ ними, когда-то задушевнаго, тосковалъ съ ними и воодушевлялся пѣснями великаго Кобзяря... Но теперь—ничего не умѣешъ сказать этимъ неизвѣстнымъ друзьямъ, и, въ угрюмомъ раздумьи, тупо бредешъ, не смотря на непогоду, за печальнымъ поѣздомъ. И весь находишься въ какомъ-то забытьи: поскользнешься ли на мокромъ камнѣ, ступишь ли въ лужу—не сердишься; идетъ кто мимо, ѣдутъ экипажи, бьетъ барабанъ проходящаго полка, гудитъ праздничный колоколъ,—ничего, будто, не замѣчаешъ, не слышишъ...

«Проводили мы тебя, славный Кобзарю, въ степи и горы — на широкій Днѣпръ, твой родной и любимый...

«Тихо столпились друзья вокругъ твоего гроба, тихо и бережно подняли его на плечи, поставили въ вагонъ,—снарядили въ далекій путь. Молча думали любящіе тебя люди; много было грусти въ каждомъ сердцѣ, когда, на память, отрывали они отъ твоего могильнаго вѣнка зеленыя вѣтки. Въ тоскѣ, съ которой мы смотрѣли на женщину стоявшую у твоего гроба съ глазами полными слезъ, была заключена любовь къ тебѣ дорогій *Кобзарю*, и горькая дума по нашей милой *Украинѣ*... Чѣмъ же увлёкъ ты наши серца?

«Давно спала-почивала когда-то шумная шумная Русь. Давно Днѣпровскія волны задумчиво текутъ среди разбитыхъ на нивы молчаливыхъ полей; по полямъ, по степямъ давно ужъ не скачетъ рыцарь-козакъ въ погонѣ за врагомъ, и сёла, что когда-то шумѣли широкой, народной жизнью, стихли подъ гнетомъ тяжелаго труда, а по верхушкамъ старинныхъ могилъ давно прошелъ плугъ.

«Украина спала...

«Вдругъ, среди этого сна, глубокаго, сокрушительнаго, мертвящаго, послышался стонъ, плачь, раздирающій вопль сына Украины. Все, что въ столько вѣковъ кровавой жизни и потомъ безжизненнаго покоя, накопилось въ растерзанной душѣ народа,—все это вмѣстила въ себѣ душа бѣднаго *маляра* и *слезами-словами* вылилась та скорбь...

«Ты, славный кобзарь, взошелъ на самую высокую могилу — на крутыя горы златоглаваго Кіева—и грянулъ на своей бандурѣ вѣщія пѣсни. И пѣсни тѣ облетѣли всю Украйну, весь Славянскій міръ,—

пронеслись надъ могилами, что́ стоятъ по всей Украинѣ и — самыя могилы ожили...

«Все прошедшее—съ его славой и безславьемъ—встало передъ нами:—ты, какъ чародѣй, вызвалъ его чудными звуками своей бандуры... Шумѣло войско козацкое, со страхомъ бѣжали враги Украины; снова тучей они наносились на нее и, закрывъ ее своимъ чернымъ крыломъ отъ всего свѣта, дѣлились дорогою козацкой добычей, не оставляя ничего народу...

«И глубоко запало въ твое сердце пережитое горе бѣдной родины...

«Также глубоко залегла въ сердцѣ каждаго изъ насъ печаль о тебѣ, какъ человѣкѣ и поэтѣ тѣхъ чистыхъ, высокихъ думъ и пѣсенъ, которыми такъ дорого купилъ ты у своей родины право на вѣчную любовь ея къ тебѣ—вѣрному и неизмѣнному своему сыну!»

Мы думали-было остановится на этомъ, отлагая свой дальнѣйшій разсказъ до полученія подробнаго описанія проводъ Шевченка отъ Москвы до новой его могилы, и рѣчей, сказанныхъ надъ нимъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Каневѣ, какъ въ это время получили отъ М. А. Максимовича, (присутствовавшаго на похоронахъ въ Каневѣ), стихи, которые сейчасъ же спѣшимъ сообщить читателямъ *Основы*.

НА ПО́ХОРОНЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА

підъ Ка́невомъ.

Сподѣва́лися Шевче́нка
Сей годъ на Вкрайну;
А дожда́лися поба́чить
Ёго домови́ну.

Стойть въ Ка́невѣ въ собо́рѣ,
Вся квѣтка́ми ввита;
По-коза́цьки — черво́ною
Кита́йкою вкри́та.

Иду́ть лю́де,—передъ не́ю
Поклонъ покладаю́ть,
И за ду́шу Кобзаре́ву,
Го́спода блага́ють.

Скôлько вы́плакавъ вôнъ го́ря
Го́ркими слёзами,
Скôлько вы́спѣвавъ печа́ли
Вѣщими слова́ми!

Все бажа́лось ёму́ во́ли
Для свого́ наро́да...
И не дождавъ того́ ча́су,
Якъ зыйшла́ свобо́да!

У столи́цѣ, надъ Нево́ю,
Ёго́ похова́ли;
Честь вели́кую и сла́ву
Ёму́ воздава́ли.

Тя́жко-жъ ёму́ на чужи́нѣ
И въ вѣнку́ лавро́вомъ...
Душа́ рва́лась на Вкраи́ну,
Къ гора́мъ Надднѣпро́вымъ.

«Тамъ ши́роко, тамъ ве́село
Одъ кра́ю до кра́ю...»
Такъ спѣва́въ вôнъ надъ Нево́ю,
У вели́кôмъ жа́лю.

Изъ моги́лы домовина
На свѣтъ пôдняла́ся;
Черезъ Мо́скву, черезъ Кіевъ,
Сюды́ донесла́ся.

На Си́мона на Зи́лота
Задзвони́ли въ дзво́ны;
Ста́ли пра́вить Кобзаре́ви
Нови́ похоро́ны.

Отъ, несу́ть ёго́ на ма́рахъ
Зъ собо́ру пôдъ го́ру,
Де стары́й Днѣпро́-Славу́та
Иде́ по просто́ру...

Увóлили твою вóлю
Украйньськи дѣти:
На *Чернéчу* несýть *гóру*,
Де ты хотѣвъ жи́ти.

Увóлили твою вóлю,
Дрýже незабýтный....
И по смéрти, якъ за жи́зни,
Твôй путь многотрýдный!...

Хóдять хмáры кругомъ сóнця;
Вѣтеръ подыхáе;
Шуми́ть Днѣпрó пôдъ човпáми,
Тебé провожáе...

Везýть тебé прóстымъ вóзомъ
До новóи я́мы,
Везýть хлóпци и дѣвчáта
Крýчами, ярáми.

Передъ тéбе — червóными
Корогвáми мáе...
Христóсъ воскрéсъ! хоръ церкóвный
До грóбу спѣвáе...

Отъ, и стáли всѣ кругъ тéбе
На горѣ Чернéчôй...
Чи ты чýешъ людъськiй гóмôнъ,
Надгрóбныи рéчи?

Чи ты чýешъ: *вѣчну пáмять*
Тобѣ возгласи́ли;
Браты́ й сéстры надъ тобóю
Зновъ заголоси́ли;

Плáчуть, тýжять твои́ дрýгы;
Ввесь нарóдъ сумýе:
Сы́плють зéмлю тобѣ, й кáжуть:
Нехáй вôнъ царствýе!

Прощáй, слáвный нашъ Тарáсе!
Прощáй, мúлый брáте!
Спрáвдѣ, — лýчче въ своêй землѣ
И кôсткáмъ лежáти.

12 мая 1861 р.
Михайлова-Гора.

М. Максимовичь.

НБУ

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БѢЛОКОПЫТЕНКА

(*Продолженіе*).

Нацѣловавшись вдоволь съ Грицькомъ, я принялся разспрашивать, ка́къ и что́. Онъ мнѣ, между прочимъ, разсказалъ, что его послали купить бочку водки, взять меня и сейчасъ назадъ, чтобы поспѣть домой сегодня же, хоть поздно; что ради этого онъ пріѣхалъ съ *шинкаре́мъ* и двумя саньми — нашими *гла́бцями* и шинкаревыми *дренджо́ля-та́ми*; что шинкарь пріѣхалъ между прочимъ и для того, чтобы выбрать водку: «тільки де́ ёму́! говоритъ: — въ сёму́ дїлї, здае́тця, нічо́го не тя́мить» (¹)! При этомъ Грицько разсказалъ, что это шинкарь не тотъ, что́ прежде былъ, а другой, новый. «Вінъ», говоритъ, «такий, отъ якъ би й вони, му́ндырь (унтеръ-офицеръ)! и показалъ головою на хозяина: — тілько́ зъ оставнїхъ... И такий же то бідо́вий и куме́дний—самъ поба́чишъ!..» Въ заключеніе онъ сказалъ, что сани и лошади съ шинкаремъ тамъ, на площади, гдѣ стоятъ бочки съ водкою, и что намъ надо сейчасъ туда отправляться.

Я наскоро умылся, одѣлся, простился съ Хомой и съ хозяевами, отдалъ Грицьку свой узелокъ, и мы пошли. Хозяева оставляли позавтракать; хозяйка особенно настаивала обождать, пока *буханцї* спекутся, чтобы взять на дорогу, но я и слышать ничего не хотѣлъ.

Приходимъ на площадь,—лошади выпряжены, возлѣ *ре́птуха* (²), а Му́ндырь, въ нагольномъ бараньемъ тулупѣ и *капелю́хахъ* изъ со-

---

(¹) Не смыслитъ.

(²) Родъ мѣшка, очень широкаго и очень не глубокаго; его натягиваютъ на оглобли и всыпаютъ въ него овесъ для корма лошадей въ дорогѣ.

бачьяго мѣха, сидитъ на *дренджо́лятахъ* и, отъ нечего дѣлать, по видимому, упражняется въ искусствѣ смотрѣть, выпучивъ глаза, и ничего не видѣть... Грицько пошелъ дальше, къ *гла́бцямъ*, къ лошадямъ, а я къ Му́ндыру, «здоро́въ бувъ» сказать и посмотрѣть, что́ это за *бідо́вий* и *куме́дний чоловікъ*. Въ самомъ дѣлѣ, должно быть *бідо́вий* и *куме́дний чоловікъ*!..

Это былъ тоже герой браней первой четверти нашего столѣтія, но это была уже одна изъ тѣхъ унтеръ-офицерскихъ личностей, которыя болѣе совершенное развитіе получили нѣсколько позднѣе, и которыя теперь, сколько мнѣ извѣстно, совсѣмъ перевелись. Какова внутренняя физіогномія такихъ личностей — не берусь разсказывать, мудрено! Скажу только, что такъ-какъ лицо есть зеркало души, то зеркало тутъ надобно бы было завѣшивать, что ли... Физіогноміи такихъ личностей — т. е. наружныя физіогноміи — какъ-будто не раждались на свѣтъ Божій, какъ раждались всѣ остальныя физіогноміи Божьяго міра, а какъ-будто тачались по заказу полковыхъ командировъ, въ полковыхъ швальняхъ, изъ полковыхъ средствъ, полковыми сапожниками... Ременная коробка, пакли въ середку (да потуже: — тогда любили мордашей), сверху—кожею изъ стараго ранца, въ лобъ—пару оловяшекъ, подъ носъ — два пучка щетины, къ вискамъ—по сапожной щоткѣ, — и физіогномія готова... А на счетъ рта—хватилъ отъ уха до уха ножомъ—будетъ чѣмъ рявкнуть! «Уши бы», думаетъ тамъ Нефедьевъ или Анисимовъ: — но изъ-за *бракенбаровъ* не тово, *авось* сбредетъ!.. «А брови, мошенникъ!» — «Виноватъ, ваше благородіе! на счетъ бровей не приказывали!»

Туловища же, руки и ноги для такихъ личностей какъ-будто рубили топорами, на рабочихъ дворахъ, изъ дерева крѣпкаго—раскрѣпкаго.. изъ такого дерева, которое двѣнадцать лѣтъ лежало и вялилось въ запасныхъ магазинахъ... А кожа для туловища, рукъ и ногъ какъ-будто приготовлялась изъ тѣхъ старыхъ солдатскихъ шинелей, качество которыхъ мои земляки, для своего домашняго обихода, опредѣлили слѣдующей пословицей: «ти, моска́лю, и до́брий чоловікъ, та шене́лія твоя зло́дій (¹)!»

И какъ выведутъ бывало такого му́ндыра и пустятъ его въ свѣтъ— и Боже, ка́къ умѣли его ручища подбираться къ казеннымъ и нека-

---

(¹) Воръ.

зеннымъ физіогноміямъ, къ казенной и неказенной движимости! Какими страшными казались всѣмъ его дубовые кулаки! Ка́къ му́ндыръ кричалъ и молчалъ!.. А всё какъ-будто чего-то не доставало!.. Отмѣнены поэтому, говорятъ, такіе му́ндыры...

Мундыръ сидѣлъ, говорю, на саняхъ и упражнялся въ искусствѣ глядѣть, выпучивъ глаза, и ничего не видѣть. Я подошелъ поближе, снялъ шапку...

— Здоро́въ бувъ! говорю.

Мундыръ очнулся.

— Что́ тѣ на́до?

— Здоро́въ бувъ, кажу́!

— Къ чорту убирайся съ своимъ «зда-ровъ-бувъ!..» Спрашиваю, что́ надо?

— Та мені жъ и на́да «здоро́въ бувъ!»

— Шутишь ты, чертенокъ, что̀ ли?—выпрямился, ощетинился, какъ разъяренный бульдогъ.

Я расхохотался...

— Ахъ ты-жъ такой и этакой!... Вотъ я тѣ! — заревѣлъ и, схвативъ лежавшій возлѣ него кнутъ, ко мнѣ...

Чѣмъ бы кончилась эта первая встрѣча съ Мундыромъ, еслибъ Грицько не послышалъ и не поспѣлъ ко мнѣ на помощь,—не знаю (занятый чѣмъ-то возлѣ лошадей и съ шапкою, крѣпко натянутою на уши, онъ сначала ничего не слыхалъ); вѣрно, моему кожу́шку, а можетъ быть и чему другому, крѣпко бы досталось! Къ счастью, говорю, какъ-то услышалъ... поднимаетъ голову: я лечу къ нему, сколько ногъ хватитъ, а за мною тотъ съ поднятымъ кнутомъ...

— Що́ ти, що́ ти!—крикнулъ Грицько, бросаясь между насъ: — чи не сказі́вся ти!?

Мундыръ оторопѣлъ, увидавъ Грицька — онъ теперь только его замѣтилъ.—А!—говоритъ:—ты ужъ здѣсь!.. А привелъ?—и проворно окинулъ взглядомъ кругомъ: — не привелъ развѣ?..

Очевидно, въ паклѣ Мундыра никакъ не могло помѣститься, чтобы сынъ его хозяина, и притомъ городской школьникъ, могъ носить нагольный тулубчикъ и имѣть видъ обыкновеннаго сельскаго «хохленка»...

Грицько растолковалъ ему, въ чемъ дѣло, — и какое превращеніе!—Виноватъ!—говоритъ и вытянулся передо мною въ струнку:— виноватъ! — даже *благоро́діемъ* меня назвалъ...

— Та перестáнь! — перебилъ его Грицько: — тамъ зъ батогóмъ, а се зъ «благородиями!» Бачъ, якъ засорóмивъ (¹)!..

Дѣйствительно, Грицько былъ правъ... Ни въ какомъ отношеніи непринадлежавшее мнѣ «благородіе» это такъ меня смутило и сконфузило, что я не зналъ, чтó съ собою и дѣлать, куда дѣваться... Я подошелъ къ воронóму и, наклонивъ голову къ персямъ, принялся гладить его однимъ пальцемъ по шеѣ... Доброе животное узнало меня и, нагнувъ морду къ моей головѣ, принялось тихо тормошить шапку зубами... Но и его ласки не могли разогнать смущенія, нагнаннаго на меня неловкимъ «благородіемъ.» Я поднялъ голову, принялся его ласкать, тормошить за гриву, за ноги, и сталъ добывать изъ саней лучшаго сѣна и кормить только тогда, когда Мундыръ съ Грицькомъ пошли себѣ къ бочкамъ выбирать, какая тамъ погодится...

Кáкъ они выбирали водку, я ужъ не видалъ: все мое вниманіе поглощено было воронымъ. Знаю только, что и Грицько, и Мундыръ, *нализáлись* тамъ порядочно, и что и тутъ не обошлось безъ разныхъ проказъ со стороны послѣдняго. Такъ, напр., онъ хотѣлъ поколотить одного продавца бочекъ съ водкою, за чтó — я не понялъ тогда. Видѣлъ только, что поднялась суматоха, и что продавецъ, прижавъ правою рукою *волочóкъ* (пузырекъ, которымъ достаютъ водку изъ бочекъ для пробы) къ груди, лѣвою, указательнымъ пальцемъ, тыкалъ все въ воздухъ, по направленію къ землѣ — вонъ-оно, дескать, вонъ, вонъ! и каждый тычокъ сопровождалъ восклицаніемъ — *вкравъ:* «вкравъ,» говоритъ, «вкравъ, вкравъ!» а Мундыръ вырывался изъ рукъ Грицька и другихъ, и на каждое *вкравъ* отвѣчалъ: — «врешь, врешь, спряталъ!»

Наконецъ бочка *Коропскóї* (²) куплена и скочена на *глáбцї*, куплены также и другія, какія нужны были покупки (въ томъ числѣ и двѣ огромныя вязки бубликовъ — *сýщиківъ* для гостинца домой), лошади запряжены, и мы поѣхали, — Грицько съ бочкою позади, а я, съ Мундыромъ, впереди, закутанный въ нагольные кожухи, присланные изъ дому собственно ради этой одной надобности. Мундыръ больше уже не говорилъ мнѣ «благородіе...»

(¹) Сконфузилъ.

(²) Коропъ — заштатный городъ Черниговской губерніи, славившійся нѣкогда своею водкою. Водка эта въ большомъ количествѣ продавалась и въ Полтавской губерніи.

Не смотря однакожъ на это, не смотря на всѣ его пьяныя заботы, чтобъ я не озябъ, — если бы только Грицько согласился, я бы охотнѣе предпочелъ перебраться къ нему и помѣститься съ нимъ верхомъ на бочкѣ, чѣмъ ѣхать на мягкомъ сѣнѣ, закутаннымъ въ теплые кожухи, *въ теплі та добрі*, но вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ. Начать съ того, что какъ я ни уговаривалъ его сѣсть со мною рядомъ, когда еще собирались выѣзжать изъ города, онъ никакъ не согласился! На всѣ мои доводы онъ только отвѣчалъ: — «какъ можно-съ!», и ременное его лицо всякій разъ расквашивалось и морщилось отъ тяжести и сырости фронтоваго деликатеса, какъ расквашивается и морщится голенище солдатскаго сапога отъ воды, набранной въ него въ первой дорожной лужѣ... Конечно, теперь, когда горькій опытъ, скорбные примѣры, испытанные на себѣ самомъ и видѣнные на другихъ, научили меня, что ремень, пакля и дубъ, такъ и есть ремень, пакля и дубъ, а не что-либо другое... и что горе тѣмъ, которые принимаютъ ихъ за что-нибудь другое, а не за ремень, паклю и дубъ, (да часто горе изъ-за нихъ и многимъ другимъ), — встрѣтить подобный деликатесъ въ какомъ-нибудь Мундырѣ если и не было бы для меня особенною пріятностію, то не было бы и особеннымъ горемъ. «Чтó, молъ, дѣлать!» обыкновенная нота въ симфоніи, которую повторяетъ теперь утратившее свой слухъ и свой вкусъ человѣчество!...» Но въ тѣ блаженные годы моей жизни, такой деликатесъ передо мною былъ просто диссонансомъ, глубоко оскорблявшимъ мой духовный слухъ. Выросши въ понятіяхъ и нравахъ среды, къ которой я принадлежалъ по происхожденію, и выросши по ея примѣрамъ, я думалъ въ своей дѣтской головѣ: «какъ же это? я — мальчишка, а онъ — старикъ... притомъ и сани, и лошадь его!.. Вѣдь увидятъ въ хуторѣ, пожалуй, и обо мнѣ скажутъ, какъ говорятъ о засѣдателѣ, когда тотъ ѣдетъ на обывательской подводѣ: «що вже чортъ, якъ іде на чоловікові, то тільки на ёго шиї»...

Потомъ этотъ человѣкъ оттолкнулъ меня отъ себя еще болѣе — чѣмъ? Теперь я могу разсказать — чѣмъ; но тогда я и самъ не зналъ... Чувствовалъ только, сначала, что мнѣ, кажется, не слѣдуетъ его слушать... Теперь бы я чувство такое такъ окрестилъ: тутъ, молъ, дубомъ, паклею, казеннымъ подошвеннымъ товаромъ пахнетъ... А тогда подъ конецъ почувствовалъ, что хоть бы и съ саней мнѣ соскочить — уйти отъ этого человѣка!

Виною всему была страсть моя къ сказкамъ и вообще къ раз-

сказамъ, — страсть, которой я старался удовлетворять при всякомъ удобномъ случаѣ, и которая получила въ послѣднее время особенный оттѣнокъ подъ вліяніемъ разсказовъ того мундыра, моего городскаго хозяина, — разсказовъ, полныхъ какого-то благодушія и наивности, но вмѣстѣ и полныхъ какой-то особенной прелести, повѣявшихъ на меня воздухомъ изъ какого-то другаго міра, мнѣ въ ту пору еще невѣдомаго, — изъ міра быта воинскаго и военныхъ разгромовъ начала настоящаго столѣтія. Желая и теперь на досугѣ удовлетворить себя въ сласть этимъ лакомствомъ, когда ужъ мы проѣхали версты три-четыре (мы ѣхали сначала медленно) и когда нѣсколько поразговорились съ Мундыромъ, я обратился съ просьбою къ нему разсказать что-нибудь изъ своей военной жизни. Тотъ сначала: «что̀, молъ, вамъ, людямъ грамотнымъ!»; а послѣ разколыхался-таки и пошелъ писать — конечно, съ точки зрѣнія скроеннаго извѣстнымъ образомъ унтеръ-офицера, и о предметахъ, только доступныхъ воззрѣнію оловяшекъ, разумѣнію пакли и вкусу челюстей отъ уха до уха... И говорить нечего, что мнѣ хотѣлось бы послушать разсказовъ о чемъ другомъ; но, за неимѣніемъ этого другого, я слушалъ и то, что̀ мнѣ предлагали, хоть предложенное, употребляя приведенное выше выраженіе, отдавало дубомъ, паклею и казеннымъ подошвеннымъ товаромъ. Но когда мой Мундыръ расколыхался уже совсѣмъ, и когда водка, выпитая имъ въ городѣ и въ шинкахъ (шиночковъ, которые намъ встрѣчались, онъ не пропускалъ ни одного), пробрала его поглубже, — сюжетомъ для своихъ разсказовъ онъ началъ выбирать предметы, которые въ нѣкоторыхъ офицерскихъ кружкахъ называются предметами, принадлежащими къ области унтеръ-офицерскаго амура.... Можете вообразить, что̀ должно было испытывать дитя нашей тогдашней стыдливой и цѣломудренной Украины, слушая подобные разсказы!... Повторяю, хоть бы и съ саней соскочить и уйти отъ этого человѣка, я былъ не прочь!.. Но куда уйти?.. Лучшее, что̀ я придумалъ для своего спасенія, — погрузиться въ кожухи и притвориться спящимъ...

Но что̀ рѣшительно меня вооружило противъ него и даже поселило ненависть — такъ это слѣдующіе поступки.

Когда Мундыръ замѣтилъ, что я будто заснулъ, — притихъ и принялся звать меня по имени, очевидно съ намѣреніемъ удостовѣриться, крѣпко ли я сплю, — сначала звать тихо, а потомъ громче и громче: «Васи́лька! Васи́лька! а Васи́лька!» И такъ какъ я не отвѣтилъ на

его зовъ,—счелъ меня дѣйствительно спящимъ. «Эка, говоритъ, и заснулъ!...» и при этомъ употребилъ побранку, которая на Руси употребляется въ разговорѣ такъ же часто, какъ, напр., часто употребляется воздухъ для дыханія.... но которой въ печати еще никто, никогда и нигдѣ не употреблялъ.... Стыдно и обидно было мнѣ услышать такую побранку, но что́ дѣлать, надо было молчать... притворился спящимъ, притворяйся и неслышащимъ!... не у всякаго хватитъ совѣсти признаться, что, дескать, сонъ мой былъ ложь, притворство....

Убѣдившись, что я не сплю, Мундыръ остановилъ лошадь, слѣзъ съ саней и началъ поджидать ѣхавшаго ровною ѣздою и на этотъ разъ отставшаго Грицька.

— А чого́ ти стоїшь?—спросилъ послѣдній, приблизившись и тоже останавливаясь.

— Тише, тише! Вѣдь чертенокъ-то спитъ!

Новая побранка!... И сколько бы, можетъ быть, и еще новыхъ услышалъ я потомъ, въ своей жизни, если бы имѣлъ хоть сколько-нибудь поползновенія врываться воровскимъ образомъ въ дѣла, не для моего вѣдѣнія творимыя, и въ рѣчи, не для моего слуха произносимыя!

За новою побранкою послѣдовалъ у Мундыра съ Грицькомъ разговоръ, содержаніе котораго было такое: со стороны Му́ндыра—что, дескать, «подъ тобою бочка, въ ногахъ у тебя топоръ, а у меня въ карманѣ *волочо́къ* —я таки подтибрилъ у того бездѣльника!... топоромъ откупоримъ бочку, а волочкомъ достанемъ, и все будетъ ладно!» а со стороны Грицька— «Оце́, на тебе́ все зле лихе́!... Хіба́ ще ти не насмокта́вся!»

Чѣмъ бы этотъ разговоръ кончился, если бы я далъ время ему развиться,—не знаю; но я не могъ долѣе выдерживать и началъ ворочаться на саняхъ... Замѣтивъ мое движеніе, Му́ндыръ тихонько на сани... и мы тронулись далѣе.

Тяжелое, очень тяжелое впечатлѣніе произвели на меня всѣ эти продѣлки Му́ндыра! Мнѣ въ первый разъ пришлось увидѣть вещи въ такой возмутительной наготѣ... Я еще болѣе закутался въ кожухи и еще болѣе старался казаться спящимъ, чтобы не видѣть этого человѣка и ужъ не говорить съ нимъ.

Но еще болѣе тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня другой его поступокъ, бывшій тоже по поводу водки въ бочкѣ, но уже направ-

ленный прямо на меня. Сценою дѣйствія на этотъ разъ была теплая хата одного добраго человѣка, къ которому мы заѣхали обогрѣться и, вмѣсто обѣда, поѣсть что́ тамъ наготовлено моею доброю матерью для путниковъ.

Обогрѣлись немного, и Грицько сталъ доставать, изъ мѣшка и ящика, съѣстное.

— Что́ жъ,—говоритъ Му́ндыръ, которому хмѣль и бесѣда въ саняхъ, очевидно, придавали теперь развязности больше, чѣмъ при выѣздѣ изъ города, и онъ не церемонился уже выступить и развернуться во всей своей красѣ: — что жъ, къ обѣду надо таво!... и щолкнулъ себя извѣстнымъ способомъ по галстуху....

Я не зналъ, куда и глядѣть; Грицьку тоже, повидимому, хотѣлось спрятаться въ мѣшокъ, а хозяинъ только улыбнулся тихо:—«всякові, мовъ, на світі люде бува́ють!»

— Что-жъ вы молчите, словно глухіе! таво бы, говорю!... Ну, ты (ужъ и ты!), Васи́лька! отпусти-ка намъ къ обѣду таво!..

— Дежъ я тобі візьму́?... Въ ме́не гро́шей нема́!—пролепеталъ я, совершенно уже растерявшійся, не смѣя ни на кого взглянуть.

— И не надо *грошей!*... ты только молчи, а мы ужъ найдемъ!... Бочку, знаешь, таво, съ Григоріемъ?...

У меня покатились слезы по лицу.

— Чи ти до́во ще бу́дешъ, проклятый!... закричалъ наконецъ Грицько, въ бѣшенствѣ вскакивая съ мѣста:—оце́! се наважде́ніе, а не чоловікъ!... и ударилъ себя о полы руками.

— Чу́ешъ, моска́лю!—отозвался наконецъ и хозяинъ хаты спокойнымъ, но твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ:—въ мої ха́ті ніхто́ ще такихъ річей не чувъ, якъ оце́ ти бала́каешъ—щобъ підмовлять незмисленихъ дітей на крадіжку (1)!... Ти вибача́й (2), будь ла́скавъ, що я тобі, старо́му, таке, та ще въ свої ха́ті... Ми хоть и бідні люде, и па́нські, тільки, кажу́, въ насъ ніко́ли ще сёго не було, та ще су́противъ вла́сныхъ роди́телівъ... Такъ коли́ хо́чешъ бу́ти тутъ, въ мої ха́ті, не бала́кай тако́го! а хо́чешъ бала́кать—зъ Бо́гомъ зъ моеі ха́ти! ото́ тобі богъ, а ото́—поро́гъ!...

И онъ указалъ ему рукою сначала на *по́куття* съ образами, а потомъ на дверь...

---

(1) На воровство.

(2) Извини.

Мýндыръ, впрочемъ, не нуждался уже въ такой апострофѣ. Какъ ни глупъ онъ былъ, но изъ моихъ слезъ и бѣшенства Грицька онъ понялъ, что почва, на которой ему, вслѣдствіе какого-то безсмысленнаго распоряженія безсмысленной судьбы, суждено теперь дѣлать разные житейскіе марши, не изъ тѣхъ, по которымъ онъ до сихъ поръ хаживалъ своими ножищами, и гдѣ все такъ ужъ и прилажено болѣе или менѣе, чтобы руки, подобныя его рукамъ, могли находить свое должное примѣненіе. Онъ замолчалъ, и во все время нашего обѣда, и пока мы снова не поѣхали далѣе, не проговорилъ ни слова. Только когда выѣхали за село, онъ открылъ свой огромный ротъ, и первыя его слова были—просьба, ничего неговорить отцу о случившимся:— «Я,» говоритъ, «предъ вами буду, Васи́лька, — енералъ бы остался доволенъ!..» Чтобы отвязаться отъ него, я обѣщалъ молчать — и онъ послѣ этого обратилъ все свое вниманіе, что́ бы дѣлать такое, чѣмъ, по его выраженію, и генералъ бы остался доволенъ, т. е., немилосердо меня терзать цѣлый день...

Первое, чѣмъ бы, по его мнѣнію, остался генералъ доволенъ, было—скорая ѣзда...

И я любилъ скорую ѣзду, очень любилъ! Любилъ пуститься въ обгонъ за степнымъ вѣтромъ на выстоявшихся скакунахъ, на разстояніи какихъ-нибудь трехъ-четырехъ верстъ! Но въ болѣе далекой ѣздѣ, или на усталыхъ лошадяхъ — развѣ бы непремѣнно нужно, иначе нельзя... (и по твоей ласкѣ, по особенному уходу, бѣдныя животныя чувствуютъ, что иначе нельзя.... и какъ-то веселѣе они несутъ свою горькую долю, не такъ болитъ у тебя сердце, глядя, какія впадины у нихъ подъ глазами отъ истомы, какъ поджимаютъ ноги отъ устали!...) Безъ нужды же гнать въ далекой ѣздѣ измученныхъ животныхъ,—нѣтъ, не по моему вкусу такое удовольствіе!..

Мýндыръ о моемъ вкусѣ не справлялся, и безъ всякаго милосердія стегалъ кнутомъ Сѣраго... А когда ужъ не въ-мочь мнѣ это стало, и я рѣшился сказать, что не за-чѣмъ гнать лошадь, когда она спотыкается даже,—истолковалъ мое неудовольствіе по своему... «Проклятая!» ревѣлъ:—«уши повѣсила!... голову держать смѣло, смотрѣть веселѣй!...», и неистово передергивалъ возжами!...

И разинувъ ротъ... съ окровавленными зубами, съ струйками поту на ноздряхъ, бѣдное животное сѣменило ногами, держало голову смѣло и смотрѣло веселѣе... какъ сѣменитъ бывало, во времена давно минувшія, и держитъ голову смѣло и смотритъ веселѣе какого-нибудь полка

запѣвало... Офицерикъ словно пляску выплясываетъ впереди, словно камешки — мечетъ рѣчи назадъ, чрезъ эполетъ: «веселѣй, ребята, веселѣй! такъ и такъ вамъ и всѣмъ вашимъ родственникамъ!..», справа и Груня, и Дуня, и Саша, и Наташа... у окошечка стоятъ, на офицерика глядятъ, улыбочками браваго-молодца манятъ... а запѣвало—на глаза каска, лицо горитъ-почернѣло, губы запеклись, а онъ—веселѣе и веселѣе! а за нимъ веселѣе и веселѣе и весь хоръ пѣсельниковъ:

Что́ веселая-то наша жисть солдатская!...

или:

Какъ во тысяча сѣмсотъ такомъ-то году!..

Второе, чѣмъ по мнѣнію Му́ндыра, остался бы и генералъ доволенъ, было... Впрочемъ, вы сами сейчасъ увидите, что̀ это такое было; а пока—разскажу, какого маршрута держался нашъ Му́ндыръ во время нашего путешествія и куда онъ завезъ меня.

Надо вамъ сказать, что изъ города въ нашъ хуторъ есть два пути, лѣтній и зимній. Каковъ лѣтній путь, нѣтъ необходимости теперь вамъ говорить; зимній же путь—пролегаетъ сначала по толокамъ и полямъ, а потомъ, вплоть до самаго хутора, по рѣкѣ, т. е. подъ горою вдоль рѣки, по окаймляющимъ ее лозамъ и очеретамъ. Путь этотъ довольно прямой, или, лучше сказать, совершающему путешествіе по немъ, если только онъ человѣкъ расторопный и внимательный, довольно трудно сбиться, потому что, какъ я сказалъ сейчасъ, путь идетъ вдоль рѣки подъ горою, и, слѣдовательно, сто́итъ не только отдаляться особенно отъ горы—и всегда можно попасть, куда слѣдуетъ. Но на пути этомъ встрѣчается много̀ перекрестковъ и поворотовъ къ рѣкѣ. Все это большею частію дорожки, ведущія къ скирдамъ и стогамъ сѣна, разбросаннымъ по обѣимъ ея сторонамъ и на островахъ, къ купамъ накошеннаго очерету и нарубленной лозы, къ лѣсамъ, поросшимъ кое-гдѣ вдоль рѣки, къ рыболовнымъ тонямъ и т. п.; остальныя же дорожки идутъ къ разнымъ зарѣчнымъ селамъ, болѣе или менѣе отъ рѣки отдаленнымъ. Слѣдовательно, при всей трудности сбиться съ этого пути путешественнику расторопному и внимательному, онъ, путь этотъ, именно изъ такихъ путей, на которомъ путешественнику нерасторопному или невнимательному легче всего попасть не туда, куда бы слѣдовало. Онъ можетъ тутъ побывать и на рыбныхъ тоняхъ и посмотрѣть, какъ рыбаки тащатъ неводъ изъ-подъ льда; можетъ попасть и въ какой далекій лугъ и покончить эту прогулку

ЦЕНТРАЛ НАУКОВА БІБЛОТ

тѣмъ, что наконецъ ни дороги, ни слѣду нѣтъ, и только впереди, передъ лошадьми, мѣсто виднѣется, на которомъ стоялъ стогъ сѣна,.. а пожалуй, онъ можетъ забраться такимъ способомъ и Богъ вѣсть куда!

Мýндыръ, какъ вы и сами, можетъ быть, догадываетесь, не обладалъ расторопностью и внимательностью, необходимыми для случаевъ, подобныхъ нашей поѣздкѣ. Въ другомъ чемъ, можетъ быть, и такъ; но тутъ—не ладно, да и полно! Ему никакъ не пришло въ голову пріобщить къ своему свѣдѣнію разъ навсегда, какъ и совѣтовалъ ему Грицько сдѣлать это нѣсколько разъ, что такъ какъ хуторъ нашъ на той же горѣ, вдоль которой мы ѣдемъ, то отдаляться отъ нея никакъ не слѣдуетъ. Да и какъ, впрочемъ, это могло прійти ему въ голову! Вѣдь это значило бы послушаться умнаго совѣта и потомъ разсуждать, —а какъ, ему признать чей-нибудь совѣтъ умнѣе своего собственнаго—и, конечно, еще командирскаго! Да еще и разсуждать!.. Онъ, которому столько разъ доставалось, чтобы не разсуждалъ, который самъ вооружался противъ разсужденій, онъ — разсуждать!.. Тьфу! маршъ впередъ, да и баста! эта дорога протореная—катай-валяй! Вѣдь куда-то да доведетъ!...

И каталъ-валялъ мой Мýндыръ!...

Пока дорога шла по полямъ и толокамъ, — полбѣды еще было; полбѣды было первое время, когда мы спустились и къ рѣкѣ: Мýндыръ хоть и рвался впередъ и часто оставлялъ Грицька, но все-таки болѣе или менѣе держался у него на виду, и тотъ или останавливалъ его крикомъ, если былъ недалеко, или поджидалъ гдѣ, пока мы понавѣдаемся тамъ къ топямъ, съѣздимъ въ лѣсъ; словомъ, до обѣда дѣло шло болѣе или менѣе сносно. Но послѣ сцены за обѣдомъ, Мундыръ поѣхалъ по такому марштруту, какого, вѣроятно, не держался еще никто и никогда...

Грицька потеряли совершенно изъ виду и рѣшительно не знаемъ, гдѣ онъ и кáкъ... гонимъ только Сѣраго — куда? Богъ знаетъ! должно быть впередъ!... Вѣдь держимся же *линіи*!.. Выскочимъ за рѣку, въ поля: «Э, нѣтъ», говоритъ: «*линію* потеряли!», и назадъ... Можетъ быть, это не наша ужъ рѣка, притокъ, не наша линія — чтó намъ за дѣло!.. намъ лишь бы линія!...

А когда стемнѣло,—потеряли и линію.... гонимъ Сѣраго гдѣ-то ужъ степью... Селъ и хуторовъ нѣтъ, лѣсковъ и байраковъ тоже... Какъ-будто все это издали заслышало мундырскій духъ и посторонилось съ пути, какъ сторонятся гуси, утки и разная домашняя птица, когда

быкомъ овладѣетъ бычачья прыть, и, поднявши штандартомъ хвостъ, мчится на нихъ, словно бѣшенный, и — то лягнетъ, то рявнетъ, то воздухъ рогами боднетъ...

И пригнали мы такимъ образомъ наконецъ Сѣраго—хуторъ, село ли, Богъ его вѣдаетъ! живутъ видно люди... Можетъ быть это и нашъ хуторъ...

Мýндыръ остановилъ Сѣраго у первой хаты, въ которой свѣтился огонекъ въ окошечкѣ, соскочилъ проворно съ саней и стучать!.,

— Хто тамъ?—отозвался, должно быть, хозяинъ хаты, открывая *кватúрочку* (форточку).

— Х-т-о-т-амъ! — передразнилъ Мýндыръ, вѣроятно въ видахъ внушенія страха, деморализированія, такъ сказать, непріятеля: — Глаза есть—смотри, ктó!... Какъ деревня зовется?

— Та се не дерéвня, а хýторъ... Провáллямъ звéтця!

— Чтó за Провáлъ?... А повѣта какого?

— Нáшого таки, Ськóго...

Господи, какъ разсвирѣпѣлъ Мýндыръ, узнавши, что мы въ чужомъ уѣздѣ! Досталось тутъ и *проклятой сторонѣ и проклятымъ дорогамъ!* а ужъ *Сѣрому проклятому* досталось—и говорить нечего! Кончилось тѣмъ, что велѣлъ разговаривавшему чрезъ окошечко земляку проводить насъ до *отáмана*.

— На що-жъ тобі, — говорю, — отáманъ!..

— Да ужъ надо!

— Та на що нáда?

— Да ужъ молчите! Сказалъ, генералъ—такъ генералъ!

Я замолчалъ... Я догадался, что Мýндыръ снова какъ-то собирается угодить мнѣ, по своему; но чтó дѣлать!.. Вбить что-нибудь ему въ голову было выше моихъ силъ, а къ угрозѣ обратиться—что разскажу отцу,—не въ моемъ характерѣ было. Я могъ въ подобномъ случаѣ или молчать и, затаивъ свои чувства, какъ говорится, кипѣть... или же вспыхнуть на мгновеніе и выбросить наружу вспышку чѣмъ-нибудь въ родѣ, «плюю на твою дурнýгóлову», чего, конечно, въ настоящемъ случаѣ, я никоимъ образомъ не могъ допустить, потому что въ рыжей щетинѣ Мýндыра уже водилась сѣдина, а старшіе возрастомъ у насъ пользуются такимъ уваженіемъ, что даже рѣдкое панское дитя позволитъ себѣ неуважительно обойтись съ старшимъ по возрасту, и не только съ постороннимъ, но даже и съ крѣпостнымъ своего отца.

Наконецъ отаманъ былъ отысканъ, и Мýндыръ велѣлъ ему одѣться и сейчасъ выйти на дворъ. «Да жива!» кричалъ онъ.

...Мýндыръ досталъ изъ кармана плоскій деревянный ящичекъ, въ родѣ тоненькаго томика въ малую осьмушку, открылъ боковую его сторонку и вытащилъ изъ него какую-то бумагу, *отставку*, какъ я узналъ послѣ; сунулъ отставку въ руки отаману и велѣлъ «сейчасъ, жива», давать квартиру—да хорошую квартиру! Отаманъ возразилъ, что надо сначала прочитать бумагу, а потомъ давать квартиру; но Мýндыръ такъ раскричался, такого далъ ему подзатыльника, что отаману не оставалось ничего другаго, какъ поскорѣе вести насъ къ какому-нибудь богатому козаку... Конечно, ему оставалось и кое-что другое еще, но... но... но чтó объ этомъ толковать?!...

Повелъ насъ отаманъ, и, уходя, бросилъ лаконическое приказаніе прежнему нашему провожатому:—А ти, — говоритъ, — до писаря... Якъ що не *тée*, — до Деркачá!...

Привелъ насъ до Деркача отаманъ... Мýндыръ принялся тотчасъ распоряжаться—и тó прочь, и тó подавай!... Тѣмъ временемъ въ хату ввалилась опившаяся, взъерошенная, крѣпко подержанная фигура писаря... Фигура была и очень *тée*, а всё-таки, по приказанію отамана, принялась за отставку и начала *слебезовáть* (¹). Какъ ужъ она слебезовала, и какъ отаманъ и всѣ присутствовавшіе слушали, ровно ничего не понимая—нечего и разсказывать! Довольно, что тотъ слебезовалъ, а тѣ слушали... И быть можетъ, онъ прослебезовалъ бы всю отставку хоть къ полуночи, какъ случилось одно совершенно непредвидѣнное обстоятельство — подвернулось названіе полка, въ которомъ служилъ когда-то Мýндыръ, премудреное, непреоборимое названіе!..

Видали вы, какъ пьяный, слонясь по улицѣ, наткнется на бревно? «Вишь,» говоритъ, «и бревно!»... плечами вздвигиваетъ, грустно покачиваетъ головою... «Да,» говоритъ, «бревно!» Вдругъ овладѣваетъ имъ рѣшимость: «Чтó,» говоритъ, «бревно! экая невидаль!» распахнулъ полы поднимаетъ ногу—будто тяжесть какая на ней! еще усиліе и... Но нога покачнулась, хватила въ сторону, и бѣднякъ шлепнулся! а круглая его шляпа съ павлиньимъ перомъ и низкой тульей далеко-далеко покатилась по мостовой!... Поднимается, достаетъ шляпу, снова — и снова шлепнулся!... Въ третій разъ, въ четвертый—какъ-будто на бревнѣ невидимая сила безплотная, издѣвается надъ добрымъ человѣкомъ, чтобы

---

(1) Дурно читать, читать какъ бы по складамъ.

не перешагнулъ, а валился бы и валился, на посмѣяніе образа и подобія Божія, на соблазнъ всѣмъ другимъ добрымъ людямъ!...

Что́-то подобное творилось и съ бѣднымъ писаремъ, когда онъ вступилъ въ борьбу съ тѣмъ непреоборимымъ полкомъ. Вотъ два слога ужъ подвернулъ подъ себя, на третій началъ карабкаться,—и вдругъ какъ оборвется, какъ хватитъ *штрпр!*

— Эхъ ты чучело хохлацкое!—воскликнулъ наконецъ Му́ндыръ, очевидно оскорбленный такимъ, по его мнѣнію, обиднымъ коверканьемъ полка:—и полка-то нашего не знаетъ, а тута же рыло суётъ!... Бумагу только мою опорочишь!.. Проваливай!—крикнулъ онъ въ заключеніе, и, вырвавъ у него изъ рукъ отставку, засунулъ ее снова въ свой деревянный бумажникъ и спряталъ его въ карманъ.

— Такъ якъ же?..—возразилъ-было отаманъ; но Му́ндыръ такъ принялся бранить ся и кричать, что отаманъ счелъ за лучшее «удалиться отъ зла и сотворить благо», махнулъ рукою и пошелъ изъ хаты:— «нехай, мовъ, на тебе́ все зле-лихе́, манія ти ґаспидьска (вѣроятно отъ, греческаго μανία)!» За отаманомъ выползъ молча изъ хаты и писарь: сконфузилъ его крѣпко-крѣпко этотъ мудреный полкъ!

Зная изъ прежнихъ моихъ разсказовъ (1), въ какой степени развито было во мнѣ чутье смѣшнаго и комическаго во всемъ, что́ ни встрѣчалось мнѣ, и въ какой степени развита была во мнѣ смѣшливость, вы, можетъ-быть, думаете, друзья мои, что я смѣялся, глядя на всю эту сцену? Нѣтъ, не до смѣху мнѣ было тогда! Не имѣй эта сцена для меня своего предыдущаго, не понимай я значенія ея, какъ извѣстнаго явленія въ ряду другихъ явленій,—словомъ, будь я тогда только случайнымъ зрителемъ, а не участникомъ, по необходимости разумѣвшимъ мотивы, которыхъ она была послѣдствіемъ, и весь печальный ихъ смыслъ, и т. д, и т. д., я бы смѣялся тогда, глядя на нее, очень бы смѣялся, какъ смѣюсь теперь, забывъ все и все, а только глядя въ воображеніи на это всеобщее глубокое вниманіе къ тому, чего никто не понималъ—«А ну, ну! мовъ... эгé! бачъ!..» на это слебезованіе писаря, на штурмъ, который онъ нѣсколько разъ предпринималъ противъ полка, на ярость Му́ндыра,—«ка́къ де не знать его полка!..», «еще опорочатъ отставку!...» Но зная, ка́къ и что́, понимая, что вѣдь то́, что́ мы дѣлаемъ, почти воровство и грабежъ,—я, какъ дитя своей

(1) Это указаніе Василія Петровича относится главнымъ образомъ къ неизданнымъ еще разсказамъ.

родины, какъ членъ сословія, которое такимъ глубокимъ уважаніемъ окружило въ своихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ право *господа́ря въ ёго́ госпо́ді* и которое право пользованія чужимъ хлѣбомъ и солью понимаетъ только въ формѣ гостепріимства,.. и наконецъ, я, какъ членъ семьи, которой самой, хоть можетъ быть и въ другомъ видѣ, приходилось не разъ испытывать на себѣ то, что́ мы съ Му́ндыромъ дѣлали теперь другимъ,—могъ ли я смѣяться, глядя на ту сцену! Даже теперь у меня исчезаетъ охота смѣяться, когда я, оставляя простое созерцаніе въ воображеніи, начинаю думать обо всемъ... Мнѣ даже совѣстно становится за свой смѣхъ!.. Но тогда—для меня было что́-то глубоко возмутительное въ нахальствѣ, съ которымъ Му́ндыръ добывалъ ночлегъ и которымъ поставилъ меня въ такое несносное, непривычное для меня положеніе! «Что́», думаю, «если объ этомъ да узнаютъ въ хуторѣ!..»,—и не знаю, на что́ бы я не рѣшился тогда, лишь бы всего этого не было... чтобы, такъ сказать, вычеркнуть этотъ вечеръ изъ моей жизни, быть гдѣ-угодно, хоть даже въ училищѣ, только бы не здѣсь, не въ этой хатѣ, предъ этими людьми, какими-то унылыми, будто истомленными какимъ-то горемъ!... Но возстать противъ Му́ндыра, открыть его тутъ же, всенародно,—нѣтъ! Чтобы люди такой духовной комплекціи, какъ мы, могли возставать противъ такого нахальства, какъ му́ндырово, надо, чтобъ они прошли сначала сквозь многія-многія испытанія, потеряли въ нихъ, испытаніяхъ этихъ, много-много дѣтской наивности и непорочности души, а вмѣсто ихъ запаслись бы многимъ-многимъ... А до того,—они умѣютъ только страдать, страдать и страдать!...

Но главное мое горе было еще впереди... Когда отаманъ ушелъ, и Му́ндыръ почувствовалъ себя вполнѣ на свободѣ, — удаль и прыть его развернулись совершенно...

— Ужинъ готовить—крикнулъ онъ хозяину:—да жива!...

— Коли́-жъ (1) уже?—осмѣлился было возразить тотъ:—пізно!..

— Пѣз-но!... и такъ толкнулъ его въ спину, что тотъ едва не свалился:—говорятъ «готовить!» такъ не разсуждать!...

— Та у насъ же,—отозвался я,—и своё есть...

— Вы ужъ молчите,—говоритъ,—Василька, молчите!—и, какъ бы вдохновленный новою идеею, выпрямился и указывая на меня пальцемъ—видишь,—говоритъ хозяину,—енеральское дитя везу!...

---

(1) Когда же.

Я снова не выдержалъ, какъ и передъ обѣдомъ, и снова заплакалъ...

Всѣ смутились. Мýндыръ, конечно, подумалъ, что, выходитъ, онъ что̀-то лишнее брякнулъ... а хозяевамъ, вѣроятно, мелькнуло въ головѣ: «генеральское, молъ, дитя!.. боится, голодно будетъ!..» По крайней мѣрѣ что-то подобное, вѣроятно, мелькнуло въ головѣ старухи, матери хозяина, сидѣвшей на печкѣ и до сихъ поръ непринимавшей никакого участія во всемъ происходившемъ; потому что, замѣтно встревоженная, обратилась съ такими словами къ своей невѣсткѣ: «Ти бъ, до̀чко, варѐничківъ пшени́шнихъ імъ, и ще бъ чого!.. А поки що̀,— орішківъ, медяниківъ, (¹) що зъ города Иванъ привізъ!»..

— Спаси́бі, — прервалъ я сквозь слезы:—я вечѐрять не хо́чу... и не зная, что больше сказать: — пустіть мене́, — говорю, — туди́, до се́бе на пічь... — — — — —

. . . Пока выѣхали мы изъ Прова́лля, солнце и совсѣмъ взошло... Ѣхать, однако, было все-таки очень холодно: рѣзкій вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, а морозъ пронималъ все крѣпче и крѣпче. Я старался, по этому, закутаться въ тулупы получше, зарыться въ сани поглубже. Но послѣднее оказалось дѣломъ очень труднымъ: сани полны были сѣна, и я или долженъ былъ торчать сверху, или, если ужъ мнѣ захотѣлось бы непремѣнно опуститься пониже, долженъ былъ сбросить часть сѣна.

— На́що, — говорю Мундыру, — ти накупи́въ сті́льки сіна? Тату́сь бу́де се́рдитьца!

— Да я, Василька, не покупалъ!

— Якъ не купова́въ?

— Да такъ! у бездѣльника много.... въ ефтомъ *Провалѣ*.... деньги цѣлы, всѣ сдадимъ старику! Только ужъ божескую милось, Василька, на счетъ, то есть, бочки.... и тово... то есть, вечеромъ....

. . . Уже солнце собиралось опуститься за горизонтъ, когда мы приблизились къ горѣ.... Я не могъ долѣе удержаться и, соскочивши съ саней, кратчайшимъ путемъ — на гору!..

Вонъ телята навстрѣчу — къ рѣкѣ, бѣгутъ... мурое, рябое, *кривѐньке*!... «Здравствуй, здравствуй, мое бѣдненькое!... Ахъ, здоровъ бувъ, Оксе́нтію!..»..

И овечки... «би́рю, би́рю!».. И Антонъ, и рябко́, и *білка*...

(¹) Пряниковъ.

«Здравствуйте, здравствуйте, вамъ, всѣ дорогіе мои!.. а мама здоровенька?»...

И не дожидаясь отвѣта, стрѣлой на гору...

Въ *приходжі* народу много, много,—гости!... Вонъ, въ спальнѣ, сестра старшая... братья старшіе,—въ *пекарню*...

— Матусю!

— Ахъ!...

Все и всѣхъ забыла!.. обнимаетъ, цѣлуетъ, плачетъ:—Дитиночко моя!... синочку мій!...

— Стара!.. стара!—старикъ оттуда, изъ свѣтлицы.

— Заразъ, заразъ!... Голубоньку мій, чи живъ ти, чи здоровъ?

— Папотець васъ кличуть!

— Заразъ!... А матері не забувъ?

И не скоро она, можетъ быть, оторвалась бы отъ меня, несмотря и на зовъ отца, несмотря на то, что по его голосу она, можетъ быть, и изъ могилы бы встала, еслибы только надъ ея могилою могъ когда-нибудь раздаться этотъ голосъ.... Но дверь кухни скрипнула, и изъ-за нея выглянулъ самъ мой сѣдоволосый...

— Эгѐ,-говоритъ:—не въ-чімъ не реве́, ажъ дома нема́!.. Дивітця!—и отворилъ двери настежъ.—Мо́же ви,-говоритъ,—не бачили, якъ корова теля облизуе, то подивітця!....

Во все время моего пребыванія дома, я почти не входилъ въ остальныя комнаты, а всё сидѣлъ въ кухнѣ и всё плакалъ—и вечеромъ въ субботу, и весь день въ воскресенье, и въ понедѣльникъ! Сколько ни утѣшали меня, сколько ни доставляли мнѣ разныхъ развлеченій,—я плакалъ и плакалъ, сидя въ кухнѣ за столомъ и опершись на него локтями!.. Какая была причина этихъ слезъ—для меня и теперь загадка! Была ли это тоска о томъ, что сестра выходитъ замужъ и что, слѣдовательно, мы теряемъ одного члена семьи,—или шумное и многолюдное веселіе и тогда уже производило на мою душу тяжелое впечатлѣніе,—рѣшительно не знаю!...

Во время пребыванія моего дома, я очень мало видѣлся съ матерью: гостей толпа, пированье день и ночь, некогда! Прибѣжитъ бывало ко мнѣ, начнетъ меня утѣшать, обливаясь и сама слезами,—зовутъ!... обниметъ, поцѣлуетъ, дастъ какое лакомство,—и снова убѣжитъ:—«Не плачь же,» говоритъ, «моя дитиночко, не круши мене!..» Чрезъ нѣсколько времени опять то же...

Только во время сна она была со мной неразлучно, если только

сномъ можно назвать какое-нибудь двухъ-трехчасовое затишье въ ночномъ пированьи.... Когда бывало въ домѣ шумъ нѣсколько стихнетъ, попроситъ кого изъ знакомыхъ или родныхъ за всѣмъ присмотрѣть, возьметъ соннаго гдѣ тамъ я заснулъ, отыщетъ мѣсто и приютится: «Хоть полéжу колò ёго... хоть рукá моя бýде на ёмý!..»

Это ли, что во время гостеванья я не могъ часто видѣтсья съ матерью, или что вообще мнѣ было тяжело быть на этой свадьбѣ... а можетъ быть, что чрезъ недѣлю я снова долженъ былъ пріѣхать домой, на масляную,—выѣзжать изъ дому я собрался безъ особеннаго горя, и, сколько помню, не плакалъ во время сборовъ нисколько.....

М. Номисъ.

НБУ

ЗАМѢТКА

о словутномъ пѣвцѣ Митусѣ.

Не знаю, кому первому изъ русскихъ ученыхъ принадлежитъ мнѣніе, давно принятое многими, что *словутный пѣвецъ Митуса*, упоминаемый Волынскою Лѣтописью подъ 1241 годомъ, былъ пѣснотворецъ, подобный Бояну и Пѣвцу Игоря Святославича. Но изъ сказанія Волынской Лѣтописи напрасно, мнѣ кажется, выведено такое заключеніе; скорѣе слѣдовало принять, что помянутый *Митуса* (т. е. Димитрій) былъ знаменитый въ свое время церковный пѣвецъ, принадлежавшій къ пѣвчимъ владыки Перемышльскаго, но не хотѣвшій прежде поступить въ пѣвчіе князя Данилы Романовича. Вотъ самое сказаніе лѣтописи: «Данилъ же дворецького посла на Перемышль, на Костянтина Рязаньского, посланаго отъ Ростислава, и владыцѣ Перемышльскому, коромолующу ему съ нимъ; и слышавъ Костянтинъ Андрея, грядущя на нь, избѣже нощью. Андрей же не удоси его; но удоси владыку, и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилбицѣ ихъ волчье и борсуковые раздраны быша; словутьного пѣвца Митусу, древле за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу, раздраного акы *связьня* (*) приведоша, сирѣчь, якоже рече Приточникъ: буесть дому твоего съкрушиться, бобръ и волкъ и язвець снѣдяться».

Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о домѣ сопротивнаго князю Данилу владыки Перемышльскаго, и его гордыхъ служителей, въ числѣ которыхъ былъ и словутный пѣвецъ Митуса. И такъ, этого

(*) Такъ поправляю *я*; въ подлинникѣ: *акы связаного*, и не выходитъ смысла. Переписчикъ, вѣроятно, не зналъ или не разобралъ слова *связень* — узникъ (въ Кіевской Лѣтописи, подъ 1183 годомъ, полоненный на р. Каялѣ князь Игорь Святославичъ говоритъ: «и *связня* преда мя.). Нарѣчіе *древле* здѣсь, какъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣтописи, значитъ: *прежде*, предъ тѣмъ.

пѣвца нельзя ставить въ число древнихъ южнорусскихъ пѣснотворцевъ, какими были *Боянъ* (современникъ Нестора) и *Пѣвецъ Игоря* (1185—86); ему чета—развѣ «скопець *Мануйло—пѣвець гораздый*, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ третій къ боголюбивому князю Мьстиславу» (Кіев. Лѣт. подъ 1137 г.).

Кстати, о шапкахъ, упомянутыхъ при описаніи гордыхъ слугъ владыки Перемышльскаго: *тулы бобровые*—высокія шапки въ видѣ клобуковъ; *прилбицы* (волчьи и барсуковые)—шапки съ мѣховыми околышами и съ верхами сукоцными, бархатными. О *прилбицѣ* княжеской см. въ Кіевской лѣтописи (подъ 1172 годомъ); а изображеніе можно видѣть на картинахъ въ древнемъ харатейномъ житіи св. Бориса. О *прилбицахъ* простыхъ ратниковъ Русскихъ XVI вѣка упоминается въ Статутахъ Литовскихъ.

М. Максимовичъ.

29 марта. 1860 г.
Михайлова-Гора.

РІЗДВЯ́НІ СВЯТКИ́.

ПИСЬМО 3-е.

Святій вечіръ (1).

Теперь, мой чита́тель, не на *Ріжкі́вскі* болота, не къ *Ріжкі́вскимъ духа́мъ и ізкамъ*, а въ самую глубь села *Ріжкі́въ*, на площадь передъ Рижкивскою церковью, а пожалуй и на самую Рижкивскую колокольню!.. Да торопитесь, мой читатель: скоро вторые пѣтухи запоютъ, а Рижковскому *паламарёві* (пономарю) не то, что Нестору Рижкивскихъ риба́локъ (2). Примется Кале́никъ Даниловичъ за свое дѣло немножко раньше, или немножко позже,—ни чьи интересы не потерпятъ, никто за это не осудитъ; но Рижкивскій пономарь—зазвони слишкомъ рано—«яке́ вже тамъ и моління такъ рано!»—слишкомъ поздо—«и вже́! якъ такъ и паламарюва́ть!» Конечно, иному прочему на эти *су́ди и пересу́ди* можно и вниманія не обратить, и какая-нибудь отчисленная изъ училищнаго въ епархіальное вѣдомство *фа́ра* или *и́нфима* (3),—словомъ, какая-нибудь

---

(1) Первый день Рождества народъ большею частію называетъ *Різдвомъ*, *Різдво́*. Но какъ *Різдвомъ* называются и вообще Рождественскіе праздники, то мною и избрано *Святій вечіръ*, какъ названіе съ болѣе тѣснымъ значеніемъ и притомъ употребляемое въ колядкахъ. Впрочемъ, и это послѣднее названіе не вездѣ одинаково употребляется, какъ это читатель увидитъ изъ послѣдующаго въ моемъ разсказѣ.

(2) См. 2-е Письмо.

(3) Семь классовъ духовныхъ училищъ и семинарій назывались Фа́ра, Инфима, Грамматика, Синтаксисъ, Риторика или Поэзія (послѣднее названіе можно теперь услышать только отъ стариковъ-священниковъ), Философія и Богословія. Ученики этихъ классовъ обыкновенно называются: Фарі́стъ или Фарі́ста, Инфимі́стъ, Грамма́тикъ, Синта́ктикъ, Ре́торъ, Философъ и Богословъ. но иногда какъ и у меня: Фа́ра, Инфима и т. д.

вольная птица, которая сегодня здѣсь, а завтра тамъ, такъ бы, въ этомъ случаѣ, и поступила; но теперешній Рижкивскій пономарь, *Гара́ско Трохи́мовичъ*, лицо грома́дское и избранное судомъ грома́дскимъ, а что́ всего важнѣе, избранное безъ какихъ-либо внушеній или наблюденій:—такъ случилось;—а въ подобномъ случаѣ—«Э, ні! оцюди слу́хай!» Какъ только избрали Гараська Трохимовича въ пономари: «А яка́ бу́де ра́да?» тотчасъ обратился онъ съ рѣчью къ старѣйшимъ и почтнѣйшимъ. *Ра́да була—дру́гі півні*,—и съ того времени, вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, а Рижкивскіе колокола еще ни въ одну ночь передъ Рождествомъ не потрясали над-Рижкивскихъ пространствъ, ни раньше вторыхъ пѣтуховъ, ни позже, каковы бы были въ воздушныхъ пространствахъ атмосферическія обстоятельства, и какъ бы иной разъ ни хотѣлось Рижкивскимъ колоколамъ подремать, хоть немножко, хоть *чу́точку*, хоть *півчу́точки* (существительное, которому въ великорусскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственнаго,—отъ *чуть*).

Какъ тихо вездѣ! Не будь огоньковъ въ окнахъ — видите, въ той вонъ сторонѣ, какъ весело—два окна? Это у Гаврилёнкивъ,—есть кому и есть изъ чего... А бѣднякъ Лёбедь—*тільки-тільки*!.. А какая погода теплая! Не будетъ ли снѣгъ къ утру? Сколько я замѣтилъ, въ эту пору на Рождество почти всегда такая.

Но тише! кажется, гдѣ-то пѣтухъ — крыльями!.. Ухъ, какой голосистый! Должно быть у Дороши́хи, удивительныхъ держитъ пѣтуховъ! А вотъ и другой, третій...

Вторые пѣтухи на полномъ ходу! Вотъ гдѣ-то, далеко-далеко, на томъ концѣ села, какъ-будто на томъ свѣтѣ... вотъ здѣсь, тамъ, снова здѣсь—экъ разомъ хватили! должно быть съ такту сбились.

Но тише снова: кажись, залаяла собака... А, это Гара́ська Трохимовичъ! Видите, въ томъ углу площади, огонекъ какъ-будто колышется: это *зъ лихтарнею* (съ фонаремъ), должно быть идетъ будить *ба́тюшку*... Нѣтъ, остановился у Гавриленкивъ, стучитъ... Понимаю!

Надобно вамъ сказать, что паробки наши—большіе охотники звонить въ колокола. Нужно, напримѣръ, прозвонить по *вмі́ру́щому*: «А ну! Пётре или Ива́не», и Петро́ или Иванъ, навѣрное, не откажутся, хоть дождь на дворѣ будетъ, грязь, *миха́ года́на*. Случится, прійдетъ, мѣста́ заняты—ничего! покрайней мѣрѣ послушаетъ, ка́къ оно тамъ—*якъ въ котлі кипить*. Я знавалъ любителей, что

въ дни, когда обыкновенно цѣлый день бываетъ трезвонъ, съ кококольни и не сходили. Придите, въ воскресенье или въ какой праздникъ, въ любое у насъ село, предъ началомъ обѣдни,—паробковъ на колокольню *нашевкалось* (налѣзло), какъ говорится, и *кýрці нóсомъ нігде клюнуть!* Конечно, не послѣднее въ этомъ случаѣ и то:—будутъ итти дивчата,—*кахикнуть*, перевѣсившись изъ окна... затарабанить пальцами по *шалёвці*, а пожалуй и *жартомъ* перекинуться, если стариковъ близко нѣтъ (старики близко—*не гóже, незвичайно*); но главное—какъ я сказалъ.

На такой склонности, какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, воздвиглось убѣжденіе—и не только въ паробкахъ, и въ дивчатахъ, и даже въ извѣстной степени и въ тѣхъ, которые когда-либо были паробками и дивчатами:—чѣмъ въ большій колоколъ и чѣмъ въ большій праздникъ прозвонить, тѣмъ лучше, *величнише* (тѣмъ больше чести), а прозвонить въ самый большой колоколъ и въ одинъ изъ самыхъ большихъ годовыхъ праздниковъ,—напр. на Рождество, на *велик-день, на храмъ*,—это ужь такъ хорошо и *велично*, что просто и сказать нельзя!.. А на семъ, и тоже какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, воздвигся обычай—*гривні гривня*—(десять копѣекъ), съ одной стороны, вынимать изъ *кешені* (изъ кармана), а съ другой принимать и прятать, лишь бы въ такой или такой праздникъ, къ заутренѣ или къ обѣднѣ, въ большой колоколъ звонилъ я, а не кто-либо иной... Переходъ *гривень* въ этомъ случаѣ дѣлается не сокровенно, но во всенародное свѣдѣніе, и никто этимъ у насъ не скандализируется, и не огорчается: такъ принято, такъ ведется, сложился обычай... Ну, да чтобъ гусей не раздразнить! Довольно, что Гараско Трохимовичъ стучитъ въ окошечко именно потому: къ заутрени въ большаго зазвонитъ колокола не кто-либо, а чернобровий Гарасименченко Степанъ... И когда, вечеромъ, пойдутъ колядовать, всѣмъ и каждой будетъ извѣстно, что такъ и такъ—кромѣ, конечно одной, которая и не знаетъ ничего, и не вѣдаетъ... «Га? Чогó? Щó, сестрíці, кáжете?»

Но оставимъ Гараська Трохимовича съ его стучаніемъ въ окошечко, съ его интересами: ему еще многое предстоитъ—пусть онъ *повáжно* совершаетъ свое повáжное теченіе! Прійдетъ *до бáтюшки*, до *пекáрні*, почнетъ стучать въ дверь—слышитъ *нáймичка*, да не встаетъ,—посылаетъ *нáймита;* наймитъ тоже слышитъ — посылаетъ наймичку. Потомъ церковь надо отворить, свѣчи зажигать и

т. д. Мы отправимся куда-нибудь, къ кому-нибудь,—да вотъ хоть къ старому Ту́ркуту: «ха́та те́пла, лю́ди до́брі (¹)», да кстати и въ Гринькй, съ женою и съ *кутёю* (²), къ тестю и тещѣ, семья большая, люди предковскихъ обычаевъ.

У Ту́ркута: старуха-жи́ва; три женатыхъ сына—одного только осенью женилъ; двѣ замужнихъ дочери—одну выдалъ замужъ тоже только осенью; неженатый сынъ *жени́ло* (котораго пора женить; употребляется въ смыслѣ болѣе или менѣе шуточномъ, иногда даже насмѣшливомъ); двѣ незамужнихъ дочери *навида́нию* (невѣсты), невѣстки, куча *ону́ківъ* и *ону́чокъ*. Туркутъ не изъ богачей—*молодожо́нъ* (недавно оженившійся, т. е. сынъ) вчера не отправился; меньшая замужняя дочь вчера не пріѣхала изъ Вишняки́въ; вся семья, поэтому, на лицо, пріѣзжихъ не имѣется.

Изъ экономіи, въ *ті ха́ті*, въ чистой, *черезъ сіні*, огня нѣтъ, а тутъ, на по́лочкѣ, у *ко́мина кага́нчикъ*, *е́ле-е́ле*, нагорѣлъ *цнітъ* (свѣтильня). Спятъ — на *полу́* старикъ съ *дідовимъ ону́комъ*; на печкѣ—старуха съ *ба́биними* ону́ками и ону́чками; на *ла́ві* — женило: «таке зілля, якъ па́рубокъ, тре́ба мать на о́ці—не то, щобъ... про те у насъ крий Бігъ! а такъ—дурни́й ро́зумъ, разъ би въ разъ на у́лицю, ще нашурубу́рить!» (на землѣ) *до́лі*, *по́котомъ*, одна изъ старшихъ невѣстокъ и остальные онуки и онучки, которые поспокойнѣе, *дідові* не будутъ мѣшать спать. А тамъ, *черезъ сіни*, остальная семья: незамужнія дочери на печкѣ: «у насъ, кажу́, про те крий Бігъ, а дівоті яко́сь незвича́йно при стари́хъ, хоть ба́тько й ма́ти;« на полу́—невѣстка, у которой грудной ребенокъ, на землѣ—*молодожо́ни* съ *дрібязкомъ* (съ маленькими дѣтьми), а тѣ двое *по ла́вахъ*.

Тихо, крѣпко спятъ, даже старикъ крѣпко спитъ; только изрѣдка одинъ изъ ону́ковъ: »переймáй, переймáй!« вскрикиваетъ, или: »на свій бікъ! на свій, на свій!«—*бу́лка* (³) должно, быть, ему

(¹) Сокращеніе извѣстной прибаутки; «Ха́та-те́пла, лю́де-до́бри; ка́баки-доволі». Въ такомъ сокращенномъ видѣ прибаутка эта употребляется въ болѣе *деликатной* бесѣдѣ.

(²) См. 2-е письмо.

(³) *Булки*, или *ковінька*—игра. Подробное объ этой игрѣ объясненіе можно найти въ одномъ изъ примѣчаній къ Отрывкамъ изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка, помѣщеннымъ въ IV книгѣ Русской Бесѣды за 1858 г.

грезится... да отъ времени до времени, *пидъ піччю*, вздыхаетъ малый теленокъ—передъ самою *Кутéю* Богъ далъ! тó-то праздниками полакомится *дітвóра молóзивомъ* (1)!

Но вотъ *бéвкнуло* (ударили въ колоколъ) — не громко еще хорошенько *сéрця* не *росколихáли*... въ другой разъ—громче — старикъ притихъ... еще громче—услышалъ. «Слáва тобі,» говоритъ, «Гóсподи!» *заворушúвся*, крестится, поднимается...

Чрезъ нѣсколько минутъ, въ обѣихъ хатахъ у Туркута — яркій огонь, бѣготня, *умивáння*, *одягáння*, кромѣ самыхъ малыхъ дѣтей, которыхъ и не трогали. А Гарасимéнченко Степанъ звонитъ и звонитъ, стараго и малаго зоветъ послушать великую вѣсть: «Діва днесь Пресуществéнного рождáе!»

Сборы въ церковь на Рождество не долги, особенно старику и мальчикамъ: бѣлье чистое надѣто съ вечера, все убранство вынуто изъ скринь и принесено изъ *хúжі* (изъ чулана въ сѣняхъ), *комíръ*, тоже съ вечера. Вотъ развѣ дівчата съ своими *стрічкáми*, да пожалуй еще молодая невѣстка — *вúмостить ріжéчки* у платка, у новой плахты *грúви*, *червóний* поясъ, чтобы конецъ сзади такъ и разостлался!..

Мальчики ужъ готовы, у порога, перешептываются, посматриваютъ на старика. Готовъ и старикъ, поясомъ *підперезáвъ каптинóкъ*, надѣлъ новый нагольный кожухъ.

— А ну, старá, достáнь тепéръ грóші!—говоритъ, окончивъ *одягáння* и поправляя что-то за *комíромъ* (за воротникомъ),—должно быть что-то жметъ.

Старуха достаетъ изъ скрыни мѣдныя деньги, завязанныя въ *хустúну* — беретъ, садится возлѣ стола и принимается считать и раскладывать въ маленькія кучки, отъ времени до времени присвѣчивая къ каганьцю: «шагъ вонó (грошъ ли это), чи копійка.» «Ну,» «говоритъ, ужъ деньги теперь настали! просто *кинці зъ пилú погýбишъ!* На, лишéнь, старá, подивúсь ти!» или обращается къ кому-нибудь изъ старшихъ дѣтей, кто случится ближе...

Окончивъ разсчеты, старикъ подзываетъ старшаго опука: «Оцé,» говоритъ,» тобі шажóкъ (грошикъ), свічку обмінишъ (не купишь, а вымѣняешь, или поставишь) Бóжі Матері... А оцé, Петрýсю, тобі!»

---

(1) *Молóзиво* — извѣстнымъ образомъ приготовленное блюдо, изъ молока только-что родившей коровы. Самое молоко тоже называется молозывомъ.

Получившіе совершенно счастливы!...« А ви, объявляетъ остальнымъ: — ви на слу́жбі (на обѣднѣ, т. е. *обліните*)... На, стара́, даси́ імъ тоді, а то погу́блять (потеряютъ).» Неполучившіе немножко опечалены: — имъ бы хотѣлось сейчасъ имѣть шажки въ рукахъ; — *дідівъ* онукъ дѣлаетъ даже возраженіе, ба́ба хочетъ замолвить слово за *своихъ:* «Ні, ні!» говоритъ тихо: — идіть!» — онъ знаетъ, что́ дѣлаетъ, онъ разсчиталъ крѣпко!..

Двери скрипнули, *чо́боти* (сапоги) застучали, и чрезъ нѣсколько секундъ хата отъ *дітво́рн* опросталась.

Потомъ старикъ даетъ деньги женатымъ сыновьямъ, чтобы каждый поставилъ по свѣчѣ всѣмъ намѣстнымъ иконамъ, на утренѣ и на обѣднѣ, по нѣскольку шажковъ дочерямъ и невѣсткамъ... *Жени́ло* проситъ и себѣ!.. «Ще й тобі!» говоритъ старикъ: — я, якъ бувъ таки́мъ, ніко́ли у ба́тька не просивъ!.. Ну, на; та йди́ собі, геть!.. Архистрати́хові жъ Михаилові поставъ!.. «уже ввслѣдъ, а тотъ только усмѣхается; — «а на слу́жбі Ива́нові Во́іну!.. чи не оду́чять хоть вони́ тебе́ одъ кула́чокъ!... (¹) «На жъ и тобі, стара́!» заключаетъ старикъ, обдѣливъ всю семью и отложивъ и себѣ нѣсколько шажковъ. Старуха отказывается: «гдѣ ужъ! мнѣ-ли *прото́впитьця* (протолкаться, т. е. къ свѣчамъ и къ иконамъ)!» Вотъ, говоритъ, на службу пораньше пойду и Матери *Бо́жі* свою, *самоділкову* (домашняго, своего приготовленія).

Уходитъ въ церковь старикъ, а за нимъ и другіе: сыновья, невѣстки, дочери.... Какіе *дукачі* (въ родѣ медальоновъ—мѣдные, серебряные, иногда и золотые) у нихъ, *намиста́, стрічки́*! Какія свиты бѣлыя:—еще ни разу не надѣвали!... Послѣднею собирается

---

(1) Старикъ намекаетъ на предстоящія, во время праздниковъ, кулачки. Вообще, парубокъ въ многочисленной семьѣ у насъ какъ-будто чужой: воно́ таке́ зілля—задира́кувате, гуливое, въ лѣсъ смотритъ, а не въ семью, пока не женится, т. е., не то чтобы въ лѣсъ, а за ворота... Впрочемъ, это отчужденіе болѣе наружное, чѣмъ внутреннее, болѣе ворчаніе, чѣмъ дѣйствительно гнѣвъ: «Ще й тобі!» говоритъ старикъ Туркутъ: — ну, на, та йди собі геть!» Скажу даже больше: я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы за этимъ ворчаніемъ не было чего-нибудь совсѣмъ противоположнаго насупленному виду, сердитому голосу,—также крѣпко сомнѣваюсь, чтобы старикъ Туркутъ велѣлъ поставить свѣчи Архистратигу Михаилу и Ивану Воину, именно для того, чтобы они отучили повѣсу отъ кулачокъ, а не для того, чтобы они помогли ему весь Таранівский кутъ (уголъ, т. е. часть села, гдѣ живутъ Тарани) гонять праздниками на кулачкахъ, какъ чёреду. Не даромъ же повѣса, уходя, усмѣхался!

старуха... останавливается еще разъ, оглядываетъ себя и все кругомъ, ка́къ бы еще чего не забыть. Ушла — и чрезъ нѣсколько секундъ снова назадъ, стучитъ въ окошечко: «Глядіть же мені,» говоритъ: «не забу́дьте теля́ти нагоду́вать!»

Остаются дома: только невѣстка съ груднымъ ребенкомъ, всѣ *дівча́тка*-онучки! —гдѣ имъ толкаться ночью! —да онуки-мальчики, которымъ въ церкви пришлось бы только носы утирать. Къ обѣднѣ, пожалуй, кое-кого и изъ нихъ заберутъ, кто покрупнѣе — старуха возьметъ, — *матері;* а теперь: — «воно́ ще зовсімъ мале́, — який ще у й ёго й гріхъ!»

Главная забота остающейся дома невѣстки — убрать хаты, накормить теленка и затопить *пе́чі*.

Уборка хаты въ настоящемъ случаѣ состоитъ уже не въ подбѣливаньи и вымываньи: все, что́ нужно было вымыть и вымазать, вымыто и вымазано вче́ра послѣ вече́ри, или,–какъ объ этомъ сказано мною въ своемъ мѣстѣ — и раньше. Не займется теперь невѣстка и украшеніемъ хаты. То́ ли, что для народа, говоря вообще, праздникъ становится осязательнѣе, ближе его сердцу, теплѣе, только съ того момента, когда въ празднованіе начнутъ привходить предметы, болѣе доступные его пониманію и ему близкіе — напр., на Свѣтлый Праздникъ, когда, на заутрени, «обнимемъ другъ друга», еще болѣе, когда вокругъ церкви станутъ рядами *паски*, и еще болѣе, когда хата, все и всѣ въ праздничномъ, всѣ цѣлуются, христосуются, а на столѣ—паски, то, другое,—другими словами, то ли, что праздникъ у народа, по крайней мѣрѣ у нашего народа, сосредоточивается главнымъ образомъ въ обѣденное и послѣдующее за тѣмъ время, или же тутъ имѣютъ значеніе какія-либо другія причины, напр., просто разсчетъ, заняться украшеніемъ, когда вытоплено, подметено, пыль не подымется и не сядетъ ни на чемъ— то́ ли, или это; но сколько я замѣтилъ, украшеніе хаты на Рождество дѣлается у насъ всегда, когда вотъ-вотъ уже изъ обѣдни!... подразумѣвается, если кто нибудь изъ женщинъ во время обѣдни до́ма; если же всѣ уходятъ въ церковь — что́, скажу мимоходомъ, бываетъ только въ семействахъ слишкомъ немногочисленныхъ, да и то́ не всегда, — украшеніе—во всякомъ случаѣ—послѣдняя вещь, чѣмъ займется хозяйка, или кто тамъ вмѣсто нея, такъ-что приди изъ церкви, поклонись образамъ... погляди кругомъ — свѣженькое все, чистенькое, хата какъ съ иголочки... Невѣстка Туркутишина,

потому, не займется теперь украшеніемъ хаты: этимъ займется во время обѣдни наименьшая невѣстка:—кстати, она такая *джиджулу́ха* (¹)! она уберетъ постели, одежу, которую поразбрасывали спѣшившіе въ церковь; меньшіе дѣти станутъ подыматься, будетъ умывать ихъ, наряжать, чѣмъ Богъ послалъ: дѣвочкамъ — *намі́стечка* по *разо́чку* (по ниткѣ) или по два, а, пожалуй, и какую-нибудь ленточку на головку... мальчикамъ—копѣечной тесемки по кусочку, *въ ча́стіжки*; а встанутъ всѣ—солому подобрать, гдѣ спали, *підъ пічь*, хаты подмести, повынимать *рушники* для убранства хаты, и т. д.

Кормленіе теленка,—не на Рождество, а во всякое другое время,—занятіе не изъ такихъ, которыя особенно озабочиваютъ моихъ земляковъ и землячекъ; а потому во всякое другое время о немъ не стоило бы и упоминать. Но на Рождество,—для нихъ, а слѣдовательно и для насъ, ведущихъ рѣчь объ ихъ *Різдвя́нниxъ святка́хъ*, оно очень важно. По нашимъ понятіямъ,—коровы, во время *Різдвя́нниxъ святокъ*—Різдвяннихъ свято́къ въ тѣснѣйшемъ значеніи, т. е. первыхъ трехъ дней: на *са́ме Різдво́*, или на *Святій Ве́чіръ*, какъ у меня названъ тотъ день, на *Богоро́дицю* и на *Тро́ицю*—должны быть неразлучно съ своими телятами, и телята должны *въ при́пустъ* (сколько хотятъ) кормиться молокомъ... Ясли ли, давшія убѣжище Матери, раждающей Бога, или что-либо другое послужило тутъ основаніемъ—не берусь разсуждать. А что дѣло ограничивается однѣми коровами—изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ только коровы и свиньи въ эту пору рождаютъ дѣтей; но послѣднія—въ такомъ снисхожденіи не нуждаются:—онѣ и безъ то́го не разлучны съ дѣтенышами. Притомъ, животныя эти, занимая столь почетное мѣсто въ яствахъ украинскихъ христіанскихъ праздненствъ, занимаютъ слишкомъ непочетное мѣсто въ украинскихъ христіанскихъ понятіяхъ.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, относительно коровъ и телятъ, мои земляки и землячки такихъ-именно убѣжденій, а потому, тотчасъ послѣ вечери на Багату Кутю, телятъ впускаютъ къ матерямъ,—въ кошары, или гдѣ тамъ онѣ есть,—и оставляютъ вмѣ-

---

(¹) Любящая, чтобы все было на ней и гдѣ она живетъ, изящно, чисто, принаряжено. О мужчинѣ не говорится джиджулу́нъ, хотя и говорится приджиджулився.

стѣ до утра четвертаго дня праздника, иногда даже и долѣе. Если же теленокъ слишкомъ малъ, можно опасаться, замерзнетъ на дворѣ, или пожалуй въ темнотѣ наступитъ *товаря́ка*,— держатъ въ хатѣ, по крайней мѣрѣ ночью, но за то носятъ, какъ можно чаще, кормитъ. «А що,» спрашиваетъ молодой *ха́зяїнъ* у своей молодой *хазяйки*:—мо́же бъ пора́ до коро́ви теля́?»—«Та тільки що носи́ла!»—«Ну, и що жъ?»—«Такъ цмоли́ть (съ охотою, съ аппетитомъ сосетъ, *ажъ цмокае*), такъ цмоли́ть!» — «А та?» — «Та?... ска́зано, ма́ти—ажъ підтюпцемъ (¹), якъ поба́чила!... и такъ ли́же ёго́, ли́же!» И молодой *ха́зяїнъ* поворачивается къ окошечку съ улыбкою, которая даетъ разумѣющему разумѣти, что благодать Божія на домѣ семъ: «Ну,» говоритъ, «полижи́ жъ и ти своё!»

Самая главная забота остающейся невѣстки — топить *пе́чі* и *прийма́тьця по́ратьця*. Печка въ той хатѣ, *черезъ сіни*, топится сейчасъ же, по уходѣ всѣхъ въ церковь, или, смотря по заведенному въ семействѣ порядку, немножко позже; но въ печкѣ здѣсь, гдѣ и ѣсть будутъ варить, разводится огонь къ концу заутрени; словомъ, такъ, чтобы *топінка* окончилась непремѣнно до окончанія обѣдни—а обѣдня на Рождество бываетъ у насъ по деревнямъ довольно рано—и притомъ такъ окончилась, чтобы осталось немножко времени и *приджиджули́ть* хату. Въ семействахъ немногочисленныхъ,—вообще, гдѣ на обѣдню всѣ уйдутъ и печки *дото́плювать* некому будетъ—разводится огонь и еще раньше, чтобы покончить совсѣмъ по крайней мѣрѣ къ тому времени, когда *задзво́нять у всі*.

Впрочемъ, хлопоты тутъ *зъ топінкою* не бываютъ такъ многосложны, какъ въ другіе праздничные дни, кромѣ, конечно, Свѣтлаго праздника; даже не такъ многосложны, какъ и въ *бу́дденьь*. Блюдъ, въ этотъ день, какъ увидимъ ниже, приготовляется немного; все, что́ нужно для *варінки*, изъ погреба, изъ коморы и т. д., внесено съ вечера, какъ объ этомъ объяснено у меня во второмъ письмѣ, даже топливо заготовлено на Багату Кутю, т. е. принесены поближе солома, тростникъ, дрова, какъ тоже объяснено во второмъ письмѣ. А что́ вчера сало накрошено, мясо нарублено —

(¹) Этому слову нѣтъ соотвѣтственнаго въ великорусскомъ языкѣ. Тюпать— бѣжать рысцею, підтюпцемъ—идти такъ быстро, что вотъ-вотъ побѣжитъ, и даже сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ бѣгомъ.

объ этомъ и говорить нечего! По нашимъ понятіямъ, въ такой праздникъ, какъ Рождество, вообще грѣшно работать: напр., грѣшно доставать *вáриво* изъ погреба, мыть лаву, даже топить грѣшно, и если топимъ, то дѣлаемъ это по самой необходимой необходимости (1); но крошить, рубить—вообще, *рѣзать* — изъ работъ это у насъ самая грѣшная! Откуда это, въ силу какихъ причинъ, подъ какими вліяніями сложилось у насъ такое вѣрованіе? Замѣчу однако, что рубить, дѣлая *домовúну* (гробъ) — не грѣхъ, какъ не грѣхъ дѣлать это ни въ одинъ день въ году, конечно, если настоитъ въ томъ крайняя надобность. И еще замѣчу, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины рѣзать на Новый Годъ и еще грѣшнѣе. Это еще непонятнѣе. Хотѣлось бы очень знать, въ какой степени повсемѣстно это вѣрованіе у Украинскаго народа, не выключая Галичанъ и потомковъ Запорожцевъ. Нашъ Новый Годъ, къ сожалѣнію, я имѣлъ случай наблюдать только въ Полтавской губерніи и, главнымъ образомъ, только по рѣкѣ Оржицѣ.

Время отъ заутрени до обѣдни употребляется, мужскою частію семьи, на тó, чтобы овцамъ, лошадямъ и проч. дать *досвітчáну* и *врáнішну* порцію корму, погнать до *ополóнки* и проч., и чтобы немножко *прикорхнýть*, *замнýть* по крайней мѣрѣ, т. е. дать *досвітчану* порцію сейчасъ, пришедши отъ заутрени, потомъ заснуть, а потомъ, уже предъ самою обѣднею, дать и *вранішню* порцію.— Кормленіе и напованіе скота въ этомъ случаѣ дѣлается не очереднымъ изъ сыновей или внуковъ, вообще—не по заведенному порядку, а *гуртóмъ*, общими силами, чтобы поскорѣе. «А нуте, діти, кúньтесь!» говоритъ старикъ Туркутъ—и тотъ по *осокý*, тотъ солому *смúкать*, тотъ ополонку пробивать — не прорубливать, а пробивать—а *малéча* ужъ конечно возлѣ овецъ. Такъ же точно употребляется это время и женщинами: кормятъ птицу, свиней и *щобъ хоть óчі поламáть* (1),—съ тою только разницею, что какъ птица и свиньи, *вдóсвіта* никогда не кормятся, то не кормятся и теперь.

Но вотъ снова зазвонили *до цéркви*, — (конечно, у *велúкого*

---

(1) Ужинать, поэтому, на Рождество у насъ почти никогда не готовятъ, какъ объ этомъ будетъ и ниже.

(2) Непереводимое выраженіе. «Не заснýла, а тільки óчі поламáла», говорятъ преимущественно женщины.

дзво́на другой кто звонитъ, а не Гарасиме́нченко)—снова опросталась хата, да ужъ такъ, что только наименьшая невѣстка дотапливаетъ печку, да двое, трое дѣтей, *хво́ренькихъ* или совсѣмъ *не́змислнівъ*, дома, — даже груднаго ребенка унесли! Вотъ и печка дотоплена, *джиджулу́ха* принимается, наконецъ хату *джиджули́ть*...

Но нѣтъ! не стану объ этомъ разсказывать! Интересно наблюдать, какъ обломокъ мрамора, подъ рѣзцомъ искуснаго ваятеля, мало-помалу превращается во что-то образъ имѣющее; но гораздо выше интересъ—взглянуть, когда этому мрамору данъ, такъ-сказать, послѣдній ударъ, и произведеніе явится во всеоружіи соотвѣтственныхъ идеѣ формъ...

Случалось мнѣ на Рождество входить къ моимъ землякамъ и въ хаты... и въ мѣщанскія и въ панскія *го́рнички*, и въ великопанскія и купеческія горницы. Войдешь къ купцу, мѣщанину и даже къ подгороднему доброму моему земляку — панское и великопанское въ сторону — такъ и рѣзнетъ сейчасъ тебѣ въ глазъ: какая-нибудь яркаго цвѣта занавѣска у кіота — у купца; шпалеръ, теремокъ — у мѣщанина, у подгородняго земляка. А рѣзнуло въ глаза,-дѣло извѣстное—и вниманіе тамъ остановится, недоумѣваешь или усмѣхаешься,а дальше не пойдешь, а пойдешь, — не скоро, или такъ пойдешь, что́ и вспоминать не стоитъ... Но сколько я ни входилъ къ моимъ добрымъ землякамъ, хуторскимъ или сельскимъ захолустникамъ,—бѣденъ ли онъ, достаточенъ, — сначала, отъ порога, только чистота—не та, какою-то терпкостію дышащая чистота, которая обдаетъ васъ, когда входите въ нѣмецкій домъ, а чистота теплая, улыбающаяся... отъ *пе́чі*, зъ підпічча, отъ *ми́сника*, лавы, *поли́ць*... потомъ, на *коло́чкахъ*, постепенно: *рушнички́*, рушники, шитые рушники, разшитые... и наконецъ, въ преразшитомъ рушникѣ, на бѣленькомъ *божнику́*, съ пахучими васильками по бокамъ и съ висящими изъ *божника́* обильными колосьями жита... какъ средоточіе міра этого, какъ его послѣднее слово... *мовъ въ гнізде́чку*, — маленькій, потемнѣвшій... ликъ какъ и наши, изможденный какъ и мы... благословляетъ!.. голова долу преклоняется, рука поднимается крестъ сотворить... А подъ нимъ, поистинѣ *Вочеловѣчившимся* (¹), на *по́кутті*,—ясли, гдѣ Онъ когда-то...

(¹) Едва ли иной народъ, съ очертаніями своего лица, отразилъ себя въ иконописи, больше, чѣмъ народъ украинскій — конечно въ иконописи своей, а не заим-ствованной, или привозной.

Обѣдъ на Рождество начинается и продолжается среди обстановки, какъ и на Багату Кутю: курится ладанъ, читается молитва, горитъ восковая свѣча. А все не то, что Багата Кутя,—нѣтъ той теплоты и тихости, той таинственности, того чего-то, чѣмъ такъ проникнута *вечёря*.

Если и весело бываетъ на Рождество за обѣдомъ — веселость выходитъ какая-то шумная, съ набитымъ колбасою ртомъ, съ разрумяненными подъ вліяніемъ чарки, послѣ холода, щеками...

За первою чаркою вспоминаютъ и отсутствующихъ — «неха́й же, мовъ, леге́нько и імъ згада́етця!» — но вспоминаютъ какъ-то вскользь, безъ особеннаго значенія; а ужъ заплакать — очень, очень рѣдко!

Предложатъ дѣтямъ *горілки* — если еще и предложатъ: пьютъ — пусть пьютъ, а не пьютъ — «дурні, тако́го дива та не хо́чуть!»

Въ отношеніяхъ семьи съ домочадцами внимательный наблюдатель непремѣнно замѣтитъ, что того, что́ было вчера, ужъ нѣтъ!

Первымъ блюдомъ на столѣ непремѣнно является что-нибудь изъ остатковъ вчерашней вечери, большею частію рыбное: холодный борщъ, холодные *товчёники*, холодная жареная рыба. Подается все разомъ, ѣдятъ, кто что́ хочетъ, пока кончатъ. Нѣтъ рыбнаго— даютъ немножко кути или узва́ру; но только, говорю, начать обѣдъ непремѣнно нужно вчерашнимъ.

За этимъ слѣдуетъ сейчасъ колбаса — смотри, *джиджолу́хо*, чтобъ была она горячая, шкварчащая! Ужъ не даромъ же шесть недѣль «и въ вічі не ба́чили, яка́ вона́!»

Колбаса — «не та чо́рзна-яка, а хоро́ша ковбаса́, на́ська» — вообще говоря, для насъ желанный гость на столѣ, и появленіе ея мы всегда привѣтствуемъ извѣстнымъ осклабленіемъ въ лицѣ и ковтаніемъ слюнокъ; что́жъ и говорить, если еще шесть недѣль!.. шутка ли — шесть недѣль! А вѣдь есть несчастные, которые и по шести мѣсяцевъ и даже по шести лѣтъ въ глаза ея не видали!.. Запѣвалы, конечно, тутъ *малёча:* чуть *джиджолу́ха зашамотіла* у печки, послала *хва́тки* доставать сковороду — позаворачивали *головки*, повытягивали шеи... А старшіе — «оце́ бъ таки́ й вони́!»

Но вотъ сковорода визжитъ, тянутъ по черені... вытянули, *сичи́ть* — мысли и сердца дѣтскія, а́може шествіе ея! А! поставили на столъ...

Да не подумаетъ однако читатель, что дѣтскій восторгъ, удивленіе — только изъ дѣтскаго желудка! Дѣло въ томъ, что эта са-

мая колбаса, и не дальше какъ сегодня утромъ, была въ лѣсѣ, въ *садку́*, или просто гдѣ-нибудь въ *гайку́*, на деревѣ, и особенно на вербѣ, вмѣстѣ съ саломъ и тому подобнымъ скоромнымъ, и только вотъ, предъ самымъ окончаніемъ обѣдни, спустилась—въ село, въ печку, и прямо на сковороду! Поневолѣ будетъ и восторгъ, и удивленіе, а пожалуй и опасеніе: а ну, да вздумаетъ снова!.. Въ какой степени распространенъ у насъ обычай говорить подобное дѣтямъ — не знаю; но знаю навѣрное, что онъ существуетъ не на одномъ только пунктѣ лѣвой стороны Днѣпра... Нижеподписавшійся самъ испытывалъ ощущенія, которыя сейчасъ описалъ, и живо помнитъ, ка́къ, во времена оны, ѣдешь бывало съ старикомъ къ заутрени — переѣзжать надобно было черезъ лѣсъ: — «А что́,» спрашиваешь,» колбаса вѣрно ужъ спускается съ дерева?» — «Какъ можно! отвѣчаетъ серьезно: — еще рано!» — «Да гдѣ жъ она? — не видно!» —«Въ *гущині*, ночь!» Случалось, что къ заутренѣ не ѣздили, а поѣхали къ обѣднѣ: «Да, говоритъ, ужъ начала спускаться! вѣрно, ужъ *на півдерева* спустилась!» А возвращались изъ церкви: «Вонъ-вонъ!» говоритъ: —видишь, какъ *чхурну́ла!*» — «Гдѣ, гдѣ?» — «Да вонъ же, впереди!» —«Да гдѣ же?» — «Эхъ, якій же ти дурень! говорю—впереди!» Вы напрягаете все вниманіе, *зпинаетесь* (поднимаетесь) на саняхъ — нѣтъ! — «Схова́лась уже́,» говоритъ, «за рігъ поверну́ла!»

Въ семействахъ, познакомившихся съ разными, идущими въ снѣдь, прибавками, къ колбасѣ подаютъ соленые огурцы. «Що́ то воно́ за птиця була́ бъ, та ковба́са, якъ би ій крила!»

За ковбасою слѣдуетъ иногда борщъ, но большею частію, можно сказать почти всегда, *капу́ста*, что-то въ родѣ великорусскихъ щей, только гораздо гуще — почти розмазнею: приготовляется изъ сѣченой капусты, немножко пшена, *съ свинйною*. Блюдо довольно вкусное, если хорошо приготовить. Почему въ праздникъ Рождества *капустѣ* отдается преимущество предъ борщомъ—не знаю. Не потому ли, что, какъ я сказалъ выше, въ праздникъ этотъ не позволяется ничего рѣзать, а для капусты не нужно ни *пелюстокъ* рѣзать, ни *буряківъ кришить?* Притомъ, приготовленіе *капусты* легче и не столько *коло́ неї захо́ду и забобоновъ*, какъ возлѣ борща.

Капустою и оканчивается обѣдъ. Въ семействахъ достаточныхъ и, вообще, въ такихъ, гдѣ до колбасы не ѣли кути, послѣ ка-

пусты ѣдятъ еще и кутю, обыкновенно съ молокомъ; но какъ избранныхъ такихъ не слишкомъ много, то и считаю себя вправѣ заканчивать на Рождество обѣдъ капустою.

Послѣ обѣда, *джиджулу́ха* съ мужемъ собирается къ своимъ, въ Гриньки́—да чтобы все новое да лучшее надѣть! и въ особенности, чего въ Гринькахъ не носятъ: пусть ахаютъ прежнія подруги, удивляются — «вотъ», молъ, «у *Ививни:* ко́міръ у не́і на кожу́сі бабако́мъ оббі́тий, платокъ — съ золотыми цвѣтами!» Джиджулу́ха бѣгаетъ, суетится, а старикъ наказываетъ и поклонъ передать *свата́мъ*, и просить въ гости *прибува́ть*. И непремѣнно добавитъ: «Та скажи́,, що, мовъ, свéкоръ щодня́ бьé!» — «А свекру́ха», подхватываетъ Туркутиха въ томъ же тонѣ: — «щодня́ істи не даé!..» Тѣ собираются, а остальная семья — вся спать, даже дѣти: надо вознаградить за ночное бдѣніе, да и время свободное. А выспавшись хорошенько...

Но прежде, чѣмъ Туркутова семья выспится хорошенько, считаю нужнымъ прервать на время свой разсказъ.

Вамъ, можетъ быть, страннымъ показалось, отчего я, разсказывая про *праздникъ*, прошолъ молчаніемъ то, что́ считается самымъ важнымъ въ праздникѣ, т. е. ничего не сказалъ о рождественской заутрени или обѣднѣ, или даже не повелъ васъ въ церковь? Вмѣсто всякаго объясненія, выписываю слова, которыми начинается 1-е мое Письмо.» Подъ словомъ «святки,» праздники, я буду разумѣть не то, что́ мы привыкли обозначать этимъ названіемъ, а то, что́ празднуетъ или чествуетъ какимъ-нибудь обычаемъ украинскій народъ» и т. д. — Рождественскія заутреня и обѣдня не заключаютъ въ себѣ ничего, что въ душахъ моихъ земляковъ отразилось бы какимъ-нибудь особеннымъ трепетаніемъ, какъ, напр., приведенныя выше свѣтловоскресенскія «обнимемъ другъ друга» и паски вокругъ церкви, или же *Орда́нь*, процессія по полямъ на Юрія, освященіе воды на *Маковія*, особенно если еще освященіе бываетъ на паромѣ... Паромъ отчаливаютъ, выѣзжаютъ на средину рѣки—и тамъ святятъ воду... Рождественскія заутреня и обѣдня для моихъ земляковъ,—да, сколько успѣлъ я замѣтить, и для великорусскихъ простолюдиновъ — какъ заутреня и обѣдня послѣдняго воскресенья, воскресенья предпослѣдняго и т. д. Вся разница въ томъ, «що то була́ неділя, а то вели́ке свя́то, *Різдво́*, ро́зговіни» — а это еще не много. Одинъ только признакъ рождественскаго цер-

ковнаго празднованія, да и то—одной только обѣдни, составляетъ особенность для моего земляка, именно то, что на Рождество «слу́жба ду́же до́вга;» но эта особенность не такого характера, чтобы могла занимать мѣсто въ моемъ изложеніи. Двѣнадцатый годъ и по груди Украины прошолъ нелегкимъ колесомъ; но наскочило это колесо не на томъ пунктѣ, гдѣ у нея сердце, а тамъ, гдѣ карманъ... да помяло немножко шею, помозолило руки. Спросите у украинскаго простолюдина, что́ это правилось на Рождество послѣ обѣдни: «та то», говоритъ, «про Фра́нцуза... Фра́нцузъ, ка́жуть, колись... ра́тниківъ бра́ли», и разскажетъ вамъ многое на тему «постача́ли — постача́ли!..» да въ добавокъ, пожалуй, укажетъ на свой *капта́нъ фабри́цького* сукна, сшитый отцомъ или дѣдомъ въ тѣ поры: «Ба́чите», говоритъ, «яке́ дермо́ (дрянь), а по пятна́дцять рублівъ, якъ одна́ копійка!»

Считаю нужнымъ, «за одни́мъ за́ходомъ,» сказать тутъ и слѣдующее. Украинскій рождественскій праздникъ, поставленный подъ уголъ зрѣнія, подъ какимъ у меня онъ поставленъ, кажется, есть не что́ иное, какъ продолженіе праздника, начавшагося вечерею на Багату Кутю, —продолженіе съ помарками и пробѣлами, — и заканчивающагося на Святый Вечеръ колядками. Трудно это доказывать, и вообще при состояніи народознанія, въ какомъ оно у насъ находится, а тѣмъ болѣе—мнѣ; потому и не осмѣливаюсь доказывать свое предположеніе, а только высказываю: можетъ быть, на что́-нибудь пригодится. Скажу только, что основаніемъ для него у меня—главнымъ образомъ—вѣяніе и отъ Рождества тѣмъ близкимъ, *рідним*ъ, о которомъ я упомянулъ во 2-мъ Письмѣ, говоря о Багатой Кутѣ, и которое я сильно чувствую всякій разъ, когда опускаюсь поглубже въ трактуемый предметъ. Вѣроятно, между двумя, видными на нашемъ горизонтѣ *озерявинами* и перемежающимися между ними какими-то углубленіями, была когда-то связь; вѣроятно, во времена оны, протекала тутъ какая-то рѣка, да мѣстами высохла или берега обвалились, мѣстами ее засыпали и лизапрудили, и на лицѣ земномъ, послѣ многихъ столѣтій, является что-то, что́ разгадать въ состояніи только сондированіе почвы, сравненіе, соображеніе, трудъ долгій, терпѣніе великое. Болѣе же осязательными для меня признаками: 1) употребленіе на Рождество и на Багату Кутю въ пищу предметовъ, такъ сказать, самаго *домашняго* свойства; 2) въ извѣстной степени сходство — обѣда на Рождество съ вечерею на

Багату Кутю; 3) обычай брать кутю (*итти* или *їхать* съ кутею), отправляясь къ роднымъ, не только на Багату Кутю, но и въ Рождество; 4) другой обычай — проводить всею семьею день Рождества не въ гостяхъ или гдѣ бы то ни было, а непремѣнно дома, въ хатѣ, до наступленія колядокъ, — такъ-что, на дворѣ, вы увидите только, что вышли дать скоту и проч. вечернюю порцію корму; на улицѣ, въ полѣ — «діти до ба́тька ідуть, ону́ки до діда и ба́би;» и 5) безразличное (на разныхъ, впрочемъ, пунктахъ Украины) употребленіе для обоихъ праздниковъ названія *Свя́тъ-вечі́ръ*, *Святи́й ве́чі́ръ:* въ однихъ мѣстахъ Свя́тъ-вечеромъ называютъ Багату Кутю, употребляя и это послѣднее названіе; въ другихъ — вечеръ и даже день Рождества, а въ иныхъ — оба дня, — различая только иногда Багату Кутю отъ Рождества употребленіемъ, для первой, названія *свя́тъ-вечі́ръ*, а для послѣдняго — *Святи́й вечі́ръ*.

Время отъ сна до сумерекъ, Туркутова семья проводитъ: старшіе въ *сі ха́ті*, тутъ же и пріѣзжая до́чь съ своимъ мужемъ — сейчасъ послѣ сна пріѣхали—бесѣдуютъ, взаимно передаютъ новости, *забавляютця* разными *за́бавками; мале́ча* — въ той хатѣ, тоже забавляются разными за́бавками, играютъ въ разныя *ха́тні* игры.

Самыя употребительныя въ это время *за́бавки: со́яшникове* и *гарбузо́ве насіння* (сѣмена подсолнечника и тыквы), а при недостаткѣ сбяшниковаго и гарбузо́ваго—*ди́няче* и *кавуно́ве*; орѣхи, гдѣ водятся близко лѣса; *кисли́ці зъ ква́су*, гдѣ водится много садовъ; яблоки *зъ пісни* (особый родъ квашенья яблокъ) и *зъ капусти*, кто позажиточнѣе и познакомился съ подобными *при́хами* (выдумками, капризами); *медяні коржі* и т. п. У горожанъ, а также и у сельскихъ козаковъ, склоняющихся по образу жизни къ панству, появляются сверхъ-того иногда: *вергуй* или *ба́нти, орішки, шишечки́* и тому подобные продукты мѣстнаго кондитерскаго искуства, *маковники́* и т. д. Разумѣется, старикамъ, какъ Туркутъ, всѣ подобныя *дурни́ці* большею частію не по зубамъ, и они ихъ и называютъ та́къ: «дурні́ця!» говорятъ. А вотъ груши и яблоки изъ *узва́ру* — это другое дѣло! «Ке-лише́нь мені горщо́къ зъ узва́ромъ (Дай-ка, и проч.)!» Возставши отъ сна, онъ выпилъ наваръ, а теперь: тѣ—орѣхи, сѣмена, а онъ—свое, *зоба́ та й зоба* (¹)!

(¹) Зобать—клевать, говорится о птицѣ, клюющей зерно, по преимуществу съ вылущиваніемъ отъ шелухи, а также и о людяхъ, зобающихъ насіння.

Изъ игръ самая употребительная въ это время—любимая наша *Ціцібаба* (¹). Кому-нибудь изъ играющихъ, по жребію, завязываютъ глаза, ведутъ до порога и заставляютъ взяться руками за колышекъ, которымъ отворяется дверь, а сами прячутся: «А ну!» скажетъ какой-нибудь *цвіркунъ* (сверчокъ), изъ-подъ *покуття*, или просто стоя посреди хаты,—увернется, надѣется на свою ловкость:—«уже!» говоритъ, и цицибаба, повернувшись и разставивъ руки, принимается тихонько, осторожно, нагнувшись впередъ, прислушиваясь... Иногда, когда игра въ разгарѣ, такую возню подымутъ, такой *гвалтъ* и крикъ, что просто, какъ говорится, хоть святыхъ вонъ выноси! со всѣхъ сторонъ шмыгаютъ, хохочутъ, дергаютъ, *сіпають*, а бѣдная ціцібаба, какъ вьюнъ на огнѣ: и сюда, и туда!.. Пойманный, въ свою очередь, становится цицибабою. — Въ большомъ ходу въ это время и *Чмихъ*. Садятся въ кружокъ — посрединѣ хаты или на *полу*, гдѣ лучше—и одинъ объявляетъ, что «запирается Чмихъ», т. е. что никто не долженъ говорить, ни даже *чмихнуть*. Игра состоитъ въ томъ, что одинъ старается разсмѣшить, а другіе должны удерживаться. Провинившійся наказывается условленнымъ числомъ ударовъ *джгутомъ* (сплетеннымъ платкомъ и т. п.), и въ свою очередь запираетъ чмихъ. Иногда выходятъ очень смѣшныя сцены! Для *дітвори* довольно одной мысли,—и чмихнуть нельзя—ужасно какъ смѣшно!-а тутъ еще кривляется, дѣлаетъ рожицы... Иной, чтобы вѣрнѣе удержаться, приподымется даже, старается ни на кого не глядѣть, особенно на *того*... но нечаянно взглянулъ, за носъ себя!.. движеніе его замѣчено — и другіе за носъ... Нѣсколько мгновеній молчаніе, тишь передъ взрывомъ, посинѣли даже—и вдругъ чмихъ, чмихъ, чмихъ, неудержимый хохотъ! Но иногда выхотятъ сцены и другаго рода: дѣло доходитъ до слезъ и до разбирательства старшихъ...

Но вотъ уже въ хатѣ темнѣть начало,—пора засвѣтить *каганець*—на Рождество, какъ сказано выше, вечеромъ почти никогда не топятъ, *вечеряють* то, что осталось отъ обѣда,—почему утромъ и готовятъ побольше; вотъ *зашамотіла дітвора:* кто постарше, одѣлись, куда-то ушли; немного спустя каганець засвѣтили—дивчатъ ужъ нѣтъ, куда-то исчезли, паробокъ *шмиґнувъ*, нѣтъ даже

ѣдящихъ что-нибудь мелкое, напр. груши, потихоньку, съ разстановкою. — словомъ, какъ птица: сначала однимъ глазомъ посмотритъ, поворититъ головку—другимъ, и клюнетъ. Вылущила — и снова.

(¹) Въ иныхъ мѣстахъ куці-баба.

одного изъ женатыхъ сыновей... Туркутова семья сидитъ, какъ и сидѣла, какъ-будто ничего и не случилось, продолжаютъ *гуторить*, забавляются *зáбавками*, ведутъ тихую бесѣду...

Стукъ въ сѣняхъ отъ многихъ *чобітъ*; отворилась хата—*дітвóра—колядники*, первая *бýрта* (первый отдѣлъ).

Охъ, дѣтство мое невозвратное!..

Пишущему строки сіи воспоминается его дѣтство, когда и онъ еще былъ малымъ-премалымъ *пахóлкомъ!*..

Семья, какъ и Туркутова: старикъ, *старéсенькая* моя—не *старéсенькою* тогда были! всѣ, и я возлѣ *старéсенькоі*, *притулúвшись*...

Воспоминается, какъ одни за другими колядники: *дітвóра*, дивчата, парубки, женатые... просятъ благословенія; —благословятъ, колядуютъ...

Воспоминается, какъ дивчата—(подъ крылышкомъ у матери, любимое дитя)—*приспівували* мнѣ...

Ой рáно, рáно кýри запіли,
Святúй вéчіръ!
А ще раніше панъ Матвійко вставъ...

какъ я прятался подъ рукавъ матери....

Панъ Матвійко вставъ, конú осідлáвъ,
Коня осідлáвъ, въ пóле виіжжавъ...

Но всего памятнѣе, когда два брата Лёдовéнки—какіе колядники были!.. высокіе, длинноусые, строгія лица!..

Нѣтъ, не вспомнить мнѣ тѣхъ колядокъ! Про какихъ-то *орлівъ* пѣли, гдѣ-то и куда-то летавшихъ... какъ-будто... какъ-будто теперь осень скучная и холодная... а оттуда, съ какого-то мглистаго далека, вѣтеръ хлопьями доноситъ—что-то больно, больно щемящее серце... какъ будто:

Вилітáли орлú
Зза крутóі горú,
Вилітáли, буркутáли,
Рóскоші шукáли...

«*Вернітеся*», говорятъ, «*літá мої!*»—«Нѣтъ,— отвѣчаютъ *не вернéмось, не вéрнемось*!..»

М. Номисъ.

13 Февраля 1861 г.
С. Петербургъ.

ТРИ ПИСЬМА О ПЧЕЛОВОДСТВѢ.

(Продолженіе).

ПИСЬМО VIII.

Третій періодъ пасики. Яринный взятокъ. Методы полученія съ ульевъ меда. Моя метода. Занятія въ пасикѣ въ этотъ періодъ.

Въ предыдущемъ письмѣ я сказалъ, что ежели, ко времени настоящаго взятка, пасика будетъ въ отличномъ состояніи, сильна и благополучна, то при изобиліи взятка и благопріятной погодѣ медъ польется въ нее рѣкою. Но чтобы собрать этотъ медъ, необходимо много знанія, безъ котораго можно потерять его не только половину, но даже и болѣе.

Изъ медистыхъ растеній, въ средней полосѣ Россіи, болѣе другихъ доставляетъ меду гречиха, изъ которой пчелы собираютъего такое количество, котораго бываетъ слишкомъ достаточно для ихъ годоваго продовольствія, и часть его можетъ быть, безобидно для нихъ, отдѣлена въ пользу человѣка. Цвѣтеніе гречихи продолжается между пятнадцатымъ числомъ іюля и пятнадцатымъ августа, въ продолженіи почти мѣсяца, но не всегда взятокъ съ нея бываетъ непрерывный и одинаковый; съ-начала и подъ-конецъ этого періода слабѣе, а въ срединѣ—сильнѣе, настоящаго же хорошаго взятка бываетъ иногда пять, семь дней и очень рѣдко—четырнадцать. Поэтому каждый взяточный день очень дорогъ для пчеловода, и его не только не слѣдуетъ терять, но сколько возможно болѣе надобно имъ пользоваться, и стараться, чтобы и одинъ его часъ не прошелъ безъ пользы. Но къ-сожалѣнію, надобно сказать, что въ пасикахъ нашихъ теряется очень много этого дорогаго времени;—это бываетъ во-первыхъ тогда, когда

пасика стоитъ далеко отъ гречихи, и слѣдовательно пчела употребляетъ много времени на пролетъ свой туда и обратно. Вмѣсто того, чтобы слетать за добычей разъ десять, она слетаетъ всего разъ или два въ день: — потеря очевидна. Во-вторыхъ, если пасика стоитъ въ срединѣ гречихи, пчела часто остается праздною оттого, что, прилетѣвши въ улей съ медомъ, некуда ей его выпустить. Если въ ульѣ мало порожней вощины, или если и довольно, то за тѣснотою одна половина пчелъ ожидаетъ, — иногда очень долго, пока другія пчелы выпустятъ свой медъ и имъ уступятъ свое мѣсто; а тѣ, потомъ, прилетѣвши съ медомъ, опять ожидаютъ своей очереди, что продолжается безпрестанно, и чрезъ это навѣрное теряется половина рабочаго драгоцѣннаго времени, и, слѣдовательно, половина вноса. Это важное упущеніе происходитъ отъ улья, въ какомъ помѣщаются пчелы. Впослѣдствіи я опишу разные ульи, теперь же скажу, что всѣ они бываютъ двухъ главныхъ родовъ: *цѣльные* и *составные*, или такъ сказать *одноэтажные* и *многоэтажные*. Въ цѣльныхъ ульяхъ, каковы малороссійскіе и другіе имъ подобные, бываетъ одинъ только рядъ сотовъ, отъ пяти до девяти, которыхъ, при изобиліи взятка и силѣ пчелинаго семейства, очень мало для того, чтобы вся пчела разомъ работала. Чтобы болѣе убѣдить васъ въ невольной праздности половины пчелъ въ самое взяточное время, я укажу на одно обстоятельство. Когда въ хорошій взяточный день вы войдете въ свою пасику, состоящую изъ цѣльныхъ ульевъ, то вы увидите, особливо къ вечеру, что на всѣхъ вашихъ, самыхъ сильныхъ, ульяхъ половина пчелы сидитъ снаружи улья, покрывая толстымъ слоемъ всю его переднюю часть и даже землю вокругъ него. Спросите вы пасичника: отчего это? — онъ вамъ отвѣтитъ: оттого, что пчелѣ жарко въ ульѣ, и какъ въ это время дѣйствительно жаръ бываетъ невыносимый, то вы вполнѣ съ нимъ соглашаетесь. Это дѣйствительно происходитъ частію отъ жара въ ульѣ, но тутъ есть еще и другая причина, именно та, что этой пчелѣ нечего дѣлать въ ульѣ. Она прилетѣла съ поля полная меду, но въ ульѣ нѣтъ еще готовыхъ ячей для положенія его; дѣланіемъ этихъ ячей занимается часть пчелъ, остальныя же, которымъ дѣйствительно было бы жарко въ ульѣ, какъ полнымъ меда, выходятъ наружу. Чтобы убѣдиться въ этомъ, попробуйте только взять въ руку одну изъ этихъ пчелокъ и подавить ее немножко пальцами: — она тотчасъ выпуститъ изо рта большую каплю меду. Еслибы этой пчелѣ было что дѣлать въ ульѣ, то-есть, еслибы

было куда выпустить свой медъ, то она бы не томилась возлѣ улья, но выпустивъ медъ, полетѣла бы въ поле. Въ составныхъ ульяхъ, а особливо въ тѣхъ, гдѣ въ каждой части устроивается особый рядъ сотовъ, какъ въ *линеечныхъ* и во *втулочныхъ*, гдѣ отъ этого образуется не девять, но двадцать семь и болѣе сотовъ, и гдѣ поэтому пчелѣ достаточно и пространства и работы, тамъ всякая пчелка ежеминутно имѣетъ для себя занятіе, и какъ бы жарко ни было, вы не увидите праздныхъ пчелъ снаружи улья; всѣ онѣ ежеминутно работаютъ, а отъ сего въ такихъ ульяхъ пчелы вносятъ въ одно и то же время гораздо болѣе меду, нежели въ одноэтажныхъ ульяхъ. По самымъ точнымъ и многократнымъ опытамъ оказывалось, что изъ двухъ равносильныхъ ульевъ, одноэтажнаго и многоэтажнаго, одинъ вносилъ въ день меду четыре фунта, а другой двѣнадцать. Послѣ этого вы согласитесь, что не всегда можно воспользоваться всѣмъ тѣмъ медомъ, какой могли бы доставить вамъ ваши пчелки, еслибы вы дали имъ къ тому всѣ средства, и что я нисколько не увеличилъ, сказавъ, что многіе пчеловоды теряютъ его на-половину.

Во время самаго сильнаго и окончательнаго медоваго взятка, когда пчелы изо всѣхъ силъ трудятся, чтобы наполнить свои ульи для будущаго своего, почти годичнаго, продовольствія, — въ этотъ періодъ, въ концѣ его или въ срединѣ, пчеловодъ приступаетъ къ полученію дохода отъ своей пасики, къ сбору меда, употребляя для этого разные способы, которые зависятъ преимущественно отъ устройства ульевъ его пасики. Я не стану говорить здѣсь объ отборѣ меда изъ составныхъ ульевъ, а особливо изъ линеечныхъ. Это такъ обширно и ново, что требуетъ особаго, подробнаго изложенія (письмо XI); а теперь я буду говорить только объ отборѣ меду изъ цѣльныхъ ульевъ, въ какихъ по преимуществу водятся у насъ пчелы.

Самый первоначальный и простой способъ полученія меду заключался въ томъ, что по окончаніи взятка, или даже и въ срединѣ его, подрѣзывали въ каждомъ ульѣ часть сотовъ. При этомъ вырѣзывали, конечно, молодую вощину, а въ ульяхъ оставляли старую, и это продолжалось нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе чего соты дѣлались почти неспособными къ выводу пчелъ. Теперь этотъ способъ, какъ невыгодный для хозяина и вредный для пасики, оставленъ почти вездѣ, гдѣ только есть сколько нибудь уже ученые пасичники.

Другіе способы полученія меду состоятъ въ убіеніи нѣкоторыхъ

пчелиныхъ семействъ и въ перегонѣ ихъ въ новые ульи,—что́ тоже составляетъ почти убіеніе. Многіе сердобольные пчеловоды, въ особенности иностранные, и нашъ Прокоповичъ, сильно возстаютъ противъ убіенія пчелъ и нетолько называютъ этотъ способъ полученія дохода отъ пасики варварскимъ, но и доказываютъ, что онъ убыточенъ для пчеловодства, что́ и дѣйствительно справедливо. Но получить сколько нибудь значительный доходъ отъ пасики безъ убіенія пчелъ, можно только при употребленіи составныхъ ульевъ, на что никакъ не рѣшаются наши даже достаточные пчеловоды, изъ страха мнимой ихъ дороговизны; а потому убіеніе пчелъ въ круглоулейныхъ пасѣкахъ составляетъ необходимость. Въ наставленіи Пономарева, защитника пчелоубійства, указано, какихъ пчелъ убивать и какихъ оставлять въ заводъ, о чемъ и я скажу впослѣдствіи, говоря о приготовленіи пчелъ къ зимѣ. Получаемый этимъ способомъ медъ будетъ лучше перегоннаго, потому что въ немъ будетъ гораздо менѣе червы, но за-то, при употребленіи его, значительно уменьшается пасика и нѣтъ возможности имѣть запасы медковъ или вощанокъ, очень полезныхъ для роевъ будущаго года.

Перегонъ пчелъ состоитъ въ томъ, что тѣ пчелиныя семейства, которыя имѣютъ много меду, разумѣется старыя не роившіяся вовсе или изройки, перегоняютъ въ новые ульи, а медъ ихъ получаютъ въ доходъ. Чтобы такія пчелы, называемыя *перегонами*, могли внесть себѣ сколько нибудь меду, то перегоны дѣлаютъ обыкновенно въ половинѣ взятка. Но рѣдко случается, даже и при продолжительномъ взяткѣ, чтобы онѣ внесли себѣ столько меду, чтобы могли перезимовать съ нимъ; а потому, большею частію, по окончаніи взятка, подкуриваютъ, а небольшія, образованныя ими гнѣзда, сберегаютъ на медки для будущаго года. Такъ какъ въ ульѣ, откуда выгнано пчелиное семейство, остается, кромѣ меда, много червы, которая потомъ смѣшивается съ медомъ, то, отъ этого, такъ-называемый перегонный медъ бываетъ самый худой, скоро окисаетъ и не годится для корму пчелъ. Но на это не смотрятъ пчеловоды, потому что медъ и хорошій и дурной, сырцомъ, продается тоже по одной цѣнѣ.

Эти способы полученія дохода отъ пчелъ употребляютъ совмѣстно или раздѣльно, смотря по методѣ пчеловодства, которой держутся пасичники. При натуральной системѣ бываетъ въ пасикѣ больше нероевъ, нежели изройковъ, и какъ первые имѣютъ больше меду нежели вторые, то опредѣленное количество нероевъ обыкновенно перего-

няютъ, а изройковъ подкуриваютъ, развѣ будетъ очень хорошій взятокъ и изройки многомедны,—тогда и ихъ перегоняютъ. При методѣ промышленной, гдѣ въ пасикѣ почти нѣтъ нероевъ, опредѣленное для дохода количество изройковъ преимущественно подкуриваютъ, потому что, по малости въ нихъ меду, не выгодно дѣлать изъ нихъ перегоны. При методѣ смѣшанной, гдѣ въ пасѣкѣ есть и нероп и изройки, поступаютъ также какъ и при натуральной методѣ. Однимъ словомъ, при всякой методѣ пчеловодства, перегоняютъ многомедныхъ, а подкуриваютъ маломедныхъ. Когда при натуральной методѣ не желаютъ уменьшить первоначальнаго комплекта пасѣки, то подкуриваютъ или перегоняютъ столько старыхъ ячей, сколько прибавилось роевъ, также точно, въ этомъ случаѣ, поступаютъ и при другихъ методахъ. Вслѣдствіе этого сколько-нибудь опредѣлительный доходъ можетъ быть получаемъ только при промышленной системѣ, а при другихъ всегда будетъ вполнѣ случайный: больше роевъ — больше и доходу, а при нероийбѣ—или мало, или и вовсе не будетъ никакого дохода. Но промышленная метода очень опасна по большому риску, съ нею сопряженному,—вслѣдствіе чего весьма не многіе пчеловоды рѣшаются ей слѣдовать. А потому ни одна изъ описанныхъ мною трехъ системъ пчеловодства, основывающихъ свою доходность исключительно на увеличеніи числа семействъ пасики, недостаточна для того, чтобы пчеловодство могло сдѣлаться сколько нибудь надежною хозяйственною статьею.

Хотя чрезъ перегоны получается меду менѣе и худшаго качества, нежели чрезъ подкурку пчелъ, но какъ этимъ способомъ можно имѣть много запасныхъ медковъ и вощанокъ, и иногда нѣкоторые перегоны могутъ даже пойти въ зиму, то перегоны предпочитаются убою пчелъ. Если вы имѣете запасъ пустыхъ пчелиныхъ гнѣздъ, хотя безъ меду, но съ порожнею длинною вощиною, напр. до половины улья, и въ такія вощанки будете перегонять пчелъ: то, если, послѣ перегона пчелы, взятокъ продлится хотя пять, шесть дней, — перегоны ваши успѣютъ внести столько меду, что, безъ сомнѣнія, пойдутъ въ зиму, и вы даже можете дѣлать такіе перегоны нѣсколькими днями позже, нежели какъ бы сдѣлали при перегонѣ на порожніе ульи. Этотъ способъ полученія меду изъ круглыхъ ульевъ былъ бы самымъ лучшимъ, еслибы можно было всѣ перегоны сажать на большія вощанки. Но этого достигнуть очень трудно. Хотя тогда значительное количество вощанокъ удастся собрать пчеловоду отъ неудавшихся прошлогоднихъ

перегоновъ, отъ пчелъ умершихъ за зиму, а также при пересадкѣ семействъ весною, вслѣдствіе различныхъ неблагополучій, о чемъ сказано мною подробно въ письмѣ V, но этого всего бываетъ недостаточно, чтобы обезпечить себя отъ риска, сопряженнаго съ перегонами.

Пока я не имѣлъ у себя достаточнаго количества линеечныхъ ульевъ, которыми, какъ я сказалъ выше, рѣшилъ окончательно вопросъ полученія значительнаго дохода отъ пасики въ нероистое лѣто, не уменьшая ея комплекта, я нашелъ одинъ способъ пріобрѣтенія значительнаго количества длинныхъ вощанокъ, и тѣмъ открылъ новую методу полученія въ доходъ изъ круглоулейной пасѣки значительнаго количества меду, не уменьшая ни увеличившагося роями количества пчелиныхъ семействъ, ни ихъ доброты. Метода эта совершенно новая, никогда неупотреблявшаяся никакимъ пчеловодомъ и нигдѣ неописанная. Она составляетъ такъ-сказать секретъ моей пасѣки, за который меня благодарили всѣ, кому я сообщалъ его; теперь я намѣренъ описать его здѣсь обстоятельно.

Когда въ періодъ роенія, при естественномъ или искуственномъ роеніи съ приборовъ, у васъ отроилась, положимъ, половина пасѣки, а другая половина хотя и сильна, но не приготовляется къ роенію, то эту половину, или лучше сказать, сколько вы найдете такихъ пней, раздѣлите на два сорта: къ первому отнесите тѣхъ пчелъ, у которыхъ при сильной мухѣ и большой червѣ, заносъ вощины до половины улья, или нѣсколько болѣе, и вощина не очень старая, однолѣтняя или двулѣтняя, а также и посуда хорошая; ко второму же сорту отнесите пчелъ тоже сильныхъ, но имѣющихъ длинный и старый заносъ вощины, и старый улей, т. е. тѣ гнѣзда, которыхъ вы не хотите болѣе держать въ пасикѣ, но предполагаете впослѣдствіи выбить на медъ. Тѣхъ и другихъ должно быть поровну. Эти сорты означьте на донышкахъ ульевъ мѣломъ; на однихъ напишите 1-й, на другихъ 2-й. Тогда изъ перваго сорта начинайте постепенно брать насильныхъ роевъ съ червы, и непремѣнно замѣчайте на изройкахъ карандашомъ. Въ этихъ изройкахъ дней чрезъ тринадцать или пятнадцать выйдутъ свищевыя матки, а дней чрезъ двадцать или двадцать три выйдетъ и вся черва, какая только была въ нихъ заложена прежнею маткою,—между-тѣмъ-какъ новая, свищевая, матка еще не успѣетъ завести новой червы. Этимъ безчервяннымъ состояніемъ гнѣзда нужно воспользоваться для пріобрѣтенія вощанокъ. Въ это

время, то-есть дней чрезъ двадцать или двадцать три отъ взятія насильныхъ роевъ, слѣдуетъ выгнать изройки съ матками и посадить въ новые ульи, на медки или на навощанки, а ихъ гнѣзда, какъ порожнія и чистыя, спрятать и хранить до употребленія. Такимъ образомъ, изъ отобранныхъ вами ульевъ, обозначенныхъ 1-мъ нумеромъ, вы будете имѣть двойное количество семействъ пчелъ, роевъ и раннихъ перегоновъ и количество превосходныхъ гнѣздъ, равное половинѣ всѣхъ, отобранныхъ вами сильныхъ, но нероившихся пчелъ. Ранніе перегоны, если у нихъ будутъ хорошія матки,—за чѣмъ, конечно, слѣдуетъ весьма внимательно слѣдить,—къ осени, при хорошемъ яринномъ взяткѣ, поровняются совершенно съ роями; если-же нѣтъ, то по-крайней-мѣрѣ дадутъ хорошіе медки. Теперь обратимся ко второму сорту. Когда гречишный взятокъ достигнетъ высшей своей степени и вы увидите, что въ ульяхъ этого сорта много уже меду, частію даже печатнаго, тогда вы сдѣлайте изъ нихъ перегоны и посадите ихъ на тѣ гнѣзда, которыя у васъ хранятся отъ перваго сорта пчелъ. Изъ перегнанныхъ ульевъ, какъ нероевъ, вы получите много меду, а перегоны, будучи посажены на большія вощанки (гнѣзда), если хорошій взятокъ продлится хотя пять дней, сдѣлаются *линейными* пчелами, ибо пчелѣ трудно дѣлать вощину, а въ готовую она вдвое болѣе и скорѣе наноситъ меду.

Чтобы показать явственнѣе выгоду этого способа, я объясню его числами. Не говоря о прочихъ ульяхъ вашей пасѣки, то есть тѣхъ, которые роились натурально или искуственно (но не насильно), и съ которыхъ вы будете получать медъ чрезъ подкурку или перегоны, производимые обыкновеннымъ способомъ,—положимъ—у васъ осталось 100 пней, неготовившихся къ роенію, но сильныхъ и съ большою червою. Если вы со всѣми ими поступите по промышленной методѣ и со всѣхъ возьмете насильныхъ роевъ, то вы ихъ будете имѣть 100, да потомъ перегоните изройковъ и получите, положимъ, 50 пудовъ меду, а съ перегоновъ, сдѣланныхъ на порожніе ульи, по подкуркѣ ихъ, получите, положимъ, штукъ пятьдесятъ самыхъ маленькихъ вощанокъ. Если-же вы поступите по моей методѣ, то вы получите сначала 50 насильныхъ роевъ; потомъ, изъ 50-ти раннихъ перегоновъ, тоже пятьдесятъ пней неуступающихъ роямъ. Изъ пятидесяти позднихъ перегоновъ вы получите тоже 50 пней; да такъ, какъ вы перегоняли не изройковъ, а лучшихъ нероевъ, и перегоны дѣлали нѣсколько позже противъ обыкновеннаго, то непремѣнно вы получите изъ

нихъ меду вдвое болѣе противъ изройковъ. Итого, изъ ста пней вы будете имѣть: 150 пней хорошихъ линейныхъ пчелъ и 100 пудовъ меду. Сравните-же что́ выгоднѣе? Я полагаю, что излишекъ пятидесяти хорошихъ пней пчелы и пятидесяти пудовъ меду, съ избыткомъ вознаграждаетъ недочетъ пятидесяти небольшихъ вощанокъ, которыя, когда нужно будетъ, вы можете сдѣлать и искуственнымъ образомъ. Метода эта составляетъ какъ бы средину между промышленною и смѣшанною методами пчеловодства. Она уменьшаетъ отважность одной и устраняетъ нерѣшительность другой. Въ случаѣ успѣха, она вознаграждаетъ васъ вдвое; въ случаѣ же крайней неудачи, вы лишаетесь не всего, но только половины. — Кромѣ того, при этой системѣ будетъ гораздо менѣе пчелоубійства, а при хорошихъ обстоятельствахъ, даже вовсе его не будетъ, и только половина перегоновъ дѣлается во взяточное время; этимъ выигрывается огромное количество драгоцѣннаго времени для ухода за прочими семействами пчелъ и представляется возможность дѣлать перегоны аккуратнѣе, а не такъ какъ это обыкновенно дѣлается, съ большею торопливостію, причемъ теряются матки и много семействъ чрезъ то погибаетъ.

Не знаю, захочетъ ли кто, или съумѣетъ ли, примѣнить мою методу полученія меду изъ круглоулейной пасики, но какъ обыкновенная метода перегоновъ уже вкоренилась, то я хочу сдѣлать, въ отношеніи ея, собственно одно полезное наставленіе. Большею частію перегоняютъ или нероевъ, или раннихъ изройковъ, т. е. самые сильные пни пчелъ, въ которыхъ и мухи много, и червы въ изобиліи. По перегонѣ всей мухи въ порожніе малороссійскіе ульи, ея бываетъ такъ много (почти половина улья), что только часть ея въ состояніи заниматься работою, а остальная сидитъ праздно; слѣдовательно здѣсь почти половина мухи совершенно не нужна. Въ старомъ ульѣ, гдѣ наполовину червы, меду очень мало, да и тотъ, по выбитіи, отъ червы бываетъ не хорошаго свойства; слѣдовательно пчеловодъ, заставивъ муху праздновать въ перегонахъ, теряетъ и въ старыхъ ульяхъ. Поэтому я совѣтую, изъ назначаемыхъ къ перегону сильныхъ ульевъ, выгонять и брать для перегона не всю муху, а только ея половину, или соразмѣрную часть, а другую половину оставлять въ старомъ ульѣ; или лучше сказать, вмѣсто перегона, взять насильнаго роя. Въ такомъ случаѣ насильный рой сдѣлаетъ въ новомъ ульѣ столько же залога, какъ бы сдѣлалъ и перегонъ; оставленная же въ старомъ ульѣ

муха высидитъ себѣ свищевую матку, высидитъ всю черву, и если взятокъ продлится, зальетъ всю вощину медомъ. Тогда пчеловодъ, по окончаніи взятка, подкуривши изроекъ, получитъ меду болѣе, самаго чистаго, и безъ червы. Сравните же, что́ лучше и выгоднѣе. Въ яринномъ взяткѣ надобно различать три періода: начало, средину и конецъ. Знать эти періоды крайне необходимо, потому-что въ каждый изъ нихъ производятся свойственныя имъ дѣйствія въ пасикѣ; и если какое либо изъ сихъ дѣйствій будетъ сдѣлано не въ надлежащую часть взятка, то оно не удается и причинитъ потерю. Хотя опытные пасичники узнаютъ нагляднымъ образомъ средину взятка и его уменьшеніе, но все это не точно и слѣдовательно сопряжено съ потерею нѣсколькихъ дней. Кто хочетъ вести пасику правильнымъ образомъ, и вѣрнѣе дѣлать въ ней всякія операціи съ пчелами, тотъ непремѣнно долженъ, передъ началомъ взятка, избрать одинъ благополучный сильный улей съ пчелами, поставить его на вѣсы, и каждый день наблюдать прибавку или уменьшеніе въ этомъ ульѣ меду и все замѣчаемое записывать. Изъ сравненія прибыли или убыли одного дня съ другимъ, вы будете имѣть самое точное понятіе, увеличивается ли взятокъ, остается ли постояннымъ или, наконецъ, уменьшается; при чемъ, конечно, не слѣдуетъ принимать въ расчетъ особыхъ случайностей погоды. Сообразно этимъ наблюденіямъ вы можете болѣе опредѣлительно распоряжаться своими дѣйствіями въ пасикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вы удовлетворите своему любопытству, знать, сколько одинъ улей вноситъ въ день меду и будете имѣть возможность дѣлать заключеніе о хорошемъ или худомъ взяткѣ одного лѣта сравнительно съ другимъ. Это весьма нетрудное средство можетъ предохранить вашу пасику въ неблагополучное лѣто отъ тѣхъ бѣдствій, которымъ вы легко можете ее подвергнуть, слѣдя, по обыкновенію наглядно, за успѣхами ея дѣйствій.

Сообразно тремъ частямъ періода яриннаго взятка, должны производиться въ пасикѣ слѣдующія занятія:

При началѣ взятка: 1-е. *Перевозка пасики.* Въ началѣ этого письма я говорилъ о томъ, какъ драгоцѣнно для пчеловодства взяточное время и ка́къ его теряютъ, когда пасика находится въ далекомъ разстояніи отъ гречихи. Поэтому, едва начнутъ цвѣсти гречихи, слѣдуетъ непремѣнно вывозить пасику въ средину ея. Но прежде перевозки слѣдуетъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и поотбирать всѣхъ тѣхъ насильныхъ роевъ, которыхъ вы, по соображенію

вашему, предположили взять. Такъ-какъ въ это время пасика бываетъ очень сильна, ульи полновѣсны, а время жаркое, то при перевозкѣ пасики, производящейся обыкновенно въ ночное время, будьте очень внимательны, соблюдайте разныя объ этомъ наставленія, и какъ тутъ отъ несоблюденія чего-либо можетъ произойти потеря, то лучше присутствуйте сами при ея укладкѣ, перевозкѣ и поставкѣ на новомъ мѣстѣ. Въ-особенности наблюдайте слѣдующія правила: чтобы вы успѣли поставить на новомъ мѣстѣ всю пасику до солнечнаго восхода, чтобы пчела не кусала людей и лошадей и чтобы облетъ пчелы на новомъ мѣстѣ былъ въ самую тихую погоду; а еще лучше, если вы изберете для сего пасмурный день. Перевезя пасику въ гречиху, гдѣ находится также нѣсколько другихъ пасикъ, нужно становиться такимъ образомъ, чтобы ни ваша пчела не имѣла хода чрезъ другую пасику, ни чужая пчела чрезъ вашу; для избѣжанія чего ставьте вашу пасику по одной линіи съ другими, а всего лучше если можно на самое дальнее отъ нихъ, не менѣе версты, разстояніе. Иначе, ставши *подъ перелетъ* чужой пасики, ваша пчела будетъ въ ней оставаться; еслижъ чрезъ вашу пасику будетъ итти чужая пчела, а особливо бо́льшей пасики, то хоть сначала она и усилитъ вашу пасику, но съ прекращеніемъ взятка нападетъ на вашу и заставитъ васъ бѣжать.

2. *Уравненіе пасики.* При всемъ предвидѣніи будущаго тихаго дня, иногда пчеловодъ обманывается: при поставкѣ пасики на новомъ мѣстѣ падымается вѣтеръ и тогда совершенно измѣняется ея внутреннее состояніе; иные ряды пней ослабѣютъ, а на другіе будетъ налетъ мухи. Если вы это такъ и оставите, то пасика ваша жестоко пострадаетъ: ослабѣвшіе пни или совершенно погибнутъ, или не принесутъ никакой пользы, а потому необходимо на другой же день заняться приведеніемъ ея въ прежній видъ. Но въ этотъ періодъ слѣдуетъ производить уравненіе пчелы не тѣми способами, какъ въ первый или второй періодъ состоянія пасѣки, о которыхъ я говорилъ прежде, т. е. прибавкою мухи изъ другихъ ульевъ или пересадкою пчелъ однѣхъ на мѣсто другихъ, что́ было бы очень медленно и крайне затруднительно, но всего лучше и удобнѣе дѣлать это *перестановкою* ульевъ слабыхъ на мѣсто сильныхъ, а сихъ послѣднихъ на мѣсто слабыхъ; причемъ изъ предосторожности побрать у слабыхъ ульевъ матокъ въ клѣточки. Этотъ способъ усиленія пчелъ почти исключительно долженъ быть употребляемъ въ этотъ періодъ, потому что пчелы, почувствовавъ хорошій взятокъ, не такъ бываютъ строги и враждебны къ пчеламъ другаго

семейства и легко ихъ къ себѣ принимаютъ, а эти легко привыкаютъ къ чужой маткѣ и не стараются ее уничтожить.

3. *Исправленіе безматковъ.* Въ этотъ періодъ, въ отношеніи благополучія пчелиныхъ семействъ, нужно неупустительно наблюдать все то, что было сказано прежде объ этомъ предметѣ.

4. *Посадка роевъ.* Не во всякой мѣстности роеніе пчелъ оканчивается до яриннаго взятка; большею частію оно и въ это время продолжается, а въ иныхъ пасѣкахъ только начинается. Въ той мѣстности, гдѣ существуетъ большой промежутокъ между весеннимъ и яриннымъ взяткомъ, при недостаткѣ кормоваго меду, даже лучше если пчела роится незадолго до начала яриннаго взятка: тогда не будетъ надобности долго кормить роевъ. Но такіе рои, а особливо выходящіе или отбираемые во время взятка, должны быть какъ можно сильнѣе, фунтовъ по шести мухи; если же они выходятъ маленькіе, то соединять ихъ вмѣстѣ понѣсколько, помня правило, что одинъ сильный рой внесетъ гораздо больше меду, нежели два маленькіе, которые потомъ, по слабости, придется уничтожить оба. — Если вы по какимъ либо обстоятельствамъ, или по ошибкѣ,—что бываетъ очень часто,—не взяли прежде достаточнаго количества насильныхъ роевъ, а натуральныхъ вышло очень мало, да и теперь, несмотря на наступившій хорошій взятокъ, пчела ваша не думаетъ роиться,—что при хорошемъ взяткѣ большею частію и бываетъ,—я совѣтую, вмѣсто общепринятаго, въ такихъ случаяхъ, перегона или убіенія пчелъ, для полученія отъ нихъ дохода, прибѣгнуть къ способу описанному мною выше, т. е. взять, въ началѣ яриннаго взятка, у сильныхъ нероившихся пчелъ, насильные рои, а изройковъ, по окончаніи взятка, обратить въ доходъ.

Въ срединѣ взятка главное занятіе въ пасикѣ составляетъ *перегонъ пчелъ.* У тѣхъ пчеловодовъ, которые, для полученія отъ своей пасики меду, слѣдуютъ общепринятой методѣ перегоновъ, занятіе это имѣетъ самый варварскій характеръ: пчелъ жестоко мучатъ, въ надеждѣ получить отъ нихъ большой доходъ, но въ дѣйствительности получаютъ весьма немного и, въ большей части случаевъ, губятъ почти всѣхъ перегоняемыхъ пчелъ. При употребленіи описаннаго мною выше двойнаго способа перегона пчелъ, употребляемые при этомъ пчеловодомъ труды и причиняемое пчеламъ безпокойство останутся тѣ же, но раціональныя основанія способа дадутъ совершенно иной характеръ этому занятію и будутъ всегда причиною выгодныхъ для хозяина и благополучныхъ для пчелъ результатовъ. Какъ во время роенія,

такъ и во время перегоновъ, къ пасичнику прибавляются необходимые рабочіе люди.

Въ концѣ взятка, кромѣ обыкновеннаго надзора за благополучіемъ пчелиныхъ семействъ и предохраненія пасики отъ нападенія пчелъ, почти не предстоитъ въ ней никакихъ особенныхъ занятій.

Время хорошаго роенія пріятно для пчеловода; онъ радуется каждодневному увеличенію своей пасики; но время хорошаго взятка еще пріятнѣе. Тутъ онъ видитъ удачу всѣхъ своихъ дѣйствій и осуществленіе всѣхъ своихъ надеждъ. Ульи его ежедневно болѣе и болѣе наполняются медомъ, онъ любуется ими, а потомъ, когда набиваютъ бочки медомъ, получаетъ богатую награду за свои труды. Этотъ періодъ пчеловодства, самый пріятный во всякой пасикѣ, въ особенности восхитителенъ въ пасикѣ состоящей изъ линеечныхъ ульевъ, гдѣ, раскрывши втулки, можете ежедневно видѣть возрастающую прибыль меда и восхищаться различными таинственными работами пчелъ.

Я. Костенецкій.

НБУ

О ПРЕДАНІЯХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.

Лѣтописи были первыми письменными памятниками, въ которыхъ заговорила русская жизнь. Лѣтописи весьма рано являются, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, первоначально въ видѣ краткихъ замѣтокъ, впослѣдствіи въ видѣ пространной повѣсти временныхъ лѣтъ. Древнѣйшая лѣтописная повѣсть составлена въ Южной Руси. Составъ древней лѣтописи разнообразенъ, и, чтобы объяснить соединеніе различныхъ частей въ одно цѣлое, необходимо разсмотрѣть самыя части, изъ которыхъ составлена лѣтопись, и указать связь ихъ съ другими произведеніями словесности. Внимательное разсмотрѣніе откроетъ степень вліянія трехъ элементовъ лѣтописи, какъ и вообще древней русской словесности, библейскаго, византійскаго и народнаго.

Библейское вліяніе на нашу древнюю лѣтопись не подлежитъ сомнѣнію; оно выразилось и въ цѣломъ и въ частностяхъ. Общее настроеніе лѣтописца, его взглядъ на событія, тонъ повѣствованія и даже отдѣльныя выраженія напоминаютъ библію. Независимо отъ книгъ собственно библейскихъ, изъ лѣтописи видно, что предкамъ нашимъ знакомы были сочиненія апокрифическія. Многія изъ этихъ сочиненій не лишены своего рода поэзіи; явленіямъ, установленнымъ природою и потому неизбѣжнымъ, дается въ апокрифахъ объясненіе, нечуждое поэтическаго колорита. Апокрифическое сказаніе о смерти Авеля изображаетъ впечатлѣніе, произведенное первою смертью на землѣ, на которой не имѣли еще понятія о гибели и разрушеніи: Адамъ и Ева были поражены новымъ для нихъ зрѣлищемъ трупа и не знали, что̀ дѣлать съ нимъ, пока не прилетѣли птицы и не научили, какъ хоронить мертвыхъ. Въ лѣтописи говорится, что Адамъ и Ева плакали надъ убитымъ Авелемъ тридцать лѣтъ, и не сгнило тѣло его, и не умѣли похоронить его; и повелѣніемъ Божіимъ прилетѣло два птенца,—одинъ изъ нихъ умеръ, другой выкопалъ яму, положилъ въ

нее умершаго и похоронилъ его: увидѣвши это, Адамъ и Ева выкопали яму, вложили въ нее Авеля и погребли его съ плачемъ. По естественному порядку вещей, старшіе прежде младшихъ сходятъ въ могилу; измѣненіе этого порядка легенда приписываетъ событію, привлекшему небесную кару на виновнаго: отецъ Авраама, продолжаетъ лѣтописецъ, поклонялся кумирамъ; Авраамъ, «пришедъ въ умъ» сказалъ отцу: ты обманываешь людей, дѣлая кумиры изъ дерева, истинный же Богъ тотъ, который сотворилъ небо и землю. Взявши огонь, Авраамъ зажегъ храмину, гдѣ стояли идолы, а братъ его, ревностный идолопоклонникъ, хотѣлъ «вымчать» идоловъ и сгорѣлъ вмѣстѣ съ ними; такимъ образомъ, онъ умеръ прежде своего отца, и съ тѣхъ-то поръ начали дѣти умирать прежде родителей, а до смерти брата Авраамова, сыновья умирали послѣ отцовъ своихъ (¹).

Поэтическій элементъ въ древней лѣтописи является въ ней съ одной стороны подъ вліяніемъ апокрифовъ и легендарной литературы Византіи, съ другой — подъ вліяніемъ русской жизни — вѣрованій и преданій, жившихъ въ русскомъ народѣ во времена древнихъ лѣтописцевъ. Хроники византійскія, безспорно, имѣли вліяніе на нашу лѣтопись: оно обнаружилось преимущественно въ фактической части лѣтописи, то есть многія извѣстія и разсказы заимствованы нашими лѣтописцами изъ сочиненій византійскихъ писателей. Любопытно, что византійскія легенды, не ограничиваясь письменною словесностію, проникали даже въ народъ. Такъ, въ хроникѣ Амартола и другихъ, при повѣствованіи о подвигахъ Александра Македонскаго, разсказывается о счастливой жизни *Врахмановъ*, которые «не знаютъ ни желѣза, ни золота, ни серебра, ни огня, ни четвероножины, питаются овощами и сладкою водою. Женщины живутъ у нихъ на одной сторонѣ рѣки, текущей въ океанъ, а мужчины—на другой. Въ рѣкѣ обитаетъ страшный звѣрь, пожирающій вдругъ по цѣлому киту, и дѣлаетъ ее неприступною. Только на сорокъ дней удаляется звѣрь изъ рѣки и удаляется для того, чтобы мужья могли перейти къ своимъ женамъ. Страна Врахмановъ не многолюдна, но жители ея наслаждаются совершеннымъ счастіемъ, пребывая въ постоянной молитвѣ. Галичане до сихъ поръ говорятъ: «постимо якъ Рахмане», «на Юра-Ивана, на рахманськiй великдень» и въ Галиціи есть преданіе, что «далеко отсюда, за черными морями, живутъ люди Рахмане. Они

(¹) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, I, стр. 38 и 39.

счастливѣйшіе между людьми; сильно постятся, только разъ въ году ѣдятъ мясо, на «великдень», а праздникъ «великдень Рахманській» приходится тогда, когда скорлупа благословенаго яйца отъ насъ до нихъ переплыветъ по морю. *Рахмане* суть не что иное, какъ *Врахманы*, то есть *брамины*, съ которыми наши предки знакомы были изъ Александріи, или баснословной исторіи объ Александрѣ Македонскомъ (1). «Съ именемъ Александра Македонскаго, любимаго героя средневѣковой повѣсти, соединяется преданіе о чудномъ и страшномъ народѣ, въ которомъ предки наши видѣли то Половцевъ, то Татаръ. Объ этомъ народѣ ходили легенды и въ Западной Европѣ; на средневѣковыхъ картахъ обозначалась страна, гдѣ все ужаснѣе, нежели можно себѣ представить, гдѣ постоянно невыносимый холодъ, а люди до того жестоки, что ѣдятъ мясо человѣческое и пьютъ человѣческую кровь. Жители страны—потомки Каина. Они заключены въ своихъ предѣлахъ во время Александра Македонскаго; при немъ было землетрясеніе и, вмѣсто прежнихъ равнинъ, явились горы, заключившія на вѣки отверженный народъ (2). Русскій лѣтописецъ, говоря объ ужасномъ народѣ (3), приводитъ свидѣтельство Меѳодія Патарскаго. Византійскій писатель, Меѳодій Патарскій разсказываетъ, что Александръ Македонскій видѣлъ въ такъ-называемой «Солнечной Странѣ» нечистое племя, которое ѣстъ всякую скверну: комаровъ, мухъ, змѣй, всякую падаль, даже трупы людскіе и выкидышей. Александръ, боясь, чтобы гнусное племя не напало на святую землю и не осквернило ее своими обычаями, собралъ всѣхъ ихъ, и женъ, и дѣтей, и весь родъ ихъ, и изгналъ ихъ съ востока на сѣверъ. И нѣтъ имъ выхода отъ востока до запада, потому что Богъ, по молитвѣ Александра Македонскаго, велѣлъ двумъ горамъ, называемымъ «сосцами борея», приблизиться другъ къ другу на двѣнадцать локтей и образовать мѣдныя ворота, они покрыты асинхитомъ,—составомъ, который не боится ни огня, ни желѣза. Только въ послѣдніе дни выйдутъ изъ странъ сѣверныхъ люди, заключенные Александромъ Македонскимъ (4).

---

(1) *Буслаева*, Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. I, стр. 121. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ., слово—рахма́нний употребляется въ смыслѣ—кроткій, тихій, ласковый: рахма́нна дити́на, рахма́нний кінь.

(2) *Santarem*: Essai sur l'histoire de la cosmographie et de la cartographie pendant le moyen-âge. II, p. 338.

(3) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I, стр. 99 и 189.

(4) Monumenta S. Petrum orthodoxographa. Basileae. 1569. стр. 94—95 и 104—105.

Съ сказаніемъ Меѳодія Патарскаго находится въ связи цѣлый рядъ сказаній о послѣднихъ дняхъ міра. Къ числу подобныхъ произведеній принадлежитъ и повѣсть о снахъ Мамера, ожидающая издателя и объяснителя. Передадимъ содержаніе этой повѣсти, имѣвшей большой интересъ для нашихъ предковъ. Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ царь Мамеръ. Онъ видѣлъ двѣнадцать страшныхъ сновъ и не находилъ человѣка, который могъ бы ихъ растолковать. Наконецъ нашелся мудрый мужъ, успокоившій встревоженнаго царя увѣреніемъ, что сны относятся не къ нему и ни къ его царству, а что все это сбудется въ послѣднія времена.

Первый сонъ. Отъ земли до неба золотой столбъ, а на столбѣ голубь; столбъ разрушился, голубь улетѣлъ въ небо, а на его мѣсто спустился воронъ, сталъ зобать золото; пришли звѣри дикіе, ехидны и змѣи.—Это значитъ, придутъ времена злыя и година лютая, отъ востока и до запада зла много исполнится, будетъ мятежъ по всей землѣ, не будетъ правды и мысли доброй, люди другъ другу будутъ враги и прольется кровь человѣческая; отецъ возстанетъ на сына, судья на судью и сосѣдъ на сосѣда. И не будетъ добра въ людяхъ: языкомъ будутъ говорить добро, а на сердцѣ мыслить злое. Сама природа измѣнитъ обычай свой: лѣто и осень переступятъ въ зиму, зима впадетъ въ весну, среди лѣта будетъ зима, жестокіе морозы и студь съ яростью. Люди захотятъ сѣять и не узнаютъ времени, много посѣютъ и мало пожнутъ. Земля не дастъ плода ради лихоимства человѣческаго. Вельможи будутъ крамольники, судьи неправедные, станутъ судить по корысти, богатаго оправдаютъ, бѣдняка обвинятъ. Не только судьи, — сама земля станетъ брать взятки (мзду): не дастъ плода, пока не удобрятъ ее навозомъ.

Второй сонъ. Съ небеси сырое брюховище виситъ, а съ земли псы лаютъ, а щенята брешутъ.—Это значитъ, когда придетъ то злое время, исчезнетъ родственная любовь и пріязнь. Къ живущимъ въ богатствѣ станутъ присвояться и приносить дары ради гортаней своихъ. Любовь древнюю отъ своихъ и сродниковъ отлучатъ; начнутъ съ чужими людьми держать любовь, а родъ свой и прежнихъ друзей забудутъ.

Третій сонъ. Три котла висятъ надъ однимъ огнемъ: въ одномъ кипитъ вода, въ другомъ воскъ, въ третьемъ масло. Воскъ каплетъ въ масло, масло брызжетъ въ воскъ, а въ воду не попадаетъ ни одной брызги ни отъ масла, ни отъ воска.—Это значитъ, что въ

послѣднія времена бѣдняки будутъ жить между богачами; богачи будутъ посѣщать другъ друга и угощать роскошными яствами, а убогаго и нищаго никто не призоветъ и не накормитъ.

Четвертый сонъ. Видѣлъ старую кобылу, а жеребята играютъ и лижутъ кобылу.—Это значитъ, матери приведутъ своихъ дочерей къ чужимъ мужьямъ, сестра сестру и сноха сноху будетъ подстрекать къ грѣху, и въ семь лѣтъ не найдется ни одной чистой дѣвушки.

Пятый сонъ. Щельница бережая лежитъ на гноищи, а въ чревѣ ея брешутъ щенята.—Это значитъ, въ то злое время отцы станутъ учить дѣтей своихъ доброму разуму, а дѣти ихъ не послушаютъ, укорятъ отцовъ глупостью, скажутъ: вы старики, жили не смысля, а мы станемъ своими разумами умышлять.

Шестой сонъ. Видѣлъ страхъ великій и содрогнулся: видѣлъ множество верблюдовъ и дикихъ звѣрей, страшныхъ видомъ, двуглавыхъ и троеглавыхъ, иные хромаютъ, другіе скрежещутъ зубами, вертятъ хвостомъ, киваютъ головою, высовываютъ языкъ, скачутъ, вертятся. И стали рвать траву и деревья, рыть когтями землю и бросать на людей. Но сошелъ пламень огненный и истребилъ чудовищъ.—Дикіе звѣри значитъ лихоимцы, двуглавые и треглавые—лжецы и клеветники, хромые—значитъ уклоняющіеся на злыя дѣла, скрежещутъ зубами—значитъ съѣдаютъ злыми дѣлами; вертятъ хвостомъ и киваютъ головою—льстецы говорятъ доброе, а думаютъ злое, сами себя губя; языкъ высовываютъ и скачутъ—какъ бѣсы вертятся люди; вырываютъ траву и деревья—искореняютъ добрыя мысли. Огонь-истребитель—гнѣвъ Господа, который, не терпя злобы, погубитъ злыхъ людей.

Седьмой сонъ. Іереи, впадающіе въ илъ, кричатъ и не могутъ вылѣзти.—Это значитъ, что іереи нѣкоторые начнутъ жить нечисто; ради мзды и страха будутъ прощать грѣхи, не подвергая согрѣшившихъ эпитиміи.

Восьмой сонъ. Много людей проливаютъ молоко и потомъ собираютъ его.—Это значитъ, въ послѣднія времена люди станутъ давать милостыню убогимъ и потомъ захотятъ взять ее назадъ.

Девятый сонъ. Красивый конь ѣстъ траву двумя горлами: переднимъ и заднимъ.—Значитъ: князья и судьи, и старѣйшины начнутъ судить не по правдѣ, а для прибытка, и брать посулы и у праваго и у виноватаго.

Десятый сонъ. По всей вселенной разсыпано много драгоцѣнныхъ

и зла (¹). Земля, говоритъ это преданіе, въ началѣ была покрыта водою. Богъ, задумавъ создать твердую землю (будтобы) послалъ діавола достать горсть земли со дна моря и велѣлъ сказать доставая: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Діаволъ взялъ въ руку земли, но не сказалъ ни слова, и зато́, когда выплылъ, въ рукѣ его не было ничего. Онъ долженъ былъ вторично опуститься, сказалъ Божьи слова, но кусокъ земли утаилъ, спрятавши себѣ въ ротъ. Богъ посыпалъ землю, говоря: «расти и множись, земля», и изъ нея образовать три части свѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ начала расти земля и во рту у бѣса, причиняя ему ужаснѣйшую боль. Наконецъ Богъ разрѣшилъ бѣсовы уста: діаволъ плюнулъ на всѣ стороны, и изъ выплюнутой изо рта земли явились болота, пустыни и безплодныя мѣста. Сотворивъ тѣло человѣка изъ глины, Богъ положилъ его на землю, приставилъ къ нему стража, а самъ пошелъ принести душу. Завидуя прекрасному творенью Божью, дьяволъ хотѣлъ разрушить его, но ни ласки, ни угрозы не дѣйствовали на приставленнаго стража. Діаволъ подошолъ и оплевалъ тѣло человѣка; отсюда болѣзни, страданія, грѣхи и преступленія. Воротившись, Богъ вложилъ душу, но не хотѣлъ передѣлывать тѣла, ибо увидѣлъ, что и страданія необходимы человѣку (²).

Приведенное преданіе извѣстно на сѣверѣ Россіи, у Псковичей;

(¹) *Приводимыя легенды о сотвореніи земли и человѣка, отзывающіяся еретичествомъ Манихейскимъ и Павликіанскимъ, — по своему сходству съ подобными легендами у другихъ народовъ,—показываютъ весьма древнее свое происхожденіе. Безъ-сомнѣнія, онѣ зашли съ Востока, гдѣ существовало нелѣпое понятіе о равносильности двухъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, началъ — добра и зла. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что Русскій православный народъ, подъ вліяніемъ святыхъ истинъ ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго христіанскаго ученія, отнюдь не держится суемудреннаго, еретическаго впроваленія въ два равносильныя начала: добра и зла. По его же (народа) представленію, просвѣтленному ученіемъ святой Библіи, діаволъ есть злой духъ, надъ гордынею котораго посмѣвается и торжествуетъ всемогущество, мудрость и благость Господня, разрушая всѣ козни сатанинскія. Познаніе народныхъ легендъ и ихъ нелѣпостей интересно и важно для уразумѣнія тѣхъ путей, коими шелъ родъ человѣческій, пока свѣтъ Божественнаго Откровенія не озарилъ всѣхъ язычниковъ. Съ этой только цѣлію мы и осмѣлились привести здѣсь вышеозначенныя легенды и надѣемся, что добрые и благонамѣренные изыскатели старины, въ своихъ изслѣдованіяхъ, раскроютъ всю ихъ тщету.*

(²) Zeitschrift für deutsche mythologie und sittenkunde, begründet von J. W. Wolf. 1 band, 2 heft. 1838.

подобные же разсказы о сотвореніи міра и человѣка слышатся и на югѣ. Въ примѣръ можно привести слѣдующія *оповидкі*:

«Ото, якъ задумавъ Господь сотворити світъ, то й говорить до найстаршаго ангела Сатанаила: «а що», каже, «архангеле мій, ходімъ творити світъ». «Да ходимо, Боже» каже Сатанаилъ. Ото вони и пійшли надъ море, а море таке темне-темне,—сказано—безодня. Ото Богъ и каже до Сатанаила: «бачешь», каже, «оттую безодню?»—«Бачу, Боже».—«Идижъ», каже, «у тую безодню на самее дно, та дістань мені жменю піску. Та гляди», каже, «якъ будешь брати, то скажи про себе: «беру тебе, земле, на имя Господне». — «Добре, Боже».—И впернувъ Сатанаилъ у самую безодню, надъ самий пісокъ, та й зазлістно ему стало: «ні, каже, Боже, приточу я и свое имя-нехай буде разомъ и твое и мое». И бере вінъ той пісокъ та й каже: «беру тебе, земле, на имя Господне и свое». Сказавъ—сказавъ. Прійшлося виносити, а вода ему той пісокъ такъ и измивае. Той та́къ затискае жменю, але де вже Бога ошукати! закимъ вигулькнувъ изъ моря, такъ того піску якъ не було: геть вода змила. «Не хитри, Сатанаиле», каже Господь: «иди знова та не приточуй свого имя»! Пишовъ знову Сатанаилъ! знову примовляе: «беру тебе, земле, на имя Господне и свое», и знову піску не стало. Ажъ за третімъ разомъ сказавъ уже Сатанаилъ: «беру тебе, земле, на имя Господне». И ото уже несе та й не стискае жмені, такъ и несе на долоні щобъ то вода змила. Але дарма: якъ набравъ повну руку, то такъ и вінісъ до Бога. И узявъ Господь той пісокъ, ходить по морі та й розсіває, а Сатанаилъ давай облизовати руку: «хочь трохи», думае, «сховаю для себе, а потімъ, думае собі, и землю збудую». А Господь розсіявъ: «А що», каже, «Сатанаиле, нема більше піску?»—«А нема, Боже».—«То тря благословити» каже Господь, та й благословивъ землю на вси чотирі части, и якъ поблагословивъ, такъ тая земля и почала рости. Ото росте земля, а тая що у роті и собі росте; далі такъ розрослася, що й губу росперае. Богъ и каже: «плюнь, Сатанаиле»; той зачавъ плювати та харкати; и де винъ плювавъ, то тамъ виростали гори, а де харкавъ, то тамъ скали. Отъ черезъ що у насъ и земля нерівна. Воно ще кажуть, що ніби то ти скали та гори Богъ знае доки бъ росли, — а то Петро та Павло якъ закляли ихъ, то вони вже й не ростуть. А ото вже Господь и каже до Сатанаила: «теперъ», каже, «тілько бъ посвятити землю, але

нехай вона собі росте, а ми відпочиньмо». — «А добре, Боже», каже Сатанаилъ. И лягли вони спочивати. Господь почивая, а Сатанаилъ и думае, щоби землю забрати. И ото піднявъ его та й біжить до моря. Спершу на полудень біжить та й біжить, а моря нема; вдарився на північъ — и тамъ не видати. Побивався на вси чотирі часті світа — нігде нема моря... Бачить вінъ, що нічого не вдіе, несе Бога на то саме місце та й самъ коло нёго лягае. Полежавъ трохи та й будить Бога: «вставай», каже, «Боже, землю святити». А Богъ ему й каже: «не журись, Сатанаиле, земля моя свячена: освятивъ я її сеи ночи на всі чотирі боки». — Чоловіка, кажуть, вылішивъ Господь зъ глини и давъ ему зовсімъ свою святую постать...., и т. д. (¹).

Не только въ созданіи человѣка и вселенной, но и въ происхожденіи всѣхъ условій жизни человѣка, всей обстановки ея, природной и искуственной, участвовали двѣ силы: добро и зло, Богъ и дьяволъ, и борьба ихъ оканчивалась побѣдою Бога и добра надъ зломъ и дьяволомъ. Дьяволъ–тьма, Богъ–свѣтъ, говорятъ южноруссы; дьяволъ научилъ людей строить дома, а Богъ прорубилъ въ нихъ окна:

«Хотівъ нечистий похвалиться передъ Богомъ своімъ розумомъ да й построівъ людямъ хату. Збудовавъ зовсімъ якъ слідуе,—а тоді ще хатъ робить люди не вміли. Тілько щожъ? сказано—нечиста сила! усе поробивъ у хаті, тілько віконъ не тямивъ попрорубовать: отъ, на нічъ годитця, а на день—то й ні. Такъ Господь попрорубовавъ вікна; отъ и почали люде жить у хаті».

Весьма близкое, въ нѣкоторыхъ чертахъ, сходство съ сказаніями, живущими въ народѣ, представляютъ повѣсти, находящіяся въ различныхъ видахъ въ письменныхъ памятникахъ нашей старинной словесности. Въ рукописяхъ встрѣчается «сказаніе, како сотвори Богъ Адама»—апокрифическое произведеніе слѣдующаго содержанія:

Богъ создалъ человѣка изъ восьми частей: отъ земли тѣло, отъ камени кости, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли; отъ свѣта свѣтъ (?), отъ вѣтра дыханіе, отъ огня теплота. И оставилъ Богъ человѣка одного, положивъ его на землю, и пришелъ сатана и измазалъ лежащаго тиною. Воротившись Богъ омылъ человѣка егоже слезами, приставилъ къ нему стража, а самъ пошелъ за душею Адама въ горній Іерусалимъ. Во время его отсутствія, са-

(¹) Слышано въ селѣ Хомутинцахъ, на Подоли, въ Винницкомъ повѣтѣ.

тана взялъ дерево, изранилъ имъ всего Адама и тѣмъ сотворилъ въ немъ семьдесятъ два недуга. По возвращеніи Бога, сатана оправдывался передъ нимъ тѣмъ, что чѣмъ болѣе недуговъ у человѣка, тѣмъ чаще призоветъ Бога на помощь. Богъ изгналъ дьявола, и онъ исчезъ, какъ тьма исчезаетъ предъ свѣтомъ. Ангеламъ же повелѣлъ взять *а* на востокѣ, *д*—на западѣ, *м*—на югѣ, *ъ*—на сѣверѣ, и далъ человѣку душу живу.

Образованіе человѣка изъ восьми частей напоминаетъ стихи о голубиной книгѣ. Подобныя же космогоническія понятія встрѣчаются и въ литературахъ западной Европы, преимущественно средневѣковыхъ. Въ числѣ рукописей знаменитой парижской библіотеки есть хроники XV вѣка, начинающіяся такъ: Сотворивъ небо, землю и всѣ существа, Господь создалъ человѣка изъ восьми силъ: первая—земля, вторая—море, третья—солнце, четвертая—облака небесныя, пятая—вѣтеръ, шестая — камни, седьмая — духъ святой, восьмая — красота вселенной.

Византійское происхожденіе нашего апокрифа всего очевиднѣе изъ того, что четыре буквы имени «Адамъ» принесены съ четырехъ странъ свѣта. Это объясняется названіемъ странъ свѣта на греческомъ языкѣ. Еще въ первые вѣка христіанства Греки замѣтили, придавая своему замѣчанію таинственный смыслъ, что имя Ἀδαμ заключаетъ въ себѣ первыя буквы четырехъ странъ свѣта: А—ἀνατολή востокъ, δ—δύσις западъ, α—ἄρκτος—сѣверъ, μ—μεσημβρια югъ, полдень.

По мусульманскому преданью, также съ четырехъ краевъ свѣта принесли ангелы землю, изъ которой Богъ сотворилъ тѣло человѣка; а для сердца и головы земля принесена изъ Мекки и Медины. Душа человѣка сотворена за тысячу лѣтъ до тѣла, и когда Богъ велѣлъ ей войти въ тѣло, она не охотно покидала безконечныя, полныя свѣта, небесныя пространства; въ наказаніе Богъ сказалъ ей: какъ противъ воли своей ты вселяешься въ тѣло, такъ противъ воли своей ты и разлучишься съ нимъ (). Другое преданіе говоритъ, что когда Богъ послалъ ангела принести земли для сотворенія человѣка, ангелъ долго не хотѣлъ выносить ее со дна морскаго, потому что ему становилось больно, что будетъ на свѣтѣ такое несчастное созданіе, какъ человѣкъ (²).

(¹) Biblische legende der muselmänner, aus arabischen quellen zusammengetragen, von Weil. 1845. стр. 12 и слѣд.

(²) Г. Патриченко, приславшій въ редакцію «Основы» приведенную нами оповідку, замѣчаетъ: «наша байка за початокъ земли подібна до байки

Народныя преданія въ лѣтописи относятся преимущественно къ двумъ лицамъ, княжившимъ на Руси, изъ которыхъ одно утвердило на югѣ столъ всей русской земли, а другое не покидало юга до самой своей смерти. Эти два лица—Олегъ и Ольга.

Личность Ольги возбуждала особенное сочувствіе, основанное во-первыхъ на томъ, что она дѣйствовала въ духѣ народа; по крайней мѣрѣ изъ лѣтописи видно, что она раздѣляла народныя антипатіи; во-вторыхъ на томъ, что ея предшественникъ уступалъ ей въ умѣньи ладить съ народомъ, а ея преемникъ былъ врагомъ вѣры, усвоенной послѣдующими поколѣніями. Княгиня, хитро наказавшая ненавистное Полянамъ племя Древлянъ, не могла не возбудить сочувствія въ Полянахъ. Она много выигрываетъ въ сравненьи съ личностію ея мужа, разорявшаго народъ и получившаго, за свои поступки, названіе волка въ овечьемъ стадѣ. Ольга приняла вѣру, впослѣдствіи сдѣлавшуюся господствующею, и потому съ именемъ ея соединилось воспоминаніе о первой побѣдѣ новаго и лучшаго надъ старымъ и недобрымъ. Легенды о вводителяхъ христіантсва отличаются мягкостью въ изображеніи своихъ героевъ, описывая ихъ кротость и терпѣніе въ борьбѣ съ невѣрными; принятіе Ольгою христіанства содѣйствовало тому, что въ сказаніяхъ она является въ болѣе мягкомъ свѣтѣ, нежели бы можно ожидать, судя по жестокой мести древлянамъ. Мать, любящая оскорбляющаго ея сына, разумная и честная вдова и, притомъ, христіанка, имѣла для воображенія христіанскаго потомства болѣе привлекательности, нежели сынъ ея Святославъ, оскорблявшій мать, не смотря на любовь ея къ нему, торговавшій людьми, ѣвшій конское мясо и глумившійся надъ святою вѣрою. Честное вдовство высоко цѣнилось «лучшими людьми» древней Руси, какъ можно судить и по письменнымъ памятникамъ и по произведеніямъ устной словесности. На второй бракъ смотрѣли невыгодно по вліянію его на судьбу дѣтей отъ перваго брака, и Ольгу славили книжники особенно за то, что она, оставшись съ малолѣтнымъ сыномъ, не вышла въ другой разъ замужъ, уподобяся «горлицѣ единомужней». «Честная вдова» — обычное выраженіе и одинъ изъ любимыхъ типовъ нашей народной поэзіи. «Многоразуміе» честной вдовы обыкновенно обу-

---

турецькоі за початокъ чоловіка. Турки кажуть, що якъ Господь захтівъ сотворити чоловіка, то посилавъ підъ воду за землею архангела Уріила, и архангелъ два рази не хотівъ виносити земли, бо ёму було жалко, що буде на світі таке несчасне творінэ якъ чоловікъ».

здываетъ буйные порывы сына: въ этомъ отношеніи, преданіе объ Ольгѣ и сынѣ ея, Святославѣ, напоминаетъ отчасти былины о Васильѣ Буслаевѣ и его «желанной матушкѣ, честной вдовѣ Мамельфѣ Тимоѳеевнѣ». Святославъ не внималъ разумному голосу матери, издѣвался надъ ея единовѣрцами и «творилъ норовы поганскіе»; но, не смотря на то, не оставлялъ матери до ея смерти, пребывалъ съ нею въ любви и плакалъ надъ ея могилою. Таже смѣсь, хотя и въ болѣе яркихъ чертахъ, буйной дерзости и покорной любви къ разумной и честной матери-вдовѣ замѣчается и въ Васильѣ Буслаевѣ. Онъ обращается къ матери съ такими словами:

Ты старушка лукавая,
Лукавая старушка толковая,
Ежели бъ ты зашла впереди меня,
То не спустилъ бы тебѣ государинѣ-матушкѣ,
Убилъ бы замѣсто мужика новгородскаго.

Не слушаетъ онъ совѣтовъ матери, незваным идетъ на почестной пиръ у князя новгородскаго, нарушаетъ благословеніе материнское и купается нагимъ тѣломъ въ Іорданѣ-рѣкѣ. Не смотря на все это, къ матери-вдовѣ идутъ искать защиты отъ сына, когда «сталъ онъ шутить-пошучивать: за руку возьметъ—рука прочь; за ногу возьметъ—нога прочь; двухъ-трехъ вмѣстѣ столкнетъ — безъ души лежатъ»; просятъ мать уговорить его «хоть бы оставилъ народу на сѣмена». Недоступный ничьимъ увѣщаньямъ, прогоняющій всѣхъ словами: «у насъ дѣло дѣется: головами играемся», Василій Буслаевъ склоняется на просьбу матери укротить свою силу великую, свое сердце богатырское, и говоритъ: «никого я не послухалъ бы, а послушалъ тебя, родну матушку» (1).

Честное вдовство Ольги обезоружило пресловутаго волокиту Цимисхія, который, видя ее «добру лицемъ и разумомъ украшенну и въ премудрости довольну», хотѣлъ уловить ее «гаданьми и ласканьми», но она осталась непоколебимою и на соблазнительныя рѣчи отвѣчала въ строгомъ, наставительномъ тонѣ. Легенда прославляетъ также цѣломудріе Ольги при первой встрѣчи ея съ женихомъ. Преданіе, записанное въ лѣтописяхъ позднѣйшей редакціи, говоритъ, что однажды молодой Игорь утѣшался ловитвами, и, замѣтивъ на той сторонѣ рѣки желанный ловъ, а на рѣкѣ пловца, призвалъ пловца

(1) Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. 1861. часть I. стр. 335—336.

къ берегу и сѣлъ въ его лодку, чтобы переплыть на другой берегъ. Этотъ пловецъ была юная и прекрасная Ольга. Игорь разгорѣлся желаніемъ, и «очи лакомѣ некасаемыхъ касахуся». Она, смекнувши въ чемъ дѣло, пресѣкла бесѣду не юношескимъ, но старческимъ смысломъ. «Не думай, сказала она, что можешь одолѣть меня: я хотя и молода и простой обычай имѣю, но все таки понимаю, что ты хочешь поругаться надо мною. Если отдаешься неправедной страсти, то какъ же ты возбранишь другимъ неправду? Если я соблазняю тебя, то пусть лучше приметъ меня глубина рѣчная». Игорь почувствовалъ къ ней такое уваженіе, что когда для выбора ему невѣстъ собрали дѣвицъ изо всего царства, онъ избралъ Ольгу, «мужественную и благообразную», говорившую ему «хитростные глаголы» (1).

Хитрость Ольги проявлялась не всегда въ такомъ кроткомъ, назидательномъ видѣ. Ольга «переклюкала» не только Игоря и Цимисхія, но и Древлянъ и ихъ пословъ. Разные роды мести Ольги Древлянамъ: сожженіе, смерть въ банѣ, пожаръ отъ птицъ, напоминаютъ скандинавскія саги, какъ напримѣръ Niala Saga, Styr Saga и другія.

Сага о Ніалѣ—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ по разнообразію и обрисовкѣ характеровъ. Содержаніе ея слѣдующее. Витязь Гуннаръ женится на Гальгердѣ, первой красавицѣ въ Исландіи. На пиру возникаетъ споръ между ею и женою Ніала; Гальгерда, чтобы раздуть вражду, велитъ убить одного изъ слугъ Ніала; жена Ніала возбуждаетъ сыновей своихъ къ мщенію; но Гуннаръ и Ніалъ живутъ по прежнему въ дружбѣ. Жаждущая мести, злобная Гальгерда вовлекаетъ кроткаго мужа и въ другіе споры, и дотого раздражаетъ его, что онъ даетъ ей пощечину. Дальнѣйшіе поступки ея таковы, что въ наказаніе за нихъ приговорили мужа къ изгнанію. Гуннаръ отправляется съ братомъ; но при выѣздѣ со двора, конь споткнулся и Гуннаръ рѣшается остаться, не смотря на всю опасность своего положенія. Враги окружаютъ домъ его, убиваютъ вѣрныхъ псовъ; Гуннаръ геройски защищается, но, вопреки совѣту матери, пускаетъ обратно стрѣлою вражею: враги, полагая, что запасъ истощенъ, ударили съ новою силою. Гуннаръ проситъ у жены нѣсколькихъ изъ ея длинныхъ волосъ для тетивы, какъ единственное средство, чтобы спасти его жизнь; Гальгерда отказываетъ, говоря: это тебѣ за пощечину. Гуннаръ палъ въ бою отъ изнеможенія. Скальды сложили въ память

(1) Книга степенная. 1775. часть I, стр. 7—9, 16—17.

его пѣсни, а сынъ Ніала принялъ на себя мщеніе за его смерть. Также печальна была и судьба Ніала. Послѣ долгихъ странствованій и приключеній Ніалъ погибъ жертвою родовой вражды и мести. Враги сыновей Ніала окружили, чтобы сжечь, его домъ: Ніалу предлагали выйти, но онъ сказалъ: «я уже старъ и не въ состояніи мстить за погибшихъ сыновей, а въ безчестіи жить не хочу». На тоже предложеніе, жена Ніала отвѣчала: «въ молодости я полюбила Ніала и обѣщала не разлучаться съ нимъ до смерти». Внукъ сказалъ, что ему лучше умереть, нежели пережитъ Ніала и его жену. Старики опустились на ложе, положили между собою внука и погибли въ пламени.

Сага о Стирѣ—конца X и начала XI столѣтія. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ея содержаніе. Въ правленіе Гакона Ярла исландскій старшина былъ въ Норвегіи для покупки строеваго лѣса. Ярлъ предложилъ ему выбрать себѣ что-либо изъ его драгоцѣнностей. Исландецъ попросилъ у него двухъ берсерковъ, неистовыхъ въ бою потомковъ восьмирукаго великана. Видя невозможность укротить ихъ, Исландецъ подарилъ ихъ брату своему Стиру. Одинъ изъ берсерковъ влюбился въ дочь Стира. Стиръ обѣщалъ ее выдать, если онъ съ братомъ проложатъ дорогу чрезъ неприступную пропасть. Берсерки работали страшно, до изступленія, низвергали въ бездну огромные камни, и въ двадцать четыре часа дорога была готова. Между тѣмъ, Стиръ выстроилъ въ землѣ баню изъ дерева съ отверстіемъ вверху, какъ строились вообще скандинавскія бани; предложилъ берсеркамъ, усталымъ отъ работы, идти въ баню, жарко натопилъ ее и заперъ отверстіе. Берсерки хотѣли спастись, одному удалось выскочить, но его убилъ Стиръ; другой сожженъ въ банѣ (1).

Послѣдняя месть Древлянамъ состояла въ томъ, что Ольга потребовала съ каждаго двора по три воробья и по два голубя, велѣла привязать къ нимъ зажженный трутъ съ сѣрою и пустить въ городъ. О подобной хитрости говорятъ еще древніе, приписывая ее Аннибалу. Титъ-Ливій (кн. XXII, гл. 16 и 17) разсказываетъ, что Аннибалъ взялъ изъ добычи въ непріятельской землѣ около двухъ тысячъ быковъ и велѣлъ привязать къ рогамъ ихъ пуки хвороста и щепокъ. Съ наступленіемъ ночи быковъ погнали передъ войскомъ и

(1) Sagaenbibliothek des skandinavischen alterthums.... von Müller, aus der dänischen handschrift übersetzt von Karl Lachmann. 1816. стр. 26—30; 37—44.

зажгли привязанный къ рогамъ хворостъ; близость огня, жаръ, а потомъ и боль, привели быковъ въ бѣшенство, они метались изъ стороны въ сторону и зажигали кустарники. Видъ тысячи огней и быстрота ихъ движенія произвели въ римскомъ войскѣ ужасъ и недоумѣніе. Совершенно сходно съ местью Ольги, скандинавскій витязь Гаральдъ, братъ Олава святаго, взялъ одинъ городъ въ Сициліи. Сага говоритъ, что Гаральдъ велѣлъ ловить птицъ, имѣвшихъ гнѣзда въ стѣнахъ и прилетавшихъ въ городъ за пищею; къ пойманнымъ птицамъ велѣлъ привязать хворосту съ сѣрою и смолою, подложивъ пылающіе уголья. Выпущенныя птицы полетѣли въ гнѣзда, свитыя между стѣнами въ верхней части строеній, покрытыхъ соломою и тростникомъ. Герой саги, Гаральдъ, былъ женатъ на дочери Ярослава и обращается къ ней въ своихъ пѣсняхъ. «Мы видѣли»—говоритъ онъ въ пѣсни—«берега Сициліи, и, плавая на быстрыхъ корабляхъ, искали славы, чтобы заслужить любовь русской красавицы... Однажды, было насъ шестнадцать товарищей въ кораблѣ; зашумѣла буря, взволновалось море и грузный корабль наполнился водою—мы вычерпали ее и спаслися. Я надѣялся быть счастливымъ, но русская красавица меня презираетъ! Сражаюсь я храбро, сижу на конѣ твердо, плаваю легко, катаюсь по льду, мѣтко бросаю копье, умѣю владѣть весломъ, но русская красавица меня презираетъ (¹)!»

У славянскихъ народовъ не встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, преданія сходнаго съ хитростію Ольги и Гаральда, но имя Ольги находится между древними славянскими, и есть слѣды, что разсказъ о взятіи города посредствомъ голубей доходилъ и до западнаго славянства. Въ числѣ старочешскихъ собственныхъ именъ попадается имя Ольги вмѣстѣ съ именами Ярослава, Ивана, Святослава, Владиміра. Между *чешскими* именами лицъ, жившихъ въ десятомъ, одинадцатомъ, двѣнадцатомъ и отчасти тринадцатомъ вѣкѣ, встрѣчаются слѣдующія: Баба, Дѣва, Мила, *Ольга*, Слава, и т. д. (²). Въ хроникѣ

(¹) Исторія Карамзина, II, примѣч. 41.—Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, Погодина. III, стр. 104, прим. 180.

(²) Czasopis czeskeho museum. 1832, swazek prwní. Popis staroczeskych osobnjch a krzestnych gmen od *Palackého.—Dobrowsky*, Geschichte der böhmischen sprache und älteren literatur. Prag. 1818. стр. 91—92; das necrologium des klosters Podlažic bei Chrast enthält eine sehr grosse menge von böhmischen namen derjenigen personen, die im 10—13 jahrhunderte bis etwa 1230 gelebet haben:.. Baba, Deva, Glupa, Leva, Mila, Olga, Slava, Strada, etc. Ср. Dějiny rzecz literatury czeskoslovenské, sepsal *Szembera*. 1859. I, стр. 88 и др.

Далимила, начала XIV вѣка, въ томъ мѣстѣ, которое напоминаетъ месть Ольги, имя лица и города не то, чтó въ нашей лѣтописи; вмѣсто Коростена—Кіевъ, вмѣсто Ольги—татары, подобно тому какъ въ нашихъ былинахъ смѣшиваются эпохи Владиміра и татаръ. Далимилъ говоритъ, что около тысяча двѣсти тридцать втораго года пришли Татары, раздѣлившись на три потока: одни взяли голубями Кіевъ на Руси, другіе—венгерскую землю, третьи—польскую:

... tateří vznidú,
i třmi prameny pojidu;
iako po svéi zemi jdiechù,
neb zpyláci ie vediechu.
v Rusiéch Kyieva dobychu... (1)

Въ рукописи XV вѣка послѣдніе два стиха читаются такъ:

nebo ge gich sspêherzi wodiechu;
gedny *w Russech Kygowa welikeho holuby* dobychu.

Русскій Кіевъ называется *великимъ* въ отличіе отъ другаго, *малаго*, Кіева въ Моравіи.

Въ преданіи объ Ольгѣ замѣтно скандинавское вліяніе. Оно отразилось и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи. Полагаютъ, что извѣстія о сѣверовостокѣ Европы, которымъ такъ удивляются ученые со времени Шлецера, заимствованы лѣтописцемъ изъ разсказовъ скандинавскихъ купцевъ и пиратовъ. Многія слова въ древней лѣтописи производятъ отъ скандинавскихъ корней (2). Для точнаго рѣшенія, на основаніи лѣтописи, вопроса о скандинавскомъ и туземномъ, славянскомъ, элементѣ необходимо сравнить лѣтописныя преданія съ сагами скандинавскими и съ преданіями у народовъ славянскихъ, не подвергавшихся скандинавскому вліянію.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ народныхъ преданій, сохраненныхъ

---

(1) Dalimilova chronica Çeská, od Václeslava Hanky. 1831, стр. 138.

(2) *Погодина*, изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. Томъ III. Норманскій періодъ.—*Буслаева*, историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Древне-сѣверная жизнь (I, 237—268) и др.—Chronica Nestoris, textum russico-slovenicum, edidit Miklosih. 1860 I. Миклошичь считаетъ скандинавскими имена: Блудъ, Глѣбъ, замѣчая, что Блудъ встрѣчается между старочешскими именами, а мѣсто Глибовъ есть въ Галиціи; Лютъ, Диръ, Лыбедь—отъ lifandi, причастіе отъ lifa жить, vivens, viva; Прѣтичь отъ freir и славянскаго суффикса *ичь*; прозвище «волчій хвостъ»—славянскій переводъ скандинавскаго имени, и т. п.

лѣтописью, принадлежитъ разсказъ о смерти Олега, предсказанной волхвами, игравшими важную роль въ древней русской жизни, какъ показываютъ историческія свидѣтельства. Преданіе объ Олегѣ, и по мысли, и по подробностямъ, извѣстно и на югѣ, и на сѣверѣ Европы, и въ скандинавскомъ, и въ славянскомъ мірѣ; оно относится къ различнымъ лицамъ, какъ обыкновенно бываетъ въ произведеніяхъ народной словесности. Мысль преданія состоитъ въ томъ, что человѣку не избѣжать своей судьбы, и она постигаетъ именно тогда, когда человѣкъ думаетъ, что покончилъ съ нею навсегда и уже вполнѣ безопасенъ. Эта мысль развивается во многихъ памятникахъ славянской народной словесности отъ пословицы до сказки. Возьмемъ примѣры у двухъ, во многихъ отношеніяхъ не сходныхъ между собою, славянскихъ племенъ—Поляковъ и Сербовъ.

Богатый панъ—гласитъ польская *клёхла*—жилъ надъ Вислою, всѣ окна обращены были на рѣку и ни одно не выходило на другую сторону; дворъ заросъ травою; никто не рѣшался подойти къ страшному дому. Родился панъ подъ несчастною звѣздою: глаза у него были смертоносные, отъ взгляда его умирало все живущее, засыхала трава и увядали деревья; всюду за нимъ слѣдовали болѣзни и смерть. Одинъ отважный пловецъ причалилъ-было къ бѣлому двору, но разсерженный панъ взглянулъ на него, пловецъ упалъ замертво, заболѣлъ лютой болѣзнью и долго не могъ оправиться; разсказами своими, онъ еще болѣе запугалъ пловцовъ: плывя по Вислѣ, не смѣли взглянуть на бѣлый дворъ и втайнѣ творили молитву. Единственнымъ спутникомъ пана былъ его старый слуга; ему одному не вредили грозныя очи. Разъ, во время вьюги, панъ, отвыкшій отъ человѣческаго голоса, изумленъ былъ пріѣздомъ семьи, спасавшейся отъ стаи волковъ. Сбившаяся съ дороги семья состояла изъ отца, матери и дочери. Панъ влюбился въ дочь; свадьба отпразднована великолѣпно, заросшая трава измята поѣзжанами. Но потомъ опять опустѣлъ домъ, молодая жена лежала больная на богатомъ ложѣ, мужъ ухаживалъ за нею, отворачивая глаза. Истерзанный страданіями жены, онъ рѣшился положить имъ предѣлъ—выколоть себѣ глаза. Раздалось два крика—новорожденнаго, впервые увидѣвшаго свѣтъ, и пана, видѣвшаго его въ послѣдній разъ: зловѣщіе глаза упали на-земь съ окровавленнымъ ножемъ. Вѣрный слуга закопалъ ихъ въ саду. Все перемѣнилось съ этой минуты: ворота растворены, окна пробиты на село и на гумно, пловцы пристаютъ къ бѣлому двору, всѣ любуются

прекрасной дѣвушкой, водящей слѣпаго отца. Между тѣмъ, слугѣ, зарывшему глаза въ землю, вздумалось посмотрѣть, что́ сталось съ ними, цѣлы ли они; онъ отрылъ ихъ;—они горѣли какъ свѣчки, и блескъ ихъ такъ поразилъ старика, что онъ упалъ и умеръ; въ первый и въ послѣдній разъ повредили старику грозныя очи! Отчего же прежде не вредили? Оттого, что панъ *любилъ* его и *сердце* отнимало губящую силу у глазъ, а теперь они лежали *одни* и набрались пущей силы (1).

Таже мысль о неизбѣжности рока, хотя съ другими подробностями, выражается въ сербскомъ преданіи о суженомъ днѣ—суђен дан. Сербы вѣрятъ, что каждому человѣку суждено какою смертью умереть и отъ судьбы невозможно избѣжать; у нихъ есть пословица: «од суђена се не може утећи». Разсказываютъ, что у какого-то царя была дочь, которой вѣщунъ предсказалъ смерть отъ змѣи; чтобы спасти дочь отъ судьбы, царь сдѣлалъ для нея стеклянный домъ, въ который не могло даже заползти насѣкомое, и никуда не выпускалъ ея изъ дома. Но когда насталъ суженый день, она захотѣла винограду; слуги принесли большую кисть; въ виноградной кисти скрывалась змѣйка, и эта то змѣйка укусила царскую дочь, и она умерла, постигнутая суженымъ днемъ.

Другой разсказъ о суженомъ днѣ еще ближе къ нашей лѣтописи. Одной дѣвушкѣ вѣщунья предсказала смерть отъ волка, жившаго близъ села въ лѣсу. Дѣвушка отдана была замужъ въ другое село, и дорога къ нему шла черезъ лѣсъ. По сербскому обычаю, невѣсту провожали сваты верхомъ; во время поѣзда, на нее напалъ волкъ, но сваты убили его. Потомъ отецъ и мать, «отишли у походе»; «походе» называется первое посѣщеніе новобрачной ея родными. Она должна бы въ свою очередь посѣтить ихъ, но, боясь волка, не выходила изъ села своего. Прошло девять лѣтъ; терпѣніе ея лопнуло; собрали столько же людей, сколько провожало ее въ первый разъ, и пошли черезъ лѣсъ. Волкъ напалъ на нее, и сопровождавшіе убили его. Она встала съ лошади, и съ досады ударила ногою въ голову убитаго волка: зубъ вошелъ въ ногу, нога распухла, и женщина, обреченная на смерть отъ волка, умерла (2).

Поразительное сходство, даже въ подробностяхъ, представляютъ два

(1) Klechdy ludu polskiego i Rusi, zebrał *Wojcicki*. I, 55—72.
(2) Слышано въ Сербіи, въ Чаганскомъ округѣ, въ селѣ Дѣдоевцѣ.

преданія, скандинавское и сербское, изъ которыхъ одно находится въ исландской сагѣ объ Орварѣ Оддѣ, другое слышано мною въ глубинѣ Сербіи (¹).

«Вѣщунья предсказала норвежскому герою Орвару Одду, что ему назначено рокомъ триста лѣтъ счастливой жизни, въ продолженіе которыхъ онъ наполнитъ своею славою отдаленнѣйшія страны; но по истеченіи срока погибнетъ отъ своего коня, цвѣтомъ пепельнаго и называющагося, отъ повислой гривы, Факсомъ. Орваръ Оддъ умертвилъ Факса и свергнулъ его въ глубокій ровъ, зарылъ его и сдѣлалъ надъ нимъ большую насыпь изъ камней и дерна. Спокойный за свою будущность, Орваръ Оддъ отправился въ далекія путешествія. Ровно черезъ триста лѣтъ воротился онъ въ отечество. Многія мѣста, покрытыя прежде зеленью, поблекли и высохли; высохло и болото, въ которое брошенъ былъ Факсъ, и не осталось никакого слѣда отъ могильной насыпи: лежала только голая и гнилая голова коня. И это голова Факса! сказалъ Орваръ Оддъ, ворочая ее копьемъ. Между тѣмъ ящерица выползла изъ конской головы, и уязвила Орвара Одда въ пяту, откуда смертельный ядъ разлился по всему тѣлу».

Сербское преданіе «о судьбини» переноситъ мѣсто дѣйствія въ Турцію и, вмѣсто волхва, предсказаніе приписывается доктору:

«Одинъ султанъ очень любилъ лошадей. Онъ досталъ себѣ коня, котораго до того любилъ, что по цѣлымъ днямъ проводилъ подлѣ

(¹) Слышано въ Шабцѣ отъ уроженца села Бесочина въ Фрушкой горѣ. Приводимъ самый подлинникъ:

«Био е едан султан, турскій цар, кои е одвеђе радо имао коњ. Добіе едног особитого хата, кога е тако волео, да е по вас дан у ару кол њега бавіо се, у него гледо и миловао га. Кад-кад тражили су га у ливани, па су га у ару нашли. Іеданпут га доктор његов опомене, да се он чува тога коня, јер ђе тай коњ, кога он тако люби, њему главе доћи. Султан се поплаши, и даде га у едну ливаду одвести с том заповести, да нико бригу о њему не води Кад зимнѣ доба наступи, коњ цркне. Султанъ се обрадуе, кад е чуо, да е коњ пркао, и рекне: фала пророку, сад нема више онога, од кога сам е страшіо, да ђе ми главе доћи. И 5—6 година ніе у ливаду ишао. Іеданпут му дође воља, да чини зіафет. Сазове многе великаше, и ту іій е почастіо царскіи. Кадсе захлади, пође с гостима проходити се по ливади. Нанђе на едну кость—коньску главу; па онда друштву рекне: ово е глава онога тога хата, кога сам я волео, него ишта на свету, и за кога ми е овай той доктор казао, да ђе ми той хат главе доћи. То рекши, гурне главу ногом, скочи гуя из главе, уеде султана у ногу, од кога уеда цар трећи дан умре. И тако се испуни и пророчество доктора и непостижима судба.»

него, глядя на него и любуясь. Бывало, ищутъ его въ сенатѣ, а находятъ въ конюшнѣ. Однажды докторъ сказалъ ему, что онъ умретъ отъ своего любимца—коня. Султанъ испугался и велѣлъ отвести коня на лугъ и оставить его безъ всякаго присмотра. По осени конь издохъ. Узнавши объ этомъ, султанъ очень обрадовался: хвала пророку, сказалъ онъ, нѣтъ уже больше того, отъ кого я ожидалъ смерти. Пять-шесть лѣтъ царь не ходилъ по лугу. Но вдругъ вздумалось ему устроить пиръ; онъ созвалъ вельможъ, угостилъ ихъ по царски, а когда стало прохладнѣе, пошелъ съ гостями гулять по лугу. Во время прогулки попалась ему подъ ноги лошадиная голова; обращаясь къ спутникамъ, онъ сказалъ: вотъ тотъ конь, отъ котораго докторъ пророчилъ мнѣ смерть. Говоря это, султанъ толкнулъ ногою конскую голову, изъ нея выскочила змѣя и уязвила его въ ногу; отъ этой язвы султанъ умеръ на третій день. Такимъ образомъ, исполнилось и пророчество, и непостижимая судьба».

Преданіе о смерти Олега находится. въ одинаковомъ видѣ, въ различныхъ редакціяхъ лѣтописи, согласно съ ея древнѣйшимъ спискомъ (1). Оно считалось достопамятнымъ событіемъ лѣтописцами, прибавлявшими объясненье для доказательства, что предсказанія волхвовъ сбываются. Даже въ тѣхъ редакціяхъ, въ которыхъ извѣстія о первыхъ вѣкахъ состоятъ изъ краткихъ замѣтокъ, лѣтописцы не забываютъ отмѣтить: «умре Олегъ, а смерть ему отъ коня своего, и выйде изо лба змія, и уязви его въ ногу, и умре». Иногда разсказъ сопровождается выводомъ въ родѣ слѣдующаго: да научится каждый, что судьбѣ противиться нельзя и суда Божія никому не избѣжать...

М. Сухомлиновъ.

---

(1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I, 16; II, 240—241; IV, 174.

ОБЪ ЯРМАРКАХЪ.

(До сільскіхъ парафіянъ).

...Нера́зъ буває, що якъ прийде неділенька свята́я, а часомъ и пра́зникъ, то бу́дли де́ кого поба́чишъ у церкві: кидають усе́, и слу́жбу Бо́жу, та поспіхомъ въ ярмарокъ те іде, те йде. А ті ярмарки на на́шу годи́ну лиху́ найбільшъ припада́ють якъ не въ пра́зникъ, то въ неділю. Чи-то жъ спра́вді що ко́жного ра́зу потрібно вамъ до міста? Чи-то́ ра́зъ-у-ра́зъ само́му тре́ба буть у місті, що бъ купи́ть що, або́ продать? Чи тільки жъ и гріха́ то́му, хто до ярмарківъ вчаща́є, що одпра́ву святу́ю втеря́є? Чи мо́же и́нший и тамъ добра́ не придба́є, до до́му вернетця—и тутъ добра́ не зна́йде? — Всяково буває.—Ходімъ же та подивимось, якъ-то люди въ ярмарокъ збира́ютця, якъ тамъ себе́ повожа́ють и до до́му верта́ютця? Чи все-то по Бо́жому въ іхъ робитця?.. Ні, всяково буває.

Вечоріє у суббо́ту; потоми́лись люди на робо́ті и со́нечко вже на вза́ході. Отъ бо́вкнули до вечерні въ дзвінъ; сполохну́лись люди на ни́вахъ, розігну́лись, ста́ли на церкву, здихнули до Бо́га, тричі перехристи́лись, та й зновъ хто за ко́су, хто за се́рпъ, — ру́чки дійти́, снопа́ довязати. Благослови́ іхъ, Бо́же! то до́брії люди,—вони Бо́га въ се́рці ма́ють. Ще годи́нъ скільки, зняли́сь усі, якъ водо́ю змило,—въ се́ло пішли́. Передзвони́ли до вечерні... а въ церкві ніко́го нема́є: тільки такъ ба́бокъ изъ пьять, що пі́дъ дзвіни́цею сиділи, въ бабинці стоя́ть, та Бо́гу мо́лятця за діточо́къ, за внуківъ. Де́ жъ діти, де́ вну́ки?.. На по́лі, підъ село́мъ, у селі, поузъ церковъ иду́ть, перехристятця, и церкву минають. — Иде́ одпра́ва: дітки ягнятокъ заганя́ють, жінки стра́ву готу́ють, а чоловіки вози

справляють — въ ярмарокъ іхать. — Може й справді ніколи до церкви... а ще жъ и ярмарку нема!

Стемніло скрізь: де — котрі й спать полягали, Богу помолившися. Пійдіть теперъ по селу: чого-то світитця въ де-якихъ хатахъ, чого люди гомонять? То въ ярмарокъ збіраютця. Тамъ батько зъ синомъ, мати зъ зятемъ, або чоловікъ зъ жінкою радятця, що бъ-то купить, якъ би-то продать. Нема тутъ слова лихого, розмовляють вони любесенько, - тільки часомъ вздихне котре легенько, та промовить тихенько: «якъ Богъ поможе достатця завтра... на Бога надія... коли бъ то давъ Господь.» И згадаешъ тутъ, яку-то заповідь дае на сей случай Св. Апостолъ Іаковъ: *«аще Господь восхощетъ и живи будемъ, сотворимъ сіе или оно»*, — такъ, каже, треба казати, якъ думаешъ що зробити. — Та не багато на світі людей побожнихъ: тамъ діти змагаютця за батьківське добро, одно продать хоче, друге зоставить, и лаютця на вмиръ въ ночі проти неділі и мертвихъ зъ гроба викидають; тамъ жінка вередуе, очіпка, хустки бажае; ось чоловікъ жінку бье, гроші видирае, що до церкви поминилась на молебінь однести; ему, бачъ, хочетця пропить кріваву копійку: зувсімъ до ярмарку не треба. Тамъ въ безверхій хаті лиху долю кленуть, що ніде грошей достати и нічого продати, а тутъ багаті вніжають зъ двору зъ рибою, та зъ сіллю, а въ иншого мішківъ повенъ візъ: ті Бога гнівлять, ці про Его ласку не згадають. Отъ ище въ одній хаті огонь погасае, вдова убогая сидить на лавці, на діточокъ поглядае, слезами вмивается, що хліба й соли немае и нічимъ зодягнутьця, и не знае, куди бъ повернутить въ такій лихій недолі: багаті гордують, а вбогій—що поможе? —Нехай же й Богъ навчить, нехай утішить Божа Мати! — Остання душа въ селі не спить: то мати сина спиняе, щобъ не йшовъ за дурницею у місто, та попросивъ би сусідівъ де — що въ ярмарку скупить: «чи то жъ не гріхъ,» вона каже, «що такъ зневажаешъ ти неділю святую? —Служба Божа по всему світу итиме, а ти будешъ лазить міжъ возами, та слухать дарємні слова, та сварку, та лайку. Вставъ би раненько, пішовъ би до церкви, Богу помолився бъ; бачъ— я слаба, та й батька на світі немае.» — Не слухае синъ, стару неньку зневажае, недобре щось бурмоче, мабуть вінъ ласки відъ Бога и счастя не хоче. Ходімъ відъ его,—за село, у поле: може ще де-кого побачимъ.

Світить місяць надъ землею; по дорозі вози скрипляють, народъ

гомонить, хто іде, хто йде, а де-які стали спочивать. Отъ чумаки въ бальці на нічъ ставши, повечеряли, та Богу щіро молятця; геть одъ шляху сліпці въ траві сидять: хто молитовку шепче, той *Лазаря* на лірі ніби твердить; и сі бачъ у ярмарокъ поспішають—хлиба прохати.—Поможи імъ Боже!—то душі приязні, не бачять вони нікого, ні зъ кого не сміютця, лихоі долі не кленуть, за людей Бога все просять и Богу навчають молитись. Далеко у полі щось маячить: то убогая вдова манівцемъ шкандибае, останнего півника у ярмарокъ несе, щобъ соли дрібочкивъ скільки купити. Втомилась небога, впала на межу, кулакъ підъ голову підклала, слезою на нічъ умилась и стала ніби бъ дрімать. Коло неі підъ копою старчикъ Божий спочивае, помолившись Господеві за онуківъ недобрихъ, що на старість зъ хати виганяють. Заснувъ и той, заснули всі, въ селі, и въ полі и въ місті. Бідному снитця, що вінъ багатимъ ставъ,—багатому що гроші втерявъ, худобу покрали; иншому снитця, що хтось его ошукавъ,—другому нічого не снитця,—мабуть не мисливъ вінъ нічого лихого, бо то вже сказано, що въ день кому на умі верзлось, те й во сні ввижаетця.

Минула нічъ, світать вже стало; стрепенулись люди: инше перехристилось, друге помолилось, инше жъ такъ чимъ-дужъ біжить до міста. Та не поможе Богъ тому, хто объ Ему не згадае. Ідуть и йдуть изъ ближніхъ и дальніхъ сілъ,—хто зъ вечора знявся, хто въ ранці прокинусь; а по селамъ утреню правлять,—нема нікого въ церкві. Отъ посходились, позъїздились у місто; місьця займають, ставлять вози, розвязують, розставляють, що хто принісъ, або привізъ. Господи! скільки тутъ крику, скільки тутъ сварки. Нехай би то перекупки: ті не знать защо заведутця; а тожъ люди, здаетця, поважні, та й ті сварятця: не на тому, каже, місті ставъ, та не такъ воза поставивъ, або колесомъ зачепивъ. Чи есть тутъ защо змагатьця, та лихословить? Оттакъ неділю святую стрічають! Не буде добра тому, хто диявола такъ рано згадавъ.

Отъ стали дзвонить и на девяту пісню; може люди схаменутця. И справді де-котрі перехристились, а другимъ не до того: що дальшъ, то більшъ народу прибувае,—ходять, обглядають, приціняютця, торгують: ті дорого правлять, другі неначе не чують, товаромъ кепкують, та докоряють одинъ другого словами лихими. Чи то жъ християне, що Божого дня не шанують? Чи мають вони Бога въ серці? А чи давно жиди справляли шабасъ, та ні одинъ

не виглянє въ місто, лавки позапіра́ні, мо́лятця Бо́гу до́ма, чи въ школі. А якъ прийшла́ неділя, то тутъ-то са́ме й жиди торгу́ють. Якъ ка́жуть, то й пра́вда, що безъ жи́да и я́рмарку не бу́де. Нічого робити: ході́мъ подивімось, якъ то християне въ свято торгу́ють, що продаю́ть, и якъ купу́ють.

Зійшло вже со́нечко и людъ Бо́жий пригрі́ло, освіти́ло: не пригрі́ло тільки душі скупо́го, та не освіти́ло чоловіка лука́вого, що ми́слить все кого́сь оша́храть. Отъ бага́ті на воза́хъ сидя́ть, сіль продаю́ть, повиїзди́ли зъ сво́ею мірою, та вагою, обмірюють, обвішують, та до́рого пра́влять. Бага́тому все здае́тця ма́ло. А ви́дурить у ко́го копійку ли́шню, чи то жъ не все одно́, що зъ кише́ні въ ёго вкра́сти? Такъ ні; не вважають вони́ на Бо́га, тільки на своє́ бага́цтво. Прийшла́ жінка мізе́рна со́лі купова́ти, та такъ бага́того проха́е, щобъ шажо́къ спустивъ, та хоть дрібо́чокъ прики́нувъ: «сгляньтесь, «ка́же,» дя́дечку, на ме́не убогу: дітки мале́нькі, гро́шей нема́е. Неха́й вамъ Богъ запла́тить!» Одверну́вся, ніби не чу́е, та спе́ршу про се́бе ка́же: «Богъ запла́тить!» а по́тімъ до не́і: «вибача́й небо́го; неха́й тобі Богъ помо́же...» Чи мо́жна жъ такъ каза́ти, чи мо́жно Бо́га цура́тьця?—Замо́вчала серде́шна, не ла́ітця, не пла́че й не про́сить; скрили́лась тро́шки, завину́ла въ хусти́ночку, що купи́ла, та й пішла вздовжъ база́ру. Оста́лось въ не́і шажківъ зо́ два, такъ одного́ ста́рцеві отдала, а другого́ до це́ркви занесла́. Оттутъ прийшло́ мині на па́мьять, якъ-то Христосъ Спаси́тель, якъ ще живъ на землі, стоя́въ разъ коло хра́му Іерусали́мського и диви́вся, якъ лю́ди гро́ші ки́дали до карна́вки церко́вної. Лю́ди замо́жні кла́ли бага́то, одна жъ удовиця тільки дві ле́пти вки́нула, а Христо́съ уздрівъ та й ка́же: «ся найбільшъ усі́хъ уки́нула, бо що ма́ла—все Бо́гові оддала́.» — Такъ не бага́то такихъ людей знайдемо и въ я́рмарку, хочъ скільки тамъ народу.—Отъ ще десь двое убогихъ змага́ютця за ціну́: оди́нъ овечку продае, щобъ поду́шне оплати́ть, другий купу́е для діточо́къ мале́нькихъ. Ли́хо змага́етця; тільки жъ чу́ю,—оди́нъ ка́же: «спусти́, дя́дьку! нехай тобі Богъ зъ ви́щого не́ба припошлє.» Замо́вкъ серде́га, голову схили́въ, тихе́нько промовля́е: «и то́ правда. Неха́й же мині Господь запла́тить, коли́ въ тѐбе нічимъ!» Тамъ да́лі пашню уся́ку продаю́ть: въ и́ншого́ міше́чки мале́нькі, не по́вні, а до́рого пра́вить и бо́житця, що по два́ четвери́ки вла́зить; въ дру́гого тільки зве́рху чи́сте зерно́, а въ сере́дині зъ поло́вою намішане; у того́ бо́рошно зу́всімъ чо́рне, бо зъ ку́кілемъ та вся́-

кою не́чистью моло́лось, а вінъ присяга́етця, що на млині спали́ло, або́ въ ко́пахъ змочи́ло; той кавуни́ ча́сомъ продае́ зеле́ні, та такъ завіря́е, що ду́же спі́лі. Тамъ у ти́ковці тільки зве́рху олія, на споді жъ вода́; тутъ ма́сло коро́вяче ніби продае́ въ горще́чку, а въ середи́ні ове́че, або́ сами́й сма́лець, та ще й пога́ний. И, Го́споди, скілько тутъ брехні, обма́ну! а бо́жятця, присяга́ють: «бода́й,» ка́же, «мині добра́ не було́! бодай я до до́му не дійшовъ! Дай мині Бо́же такъ по пра́ві вікъ изжи́ть и діте́й роспоряди́ть, якъ я по пра́ві кажу́». А на торгови́ці, де ко́ней, та волівъ продають, скільки тамъ моше́нства, непра́ви! У волівъ ча́сомъ зубівъ нема́,— ка́же: на бра́зі зімо́вані; коня́ка зовсімъ па́дае,—нага́йкою вда́рить, вибри́кує біда; коли́ стара́, то ка́же, що тільки сімъ ро́ківъ, а якъ підо́рвана, то въ дале́кій доро́зі була́. И Бо́га не боя́тця и люде́й не стидя́тця.

Поторгува́ли дово́лі, оша́храли, кого́ и якъ мо́жна було́, продали́, що ма́ли, купи́ли, що кому́ тре́ба, та й ста́ли росхо́дитьця. Куди́ жъ? Мо́же до це́ркви? Тамъ слу́жба Бо́жа пізне́нько пра́витця. Такъ ні; хутчій до шинку, щобъ наістись, та напи́тьця. Воно́ и то бъ нічо́го: підживи́тись тро́шки, та, подя́кувавши Бо́гу, додо́му скоріше; коли́ жъ міри не зна́ють,—не пьють, але впива́ютьця, не на́че справді то до́бре діло. И чого́ вже въ тихъ шинька́хъ не буває́: подуріють лю́ди розу́мні, співа́ють, кричя́ть, лихосло́влять, докоря́ють оди́нъ другого́, згада́ють живи́хъ и поме́ршихъ, згадають усе́, що коли́ робилось, чого́ бъ и не тре́ба зга́дувать; и́нші ля́ютця въ ду́шу и въ віру, а ча́сомъ и бьютця, та ще якъ?—колінь-ми въ гру́ди, та въ живітъ. Го́споди! чи то жъ люди? Ні, такъ зу́всімъ якъ звірі,—ра́ди бъ, здае́тця, оди́нъ другого́ ззісти, або вби́ть,—поки то лю́ди розборо́нять. Вста́нуть розхрі́стані; на люде́й сті́дно гля́нуть, а вони́ зновъ ля́ютця, та ще й нахваля́ютця. А за віщо? За пусті́ ре́чи. И нічо́го бъ того́ не було́, колибъ не впива́лись. И́нші жъ пла́чуть дурни́чки, або́ обнима́ютця, та цілу́ютця, хто справді, а хто зъ пьяни́хъ оче́й: оди́нъ другого́ не ба́чить, сліпа ко́титця зъ ро́та, ажъ ги́дко збо́ку диви́тьця. Що жъ да́лі? Де́-де хто твере́зий вихо́дить, до до́му йде́, чи іде: той підъ ла́ву звали́вся, той на стілъ спе́рся та хропе́ и ча́сомъ жаха́етця и врагъ ёго зна що́ блее́; той у две́рі не попаде́, объ одві́рокъ ло́бомъ бье́тця; и́нший підъ ха́тою жидівською валя́етця, пси й сви́ні на́вітъ обхо́дять, и сча́стя вели́ке, якъ хто́ до во́за добере́тця:

на візъ злізе, на скотину гукне, пішла німа скотина... Вона не промовить, не осудить; такъ люди осудять, Господь покарае й на сімъ світі й на тімъ.

Поросходились, порозъїздились усі, геть по шляхамъ ростягнулись. Спотикаютця ніші, лежать ніби мертві на возахъ: той гроші згубивъ, того смага пече,—вінъ пити просить и крізъ сонъ жінку, та дітей лае, що ніби води ёму не дають; той горшки потовкъ, вікна побивъ; у того скотина зъ дороги збилась — візъ поламався. Де-котрі прохмілились трохи, та й зновъ коло шиньківвъ поставали— остатні гроші пропивать. Засидились хозяі надъ горілкою, та надъ пустою мовою; другі вилічують гроші, співають, танцюють, а скотинка бідна стоіть голодна, питки хоче; нікому доглянуть, а вона бачъ—не скривитця, не заплаче й слова не промовить. Лишко тяжке, та не однімъ людямъ, и скотині за ними! Коли бъ же то на тому й кінець, що въ ярмарку, та по шляхамъ виробляють, а то додому вернутця,—ще гірше часомъ буває: инший жінку лае, або й бье Богъ зна за віщо, може за те, що обідать зоставила; порозганяе, попереляке дітей, що такъ довго тата виглядали, на тинъ спинались, гостинчика чекали. А прокинетця вночі, або вранці встане,—заспаний, закудлаиий, голова якъ не розвалитця, очі червоні — тільки не повилазять, и стидно, и труситця, и місця не знайде, де бъ то присісти, куди бъ повернутьця, и добре, дуже добре, якъ не потягне зновъ до шиньку.

Оттакі-то ярмарки ваши! Оттакъ-то ви шануете неділеньку святую! И одъ людей сміхъ, и Господь карае, и самимъ невірно! Алежъ то дивно, що самі люди лихо роблять, а на біса звертають: бісъ, кажуть, повидумувавъ ярмарки, та постановивъ по неділямъ та по празникамъ. Ні, не бісъ, а грішниі люди... бо за роботою гірькою справді ніколи вамъ въ буддень ярмаркувати. Та не було бъ зъ того лиха великого, якъ би то кожне зъ васъ тогді тільки йшло въ ярмарокъ, якъ уже доконечне треба и нікого попрохата, що бъ купивъ де-що, або продавъ; не було бъ зъ того лиха, якъ би то кожне Бога въ серці мало, та не обманювало, губою не клепало, и куповало бъ и продавало по щирій правді; якъ би поторгувавши, котрімъ близче, ишли скоріше въ село до служби Божоі, а хто здалека, що бъ у місті до церкви пішовъ; не було бъ, кажу, зъ того лиха, якъ би по шинькамъ не тягались та не впивались. Сами жъ ви кажете, що ніколи та го-

рілка до добра́ не доведе́. Пока́йтеся жъ, якъ добрії люди и не робіть того́ ніко́ли. Тогді и Богъ васъ не оста́вить, и Ма́ти Бо́жа поми́лує, и всі святі на все до́бре до по́мочі вамъ ста́нуть. — Амінь (*).

(*) Оцю бесе́ду зъ селя́нами привізъ намъ, зъ Ки́ївщини, нашъ славний Кобза́рь-народолю́бець, ду́же ії похваля́ючи. Вінъ розумівъ ії образце́мъ учи́тельної розмо́ви зъ на́шимъ ширимъ лю́домъ. Для того, щобъ наро́дъ послу́хавъ нашої науки, тре́ба говори́ти зъ нимъ уміючи, тре́ба про́мовить до его поэтичнёго, чу́лого се́рця.—Сочини́тель цеі бесе́ди я́сно зрозумівъ свою зада́чу, и ми не зна́емъ нико́го дру́гого, хто бъ учи́въ народъ такъ га́рно, та́къ про́сто и о́бразно,—по-нашому.

Високопова́жний сочини́тель не підписа́въ свого́ и́мення: тимъ и ми тутъ не підписуемо; а ради бъ усімъ его оповісти́ти.—Жада́емъ серцемъ, щобъ вінъ вибравъ ще и́ші ре́чи, зъ ши́ршою осно́вою, для своеі наро́дней ка́зані.

УЧИЛИЩА, ОБРАЗОВАВШІЯСЯ НА ЮГѢ

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ВРЕМЯ (¹).

Въ числѣ первыхъ, насущныхъ, потребностей общества стоитъ народное образованіе. Вопросъ о немъ поднятъ у насъ давно и уже получилъ право гражданства въ литературѣ и жизни, хотя и нельзя сказать, что необходимость образованія ясно сознана всѣми или по-крайней-мѣрѣ большинствомъ, и хотя невѣжество и злонамѣренность поднимаютъ иногда противъ него голосъ.

Нѣсколько лѣтъ уже наше общество думаетъ объ улучшеніи воспитанія женщинъ. До сихъ поръ у насъ преобладали закрытыя женскія школы и притомъ такъ-называемыя *благородныя;* школъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, было крайне мало; двери ихъ, по дороговизнѣ въ нихъ воспитанія, были закрыты для небогатыхъ людей, которыхъ у насъ, какъ и вездѣ, большинство. Наконецъ, женщина наша воспитывалась далеко отъ семьи, въ замкнутомъ сословномъ кругу, отчего нерѣдко получала ложное понятіе о народѣ и о жизни съ ея вѣчнымъ трудомъ и борьбою. Всѣ эти неудобства привели къ мысли объ учрежденіи женскихъ школъ, во-первыхъ открытыхъ, во-вторыхъ недорогихъ, въ-третьихъ доступныхъ для дѣтей всѣхъ сословій. Такими школами явились женскія гимназіи.

Кіевъ первый изъ украинскихъ городовъ открылъ у себя женскую гимназію.

Кіевская женская гимназія обязана своимъ существованіемъ пожертвованію бывшаго кіевскаго гражданскаго губернатора, *И. И. Фундуклея*, по имени котораго она и называется Фундуклеевскою

(¹) Въ предлагаемомъ сводѣ извѣстій о нашихъ училищахъ, неизбѣжно есть пропуски, и потому покорно просимъ всѣхъ, кто можетъ въ чемъ-либо дополнить или исправить эту статью,—сообщать намъ свои замѣчанія; мы не преминемъ ими воспользоваться.

женскою гимназіею. Вначалѣ 1859 года, въ Кіевѣ уже поговаривали о женской гимназіи, но, какъ говоритъ *Кіевскій Телеграфъ* (1), «общество было совершенно равнодушно къ ея учрежденію. Еще купечество рѣшилось—было сдѣлать пожертвованіе, хотя и подъ условіемъ основанія гимназіи исключительно для дѣвицъ своего сословія. Оно было сдѣлано изъ опасенія, что, въ противномъ случаѣ, пожертвованіемъ воспользуются только *благородные*. *Благородные* же не показали *ровно никакого участія*.» Такимъ образомъ участь проекта о гимназіи была самая плачевная... Для осуществленія этого проекта, «г. попечитель учебнаго округа *принужденъ былъ* обратиться за содѣйствіемъ къ г—ну генералъ-губернатору. Князь И. И. Васильчиковъ принялъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе, вслѣдствіе которого и сдѣлано г—мъ Фундуклеемъ пожертвованіе (2).» Г. Фундуклей отдалъ для гимназіи каменный двухъэтажный домъ на кадетской улицѣ въ г. Кіевѣ и, кромѣ того, на содержаніе ея, въ продолженіе всего времени, пока она будетъ существовать, ассигновалъ 1200 руб. серебромъ въ годъ. Эту сумму онъ обезпечилъ своимъ имѣніемъ.—Въ концѣ августа, (или въ началѣ сентября) былъ полученъ указъ Правительствующаго Сената по Высочайшему повелѣнію, объ открытіи въ Кіевѣ училища для приходящихъ дѣвицъ. Оно должно было именоваться Фундуклеевскимъ и состоять въ вѣдѣніи главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, подъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Почетное попечительство присвоено г. Фундуклею, а постоянное Кіевскому военному, Подольскому и Волынскому генералъ-губернатору, которому предоставлены всѣ распоряженія по учрежденію училища. Главнѣйшія основанія, на которыхъ учреждено училище, слѣдующія: къ обученію въ училищѣ допускаются дѣти всѣхъ свободныхъ, безъ различія, состояній, отъ 9-ти до 13-ти лѣтъ; по уважительнымъ причинамъ могутъ быть принимаемы и 8-ми-лѣтнія, а равно и старѣе 13-ти лѣтъ. Полный курсъ ученія продолжается 6 лѣтъ; 7-й годъ образуетъ классъ приготовительный, куда принимаются вовсе неграмотныя. Курсъ ученія раздѣляется на два отдѣленія: *низшее* и *высшее*, по три года въ каждомъ. Низшее отдѣленіе образуетъ само-по-себѣ самостоятельный курсъ, «*удовлетворяющій потребностямъ* образованія *низшаго* и *менѣе зажиточнаго* класса

(1) К. Телеграфъ № 5. Іюль, 1859 года.
(2) Тамъ же.

жителей.» Предметы *обученія* дѣлятся въ обоихъ отдѣленіяхъ на обязательные и необязательные. Къ обязательнымъ относятся: молитвы, священная исторія, исторія церкви, катехизисъ, «*который долженъ быть не столько вѣроученіемъ, сколько нравоученіемъ*»; русская грамматика, исторія русской словесности, всеобщая и русская исторія, географія и, для высшаго отдѣленія, одинъ изъ новѣйшихъ языковъ; а къ необязательнымъ: языки, музыка, танцы и рисованье. Рукодѣліе—предметъ общій для обоихъ отдѣленій. Окончившимъ курсъ выдается аттестатъ:—отлично окончившимъ курсъ въ высшемъ отдѣленіи, съ правами изложенными въ §§ 134 и 135 устава женскихъ учебныхъ заведеній; воспитанницамъ низшаго отдѣленія — безъ означенныхъ правъ. Плата въ низшемъ отдѣленіи по 15 руб. ср. въ годъ, въ высшемъ по 30 р., за ученіе обязательнымъ предметамъ; за необязательные плата особая, очень умѣренная.

При самомъ открытіи, гимназія не встрѣтила большаго сочувствія въ обществѣ г. Кіева: «много было невыгодныхъ толковъ относительно ея пользы, говорили, что никто не рѣшится отдать свое дитя въ *общее* заведеніе, куда доступенъ входъ и дочери *простаго ремесленника* и дочери *знатнаго сановника* (1); но потомъ, вѣроятно, убѣдясь въ пользѣ, приносимой *общимъ заведеніемъ*, гдѣ за дешевую плату можно получить то же образованіе, какъ и въ дорогихъ сословныхъ женскихъ пансіонахъ, большинство измѣнило мнѣніе и, въ іюнѣ 1860 года, предположено было открыть еще одно женское училище въ видѣ особаго отдѣленія Фундуклеевской гимназіи,» такъ какъ открытая женская гимназія, при всѣхъ своихъ удобствахъ для многихъ изъ жителей города, не могла одинаково удовлетворять всѣхъ. Кіевъ слишкомъ разбросанъ, раздѣленъ горами и оврагами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно великъ. Не для всѣхъ одинаково удобно посылать дѣтей, по большей части малолѣтнихъ, въ новую гимназію съ Подола и Печерска (2). Поэтому предположили открыть училище на Подолѣ, которое должно было, для сокращенія расходовъ, составлять, пока, часть существовавшей гимназіи, имѣть съ нею одно управленіе и называться, поэтому, «Подольскимъ Отдѣленіемъ при Фундуклеевской женской гимназіи.» Открытіе этого отдѣленія вызвано чисто потребностью общества, что́ доказываетъ пожертвованіе купечествомъ 25-ти

(1) К. Телеграфъ, 1860 г., № 77.
(2) К. Т. 1860 г., № 43.

ское начальство предложило думѣ города Сумъ, позаботиться объ учрежденіи въ Сумахъ женскаго училища, на что общество выразило полную готовность; приговоромъ своимъ оно опредѣлило вносить ежегодно, въ теченіи пяти лѣтъ, на содержаніе этого училища съ купеческихъ капиталовъ 1-й гильдіи по 15 р., 2-й по 10 р., 3-й по 3 р.; мѣщане и цеховые съ каждой ревизской души должны вносить первые по 7, а вторые по 5 к. Дворяне не приняли участія въ этомъ сборѣ, который составилъ однако же около 500 р. Кромѣ того, общество выбрало изъ среды своей почетнаго блюстителя, для предполагаемаго училища, который обязался жертвовать ежегодно, въ пособіе этому училищу, по 400 р. Независимо отъ этого, была составлена подписка для единовременныхъ пособій, по которой было собрано до 1000 р. Предполагая при этомъ плату съ учащихся отъ 10 до 15 р., общество изъ предварительно составленной смѣты увидѣло, что училище обезпечено по крайней мѣрѣ на пять лѣтъ, а потому просило думу утвердить составленный имъ приговоръ и разрѣшить открытіе въ Сумахъ женскаго общественнаго училища на основаніяхъ, изложенныхъ въ представленномъ имъ проектѣ, котораго особенность состоитъ въ томъ, что хозяйственная часть подчинялась думѣ и, кромѣ того, нѣкоторые предметы положено проходить въ уменьшенномъ размѣрѣ противъ уѣздныхъ училищъ. При этомъ общество выразило желаніе имѣть начальницею училища указанное имъ лицо. Прошло полтора года, а дѣло не подвигалось впередъ, и городъ Сумы оставался безъ училища, на учрежденіе котораго готовъ былъ принесть всѣ нужныя жертвы. Вдругъ, въ іюлѣ 1860 г., предводитель дворянства получаетъ отъ губернскаго начальства предложеніе открыть попечительный совѣтъ женскаго училища, выбрать начальницу и приступить къ открытію самого училища. Это предложеніе не упоминало ни словомъ о проектѣ, который былъ составленъ обществомъ, тогда какъ общество выразило желаніе открыть училище только на основаніяхъ, изложенныхъ въ проектѣ. По положенію о женскихъ училищахъ, вышедшему уже послѣ начала этого дѣла, училищемъ управляетъ попечительный совѣтъ, въ которомъ въ числѣ членовъ состоитъ предводитель дворянства и два депутата отъ дворянъ. Но такъ-какъ дворяне не приняли участія въ содержаніи училища, а между тѣмъ должны участвовать въ управленіи его, то градской голова донесъ, что безъ согласія общества онъ не приступитъ къ открытію училища на новомъ основаніи, и просилъ дозволить ему вновь собрать общество для обсуж-

денія сего дѣла. Полгода прошло въ ожиданіи этого дозволенія. Наконецъ, общество было собрано и отказалось передать свои пожертвованія въ распоряженіе лицъ, незахотѣвшихъ участвовать въ ихъ дѣлѣ. Такимъ образомъ учрежденіе сумскаго женскаго училища кончилось ничѣмъ, несмотря на полную готовность общества содѣйствовать ему словомъ и дѣломъ». Пусть читатель самъ судитъ, могутъ ли, такимъ образомъ, итти успѣшно общественныя дѣла.

Въ этотъ же періодъ времени было задумано открытіе училищъ для дѣвицъ духовнаго званія.

Изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій мы узнаемъ только два факта объ открытіи училищъ этого рода. Въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» 1860 года № 88, подъ рубрикою «мѣстныя извѣстія» читаемъ: «Мы слышали за достовѣрное, что въ Кіевѣ, въ непродолжительномъ времени, будетъ учреждено особое учебное заведеніе для воспитанія дѣвицъ духовнаго званія. Говорятъ, что теперь разсматривается духовнымъ вѣдомствомъ проектъ по этому предмету. Для новаго училища предполагаютъ употребить домъ на Кловѣ, въ которомъ помѣщалась прежде первая гимназія, и который, года три тому назадъ, сильно пострадалъ отъ бывшаго въ Липкахъ большаго пожара.» Далѣе, тамъ же: «мы готовы даже напередъ предсказать новому училищу полный успѣхъ, если только оно, соотвѣтственно духу времени, не будетъ вполнѣ закрытое, т. е. если будутъ допущены въ него приходящія ученицы. Этимъ могутъ быть хотя отчасти устранены тѣ недостатки, которые давно уже замѣчены въ заведеніяхъ закрытыхъ. До пріисканія удобнаго помѣщенія, собранныя ученицы, какъ говорятъ, *будутъ временно помѣщены въ Кіево-Фроловскомъ женскомъ монастырѣ* на Подолѣ.» Къ сожалѣнію, дальнѣйшая судьба этого училища неизвѣстна. Ужели до сихъ поръ продолжается разсмотрѣніе проекта?

По поводу открытія женскаго духовнаго училища при Лебединскомъ монастырѣ, въ № 1-мъ журнала «Руководство для сельскихъ пастырей», за 1860 г., появилась статья, въ которой говорилось о необходимости завести подобное училище и въ Кіевѣ и между прочимъ былъ высказанъ взглядъ на воспитаніе женщинъ духовнаго званія,—взглядъ замѣчательно странный: авторъ находилъ, что для дѣвицъ духовнаго званія необходимо *особое* училище, на томъ основаніи, что въ свѣтскихъ пансіонахъ въ воспитаніе не входитъ мысль—приготовленія дѣвушекъ *на религіозное служеніе народу*, которое необходимо въ особенности для женщинъ духовнаго званія, въ воспитаніи ко-

торыхъ *церковная обрядность должна быть главнымъ*. На эту статью, въ № 54-мъ «Кіевск. Телеграфа» 1860 г, было помѣщено возраженіе подъ заглавіемъ: «Мысли сельскаго священника.» Возражатель, вполнѣ соглашаясь съ мыслію о необходимости образованія для женщинъ духовнаго званія, справедливо утверждалъ, что открытіе подобныхъ сословныхъ училищъ рѣшительно не имѣетъ въ основаніи насущной потребности... «Развѣ,» спрашиваетъ авторъ возраженія, «по городамъ и мѣстечкамъ мало училищъ и пансіоновъ, гдѣ могутъ воспитываться и дочери священниковъ? Неужели всѣ эти училища учреждены и основаны на иныхъ началахъ? Развѣ разныя училища могутъ и должны имѣть разныя начала своихъ основныхъ цѣлей? Развѣ всякая мать въ обществѣ христіанскомъ не одно и то же, что жена священника и мать его дѣтей? Развѣ дочь священника нужно воспитывать и образовать только для того, чтобы она была женою священника?» Эти дѣльныя мысли встрѣчены были въ томъ же «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», въ свою очередь, возраженіемъ. Авторъ возраженія, священникъ Крамаренковъ, доказывалъ необходимость особыхъ женскихъ училищъ на томъ основаніи, что для купечества есть коммерческія училища, для будущихъ воиновъ—кадетскіе корпуса, для медиковъ—медицинскій факультетъ,.. Ergo—для дочерей священниковъ тоже что-нибудь особенное нужно... «Согласитесь,» говоритъ авторъ убѣдительно: «вѣдь нельзя же воспитывать всѣхъ *безъ различія званій* въ одномъ училищѣ».

Говоря объ учрежденіи обществомъ южнаго края женскихъ училищъ, нельзя не обратить вниманія на одно поразительное явленіе,—на разъединеніе сословій при осуществленіи этого важнаго дѣла, неоставшееся безъ вліянія на ходъ его. Дворяне, привыкшіе воспитывать своихъ дочерей въ благородныхъ пансіонахъ, показали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непостижимое равнодушіе къ женскимъ гимназіямъ. Купечество, сочувствовавшее этому дѣлу, бралось за него медленно, разсуждая такъ: «мы и готовы жертвовать на учрежденіе женской гимназіи, но чтожъ, если управленіе ея перейдетъ въ чужія руки? если люди, показавшіе полное равнодушіе къ этому дѣлу, станутъ первые пользоваться плодами его?» Нѣкоторые изъ духовныхъ серьёзно доказывали, что необходимо учредить *отдѣльныя* женскія школы для дѣвицъ духовнаго званія. Всѣ эти факты—грустныя послѣдствія вѣковаго раздѣленія сословій. Со времени рѣшительнаго, крутаго поворота въ жизни Украинской (съ XVIII столѣтія), мало-по-малу

общественные интересы замѣнились интересами дворянскими, купеческими, мѣщанскими, духовнаго сословія. Каждое сословіе имѣло и имѣетъ свое особое управленіе. Отсюда происходитъ апатія нашего общества къ мѣстному устройству, безсиліе его предпріятій въ дѣлѣ улучшенія своего быта. Нельзя сказать, чтобы у насъ не было людей мыслящихъ и желающихъ быть полезными обществу; но до сихъ поръ наши силы раздроблены, парализированы отсутствіемъ общественнаго сознанія важности громадьского дѣла. Всѣ преобразованія совершались правительственнымъ путемъ и, не находя крѣпкой почвы въ обществѣ, оставались почти безъ дѣйствія, на бумагѣ.

Переходимъ къ другаго рода училищамъ,—воскреснымъ школамъ, которыя обязаны своимъ существованіемъ обществу. Воскресныя школы получили свое начало на югѣ, въ Украинѣ, быстро распространились и встрѣтили повсемѣстно горячее сочувствіе, какъ въ образованномъ обществѣ, такъ и въ массѣ народа.

Мысль объ этихъ, въ высшей степени полезныхъ для образованія, преимущественно ремесленнаго класса, школахъ возникла въ 1859 году въ Кіевѣ, въ средѣ университета св. Владиміра и принадлежала извѣстному профессору, благородному дѣятелю на поприщѣ народнаго образованія, Платону Васильевичу Павлову. Едва возникнувъ, она немедленно была приведена студентами въ исполненіе подъ руководствомъ профессора. Насколько въ этой мысли угадана народная потребность и насколько удачно она примѣнена къ жизни, доказывается сочувствіемъ тѣхъ, для кого школы были заведены. Значительное число являющихся въ школы по праздникамъ, послѣ тяжелаго недѣльнаго труда, говоритъ краснорѣчивѣе всевозможныхъ разсужденій о ихъ пользѣ и необходимости. Въ свою очередь, пожертвованія и постоянно значительное число желающихъ преподавать, говоритъ о степени симпатіи къ школамъ образованнаго общества, преимущественно въ лицѣ своихъ молодыхъ представителей. И хотя, какъ увидимъ далѣе, при столкновеніи преподавателей воскресныхъ школъ съ нѣкоторыми лицами, случалось видѣть странные, уродливые факты, но они исчезали въ массѣ утѣшительныхъ явленій.

Первое извѣстіе о воскресныхъ школахъ встрѣчаемъ въ Кіев. Тел. 23 сентября 1859 года; въ отдѣлѣ «внутреннихъ извѣстій» напечатано: «Мы слышали, что въ Кіевѣ скоро будутъ учреждены, съ разрѣшенія начальства, воскресныя школы во всѣхъ частяхъ города, для мастеровыхъ мальчиковъ и вообще неграмотныхъ людей, неимѣ-

ющихъ времени, въ продолженіи недѣли, заняться чтеніемъ и письмомъ».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, 17 человѣкъ студентовъ университета и 1 студентъ духовной академіи получили разрѣшеніе отъ попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа (г. Пирогова) на открытіе первой воскресной школы, въ части города, называемой Подоломъ, въ дворянскомъ училищѣ. Школа была открыта 11 октября 1859 года; желавшіе поступить въ школу должны были предварительно записываться у штатнаго смотрителя дворянскаго училища, г. Слѣпушкина, или у профессора университета, г. Павлова, которымъ и былъ порученъ надзоръ за ходомъ преподаванія. Школа, сообразно знанію поступавшихъ въ нее, была раздѣлена на два класса, высшій и низшій. Низшій раздѣлялся въ свою очередь на два отдѣленія: въ первое поступали совершенно неграмотные, во второе—кое-какъ разбиравшіе буквы и усвоившіе механизмъ чтенія; высшій классъ былъ назначенъ для тѣхъ, которые уже читали достаточно бѣгло.

Вслѣдъ за школою на Подолѣ, другимъ обществомъ студентовъ, 25 октября, была открыта новая воскресная школа въ части города называемой Новымъ-Строеніемъ, (гдѣ находится университетъ). Эта школа учреждена была на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Подольская; надзоръ за ходомъ преподаванія въ ней былъ порученъ смотрителю, г. Проценку, вмѣстѣ съ профессоромъ г. Павловымъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, были открыты двѣ школы и притомъ съ самыми незначительными средствами. О ходѣ ученія въ этихъ двухъ школахъ, также о числѣ учащихся и средствахъ, которыми школы существовали въ первое время, мы узнаемъ изъ отчетовъ, которые печатались въ мѣстной газетѣ. Такъ изъ отчета за первое время существованія Кіево-Подольской воскресной школы (*), мы видимъ, что въ день ея открытія пришло учиться до 50 человѣкъ. Затѣмъ это число возрастало и доходило до 110 и болѣе. Но, какъ во всякомъ дѣлѣ, такъ и здѣсь, между людьми, истинно чувствовавшими потребность образованія, были и такіе, которыхъ занимала болѣе новость учрежденія. Вслѣдствіе этой и другихъ причинъ, лежащихъ внѣ школы, однѣ понемногу отставали,—зато школа наполнялась другими, такъ, что постоянный численный составъ учащихся подвергался незначительнымъ колебані-

(*) Кіевск, Тел. 1860 г. № 17.

ямъ. Послѣ сдѣланнаго строгаго пересмотра пріемной тетради оказалось, что число записанныхъ и болѣе или менѣе постоянно посѣщающихъ школу доходитъ до 101 человѣка. Въ дѣйствительности же еженедѣльно бываетъ въ классахъ отъ 67 до 80 человѣкъ». Записанные въ пріемную книгу ученики распредѣлялись, по національности, слѣдующимъ образомъ: Малороссіянъ 75; Великороссіянъ 17; Поляковъ 3; Евреевъ 3 и Нѣмцевъ тоже 3. «Самое большее число, какъ слѣдовало ожидать, остается за жителями южно-русскихъ губерній. Слѣдовательно, элементъ мѣстный—главный въ школѣ. Что́ касается распредѣленія учениковъ по сословіямъ, то изъ 101 человѣка, 76 принадлежало ремесленному классу,—только 5 человѣкъ лакеевъ, а 20 человѣкъ большею частію дѣти, которыхъ занятія еще не опредѣлились. Изъ этого же отчета узнаемъ, что въ числѣ учащихся было 5 человѣкъ дворянъ, 5 купцовъ и 4 однодворца. Слѣдовательно, воскресныя школы могутъ быть полезны не для одного только *простаго* народа. Относительно возраста учащихся, изъ отчета видно, что «всего охотнѣе посѣщаютъ школу отъ 10—15 и отъ 16 до 20 лѣтъ (первыхъ 53, а вторыхъ 36), возрастъ, въ который непритупившаяся воспріимчивость особенно содѣйствуетъ успѣшному ходу обученія». «Всякая новая мѣра, всякое улучшеніе обсуживались предварительно въ педагогическомъ совѣтѣ, въ присутствіи штатнаго смотрителя дворянскаго училища, Слѣпушкина. «Учащіеся были снабжаемы въ школѣ всѣми необходимыми пособіями, т. е. книгами, бумагой, аспидными досками, перьями и т. п.» Средства существованія школы доставлялись пожертвованіями; «самымъ дѣятельнымъ участникомъ и ревностнымъ собирателемъ матеріальныхъ средствъ былъ г. Дехтеревъ. Пожертвованной суммы для всѣхъ трехъ школъ (въ то время, когда составлялся этотъ отчетъ, въ Кіевѣ было уже три школы, какъ увидимъ далѣе) было всего 230 руб. 55 коп. Изъ этой суммы издержано на учебныя пособія 136 руб. 78 к. и затѣмъ въ наличности осталось 93 р. 77 к. Само собою разумѣется, что эти средства не велики и что прочное существованіе школъ требуетъ и прочнаго фонда. Весьма важно въ этомъ отношеніи было бы дозволеніе публичной подписки въ пользу воскресныхъ школъ.» Выраженное въ этомъ отчетѣ желаніе исполнилось: въ № 51 «Кіевск. Телегр.» 10 іюля, было напечатано: «Для пріобрѣтенія необходимыхъ учебныхъ пособій, которыя должны быть безмездно раздаваемы учащимся, генералъ-губернаторъ, князь Ил. Ил. Васильчиковъ, исходатайствовалъ разрѣ-

шеніе у министра внутр. дѣлъ на принятіе добровольныхъ пожертвованій, съ соблюденіемъ установленныхъ, въ ст. 298 и 299 Уст. Общ. Призр., условій. Пожертвованія принимаются деньгами и книгами, также періодическими изданіями. Кромѣ этого, въ пользу кіевскихъ воскресныхъ школъ разрѣшено отпускать изъ доходовъ г. Кіева по 150 р. с. въ годъ; сумма небольшая, но постоянно обезпеченная.— Конечно, отъ общества надо ждать многаго; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ положительныхъ извѣстій, какъ воспользовалось оно разрѣшеніемъ дѣлать пожертвованія въ пользу школъ. Впрочемъ, пожертвованія книгами для Подольской школы были еще въ началѣ 1860 года, и въ февралѣ начала составляться, разумѣется очень небольшая, библіотека.

Открытая, вслѣдъ за Подольскою, Ново-строенская школа тоже напечатала свой отчетъ, изъ котораго мы представимъ здѣсь небольшія извлеченія: «Въ день открытія школы поступило 34 человѣка. Количество это возрастало съ каждымъ днемъ, такъ-что въ началѣ марта 1860 года число записавшихся простиралось до 148. Цифра эта подвергалась безпрестаннымъ колебаніямъ. Число дѣйствительно посѣщающихъ школу не превышало 60.» Изъ таблицы, приложенной при отчетѣ Подольской школы, видно, что и въ этой школѣ преобладающее число осталось за Малороссами, которыхъ было 121 человѣкъ, между-тѣмъ какъ число учащихся другихъ національностей выражалось слѣдующими цифрами: Великороссовъ 21, Поляковъ 5 и Нѣмцевъ 1. Отличіе отъ Подольской школы, какъ говорится въ отчетѣ состояло въ томъ, что тамъ преобладающее число мѣщанъ, а здѣсь—наоборотъ: количество крестьянъ почти въ два съ половиною раза больше количества мѣщанъ. Это объясняется, по словамъ отчета, тѣмъ, что Новое-Строеніе и ближайшая къ нему часть города—Крещатикъ имѣютъ наибольшее число мастерскихъ, въ которыхъ мастеровые—по большей части—крестьяне, отданные помѣщиками *въ выучку*; однимъ словомъ, это различіе имѣетъ чисто мѣстное значеніе. Результаты обученія въ обѣихъ школахъ были значительны; по обоимъ отчетамъ видно, что ученики въ нѣсколько уроковъ успѣвали усвоивать основательно то, что въ прочихъ, регламентированныхъ, школахъ обыкновенно плохо усвоивается въ четверо—большій срокъ. Что значатъ—съ одной стороны—свободное желаніе учиться, а съ другой—нестѣсняемое, рабски и педантически выполняемыми программами, преподаваніе. Будемъ продолжать обозрѣніе открытія воскресныхъ школъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ концѣ того же 1859 года было предположено открыть женскую воскресную школу, такъ-какъ успѣхъ мужскихъ воскресныхъ школъ указалъ очень ясно на сильно сознаваемую простыми классами народа потребность учиться грамотѣ. Г-жа Нельговская и классныя дамы ея пансіона, «желая, по возможности, удовлетворить этому стремленію и принимая во вниманіе, что для дѣвочекъ еще нѣтъ никакого заведенія, гдѣ бы недостаточныя изъ нихъ могли получать образованіе (¹), рѣшились открыть, съ дозволенія начальства, воскресную женскую школу, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ были открыты мужскія. Школа была открыта черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ была задумана, именно 31 января 1860 года и помѣстилась въ зданіи 2-ой гимназіи. Учебныя пособія для учащихся положено было выдавать безплатно.

Въ декабрѣ 1859 же года, по примѣру Кіева, были открыты разомъ четыре воскресныя школы въ Могилевѣ.

Начало 1860 г. было не слишкомъ благопріятно для воскресныхъ школъ, — по крайней мѣрѣ въ это время почти не было извѣстій объ ихъ открытіи; только въ началѣ мая была открыта воскресная школа въ Нѣжинѣ, въ которой изъявили желаніе преподавать студенты Нѣжинскаго лицея. О характерѣ, средствахъ этой школы и результатахъ ученія въ ней, мы ничего не можемъ сказать; знаемъ только, что она есть явленіе благотворной дѣятельности П. В. Павлова, который, проѣздомъ черезъ Нѣжинъ, подалъ молодымъ людямъ мысль—завести у себя такого рода школу. Около этого же времени, т. е. въ концѣ мая, учреждена воскресная школа въ Житомірѣ, открытію которой кажется плохо симпатизировало общество. Подобный фактъ можно объяснить только мѣстными причинами; впрочемъ въ немъ нашлись люди и сочувствующіе: такъ, г. Спиглазовъ пожертвовалъ сумму на покупку необходимыхъ книгъ.

Впродолженіи всего лѣта 1860 г. не было открыто ни одной воскресной школы. Затѣмъ, въ № 80 *Кіевскаго Телеграфа*, мы читаемъ: «Съ ноября мѣсяца, студенты Кіевской Духовной Академіи намѣрены открыть въ своихъ аудиторіяхъ безплатную *будничную* школу. Точное распредѣленіе времени и программа занятій будутъ объявлены особо.» Но въ ноябрѣ мѣсяцѣ ни *точнаго распредѣленія времени*, ни программы занятій не было объявлено; поэтому мож-

(¹) Кіевск. Тел. 1859 года № 52.

но заключить, что школа не была открыта. Нельзя не сожалѣть, что такое полезное дѣло, какъ учрежденіе будничной школы, не состоялось. Думаемъ, что въ этомъ нельзя винить студентовъ академіи; вѣроятно, они встрѣтили дѣйствительное препятствіе.

Студенты университета св. Владиміра продолжали и въ 1860 году свою дѣятельность по открытію воскресныхъ школъ. Они открыли, въ концѣ октября, школу въ части города, называемой Печерскомъ, и въ то же время предположили открыть еще школу на Новомъ-Строеніи. Кіевскіе гимназисты въ свою очередь тоже принесли посильную дань полезному дѣлу:—въ «Кіевск. Телегр.» 1860 г. № 86 отъ 10 ноября, помѣщено слѣдующее извѣстіе: «Въ первой Кіевской гимназіи уже около мѣсяца существуетъ воскресная школа, учрежденная по желанію гимназистовъ. Сначала, какъ говорятъ, былъ сдѣланъ опытъ надъ обученіемъ гимназической прислуги, а потомъ допущены и приходящіе извнѣ. Теперь уже приходящихъ бываетъ, говорятъ, человѣкъ до 60; впрочемъ, самая школа не открыта еще такъ-сказать офиціально, т. е. еще не сдѣлано о ней надлежащихъ объявленій». По поводу этой школы, въ той же газетѣ выражено слѣдующее мнѣніе: «Намъ кажется даже, что при всякомъ высшемъ и среднемъ учебномъ заведеніи непремѣнно должна быть воскресная школа. Отъ этого выгода можетъ быть двоякая: и для учащихся и для учащихъ.»

6 Ноября 1860 г. была открыта женская воскресная школа,—помѣстившаяся въ домѣ женской Фундуклеевской гимназіи. Открыли ее дамы. Эту школу предположено было открыть гораздо раньше и все уже было приготовлено, но учредительницы *не рѣшались* выступить въ роляхъ общественныхъ дѣятелей.... Въ это же самое время—тоже дамы, преимущественно изъ купеческаго сословія, задумали открыть женскую воскресную школу на Подолѣ—и то же отсутствіе *рѣшимости* долго мѣшало дѣлу.... Наконецъ школы были открыты.

Въ этомъ же году были открыты воскресныя школы въ Харьковѣ, но развитію ихъ, кажется, сначала что-то мѣшало; вообще о харьковскихъ воскресныхъ школахъ было мало писано. Между тѣмъ, отъ Харькова, университетскаго и торговаго города, можно, повидимому, ожидать многаго.

Въ Полтавской губерніи воскресныя школы были учреждены въ слѣдующихъ городахъ: въ Полтавѣ, — учащихся 169; въ Кременчугѣ—двѣ, мужская и женская, по 40 учащихся въ каждой; въ Пе-

реяславлѣ—учащихся 116; въ Золотоношѣ,—гдѣ, по незначительности населенія учащихся, было только 13 и наконецъ—въ Лубнахъ. Какъ число учащихся, такъ и число самихъ школъ въ губерніи, подтверждаютъ наше мнѣніе о полтавскомъ обществѣ, высказанное по поводу открытія женской гимназіи въ г. Полтавѣ.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ исторіи воскресныхъ школъ въ настоящемъ 1861 году, остановимся на одномъ важномъ фактѣ въ жизни воскресныхъ школъ,—именно на изданныхъ въ 1860 г. «Правилахъ для воскресныхъ школъ», которыми должны были руководствоваться учредители воскресныхъ школъ, и послѣдовавшемъ въ 1861 году циркулярѣ, подтверждавшемъ и объяснявшемъ эти правила.

Правила эти раздѣляются на три части: въ первой излагаются общія положенія для воскресныхъ школъ:

«Воскресныя школы, для первоначальнаго образованія въ народѣ, могутъ быть учреждаемы какъ по желанію сословій, изъявленному установленнымъ порядкомъ, такъ и частными лицами съ разрѣшенія начальства учебнаго округа, по сношенію съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ. Воскресныя школы состоятъ въ вѣдѣніи директора училищъ и подъ непосредственнымъ надзоромъ штатныхъ смотрителей училищъ или другихъ лицъ учебнаго вѣдомства, назначаемыхъ начальствомъ округа. Часы для учебныхъ занятій опредѣляются по взаимному соглашенію между лицами, открывающими школу и директоромъ училищъ, *съ наблюденіемъ притомъ, чтобы классныя занятія начинались послѣ поздней обѣдни и вообще не лишали учениковъ возможности исполнять религіозныя обязанности и не вредили ихъ физическому развитію* (§ 4). Въ воскресныя школы принимаются лица всѣхъ возрастовъ; но школы для мужчинъ должны быть помѣщаемы отдѣльно отъ школъ для дѣвицъ (§ 7).»

Во второй части правилъ—изложены основанія, которыми должны руководствоваться преподаватели. «По курсу и объему ученія, воскресныя школы относятся къ одному разряду съ приходскими училищами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (§ 8).» «(§ 9. Въ воскресныхъ школахъ преподаются: 1) Законъ Божій, 2) чтеніе и письмо на русскомъ языкѣ, 3) ариѳметика и 4) по мѣрѣ надобности, рисованіе и черченіе. § 10. Обученіе Закону Божію производится священно-служителями и, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, воспитанниками духовныхъ академій и семинарій. Учащимся должны быть объясняемы важнѣйшія молитвы, краткая священная

исторія, краткій катехизисъ, воскресныя евангелія, значеніе праздниковъ православной церкви и обрядовъ богослуженія. При преподаваніи Закона Божія, вниманіе законоучителя должно быть преимущественно обращено на объясненіе нравственнаго значенія излагаемыхъ фактовъ, на развитіе религіознаго чувства учащихся и смягченіе нравовъ. § 11. Чтеніе не слѣдуетъ ограничивать однѣми книгами гражданской печати; полезно знакомить учащихся и съ чтеніемъ рукописей, а учениковъ православнаго исповѣданія *и съ церковно-славянскою печатью.* § 12. Преподаваніе ариѳметики должно быть чисто практическое, развивающее соображеніе учащихся и заключающееся преимущественно въ рѣшеніи задачъ, взятыхъ изъ быта близкаго къ учащимся. § 13 Рисованіе и черченіе, по самому существу воскресныхъ школъ, должны быть преимущественно примѣнены къ ремесламъ. Относительно книгъ,—въ § 14 сказано, что въ воскресныхъ школахъ, должны употребляться только тѣ книги, которые признаны начальствомъ Округа полезными для приходскихъ училищъ.

Въ третьей части «Правилъ» говорится о средствахъ содержанія и о помѣщеніи училищъ. «Воскресныя школы содержатся или на счетъ общественныхъ суммъ, ассигнуемыхъ приговорами сословій, по установленію, или на счетъ частныхъ учредителей. Къ предметамъ содержанія относятся снабженіе учащихся учебными пособіями, отопленіе школъ и плата нижнимъ служителямъ. *Эти издержки ни въ какомъ случаѣ не должны падать на училищное вѣдомство.* (§ 16). Помѣщенія для воскресныхъ школъ могутъ быть отводимы безплатно или въ зданіяхъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, или въ казенныхъ зданіяхъ другихъ вѣдомствъ, съ разрѣшенія ихъ начальства. На помѣщеніе же воскресныхъ школъ въ зданіяхъ, принадлежащихъ военному вѣдомству, должно быть испрашиваемо Высочайшее соизволеніе Его Императорскаго Величества (§ 17).

Спустя нѣкоторое время послѣ изданія этихъ правилъ, начальство сочло нужнымъ объяснить ихъ точнѣе, дабы не могло быть никакихъ недоразумѣній и особенно «уклоненія столь полезныхъ для народнаго образованія заведеній отъ прямаго пути, указываемаго имъ самымъ ихъ назначеніемъ (1).» Для этого, въ 1861 году, былъ изданъ циркуляръ, въ которомъ пояснялось, что воскресныя школы должны служить *только пособіемъ приходскимъ училищамъ* и препору-

(1) Циркуляръ по управленію С.-Петербургскимъ Учебнымъ Округомъ.

чалось мѣстному начальству не упускать изъ виду такое ихъ назначеніе и заботливо слѣдить за тѣмъ, чтобы воскресныя школы не выступали изъ границъ опредѣленнаго имъ круга дѣйствій. Циркуляръ былъ изданъ потому, что изъ полученныхъ свѣдѣній министерство усмотрѣло, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ говорится въ циркулярѣ по управленію С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, — усердіе учредителей или распорядителей школъ иногда завлекаетъ ихъ далѣе границъ, указанныхъ школамъ ихъ назначеніемъ. Такъ напримѣръ, въ Кіевѣ въ одной школѣ преподавалась исторія, а въ одной изъ Московскихъ школъ преподаватели занимались съ учениками французскимъ и нѣмецкимъ языками.

Новыя правила, поясняющія прежнія, были слѣдующія: 1) обученіе въ воскресныхъ школахъ ограничивается Закономъ Божіимъ, чтеніемъ и письмомъ на русскомъ языкѣ, первыми началами ариѳметики, рисованіемъ и линейнымъ черченіемъ, гдѣ потребуетъ мѣстная необходимость. *Преподаваніе предметовъ, не входящихъ въ программу обученія въ приходскихъ училищахъ, отнюдь не допускается въ воскресныхъ школахъ.* 2) При преподаваніи поименованныхъ выше предметовъ въ воскресныхъ школахъ употребляются тѣ учебныя руководства и пособія, которыя одобрены министерствомъ народнаго просвѣщенія или допущены къ употребленію въ начальныхъ училищахъ другихъ вѣдомствъ. 3) Особенное вниманіе должно быть обращаемо на то, чтобы учредители и распорядители воскресныхъ школъ *были люди вполнѣ благонадежные*; а потому, не ограничиваясь официальною перепискою, директоры училищъ обязаны, въ случаѣ, если желающіе учредить школы лично имъ неизвѣстны, предварительно собирать объ нихъ точныя удостовѣренія и, затѣмъ, относительно допущенія ихъ къ открытію школъ или распоряженію въ нихъ, входить лично въ соглашеніе съ мѣстными гражданскими начальствами. 4) За ходомъ обученія въ воскресныхъ школахъ, должны, подъ главнымъ надзоромъ начальства Округа, имѣть постоянное наблюденіе штатные смотрители уѣздныхъ училищъ, директоры гимназій и другія лица, коимъ сіе будетъ отъ начальства поручено. 5) Въ случаѣ, если со стороны распорядителей или преподавателей замѣчены будутъ дѣйствія, несогласныя съ началами, указанными въ настоящемъ предложеніи, а тѣмъ болѣе направленіе, противное религіознымъ истинамъ, государственному управленію и правиламъ нравственности, таковые неблагонадежные преподаватели или распорядители должны быть немед-

ленно отстраняемы и недопускаемы затѣмъ къ обученію или распоряженію въ другихъ воскресныхъ школахъ. 6) Въ женскихъ воскресныхъ школахъ не должны быть допускаемы въ учредители и распорядители *молодые люди всякаго рода службы и званія*; но весьма желательно бы, чтобы таковыми были всегда лица женскаго пола.

О результатахъ, которые произошли отъ примѣненія этихъ правилъ къ руководству въ воскресныхъ школахъ, можно судить сравнивъ число преподавателей и учащихся въ школахъ — до и послѣ изданія правилъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ этихъ статистическихъ данныхъ. Изъ отчета Фундуклеевской воскресной школы въ Кіевѣ, который у насъ есть, мы ничего не можемъ заключить, потому что онъ составленъ только за первые два мѣсяца 1861 года; а позднѣйшихъ отчетовъ воскресныхъ школъ на югѣ мы не имѣемъ. Но о томъ, какого рода результаты могутъ принести эти правила въ примѣненіи къ воскреснымъ школамъ, вообще можно нѣсколько судить по «краткому отчету о Рогачевской воскресной школѣ за мартъ 1861 года (¹)», въ которомъ читаемъ слѣдующее: «Всѣ вообще ученики, посѣщавшіе школу въ мартѣ мѣсяцѣ, были грамотны, и потому занимались больше письмомъ на русскомъ языкѣ и ариѳметикою; причемъ преподаватели вовсе не выходили изъ программы обученія въ приходскихъ училищахъ, строго придерживаясь правилъ для воскресныхъ школъ С.-Петербургскаго учебнаго округа и циркуляра по управленію того же округа. Несмотря на выгодное помѣщеніе въ домѣ, занимаемомъ уѣзднымъ училищемъ, достаточное число преподавателей, простирающееся до восьми, одинаковое всегда ихъ усердіе въ исполненіи своихъ обязанностей, надлежащую педагогическую обстановку и избытокъ даже средствъ къ успѣху обученія въ школѣ, все-таки *число учениковъ въ ней, въ послѣднее время*, уменьшилось въ четыре раза. Не мѣсто здѣсь говорить о причинѣ столь прискорбнаго для насъ явленія; остается только просить высшее начальство объ измѣненіи нѣкоторыхъ пунктовъ вышесказанныхъ правилъ, насколько это возможно, по мѣстнымъ причинамъ, особенно относительно часовъ обученія; потому что ученики наши, послѣ поздней обѣдни, обыкновенно бываютъ заняты дома исполненіемъ разныхъ хозяйственныхъ надобностей, преимущественно же въ теплое время года; *да притомъ не довольствуются однимъ лишь чтеніемъ и письмомъ на русскомъ языкѣ, равно какъ первыми началами ариѳметики.*

(¹) Могил. Губ. Вѣд. 1861 года.

Въ 1861 году, сочувствіе общества къ воскреснымъ школамъ не ослабѣвало, а напротивъ возрастало болѣе и болѣе, разумѣется—не всего, а у образованныхъ его представителей,—и школы продолжали открываться несмотря на нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства; притомъ появились не однѣ воскресныя но и будничныя безплатныя школы. Подобная школа была открыта въ г. Новомиргородѣ Херсонской губерніи. Изъ воскресныхъ была открыта школа въ Сергѣевѣ, Бессарабской области, существованіе которой, на весь настоящій годъ, обезпечилъ тамошній исправникъ г. Лазо; другая воскресная школа Бессарабской области, — женская, открытая въ Кишиневѣ, преобразилась въ постоянную женскую школу и, въ началѣ 1861 года, въ ней было уже 180 ученицъ.

Въ Черниговской губерніи были открыты школы въ гг. Черниговѣ и Новгородсѣверскѣ; въ послѣдней, къ маю мѣсяцу, было 50 учениковъ; преподаваніемъ въ ней занимаются исключительно гимназисты подъ наблюденіемъ своихъ учителей. Въ этомъ же городѣ нѣсколько дамъ,—преимущественно жены учителей,—задумали открыть женскую воскресную школу въ самомъ скоромъ времени.

Оканчивая краткій отчетъ о воскресныхъ школахъ въ Украинѣ, мы видимъ, что онѣ, при значительной долѣ сочувствія образованныхъ членовъ общества, существовали довольно незначительными, по большей части, ничѣмъ необезпеченными, средствами. И въ настоящемъ году — также какъ и прежде,—онѣ поддерживались единственно пожертвованіями и сборами за благотворительные спектакли, концерты и т. п. Въ этомъ отношеніи, намъ кажется прекраснымъ предпріятіе студентовъ университета св. Владиміра, о которомъ помѣщено слѣдующее извѣстіе въ № 5 К. Т. 1861 года: «Студенты кіевскаго университета, заботясь о матеріальныхъ средствахъ воскресныхъ школъ, которымъ они положили начало, учредили музыкальные вечера по субботамъ (въ самое свободное время для всякаго). Эти вечера, имѣютъ два весьма важныя значенія: 1) крайне умѣренною цѣною за входъ, 25 — 50 коп. ср., — они доставляютъ возможность эстетическаго наслажденія людямъ, лишеннымъ возможности слушать дорогіе концерты, и 2) пріобрѣтаютъ воскреснымъ школамъ существенное пособіе, безъ всякихъ вымогательныхъ мѣръ, въ родѣ раздачи билетовъ чрезъ полицію,—какъ это водится въ нѣкоторыхъ филантропическихъ обществахъ, неразборчивыхъ въ дѣлѣ способовъ благотворенія». Кромѣ того, въ началѣ года, въ Кіевѣ дано было лю-

бителями два спектакля въ пользу воскресныхъ школъ,—было собрано довольно, несмотря на то, что директоръ театра, *Борковскій взялъ съ воскресныхъ школъ за два представленія—600 руб. сребр.*! Вѣроятно кіевскія воскресныя школы, на ряду съ именами благотворителей, не забудутъ и почтеннаго г. Борковскаго. Изъ отчета женской воскресной школы въ Кіевѣ при Фундуклеевской гимназіи,—о которомъ мы говорили выше,—мы узнаемъ, что ея матеріальныя средства за 4 мѣсяца существованія (отъ Ноября 1860 по Мартъ 1861 г.) заключались въ 132 р. 85 к., которыя составились: изъ суммы ассигнованной кіевской городской думой на воскресныя школы (15 р.); части общаго сбора пожертвованій (64 р.), изъ 25 рублей, пожертвованныхъ княгиней В. Голицыной, части изъ половинной суммы, собранной за спектакль, данный г-жею Нельговскою, и за концертъ и живыя картины, данныя кн. Васильчиковой въ пользу воскресныхъ школъ и студенческой лекторіи (28 р. 85 к.). На учебныя пособія было издержано 65 р. 40 к. Въ отчетѣ сказано, что оставшейся суммы достаточно для обезпеченія существованія школы *на годъ* и прибавлено: «Смѣемъ надѣяться, что и нравственное существованіе нашей школы будетъ поддерживаться, какъ преподавательницами, такъ и сочувствіемъ публики къ образованію народа. Желательно-бъ имѣть большее число преподавательницъ; къ сожалѣнію мы должны сказать, что *на многія приглашенія къ участію отвѣты получены отрицательные*». Чтобъ представить возможно-полную характеристику воскресныхъ школъ, дѣлаемъ изъ того же отчета слѣдующую, нѣсколько объясняющую причины непосѣщенія воскресныхъ школъ ремесленниками выписку: «Большая часть ученицъ живетъ у своихъ родителей, есть нѣсколько горничныхъ; замѣчательно, что изъ магазиновъ дамскихъ, гдѣ живутъ цѣлые десятки дѣвушекъ, ученицъ очень мало, всего — 4; притомъ послѣднія, какъ и горничныя, рѣдко посѣщаютъ школу, (несмотря на ихъ желаніе посѣщать постоянно), потому что онѣ *бываютъ заняты работой и въ праздничные дни*».

Нѣтъ сомнѣнія, что воскресныя школы въ городахъ, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства,—найдя сочувствіе въ народѣ, на что́ можно расчитывать, судя по тѣмъ даннымъ, которыя мы видѣли, принесутъ большую пользу и окажутъ ощутительное вліяніе на самый бытъ народа, просвѣтляя его взглядъ на жизнь и отношенія и приготовляя матеріалы для дальнѣйшаго развитія. Но они все-таки

существуютъ для меньшинства; вдали отъ городовъ, въ селахъ и деревняхъ, живетъ огромное большинство народа, называемаго многозначительно—*простымъ*,—который не имѣетъ возможности получать образованія въ городахъ, какъ по недостатку средствъ, такъ, наконецъ, по самому характеру и роду своихъ занятій, требующихъ его постояннаго присутствія дома. Слѣдовательно школы, въ которыхъ онъ можетъ получать образованіе, должны быть въ средѣ его, въ селахъ и деревняхъ. Для благосостоянія всего народа эти школы имѣютъ громадное значеніе,—понятое наконецъ всѣми образованными народами, у которыхъ на эти школы обращено уже вниманіе. У насъ давно уже были открываемы школы въ селахъ государственныхъ крестьянъ. Но въ помѣщичьихъ имѣніяхъ подобныя школы открывались очень рѣдко; если и открывались, то были назначены для обученія преимущественно церковно-славянскому чтенію, письму, и молитвамъ,—вообще обученіе въ нихъ было скудное, результаты ничтожные и народъ не имѣлъ къ нимъ, сочувствія. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія, съ развитіемъ промышленности и торговли, надо ожидать, что взглядъ народа на школы и образованіе измѣнится и потребность обученія уяснится. Въ послѣдніе два — три года начали открываться сельскія школы во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ и, кажется, на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, чѣмъ прежнія. Мы представимъ здѣсь краткій очеркъ сельскихъ школъ, открытыхъ въ послѣднее время, начиная съ конца 1859 года.

Въ декабрѣ 1859 года, Кіевской губерніи Радомысльскаго уѣзда въ Каменно-Бродской вотчинѣ, принадлежащей помѣщикамъ Сивицкимъ, была открыта школа для мальчиковъ. По этому поводу, редакція Кіевскаго Телеграфа получила слѣдующій актъ, за подписью владѣльцевъ и священника Радзіевскаго: «Владѣльцы Каменно-Бродской вотчины, коллежскій совѣтникъ Владиміръ Ивановичъ и титулярный совѣтникъ Варфоломей Ивановичъ Сивицкіе, владѣя нѣсколько лѣтъ этою вотчиною, положительно убѣдились, что главнымъ, между прочимъ, зломъ худой нравственности крестьянъ и ихъ нерадѣнія въ домашнемъ быту служитъ нетолько совершенное незнаніе ими грамоты, но даже необходимѣйшихъ вседневныхъ молитвъ и десяти заповѣдей, установленныхъ церковью. Въ видахъ постепеннаго искорененія вѣковыхъ между крестьянами предразсудковъ и направленія ихъ къ честному труду и доброй нравственности, владѣльцы учредили *наконецъ* первоначальное приходское училище, для обученія въ

немъ крестьянскихъ мальчиковъ, пригласивъ для этого мѣстнаго приходскаго священника. Предназначивъ такимъ образомъ, для открытія училища, 6 Декабря сего года, владѣльцы вотчины распорядились— сперва *избрать изъ среды многосемейныхъ крестьянъ способныхъ мальчиковъ*, а потомъ, по отслуженіи священникомъ въ церкви обѣдни и молебна, призваны были какъ новые ученики, такъ и ихъ родители въ назначенный для училища временной домъ (впредь до устройства постояннаго), гдѣ въ присутствіи владѣльцевъ и при стеченіи крестьянъ, отслужено священникомъ молебствіе о ниспосланіи успѣховъ въ предстоящемъ ученіи для пользы общей; а затѣмъ самими владѣльцами вручены каждому ученику заранѣе приготовленные буквари, или начальное ученіе, по которымъ съ слѣдующаго дня и началось уже преподаваніе имъ уроковъ. *Нельзя при этомъ не сказать, что какъ во время созванія крестьянскихъ мальчиковъ, такъ и при торжественномъ открытіи училища, нѣкоторые ученики и ихъ отцы и матери, по сродной всѣмъ имъ простотѣ и боязни* (!), *первые плакали, а послѣдніе также со слезами упрашивали не отдавать дѣтей ихъ въ училище, пока не была имъ внятно объяснена благая цѣль ученія*». Приведенный актъ довольно краснорѣчиво говоритъ какъ о взглядѣ народа на училища, такъ и взглядѣ на средства привлекать мальчиковъ въ школу. Впрочемъ, школа пошла успѣшно, такъ-что, къ марту слѣдующаго 1860 года, двѣнадцать обучавшихся въ ней мальчиковъ оканчивали ученіе букваря и вседневныхъ молитвъ; послѣ чего предположено было дать имъ гражданскіе учебники и начать учить писать. Лѣтомъ предполагалось обучать воспитанниковъ училища садоводству и огородничеству подъ руководствомъ помѣщичьяго садовника. Не ограничиваясь этимъ училищемъ, владѣльцы предполагали открыть такое же для дѣвочекъ и, кромѣ того, основать въ своей вотчинѣ крестьянскую библіотеку. Не знаемъ, какъ гг. Сивицкіе привели въ исполненіе свое благородное намѣреніе...

Въ томъ же декабрѣ, 9 числа, была открыта школа въ селѣ Козаровичахъ, Кіевскаго уѣзда, помѣщицы Бобръ-Петровецкой; она была открыта при церкви приходскимъ священникомъ Филимономъ Пасинскимъ вмѣстѣ съ поссесоршею Мицкевичевой и крестьянами. Въ школѣ начали учиться 19 крестьянскихъ мальчиковъ, 2 мальчика изъ военнаго званія и 2 духовнаго. — Безъ сомнѣнія въ этомъ

же году было открыто еще нѣсколько школъ, но о нихъ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ извѣстій.

1 Января 1860 года, была открыта школа въ селѣ Микуличахъ, имѣніи графа Остенъ-Сакена,, (Кіевскаго уѣзда), стараніями управляющаго имѣніемъ г. Карпова и приходскаго священника, о. Захарія Шереметинскаго. Въ этой школѣ начали ученіе 12 крестьянскихъ мальчиковъ и 4 дѣвочки. Преподаваніе, какъ въ Микуличской, такъ и Козаровичской школѣ взяли на себя священники и причетники безплатно. Обѣ школы, какъ видно, не стѣснены никакими условіями относительно учащихся; кромѣ крестьянъ, ихъ посѣщаютъ дѣти и другихъ сословій, что доказываетъ крайнюю необходимость подобныхъ школъ. Въ Черниговской губерніи была открыта школа въ селѣ Пьяный-Рогъ (Мглинскаго уѣзда), владѣнія графа А. К. Толстого. Нельзя не сочувствовать прекрасному желанію гр. Толстого—доставить возможность первоначальнаго ученія въ этой школѣ не только дѣтямъ крестьянъ, но и всѣхъ сословій.

Къ открытію сельскихъ школъ въ Кіевской губерніи много способствовалъ указъ Митрополита Кіевскаго и Галицкаго (нынѣ С.-Петербургскаго) Исидора, которымъ вмѣнялось въ обязанность всѣмъ сельскимъ священникамъ заводить при церквахъ школы.

12-го генваря 1860 года, открыта была при церкви безплатная школа въ м. Бѣлогородкѣ, Кіевской губерніи, тамошнимъ приходскимъ священникомъ; къ маю того же года, ученики уже свободно читали церковно-славянскую грамоту;—такъ какъ, въ этомъ училищѣ былъ всего одинъ учитель священникъ, то болѣе способные и знающіе мальчики въ свою очередь учили вновь поступавшихъ неграмотныхъ.

Въ м. Бѣлой Церкви (Кіевск. губ. Васильковского уѣзда) еще съ конца прошлаго года начали заводиться сельскія школы и въ началѣ 1860-го, въ мѣстечкѣ было уже 4 училища съ 97 учениками. Первая изъ этихъ школъ открыта 25-го ноября 1859 года, въ домѣ священника Преображенской бѣлоцерковской церкви М. С.; на первый разъ явилось только 17-ть мальчиковъ; но въ теченіи пяти дней число желающихъ учиться возрасло до 50. 15-го декабря того же года, въ приходѣ Магдалинской церкви за рѣкою Росью, была открыта вторая школа; въ ней изъявили желаніе учиться 14 мальчиковъ; третья школа открыта 17-го декабря того же 1856 года на

урочищѣ Ротку, учениковъ въ нее явилось всего 9; и наконецъ четвертая школа открыта уже въ 1860 году 3-го февраля, въ предмѣстіи м. Бѣлой Церкви, Александріи; въ нее пришло 22 мальчика и 7 дѣвочекъ.—Ученіе въ школахъ не безплатное, потому что и само общество и учредители школъ нашли нужнымъ получать хотя самую небольшую сумму за ученіе, для поддержанія средствъ существованія школъ; добыть же средства изъ другихъ источниковъ пытались но не могли, благодаря цивилизаторской дѣятельности откупа и сочувствующихъ ему лицъ. Объ этомъ вотъ-что говорится въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» въ извѣстіи изъ Бѣлой Церкви: Общество прихожанъ, изыскивая способы къ содержанію, постановило-было: при ведерной покупкѣ водки къ праздникамъ, крестинамъ, свадьбамъ и т. п. взимать съ каждаго покупателя по 20-ти копѣекъ съ ведра, сверхъ нормальной цѣны. Этотъ добровольный сборъ, падавшій преимущественно на зажиточнѣйшихъ крестьянъ и касавшійся предмета прихоти, могъ быть весьма значительнымъ, при значительномъ числѣ прихожанъ, простирающемся до 8000 душъ обоего пола; но въ самомъ началѣ своемъ онъ былъ пріостановленъ претензіями мѣстнаго откупа и нѣкоторыхъ соприкосновенныхъ съ нимъ лицъ, непрепятствующихъ однакожъ подобному сбору съ еврейскаго общества на постройку каменной синагоги.» Въ томъ же извѣстіи о бѣлоцерковскихъ школахъ дальше сказано, что «педагогическій совѣтъ бѣлоцерковской гимназіи съ своей стороны изъявилъ желаніе содѣйствовать пробудившемуся въ крестьянахъ м. Бѣлой Церкви стремленію къ образованію и для сего предполагаетъ, въ наступающіе весенніе и лѣтніе мѣсяцы (извѣстіе писано отъ 27 апрѣля 1860 г.) открыть классы гимназіи, гдѣ въ послѣобѣденное время, съ 3-хъ часовъ пополудни, ученики высшихъ классовъ закрытаго заведенія, подъ руководствомъ г.г. учителей, будутъ обучать чтенію по гражданской печати, ариѳметикѣ и начальнымъ правиламъ русскаго языка тѣхъ дѣтей, которыя уже выучились славянской грамотѣ и письму въ церковныхъ школахъ; законоучитель гимназіи будетъ преподавать имъ Законъ Божій. Бѣлоцерковское общество чиновниковъ и дворянъ также выразило свое сочувствіе къ образованію низшаго класса здѣшнихъ жителей, пожертвовавъ въ пользу этого дѣла доходъ (въ 150 р. сер.) съ музыкальнаго и танцовальнаго вечера, состоявшагося 17 апрѣля сего года. «По другимъ извѣстіямъ, объ этихъ школахъ, мы узнаемъ, что тамошніе помѣщики не принима-

ютъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ (*). — Въ томъ же журналѣ (1860 года), изъ котораго мы привели выписку, есть извѣстіе объ открытіи, въ 1859 году, школы въ деревнѣ Карашинѣ Каневскаго уѣзда Кіевской губерніи, близь мѣстечка Корсуня; не помѣщая всего извѣстія, мы сдѣлаемъ изъ него нѣкоторыя выписки указывающія между прочимъ на всегда-присущее нашему народу горячее желаніе помочь общему дѣлу. «Деревня Карашина,» пишетъ священникъ А. Лебединцевъ,— «находится въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, верстахъ въ 5-ти отъ мѣстечка Корсуня. Въ этой деревнѣ есть церковь во имя св. Архистратига Михаила, но она приписана съ давняго времени къ приходу Спасской церкви м. Корсуня. Въ самомъ Корсунѣ нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ существуетъ школа на иждивеніи мѣстнаго владѣльца, князя Лопухина: но эта школа предназначена *исключительно для обученія поступающихъ въ хоръ пѣвчихъ, въ музыканты и на услуженіе при дворѣ владѣльческомъ*; поэтому въ ней обучаются далеко не всѣ крестьянскіе мальчики м. Корсуня, дѣти же жителей д. Карашины оставались безъ всякихъ средствъ къ обученію. Годъ отъ году все болѣе и болѣе убѣждался я въ необходимости открыть въ д. Карашинѣ школу. Придумывался источникъ, изыскивались средства, наконецъ средства были найдены: въ Карашинѣ жилъ 80-ти лѣтній старикъ, церковный староста, Несторъ Сунчакъ, крестьянинъ князя Лопухина. Въ теченіе долгой своей жизни, рѣдкою честностью и трудолюбіемъ, онъ нажилъ значительное состояніе. Умнаго и добраго старика безпокоила мысль, что, кромѣ престарѣлой жены, для которой не многое было нужно, не осталось у него другихъ наслѣдниковъ, которымъ онъ пожелалъ бы передать свое достояніе..... Я предложилъ старику, отдѣливъ часть имущества на починку и украшеніе церкви, остальное употребить на основаніе школы. Старикъ не только согласился на мое предложеніе, но видимо обрадовался ему. Спустя немного, старческая немощь его усилилась и онъ скоро отошелъ къ Господу, завѣщавъ мнѣ съ двумя прихожанами, кромѣ приличнаго исправленія церкви, построить на его счетъ училищный домъ со всѣмъ обзаведеніемъ, съ окладомъ жалованья, на первый годъ, для учителя и полнымъ содержаніемъ для десяти мальчиковъ-сиротъ, или дѣтей бѣдныхъ родителей. Для поддержанія училища на всегдашнее время назначена часть дохода съ водяной мельницы, принадлежащей старику и состоящей на рѣкѣ Ро-

(*) Кіев. Тел. 1860 г. № 73.

сн. «Затѣмъ училище было открыто 8 ноября 1859 года и ученіе пошло довольно успѣшно; ученики на лѣто были отпускаемы домой съ обязательствомъ собираться по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ для повторенія пройденнаго. Въ это же время о. А. Лебедицевъ предположилъ открыть въ д. Листвинѣ, находящейся тоже недалеко отъ м. Корсуни, женскую школу.

По оффиціальнымъ извѣстіямъ послѣдняго времени, духовенство Кіевской губ. открыло, при церквахъ, 1036 школъ, въ которыхъ число учениковъ доходитъ до 19,000. Для надзора за этими школами учреждены, духовнымъ вѣдомствомъ, особые блюстители, которымъ дана въ руководство инструкція. Нельзя не пожелать, чтобъ эти школы, вызванныя къ жизни извнѣ, а не внутреннею дѣятельностью общества, также скоро не были заброшены, какъ и образовались. Существованіе и развитіе ихъ столько зависитъ отъ личной энергіи духовенства, сколько и отъ матеріальныхъ средствъ. Желательно, чтобы нашлось то и другое, и чтобы методъ обученія дѣтей не былъ схоластическій.

Объ открытіи въ 1860 г. школъ въ Каменецъ-Подольской епархіи, протіерей Евфимій Лозинскій, сообщаетъ редакціи «Кіевскаго Телеграфа» слѣдующее: «Въ нашей Каменецъ-Подольской епархіи духовенство всѣхъ безъ исключенія приходовъ чрезвычайно торопится заводить, на первый разъ—въ своихъ домахъ, школы для обученія грамотѣ преимущественно крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Къ такому единственному стремленію въ-особенности *поощрило* насъ письменное воззваніе къ духовенству нашего архипастыря и присылка букварей въ даръ отъ начальника края, князя И. И. Васильчикова, въ числѣ 10,000 экземпляровъ. Въ одномъ моемъ благочиннцкомъ округѣ, *въ одну недѣлю*, открыто мною 8 школъ и собрано учениковъ, мальчиковъ 86 и ученицъ дѣвочекъ 7 и есть полная надежда, что къ началу будущаго года подобныя школы распространятся во всемъ моемъ округѣ, состоящемъ изъ 29 приходовъ.» О сочувствіи гг. помѣщиковъ къ образованію народа въ этомъ же извѣстіи сказано,: «гг. помѣщики не хотятъ содѣйствовать намъ въ столь насущной потребности, какъ народное образованіе, и *смотрятъ на распространеніе грамотности между крестьянами съ какимъ то предубѣжденіемъ*; тогда-какъ для нихъ ничего не стоило бы поощрить по этому случаю крестьянъ; тогда все пошло бы впередъ легче, а то *даже отопленія жалѣютъ для школъ*.» Тотъ же Евфимій Лозинскій, въ генварѣ 1861 года, сообщаетъ въ ту же газету,

что въ остальныхъ 21 приходѣ — къ началу настоящаго года заведены имъ школы при церквахъ, въ которыхъ учатся 491 мальчикъ и 131 дѣвочка;—въ преподаваніи приняли участіе и дамы изъ духовного сословія; во вновь открытыхъ школахъ въ настоящее время 4 такихъ наставницы. Къ несчастію, и эти школы, при своемъ открытіи, встрѣтили со стороны нѣкоторыхъ то же упорное предубѣжденіе и антипатію къ образованію, что видно изъ слѣдующаго мѣста въ письмѣ г. Лозинскаго: «Судя потому, какъ велико стремленіе въ народѣ къ обученію дѣтей грамотѣ, надо сказать, что далеко выше была бы цифра учениковъ и ученицъ въ этихъ школахъ, еслибы была возможность пріискать помѣщенія особыя, просторныя, свѣтлыя, теплыя и сухія,—а то всѣ онѣ находятся въ домахъ церковныхъ, большею частію такихъ, въ которыхъ самые причты съ семействами едва только помѣщаются, не бывъ поддержаны никакими властями, ни отапливаемы и очищаемы, когда у причтовъ нѣтъ въ достаткѣ ни собственнаго топлива, ни прислуги.»

Трудно существовать школамъ, при такой обстановкѣ,—но теперь, при большей свободѣ, естественнымъ образомъ улучшатся средства крестьянъ и они, надо надѣяться, не будутъ нуждаться въ помощи тѣхъ, которыхъ прямою обязанностью и долгомъ было бы помочь имъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне сами находили возможность изъ своихъ скудныхъ средствъ удѣлить нетолько на школу, но и на помощь бѣднѣйшимъ своимъ собратьямъ, желавшимъ обучать своихъ дѣтей; такъ «крестьяне Новградволынского уѣзда, села Пищева, помѣщика графа Ал. Потоцкаго, 22 ноября 1860 года, собравшись на мірскую сходку, составили приговоръ, которымъ постановили: жертвовать при каждомъ взносѣ податей въ казну по 5 коп. сребр. съ души на устройство ихней сельской школы, а именно: на покупку учебныхъ пособій, *на содержаніе и обученіе дѣтей бѣдныхъ крестьянъ и сиротъ*, на наемъ учителя въ помощь ихъ приходскому священнику, на наемъ сторожа и т. п... Причемъ они избрали изъ среды себя благонадежнаго крестьянина, которому поручили, по распоряженію ихъ духовнаго отца, производить расходы денегъ на школу и, по-временамъ, отдавать имъ отчетъ въ расходѣ ихъ денегъ.» (¹) Въ открытіи этой школы принималъ самое дѣятельное участіе приходскій священникъ села Пищева, Михаилъ Чечетъ.

Въ началѣ настоящаго 1861 года, заведена сельская школа въ селѣ Макіевкѣ, Васильковскаго уѣзда Кіевск. губерніи, стараніями мѣст-

(¹) Кіев. Тел. 1860 г. № 99.

наго приходского священника; школа въ этомъ селѣ существовала уже давно, но въ малыхъ размѣрахъ, — она была заведена священникомъ для обученія собственныхъ дѣтей, и небольшаго числа дѣтей прихожанъ,—и помѣщалась въ домѣ священника. Въ концѣ 1860 г. положено было стараться дать школѣ большіе размѣры и выстроить для нея домъ. «Мѣстный владѣлецъ Г. Д., *испытывая плоды* прежняго обученія его крестьянъ (въ домѣ священника), *изъ коихъ двое оказались весьма полезными при управленіи его экономіею и домомъ*, по предложенію того же священника и прошенію крестьянъ, отпустилъ нужный для постройки дома матеріалъ и обѣщалъ дать хлѣбъ, какой окажется нужнымъ для прокормленія учителя (*).»

Въ раскольничьемъ посадѣ Клинцахъ, Черниговской губ., уже довольно давно образовалась сама-собой сельская школа съ вѣдома начальства. Одинъ дворянинъ успѣлъ пріобрѣсть довѣріе посадскаго населенія, которое начало поручать ему своихъ дѣтей въ науку. Число учениковъ скоро возрасло настолько, что потребовалась постройка особаго дома, которую, съ разрѣшенія начальника губерніи, взяли на себя два посадскіе купца. Училище находится теперь въ вѣдомствѣ Министерства Нар. Пр.; учитель получаетъ 350 р. жалованья; общество имѣетъ объ немъ попечительство чрезъ почетныхъ блюстителей и ратушу. Нѣтъ сомнѣнія, что эта школа можетъ принесть большую пользу. До сихъ поръ всѣ усилія правительства вразумить раскольниковъ оставались безуспѣшны; время подумать о другихъ средствахъ для достиженія этой цѣли. Единственный ведущій къ этому путь есть просвѣщеніе, которое одно открываетъ глаза. Но чтобы раскольники охотно посылали своихъ дѣтей въ школы, необходимо допустить ихъ участіе въ учрежденіи и управленіи школъ, въ избраніи учителя, и т. п.

Сельскія школы наши только еще въ зародышѣ. Въ Малороссіи, въ прежнее время, были распространены сельскія школы частныя; онѣ помѣщались большею частію въ церковныхъ домахъ, гдѣ жили причетники, или въ собственныхъ домахъ дьячковъ и пономарей —тогдашнихъ сельскихъ учителей. До сихъ поръ еще существуютъ при церквахъ домы, которые носятъ названіе *школъ*, хотя въ нихъ давно замолкли крики школяровъ. Поселяне посылали своихъ дѣтей въ эти

(*) Кіев. Тел. 1861 г. № 14.

школы, платя дьячку за науку большею-частію сельскими продуктами. Въ одной изъ такихъ-то школъ учился грамотѣ и Шевченко.

Съ 1840 г. заведены сельскія школы вѣдомства государственныхъ имуществъ, которыя, при содѣйствіи полицейскихъ мѣръ, нанесли ударъ прежнимъ школамъ. Курсъ теперешнихъ школъ шире; но методъ преподаванія тотъ же—заучиваніе и вытверживаніе безъ пониманія. Школы эти не пользуются особенною симпатіею поселянина по многимъ причинамъ. Онѣ учреждены только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и большихъ селахъ; поселянинъ, для того, чтобы научить своего сына грамотѣ, долженъ везть его за 8–10 и болѣе верстъ, отыскать для него квартиру, доставлять на него провизію и наконецъ лишиться, съ его отсутствіемъ, члена семейства, который могъ бы быть, въ свободное отъ школы время, въ помощь отцу и матери. Кромѣ того, ученіе въ этихъ школахъ не можетъ идти успѣшно, такъ какъ оно поручается большею частію священнику, который и безъ того имѣетъ много занятій. Оттого мы видимъ, что учитель-священникъ не рѣдко нанимаетъ за себя дьячка, который иногда можетъ съ успѣхомъ учить чтенію псалтыря и часослова, но рѣдко въ состояніи научить ариѳметикѣ и наставить въ христіанской нравственности; случается и то, что священникъ, оторванный отъ школы другими занятіями, поручаетъ школу одному изъ своихъ учениковъ.

Для того, чтобы образованіе народа пошло успѣшно, необходимо учрежденіе училищъ въ каждомъ селѣ; учителемъ должно быть лицо, исключительно посвящающее себя этому званію. Скажутъ, что на заведеніе такого числа училищъ нужны правительству громадныя суммы.. Справедливо, если правительство захочетъ держать въ своихъ рукахъ не одно общее управленіе народнымъ образованіемъ, а и завѣдываніе каждою школою. Но если правительство пожелаетъ только способствовать народному образованію, оно въ самомъ народѣ найдетъ великія средства. Пусть учредятся особенныя семинаріи для приготовленія сельскихъ учителей, заведеніе же и содержаніе сельскихъ школъ пускай останется на обязанности каждаго общества.

ПРОЩАНІЕ Н. ИВ. ПИРОГОВА

СЪ УЧЕБНЫМЪ СОСЛОВІЕМЪ И ГОРОДОМЪ КІЕВОМЪ.

Пять лѣтъ тому назадъ, знаменитый во всей Европѣ, ученый хирургъ Н. Ив. Пироговъ, явился дѣятелемъ въ другой сферѣ, въ сферѣ учебно-административной и успѣлъ пріобрѣсти общую извѣстность и на этомъ поприщѣ. Славный дѣятель на себѣ-самомъ доказалъ справедливость положенія, высказаннаго имъ, съ такою убѣдительностью, въ «Вопросахъ Жизни»: *образовательную* силу общества и *главную* задачу воспитанія—составляетъ не спеціалистъ, а *человѣкъ*.

Нельзя сказать, чтобы у насъ не было людей благонамѣренныхъ, образованныхъ и честныхъ; но въ людяхъ, истинно-полезныхъ для практической жизни, для общественной дѣятельности, общество наше ощущаетъ крайнюю бѣдность. Гдѣ тѣ практики, которые бы въ своей дѣятельности соображались съ желаніями и потребностями общества, которые бы твердо рѣшились проводить въ жизнь тò, чтó дознано наукой, опытомъ и исповѣдывается въ теоріи иногда ими-самими? которые способны были бы вызывать общество въ самодѣятельности? Наши практическіе дѣятели, съ своею *служебною* опытностью и воспитаніемъ, по большей части не имѣютъ ни твердыхъ убѣжденій, ни опредѣленныхъ цѣлей, кромѣ, конечно, цѣлей частныхъ; это—рутинисты, невѣрующіе ни въ природу человѣка, ни въ самихъ-себя, ни въ возможность улучшеній. Неудивительно, поэтому, если общество не обнаруживаетъ никакого сочувствія къ ихъ дѣятельности.

Дѣятельность Н. Ив. Пирогова, какъ попечителя Кіевск. Учебн. Округа, не подходитъ подъ общій, обыкновенный, уровень. Она останется навсегда плодотворнымъ преданіемъ въ памяти людей, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ, и послужитъ поучительнымъ примѣромъ для другихъ. Особенно – замѣчательна вѣрность принятымъ

началамъ и послѣдовательность дѣятеля, желаніе его быть дѣйствительно-полезнымъ обществу—безъ слабости, безъ угоднической поблажки его страстямъ, но съ постояннымъ, неподдѣльнымъ, уваженіемъ къ *человѣку*, кто бы онъ ни былъ. Общество оцѣнило заслуги Н. Ив. и съ энтузіазмомъ высказало ему свою признательность. Въ описаніи «Прощанія» и въ рѣчахъ, которыя при этомъ были сказаны, — характеръ дѣятельности Н. Ив. Пирогова очерченъ полнѣе и выразительнѣе, нежели мы въ состояніи это сдѣлать.

Прощальный обѣдъ 4-го апрѣля—такъ начинается описаніе прощанія Кіевскаго Учебнаго Округа съ Пироговымъ,—имѣлъ особый, своеобразный характеръ, который рѣзко выдвигаетъ его изъ ряда торжественныхъ обѣдовъ. На немъ присутствовало болѣе 120 участниковъ, но все это были люди учебнаго вѣдомства, съ которыми Н. И. находился, по самому положенію своему, въ болѣе или менѣе частыхъ, въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ. А служить вмѣстѣ съ нимъ, служить подъ начальствомъ его, значило для большинства быть его учениками. Потому-то отъ собранія удалена была всякая торжественность и публичность: ихъ никогда не любилъ Николай Ивчъ. Это былъ домашній обѣдъ, на которомъ огромная семья людей, родныхъ по убѣжденіямъ, прощалась съ главою дома. На отходящаго патріарха—учителя грустно устремлены были всѣ взоры, къ нему одному обращались всѣ желанія и привѣтствія. Каждый говорилъ объ немъ одномъ, каждый, оцѣняя его заслуги, объяснялъ себѣ и другимъ всю тягость испытываемой утраты. Восторженно и одушевленно выражали свои чувства разтроганные ученики, а онъ задумчиво и спокойно говорилъ намъ объ одномъ, вѣчно непреходящемъ царствѣ идеи и утѣшалъ насъ возможностію и въ разлукѣ постоянно сообщаться мыслями въ этомъ мірѣ идей. Особенно-памятными пребудутъ для насъ тѣ минуты, когда устами студента, недавняго гимназиста, будущее поколѣніе общественныхъ дѣятелей выразило, какъ оно понимаетъ Пирогова, когда представитель нравственно-поднятыхъ имъ еврейскихъ училищъ провозгласилъ тостъ за совершеннѣйшаго представителя образованныхъ христіанъ, когда наконецъ издалека раздался голосъ полтавскихъ гимназистовъ, просящихъ своего бывшаго руководителя »благословить ихъ быть достойными гражданами.« Въ эту минуту мы не жалѣли о Пироговѣ,—нѣтъ! мы завидовали ему тою высокою, плодотворною завистью, которая вызываетъ на благородное соревнованіе и усиленный трудъ.

Заимствуемъ болѣе замѣчательныя рѣчи, объясняющія дѣятельность Пирогова.

Послѣ І. Г. Михневича, который первый выразилъ воодушевлявшія собраніе чувства, при разставаніи съ уважаемымъ человѣкомъ, ректоръ университета Н. Х. Бунге сказалъ:

«Лѣтъ шесть тому назадъ, среди разгара войны, въ лѣтописяхъ которой сохранится дорогое намъ имя, общество наше пробудилось къ новой жизни. Великія, совершившіяся съ тѣхъ поръ преобразованія вызвали много новыхъ дѣятелей на гражданское поприще и тѣ, которые слѣдили за ходомъ нашего мирнаго развитія, могли замѣтить сколько людей въ это короткое время пережили и свою старую, и свою новую славу.

Отчего же добрая слава Николая Ивановича устояла и противъ ожесточенныхъ порицаній и противъ восторженныхъ похвалъ? Оттого, мм. гг., что Н. И. опирался въ своей дѣятельности на служеніе наукѣ и нравственному авторитету, а то и другое вызываетъ не мимолетную популярность, а уваженіе и любовь.

Я не стану исчислять всего, что сдѣлалъ Н. И. для университетской науки; довольно упомянуть о живомъ участіи, которое онъ принималъ во всѣхъ ученыхъ вопросахъ по изданію университетскихъ извѣстій, по замѣщенію каѳедръ, по раздѣленію факультетовъ; довольно упомянуть о томъ, какъ щедро ассигновались и тратились наши средства на переустройство астрономической обсерваторіи, на передѣлку помѣщенія для практическихъ занятій химіею, какъ скупо расходовались они на роскошь ремонта; о томъ, какъ много обязана ему студентская библіотека, въ пользу которой онъ, на-дняхъ, предоставилъ изданіе своихъ педагогическихъ статей, написанныхъ въ истекшіе три года.

Но главная тайна вліянія Н. И. заключалась въ служеніи нравственному авторитету.

Онъ старался упрочить его устройствомъ университетскаго суда, порученнаго правленію. Каковы бы ни были недостатки этого учрежденія, но оно дало приговорамъ за проступки студентовъ характеръ законности, а не личнаго произвола.

Онъ старался сообщить инспекціи студентовъ духъ благородства и прямоты и упрочить за нею большую степень довѣрія.

Онъ основывалъ свою власть на преданности наукѣ и на внутреннемъ убѣжденіи; но гдѣ власть опиралась на эти силы, гдѣ зрѣлыя понятія только начинали проникать въ умы молодаго поколѣнія, испытывавшаго на себѣ посторонніи вліянія, чуждыя и университету и намѣреніямъ его бывшаго руководителя, тамъ нельзя было ожидать внезапнаго торжества нравственнаго самообладанія.

Будущее принадлежало намъ; оно готовило неразрывную связь между всѣми служителями истины и добра. Поэтому позвольте, мм. гг., выразить надежду, что этотъ союзъ осуществится, и предложить тостъ за Н. И., его основателя и представителя нравственнаго принципа въ дѣлѣ образованія».

Послѣ ректора, ученикъ и восторженный поклонникъ Пирогова, профессоръ анатоміи А. П. Вальтеръ представилъ одушевленную картину по-преимуществу ученой дѣятельности славнаго медика.

«Мм. гг! Мы всѣ чувствуемъ, что этотъ обѣдъ, это собраніе не есть обыкновенное прощаніе съ уѣзжающимъ начальникомъ. Мы увѣрены, что еслибъ во всей обширной Россіи знали о настоящемъ днѣ и его значеніи, то мысли и чувства всѣхъ многочисленныхъ приверженцевъ и почитателей Н. И Пирогова были бы съ нами здѣсь въ эту торжественную минуту. Давно извѣстно, что современная Россія глубоко сочувствуетъ Николаю Ивановичу, т. е., что онъ въ полной гармоніи съ большимъ числомъ современниковъ. Но такъ-ли было всегда? Вотъ вопросъ, котораго рѣшеніе важно въ это время для того, чтобы почерпнуть изъ исторіи его жизни ручательство за вѣрность стремленій какъ его самого, такъ и его послѣдователей.

Я вправѣ говорить объ этомъ, ибо мнѣ досталось на долю рѣдкое счастіе слѣдить въ продолженіи 26 лѣтъ за подвигами и дѣйствіями Н. И.

Произношу съ гордостію: я ученикъ Н. И. Я видѣлъ, какъ въ 1836 году молодой профессоръ вступилъ на каѳедру императорскаго дерптскаго университета, въ которомъ до тѣхъ поръ привыкли видѣть дѣльныхъ профессоровъ только изъ Германіи. Тѣмъ не менѣе вся молодежь, увлекаемая пылкимъ и неутомимымъ рвеніемъ молодаго ученаго къ наукѣ, бросилась вслѣдъ за нимъ. Имя Пирогова наполнило всѣ сердца и умы, и онъ основалъ первую въ Россіи и одну изъ лучшихъ хирургическихъ школъ, разсѣянные члены которой и теперь приносятъ пользу во всей необъятной Россіи. Онъ издалъ въ Дерптѣ два замѣчательныя сочиненія. Первое изъ нихъ было Лѣтописи дерптской клиники, въ которыхъ молодой профессоръ жертвовалъ тѣмъ, чѣмъ обыкновенно неохотно жертвуютъ врачи: своимъ genommée. Въ этомъ сочиненіи онъ исповѣдалъ публично свои клиническія ошибки, онъ доказалъ ту высокую правдивость, которая характеризуетъ всю его жизнь. Сверхъ того онъ написалъ въ Дерптѣ сочиненіе, теперь выходящее вторымъ, неизмѣненнымъ изданіемъ, которымъ занятъ нашъ будущій товарищъ, профессоръ Шимановскій. Стало быть въ продолженіе 25 лѣтъ, въ которые анатомическія науки сдѣлали неслыханные успѣхи, ученый свѣтъ не могъ произвести ничего лучше перваго литературнаго труда Н. И. Пирогова. Изъ Дерпта Н. И. перешелъ въ С.-Петербургъ для того, чтобы лучше служить наукѣ и быть полезнѣе для Россіи, чѣмъ это ему было возможно въ образованномъ, но отдаленномъ углѣ нашего обширнаго отечества. При переѣздѣ его въ Петербургъ, его слава, послѣ пятилѣтней профессорской дѣятельности, была уже такъ велика, что президентъ петербургскаго общества русскихъ врачей принялъ всевозможныя мѣры для того, чтобы немедленно увѣдомили его о прибытіи Пирогова. Ночью пріѣхалъ знаменитый хирургъ, а наутро президентъ явился къ нему и поднесъ дипломъ на званіе члена общества русскихъ врачей. Дѣятельность Н. И. въ столицѣ была и ученая и административно-медицинская. Упомянемъ вкратцѣ о важнѣйшихъ его заслугахъ. Ему принадлежитъ первое осуществленіе присоединенія нашихъ госпиталей къ клиническому преподаванію и, если эта мысль еще не вездѣ у насъ проведена, то ея будущее осуществленіе едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Подъ исключительнымъ вліяніемъ его мысли составленъ нашъ уставъ объ испытаніяхъ для полученія медицинскихъ степеней, уставъ, который, независимо отъ колебаній состоянія науки въ извѣстное время, весьма практиченъ и реализируетъ необходимость соединенія науки съ практикою въ медицинѣ. Н. И-чу принадлежитъ нѣсколько страницъ изъ исторіи доблестныхъ подвиговъ русскихъ врачей на полѣ сраженія. При началѣ крымской войны онъ изобрѣлъ гипсовую повязку, облегчившую страданія многихъ ты-

сячъ раненыхъ воиновъ. Онъ раздѣлялъ труды нашей арміи въ Крыму и никогда, въ особенности русскій солдатъ, не забудутъ его искусной руки и его доброй, сердобольной души. Въ Петербургѣ онъ написалъ свое знаменитое сочиненіе: Anatome topographica (ледяная анатомія), плодъ пятилѣтнихъ трудовъ. До этого сочиненія, кто говорилъ объ анатоміи, тотъ говорилъ объ анализѣ, о разложеніи; Пироговъ ввелъ въ эту науку синтезисъ. Что въ продолженіи 2000 лѣтъ разлагали, раздѣляли, то онъ соединилъ, свелъ въ одно и доказалъ, что, за избыткомъ анализа, мы не понимаемъ синтеза. Какъ поняты были эти заслуги и труды современниками Пирогова? Критика разразилась укорами надъ его клиническою лѣтописью, нашли, что онъ слишкомъ пренебрегаетъ терапіею. Но чтожъ? Не прошло нѣсколькихъ лѣтъ—и эта же терапія, въ которую тогда вѣрили противники Н. И., была признана ничтожною. Н. И. былъ правъ. Какъ вѣрно онъ угадалъ потребность хирургіи въ своемъ сочиненіи о перевязкѣ артерій, доказываетъ то, что этотъ трудъ не отсталъ отъ современности въ теченіи цѣлыхъ 25 лѣтъ и сразу былъ признанъ первокласнымъ, въ высшей степени практическимъ сочиненіемъ. Ледяная анатомія, хотя еще не признана какъ слѣдуетъ и встрѣчена только всеобщимъ удивленіемъ, но уже настаетъ, уже начался тотъ періодъ анатоміи, когда станутъ изслѣдовать устройство не мертваго, а живаго человѣка; а когда это будутъ дѣлать вездѣ, тогда сочиненіе Пирогова обратится въ ежедневную справочную книгу для всѣхъ анатомовъ и врачей въ свѣтѣ. Это сочиненіе составляетъ эпоху въ наукѣ; соединеніе же клиникъ съ госпиталями есть начало реформы медицинскихъ училищъ въ Россіи. Никогда, ни чей голосъ не отвергалъ пользы его экзаменаціоннаго устава: онъ соотвѣтствовалъ вполнѣ своему времени и не утратилъ этого значенія и теперь.

Но великій анатомъ, великій врачъ оставляетъ медицинскую каѳедру, и, о чудо! анатомъ, хирургъ и испытатель матеріи въ природѣ человѣка дѣлается поборникомъ его духовнаго начала. Онъ требуетъ признанія и развитія достоинства человѣка, въ знаменитыхъ строкахъ о вопросахъ жизни онъ кладетъ руку на больное мѣсто въ воспитаніи русской молодежи, но кладетъ ее какъ врачъ, для исцѣленія ранъ. Онъ произнесъ то, что всѣ чувствовали, но никто не облекъ въ слово. Вся Россія его поняла, вся Россія согрѣвалась его теплою вдохновенною рѣчью, вся Россія стала требовать гуманности, человѣчности въ воспитаніи. Пироговъ указалъ на сущность университетскаго образованія въ противоположность спеціальному. Онъ доказалъ связь гуманнаго образованія съ божественнымъ ученіемъ. Понялъ-ли тутъ Пироговъ духъ своего времени? Кажется объ этомъ спорить излишне.

Потомъ Н. И. дѣлается ученымъ администраторомъ, попечителемъ въ высшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ эмансипируетъ бѣдныхъ дѣтей отъ безумнаго и унижающаго человѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія, онъ подаетъ руку загнанному племени Евреевъ, онъ указываетъ христіанамъ сколько гуманности и любви къ просвѣщенію кроется въ этой расѣ. И чтожъ? Какъ отозвалось на все это современное общество? Едва-ли кто у насъ болѣе популяренъ, любимъ, уважаемъ, какъ Пироговъ.

Я кончаю свою рѣчь:

Н. И. Пироговъ, какъ человѣкъ науки, былъ всегда передовымъ двигателемъ ея; общество шло за нимъ и всегда время доказывало, что онъ не ошибался. Когда же онъ сталъ заниматься вопросами жизни, то великій врачъ, привыкшій всегда одвимъ взглядомъ окидывать всю цѣлость явленій, а не

увлекаться однимъ, всегда схватывалъ вѣрно потребности момента. Храмъ идей былъ открытъ всѣмъ, но первый въ него вошелъ Н. И. и за нимъ уже вошли всѣ другіе съ криками радости и удивленія. Онъ былъ вполнѣ нетолько человѣкъ своего времени, но и вождь своихъ современниковъ. Число людей нераздѣляющихъ его взглядовъ не велико, оно никогда не было велико! Н. И. не воевалъ противъ зла, онъ возвышалъ, укрѣплялъ приверженцевъ добра, онъ увлекалъ ихъ теплотою чувствъ и закрѣплялъ ихъ увлеченіе убѣжденіемъ и разсудкомъ. Его врагами не были поборники зла, они его не боялись. Его противниками были собственно тѣ люди, которые, въ свое время и въ свою очередь, стояли за прогрессъ, но, будучи обязаны охранять блага добытаго прогресса, страшатся опрометчиво идти дальше за Н. И., пока не поймутъ прочности и вѣрности его идеи. Но они напрасно сомнѣваются въ счастливой звѣздѣ въ геніальной смѣтливости Н. И.: и они послѣдуютъ за нимъ, и тогда идеи Пирогова вполнѣ восторжествуютъ. За это намъ ручается весь ходъ его жизни, успѣхъ его мыслей и трудовъ. Итакъ, господа, я предлагаю тостъ за попечителя двухъ учебныхъ округовъ, великаго ученаго, славнаго писателя, благороднаго гражданина, нашего незабвеннаго друга и руководителя Николая Ивановича Пирогова!

Отъ имени двухъ кіевскикъ гимназій говорили старшіе учители Ѳ. О. Петрушевскій и И. О. Самчевскій.

Г. Петрушевскій сказалъ:

Обращаюсь къ вамъ, Николай Ивановичъ, съ краткимъ словомъ, въ которомъ попытаюсь выразить ощущенія, съ какими мы предаемся безплодному сожалѣнію о томъ, что недолго привелось намъ быть свидѣтелями вашей безпримѣрной дѣятельности.

Съ тѣхъ поръ, какъ первая кіевская гимназія, на ряду съ прочими, назвала васъ своимъ начальникомъ, мы сами увидѣли, кто не былъ слѣпъ, то, о чемъ до той поры говорила намъ молва. Мы поняли въ чемъ заключается истинная власть и какъ она выражается; всякій испыталъ, что знаменитый ученый, человѣкъ истинно просвѣщенный и глубоко преданный дѣлу человѣческаго развитія пріобрѣлъ надъ нами вліяніе, недоступное никакому другому олицетворенію власти, вооруженному всѣми возможными знаками отличія.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы стали свидѣтелями вашего неутомимаго трудолюбія, никто изъ насъ не могъ сказать ни вслухъ, ни мысленно, что онъ сдѣлалъ все, чего могло ожидать отъ него общество. Безмолвная, но неотразимая укоризна, исходя изъ тиши кабинета, гдѣ неутомимо работалъ Пироговъ, ложилась нерадивому на совѣсть, и напрасно онъ принималъ на себя мниморавнодушный видъ, не успѣвая обмануть даже и самого себя.

Свободно и самостоятельно трудились мы, каждый по-своему; мы мѣнялись мыслями, и ни чье доброе пожеланіе, ни чья счастливая идея на пользу общую не были останавливаемы никакимъ опасеніемъ, потому что мы всѣ, благодаря вамъ, пользовались одинаковою разумною свободою.

Никогда не позволю себѣ оскорблять слухъ вашъ льстивыми фразами, не буду говорить, наприм., что гимназія наша будто бы достигла высшей степени благосостоянія, но я долженъ сказать здѣсь во имя истины, что никогда мы, воспитатели и наставники, не испытывали болѣе благодѣтельнаго нравственнаго и умственнаго вліянія, какъ въ то короткое время, когда имѣли счастіе

называть васъ своимъ главою. Мы видѣли не начальника надъ собою, но человѣка, гражданина, ученаго и воспитателя, находившаго высшее удовлетвореніе въ своемъ собственномъ сознаніи.

Этого рода впечатлѣнія не скоропреходящи,—нѣтъ, они глубоко вошли въ наши натуры и принесутъ полезные плоды.

Скоро вы будете далеко отъ насъ, но ни разстояніе, которое будетъ между нами, ни долгіе годы предстоящей намъ разлуки не истребятъ ихъ, и позвольте заявить вамъ, что всегда мы будемъ вспоминать о васъ со всѣмъ чистымъ и глубокимъ уваженіемъ, какого заслуживаетъ знаменитое имя Пирогова, за котораго, мм. гг., честь имѣю предложить торжественный тостъ.

Самчевскій сказалъ отъ имени второй гимназіи:

«Отъ лица второй гимназіи, собравшейся здѣсь въ полномъ своемъ составѣ, я осмѣливаюсь возвысить мой слабый голосъ, чтобы выразить вамъ, Николай Ивановичъ, наше глубокое сочувствіе и искреннюю благодарность за неутомимую и въ высшей степени плодотворную вашу дѣятельность въ званіи попечителя кіевскаго учебнаго округа.

Вы старались провести въ дѣло ту благую мысль, что произволъ особенно вреденъ въ дѣлѣ воспитанія, и плодомъ этого стремленія было осуществленіе въ гимназіяхъ *коллегіальнаго управленія*, бывшаго до того времени только на бумагѣ въ уставѣ 1828 г. Устройство это успѣло въ настоящее время правильно организоваться и принести благодѣтельные плоды: оно избавило и удержало въ извѣстной мѣрѣ учащихъ и учащихся отъ произвола и начало вызывать живую нравственную связь между тѣми и другими; оно пробудило сознательную дѣятельность преподавателей и подняло ихъ значеніе въ обществѣ, въ собственномъ сознаніи и въ глазахъ учащихся. Безъ сомнѣнія, здѣсь имѣло огромное вліяніе и то въ высшей степени гуманное обращеніе съ лицами подвѣдомственными вамъ, которое присуще было вашей человѣчной природѣ, которое вытекало у васъ, безъ сомнѣнія, изъ сознанія его необходимости, а не изъ другихъ побужденій, въ высшей степени, повторяю, гуманное обращеніе, которое рѣдко и въ настоящее время, хотя объ немъ такъ много пишутъ и говорятъ. Предъ вами мы всѣ были равны, доступъ къ вамъ для всѣхъ былъ одинаковъ, не было различія въ званіи, въ каждомъ изъ насъ вы прежде всего видѣли человѣка; оттого истина была вамъ доступна и между вами и вашими сослуживцами существовала та нравственная связь, то искреннее довѣріе, при которомъ только и возможны прочные успѣхи въ великомъ дѣлѣ воспитанія. Благодаря этимъ отношеніямъ и вашей постоянной заботливости о ввѣренномъ вамъ вѣдомствѣ, среднія учебныя заведенія наши много выиграли и въ нравственномъ и учебномъ отношеніи. Тѣлесныя наказанія, вредно дѣйствующія на нравственность учащихся, при произвольномъ ихъ употребленіи, почти устранены, разумѣется, насколько это возможно при нынѣшнемъ состояніи нашего общества и нашихъ учебныхъ заведеній; преподаваніе получило болѣе раціональное направленіе, въ ученикахъ возбуждена сознательная дѣятельность, къ чему много способствовали вами учрежденныя *литературныя бесѣды*, въ которыхъ вы принимали такое живое участіе.

Отъ каждаго изъ насъ вы требовали дѣла и дѣло говорило само-за-себя; громкія фразы формальное только исполненіе обязанностей, льстивыя обѣщанія и увѣренія потеряли свою силу. Протекціи утратили свое значеніе: мѣста замѣщались по *конкурсамъ*, слѣдовательно—людьми способными къ педагогической дѣятельности.

Вы не ограничивались одними требованіями и исполненіемъ этихъ требованій. Вы старались разумно вызвать въ насъ педагогическую дѣятельность собственнымъ участіемъ и готовностію содѣйствовать ей всевозможными средствами. Блестящимъ памятникомъ въ этомъ отношеніи останутся *циркуляры* по управленію округомъ: офиціальный перечень служебныхъ перемѣнъ, извѣстный подъ именемъ циркуляра, вы обратили въ одно изъ лучшихъ педагогическихъ изданій въ Россіи. Въ нихъ знакомились мы съ различными мнѣніями о преподаваніи, они служили проводникомъ вашихъ честныхъ убѣжденій и просвѣщеннаго взгляда на воспитаніе. Въ двухлѣтнее ваше управленіе *библіотеки* и *кабинеты* наши значительно увеличились, нѣкоторые изъ преподавателей гимназій получили *средства къ самоусовершенствованію* за границей.

Въ заключеніе г. Самчевскій прибавилъ:

Намъ хотѣлось бы вѣрить, что начала положенныя вами будутъ имѣть благодѣтельные результаты. По крайней мѣрѣ мы съ своей стороны, по мѣрѣ силъ и возможности, будемъ руководствоваться тѣми убѣжденіями, которыми была запечатлѣна ваша дѣятельность.

Но сильное впечатлѣніе произвели на всѣхъ присутствовавшихъ и замѣтно тронули самого Н. И—ча слѣдующія простыя, но исполненныя глубокаго смысла, слова студента историко-филологическаго факультета Драгоманова:

«Николай Ивановичъ! Прислушиваясь къ рѣчамъ, только что произнесеннымъ, я не могъ не замѣтить одной идеи, ихъ проникающей. Присутствующіе высказались ясно, что началомъ вашей многосторонней дѣятельности было полное уваженіе къ человѣку.

Я недавно былъ гимназистомъ и, пользуясь случаемъ, скажу нѣсколько словъ о томъ вліяніи, какое имѣло это начало на нравственное развитіе молодаго поколѣнія.

Въ прежнее время одни начальники съ суровой строгостью требовали формальнаго уваженія къ старшимъ и вызывали въ насъ страхъ и вражду, другіе были маниловски мягки и тѣмъ располагали насъ къ неуваженію. Отсутствіе гуманныхъ принциповъ и взаимнаго уваженія въ обоихъ случаяхъ вело насъ къ своевольству. Вы внушили начальствующимъ, что возведеніе мелочей въ нравственную обязанность даетъ превратное понятіе о самой нравственности, что уваженіе заслуживается, а не требуется, что оно должно быть взаимно. Вы распространили въ нашихъ гимназіяхъ понятіе о законности. Я былъ въ седьмомъ классѣ, когда начались ваши преобразованія. Въ прежнее время въ высшихъ классахъ непризнанная самостоятельность мальчика проявлялась въ самыхъ уродливыхъ формахъ и вражда къ старшимъ достигала крайнихъ предѣловъ. Когда же наше начальство стало постепенно проникаться духомъ вашего управленія, когда ученикъ въ недоразумѣніяхъ съ учителемъ сталъ надѣяться когда нибудь выйти правымъ, въ насъ эта вражда стала стихать. Потому-то мы не враждебно, а съ любовью вспоминаемъ наши послѣдніе школьные годы.

Я не буду, изъ лести къ вамъ, отрицать вліянія нашихъ лучшихъ наставниковъ, но скажу смѣло, что бо́льшая часть этого вліянія узаконялась и самоотверженно поддерживалась вами. И безъ вашего участія гуманныя начала

вошли бы, конечно, со временемъ въ наши гимназіи, но входили бы неспокойно, насильственно, еще болѣе усиливая вражду къ старшимъ Между тѣмъ какъ, при вашихъ преобразованіяхъ, благія послѣдствія постепенно устанавливавшихся человѣческихъ отношеній между старшими и младшими сказались рано. Еще въ седьмомъ классѣ мы стали преслѣдовать нелѣпое молодечество и удерживать нашихъ своевольныхъ товарищей, стали понимать, что начальникъ представитель закона, а не произвола.

Конечно, наши младшіе товарищи могли развиваться еще нормальнѣе: въ какіе нибудь два съ половиною года вы не успѣли окончить вашего дѣла, съ корнемъ уничтожить произволъ и своеволіе. Но васъ-ли винить за то?.. При великомъ уваженіи къ вамъ, я рѣшусь сказать, что даже въ самыхъ обвиненіяхъ, дѣлаемыхъ вамъ непонимающими васъ, есть своя доля правды. Вы дѣйствительно были слишкомъ гуманны. Но можно только пожалѣть о томъ обществѣ, въ которомъ гуманность иногда бываетъ излишнею и производитъ рядомъ съ законной свободой хотя случайное своеволіе! Развѣ слѣдуетъ бояться эманципаціи крестьянъ, изъ-за того только, что иными она можетъ быть ложно понята? И еще вопросъ, что виновато въ этомъ непониманіи: эманципація или закрѣпленіе?

И все-таки въ ваше управленіе не было такихъ взрывовъ своеволія, какіе помнитъ каждый помнящій свои прежніе школьные годы. И все-таки, если вообще здѣшнее юношество теперь ранѣе прежняго сознало, что понятіе о свободѣ необходимо соединяется съ уваженіемъ къ себѣ и другимъ, то оно сознало это именно подъ вліяніемъ нравственнаго порядка, установленнаго вами въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

А потому, господа, позвольте мнѣ отъ лица моихъ товарищей предложить тостъ за людей, разумно воспользовавшихся свободой въ гимназіи и въ университетѣ, за будущихъ серьёзныхъ гражданъ нашего отечества, за человѣка, которому они обязаны началомъ нормальнаго воспитанія, за Николая Ивановича Пирогова!»

Громкія одобренія безпрерывно прерывали слова молодаго человѣка и долго не умолкали послѣ его рѣчи. Когда улеглись взволнованныя чувства, началъ говорить, наканунѣ нарочно присланный изъ Бердичева, смотритель еврейскаго училища Н. Н. Горенбергъ:

«Николай Ивановичъ! Бердичевское образованное общество Евреевъ и учителей прислало меня уполномоченнымъ, чтобы сказать вамъ на этомъ прощальномъ обѣдѣ нѣсколько словъ отъ ихъ имени. Извѣстно, какое шаткое основаніе положено было вновь устроеннымъ въ 1848 г. спеціально еврейскимъ училищамъ для образованія Евреевъ въ Россіи: организація дана имъ была весьма слабая; въ смотрители училищъ назначены были люди по большей части оказавшіеся лишними для христіанскихъ заведеній; для воспитанниковъ и еврейскихъ учителей не дано ни правъ, ни преимуществъ. Слѣдствіемъ такого устройства еврейскихъ училищъ было то, что съ самаго-же начала между училищемъ и обществомъ образовалась преграда: на сторонѣ училища обнаружилось равнодушіе, даже пренебреженіе, на сторонѣ общества—недовѣріе и жалобы; но причина этихъ жалобъ можетъ быть понятна только для того, кто смотритъ на человѣка съ такой *человѣчной* точки зрѣнія, какъ вы. Сколько намъ извѣстно, вы первый въ здѣшнемъ краѣ рѣшились возвысить свой справедливый голосъ въ защиту загнаннаго еврейскаго

племени. Какъ человѣкъ, стоящій выше всякихъ предразсудковъ, вы собственнымъ гуманнымъ примѣромъ больше имѣли вліянія на своихъ подчиненныхъ, чѣмъ всѣ ваши предшественники своими строгими формальными предписаніями. Сила этого личнаго вліянія была такъ велика, что даже люди прежняго порядка нѐхотя поддавались ей и измѣнялись. Это устраняло отъ васъ непріятность удалять ихъ. Какъ попечитель, вы справедливо считали еврейскія училища, если не самою важною, то по-крайней-мѣрѣ самою больною частію своего округа. Какъ медикъ, привыкши сочувствовать страданію человѣчества, вы подавали руку помощи образованной партіи Евреевъ и тѣмъ поддерживали ихъ энергію въ неровной борьбѣ какъ съ фанатизмомъ своихъ отсталыхъ единовѣрцевъ, такъ и съ предразсудками отсталыхъ христіанъ. Евреи все это чувствуютъ и сознаютъ. Они понимаютъ, что вы все это дѣлали не для выставки, а для самаго дѣла, не только по долгу, но и по убѣжденію. За то не преувеличивая можно сказать, что всѣ образованные Евреи въ Россіи и многіе за границею съ благоговѣніемъ произносятъ ваше имя, и этотъ, такъ сказать, нравственный памятникъ народной признательности переживетъ всякій матеріальный. Николай Ивановичъ! Образованная партія Евреевъ съ большою скорбію услышала вѣсть о томъ, что вы разлучаетесь съ нами: если христіане потеряли много, то Евреи потеряли весьма и весьма много. Въ несчастіи люди мнительны, а потому Евреи теперь считаютъ свое дѣло задержаннымъ, если не болѣе... Будущее направленіе нашего округа покажетъ, насколько справедливо ихъ предчувствіе. Дай Богъ, чтобъ оно ихъ обмануло! Впрочемъ, что̀ бы ни было, Евреи надѣются, что вы, Николай Ивановичъ, гдѣ бы вы ни были, не перестанете возвышать въ пользу справедливаго еврейскаго вопроса голосъ болѣе сильный, чѣмъ голосъ попечителя,—голосъ Пирогова. Николай Ивановичъ! Бердичевское общество не только Евреевъ, но и христіанъ, не прощается еще съ вами; оно надѣется, что будетъ имѣть честь проститься съ вами у себя, въ Бердичевѣ.

Васъ, господа, какъ представителей образованія въ здѣшнемъ краѣ, васъ Евреи просятъ поблагодарить вмѣстѣ съ ними Николая Ивановича за все то, что̀ онъ сдѣлалъ для нихъ какъ попечитель и человѣкъ; но еще больше за то, что̀ онъ хотѣлъ сдѣлать... Господа! образованные Евреи предлагаютъ тостъ за здоровье всѣхъ гуманныхъ христіанъ вообще и за совершеннѣйшаго ихъ представителя—Пирогова.»

Тостъ, предложенный г. Горенбергомъ, былъ принятъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, какъ наглядное доказательство высокой, во имя науки всѣхъ братски сближающей и примиряющей дѣятельности Николая Ивановича.

Подали свой голосъ и воскресныя школы: первая идея ихъ была энергически поддержана Н. И-чемъ, который ближе всего принималъ къ сердцу интересы простаго народа и почиталъ образованіе его самою насущною необходимостію для осуществленія великой реформы Освободителя. Завѣдывающій подольскою воскресною школою, штатный смотритель кіево-подольскаго дворянскаго училища, И. И. Слѣпушкинъ сказалъ:

«Позвольте мнѣ не обойти молчаніемъ факта, опущеннаго въ рѣчахъ пред-

шествовавшихъ и которому можетъ быть суждено занять видное мѣсто въ исторіи нашего народнаго образованія. Я разумѣю воскресныя школы.

Первыя школы, какъ извѣстно, открылись въ Кіевѣ, въ ваше управленіе. Здѣсь онѣ развились, упрочились и отсюда уже, быстро размножаясь, распространились по всей Россіи. Если первая мысль этого, богатаго надеждами, дѣла и не принадлежитъ вамъ, Николай Ивановичъ, если съ первыми школами связано имя человѣка еще живущаго въ памяти университета; то во всякомъ случаѣ, смѣло скажу,—безъ вашего ободряющаго содѣйствія, безъ вашей дѣятельной иниціативы, эта мысль еще долго и долго не могла бы осуществиться.

Конечно, теперь, когда дѣло воскресныхъ школъ уже упрочено, легко думать, что оно могло бы совершиться безъ препятствій. Но мы еще живо помнимъ, какимъ общимъ недовѣріемъ были онѣ встрѣчены. И потому не можемъ забыть, что вы первый упрочили положеніе ихъ въ Кіевѣ, а можетъ быть нашъ примѣръ облегчилъ появленіе ихъ и въ другихъ мѣстахъ.

Говорить о значеніи воскресныхъ школъ для образованія народа я считаю и преждевременнымъ и лишнимъ. Врядъ ли кто будетъ сомнѣваться теперь, что это дѣло великой, огромной важности. Напомнивъ о нихъ, я хотѣлъ только заявить, что всякая добрая мысль, всякое истинно-полезное начинаніе встрѣчало въ васъ всегда горячую поддержку и ободреніе.

Не мудрено, если при разставаньи съ вами, въ общемъ тонѣ рѣчей, сказанныхъ сегодня, выразилось такъ много скорбнаго. Въ этой скорби всего менѣе можно видѣть личное чувство. Я не хочу сказать, что оно не сильно къ вамъ; но все личное должно смолкнуть теперь предъ общественной потерей. А въ вашемъ лицѣ, Николай Ивановичъ, общество теряетъ много, *неизмѣримо много!*

Всегда и повсюду являются люди, на долю которыхъ выпадаетъ рѣдкое счастье быть выразителями лучшихъ стремленій времени. На нихъ покоятся надежды тѣхъ, которые желаютъ истиннаго блага странѣ своей и правдиво понимаютъ это благо. Они — неподкупные вожатые, ободряющіе на честномъ пути другихъ; и благо тамъ, гдѣ умѣютъ ихъ цѣнить!

Въ васъ, Николай Ивановичъ, мы, да и не только мы, привыкли видѣть такого вожатая.

Вотъ почему собрались мы сегодня, *печальные, глубоко-потрясенные!*..

Потеря наша не въ безпримѣрномъ начальникѣ, даже не въ высоко-нравственномъ человѣкѣ... мы проигрываемъ болѣе, — да и не одни мы: вся просвѣщенная и мыслящая Россія понимаетъ смыслъ и значеніе вашей дѣятельности!

Разставаясь съ вами, мы выносимъ только одно высокое, но печальное утѣшеніе, что во всякомъ обществѣ остаются люди, ни для чего и ни для кого не жертвующіе своими убѣжденіями!

Позвольте же, мм. гг., предложить тостъ за этихъ людей и, слѣдовательно, за Пирогова.»

Когда высказаны были такимъ образомъ значеніе и плодотворная дѣятельность Пирогова по всѣмъ частямъ ввѣреннаго ему управленія, всталъ онъ самъ и, среди благоговѣйнаго молчанія, раздалась симпатичная, вдумчивая рѣчь его:

«Мм. гг.! Сочувствіе, которое вы мнѣ оказываете, столько же относится ко мнѣ, сколько и къ вамъ самимъ.

Не правда ли, вѣдь вы сочувствуете моимъ взглядамъ на жизнь, науку и школу? Но эти взгляды и убѣжденія столько же мои, сколько и ваши собственные.

Безъ вашего просвѣщеннаго содѣйствія, безъ вашего теплаго участія, могъ ли бы я проводить ихъ, могъ ли бы я имѣть хотя малѣйшую надежду на успѣхъ?

Не имѣя надежды на успѣхъ, могъ ли бы я сохранить и довѣріе къ самому себѣ?

Ваше же содѣйствіе и участіе потому именно было дѣятельно и задушевно, что убѣжденія ваши были моими и мои вашими. Скажу болѣе, они не только мои и ваши, но и общечеловѣческія. Какъ бы, въ наше время, ни казались различными взгляды просвѣщеннаго общества на жизнь, науку и школу, между ними есть все таки одно общее, — это понятіе, глубоко хранящееся въ душѣ каждаго образованнаго, о человѣческомъ достоинствѣ и о высокомъ значеніи нравственной свободы человѣка, заставляющее насъ цѣнить и уважать личность каждаго и въ жизни, и въ наукѣ, и въ школѣ.

Вся моя заслуга, дающая мнѣ право на ваше сочувствіе, состоитъ только въ томъ, что я угадалъ васъ.

Я угадалъ, что вы не смотрите на жизнь, какъ на фантасмагорическій призракъ, которымъ распоряжается каждый фокусникъ для забавы, или для выгоды.

Я угадалъ, что наука въ вашихъ глазахъ не есть одна только гимнастика ума и памяти, видимо полезная себѣ и другимъ.

Я догадался, что школа въ вашемъ понятіи не есть учрежденіе, похожее на мастерскую ваятеля, въ которомъ художникъ по заказу выдѣлываетъ различныя формы изъ грубаго матеріала.

Я понялъ, что вы, глядя на жизнь, науку и школу, не смотрите на каждую изъ трехъ какъ на что-то отдѣльное и замкнутое, какъ на что-то, чѣмъ каждый изъ насъ можетъ распоряжаться по произволу, не обращая вниманія на ихъ взаимную, органическую связь.

Нѣтъ. Я понялъ, что жизнь человѣка для васъ есть безпрерывная, не рѣдко роковая борьба, всего чаще съ самимъ собою, на пути къ совершенству, и что эта борьба зависитъ отъ врожденнаго, ничѣмъ неостановимаго стремленія къ совершенству.

Я узналъ, что въ наукѣ вы не принимаете другой цѣли, кромѣ того же стремленія къ истинѣ, служащаго самому себѣ цѣлью, и считаете школу за одно изъ проявленій жизни съ ея борьбою и съ ея влеченіями къ достиженію вѣчной правды.

Наконецъ, понявъ хорошо другъ друга, могли ли мы всѣ какъ въ жизни, такъ въ наукѣ и въ школѣ, какъ въ ребенкѣ, такъ и въ юношѣ, въ возмужаломъ и въ старикѣ не уважать человѣческаго достоинства, нравственную свободу человѣческаго духа и личность?

Угадавъ и понявъ васъ, проводить наши общія убѣжденія было моею первою обязанностію.

Судить о томъ, какъ я, слѣдовательно и вы, исполняли эту обязанность, значило бы судить о самихъ себѣ.

Такой судъ не можетъ быть безпристрастнымъ.

Время обсудитъ и оцѣнитъ лучше нашего и наши убѣжденія, и наши дѣйствія; а мы, разставаясь, утѣшимъ себя тѣмъ, что и здѣсь, на землѣ, — гдѣ все проходитъ, — есть для насъ одно ненарушимое, — это господство идей. И потому, если мы вѣрно служили идеѣ, которая, по нашему твердому убѣжденію, вела насъ къ истинѣ путемъ жизни, науки и школы, то будемъ надѣяться, что и потокъ времени не унесетъ ее вмѣстѣ съ нами.

Я, съ моей стороны, не перестану служить ей также вѣрно, какъ служилъ вмѣстѣ съ вами. И теперь ли, когда Россія, руководимая благодѣтельнымъ Монархомъ, вступаетъ въ новую эру ея существованія, кто-нибудь изъ насъ осмѣлится нарушить святость долга, оставаясь въ бездѣйствіи?

Какъ ни грустно разставаться съ тѣми, съ кѣмъ были связаны единствомъ мысли и дѣйствій; но все таки для образованнаго ума остается утѣшеніе, что и разлучившись можно жить вмѣстѣ, въ томъ же мірѣ идей, въ которомъ насъ соединятъ телеграфическія нити мысли.

Итакъ, останемся вѣрны нашему призванію и будемъ пользоваться тѣмъ, что доставляютъ намъ наши понятія о жизни, наукѣ и школѣ, которыя соединяли и будутъ соединять насъ всегда, не смотря ни на пространство, ни на время.»

Онъ кончилъ. Въ раздумьи всѣ какъ-бы прислушивались къ послѣднимъ, умирающимъ звукамъ знакомой рѣчи, которую не суждено уже болѣе слышать. Много уже было сказано рѣчей. На обычномъ обѣдѣ они могли-бы наконецъ утомить слушателей, а тутъ незамѣтно летѣли минуты и собесѣдники ждали еще словъ, какъ будто не могли наговориться и наслушаться вдоволь о Пироговѣ.

О христіанской дѣятельности Пирогова сказалъ теплое слово духовникъ его, законоучитель первой гимназіи, священникъ В. П. Каменскій.

Наконецъ, резюмировать все выраженное въ предыдущихъ рѣчахъ досталось на долю профессора исторіи Шульгина. Вотъ слова его:

«Въ послѣднее время такъ размножились торжественные обѣды по случаю, такъ часто раздаются на нихъ рѣчи, въ которыхъ ораторы не столько заботятся выставить заслуги того, о комъ говорятъ, сколько воздвигаютъ памятникъ собственному краснорѣчію, что, право, становится подчасъ совѣстно и ѣсть, и пить, и говорить въ честь личности, истинно и высоко цѣнимой и уважаемой. Но чтожъ дѣлать, когда въ настоящее время это единственное средство заявить свое мнѣніе о человѣкѣ противъ превратныхъ толковъ.....

И потому неудивительно, что сегодня столь многіе и такъ много говорили, да и я еще говорить хочу о человѣкѣ, который нынѣ съ нами разлучается. Я увѣренъ впрочемъ, что всѣ изъ говорящихъ сегодня согласились-бы наложить на себя обѣтъ долгаго молчанія, лишь-бы можно было еще долго трудиться и мыслить вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ, слушать одну его вдохновительную рѣчь, почерпать въ его словѣ, въ его примѣрѣ, силы для безмолвнаго труженичества на пользу общую.

Въ моихъ словахъ будетъ наглядный сводъ того, о чемъ говорили подробно мои предшественники и о чемъ гораздо подробнѣе и краснорѣчивѣе говорятъ сами дѣла ваши:

1) Конкурсовый порядокъ замѣщенія каѳедръ въ университетѣ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округа, 2) первый осуществленный планъ педагогической семинаріи, который легъ въ основу нынѣшнихъ педагогическихъ курсовъ, 3) спеціализація отдѣловъ историко-филологическаго факультета на историческій, классической филологіи и славянорусской филологіи, 4) правила о судѣ надъ студентами, 5) устройство студентской библіотеки и лекторіи и снабженіе первой пожертвованіемъ собственныхъ его книгъ, 6) возвышеніе значенія педагогическихъ совѣтовъ, 7) преобразованіе окружнаго циркуляра въ замѣчательное педагогическое изданіе, 8) правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ, 9) совершенное преобразованіе гимназическихъ испытаній, 10) литературныя бесѣды учениковъ, 11) воскресныя школы, 12) возвышеніе еврейскихъ учебныхъ заведеній.

Довольно, кажется, совершено въ $2^1/_2$ года для того, чтобы свидѣтельствовать о вашей неутомимой дѣятельности даже передъ тѣми, которые имѣютъ неслишкомъ зоркіе глаза, чтобы видѣть! Надо при этомъ замѣтить, что и передовые люди подчинены тому же закону, какъ и непередовые: подъ вліяніемъ окружающей дѣйствительности, они не все то могутъ совершить, что желали-бы совершить и что способны совершить.

Но не въ видимой ломкѣ стараго и не въ видимой постройкѣ новаго, не въ кипахъ бумаги, исписанной правилами и постановленіями, заключается тайна вліянія передовыхъ людей. Она заключается въ томъ живительномъ духѣ, которымъ избранныя личности воодушевляютъ и лица и учрежденія, отъ нихъ зависящія. Всѣмъ намъ извѣстно, что первый вопросъ, какой ставилъ Н. И. при имени каждой науки, былъ вопросъ о томъ, какую *образовательную силу* имѣетъ эта наука и какъ приложить эту образовательную силу къ дѣлу. Всѣмъ намъ извѣстно, что при каждомъ удобномъ случаѣ, всѣми средствами, какими располагалъ онъ, старался Н. И. вызвать къ *самодѣятельности* и непочатыя, свѣжія силы младшаго, и, быть можетъ, уже усталыя силы старшаго поколѣнія. Въ этихъ двухъ началахъ — великая заслуга Пирогова, въ нихъ жизненный нервъ образованія вообще и гуманнаго образованія въ особенности.

Но гдѣ же слѣды этой дѣятельности, этого великаго вліянія? спросятъ, быть можетъ, люди, которымъ духовное явленіе видно только тогда, когда на него пальцемъ ткнёшь...

А хоть-бы въ словахъ этого студента, недавно гимназиста, такъ разумно сознающаго отношеніе ученика къ наставнику и обществу и такъ благородно признающаго, кому онъ этимъ сознаніемъ обязанъ..

А развѣ не указываетъ, на вліяніе Пирогова, Еврей, предлагающій пособіе бѣднымъ студентамъ—Евреямъ и христіанамъ безъ различія?..

А этотъ наконецъ представитель Евреевъ, только-что провозгласившій отъ ихъ имени тостъ за образованныхъ христіанъ, имѣющихъ такого представителя человѣчности въ Пироговѣ...

Во время обѣда получены были депеши изъ стоящихъ на телеграфической линіи городовъ учебнаго округа: изъ *Полтавы*—7, отъ совѣта губернской гимназіи, женской гимназіи, уѣзднаго училища, пансіоновъ г-жъ Куммингъ и Лерцеръ, отъ 35 полтавскихъ жителей и, особо, отъ полтавскихъ гимназистовъ; отъ *Черниговской* гимназіи; изъ *Житоміра*—3, отъ губернской гимназіи и, особо, отъ почет

наго попечителя гимназіи, и отъ раввинскаго училища; изъ *Ровна*—2, отъ гимназіи и, особо, отъ гимназистовъ; изъ *Петербурга*—отъ студентовъ университета, отъ евреевъ-студентовъ университета и медикохирургической академіи, отъ бывшихъ студентовъ *Кіевскаго* университета, и отъ многихъ другихъ лицъ.

Послѣ обѣда, по удаленіи Н. И., нѣкоторые изъ оставшихся лицъ приняли участіе въ подпискѣ, инициатива которой принадлежитъ студентамъ. Собранную сумму предположено употребить, съ разрѣшенія высшаго начальства, для той общеполезной ученой цѣли, какую угодно будетъ назначить самому Н. И-вичу.

Въ тотъ же день, въ одинъ часъ съ началомъ обѣда, студенты. съ разрѣшенія начальства, открыли въ зданіи университета *безплатную ежедневную школу*, въ знакъ благодарной памяти о Пироговѣ.

Нѣсколько дней спустя получено было письмо отъ кременчугскаго 1-й гильдіи купца, Исаака Германа. Въ немъ онъ проситъ у Николая Ивановича позволенія назвать по его имени *стипендію*, на учрежденіе которой въ университетѣ св. Владиміра онъ намѣревался просить разрѣшенія высшаго начальства.

8-го апрѣля, къ 10-ти часамъ утра, въ большой актовой залѣ университета собрались студенты и ожидали своего бывшаго руководителя. Никакихъ распоряженій для соблюденія внѣшняго порядка не было принято, потому-что молодые люди (говоритъ «*Описаніе*») обязали другъ друга честнымъ словомъ—проститься съ Пироговымъ достойно Пирогова. Прощаніе показало, что довѣріе было совершенно оправдано. Въ 10-ть часовъ вошелъ Николай Ивановичъ, въ сопровожденіи ректора, и сказалъ студентамъ:

«Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня по напрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ, потому что старики—наши отцы и дѣды, и каждый изъ насъ чѣмъ-нибудь имъ обязанъ. Глядя на старость, мы вспоминаемъ доброе. Слабости и худое забываются при взглядѣ на сѣдину. Но не всѣ знаютъ, что и молодость должно уважать. Она является намъ тотчасъ же съ ея страстями, вспышками и порывами на первомъ планѣ. Правда, и ее извиняютъ, приводя незрѣлость, неопытность, увлеченіе. Но у нея нѣтъ прошедшаго, а ея будущее кажется чѣмъ-то страшнымъ, по его неизвѣстности. Между тѣмъ, кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Бывъ попечителемъ уни-

верситета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли, я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ-ли я иначе за него взяться, когда помня и любя время моего образованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ и тѣ стремленія, которыя меня тогда одушевляли; вспоминая, уважалъ ихъ въ себѣ. Я невольно переносилъ ихъ и на васъ и въ васъ любилъ и уважалъ то же самое, что привыкъ любить и уважать въ самомъ себѣ. И теперь, разставаясь съ вами, я объявляю гласно, что все время моего попечительства ни разу не раскаялся въ образѣ моихъ дѣйствій. Частные случаи, какъ бы они ни клонились не въ вашу пользу ни однажды не поколебали моего довѣрія къ цѣлой корпораціи студентовъ, потому что частныя проявленія неизбѣжнаго зла не должны, по моимъ понятіямъ, служить причиною къ уничтоженію добра.

Я былъ приготовленъ къ тому, что меня не вдругъ вы поймете, и еще менѣе поймутъ ваши отцы или цѣлое общество. Это лежало въ порядкѣ вещей. Судятъ не по намѣреніямъ, а по результатамъ. А результаты въ такихъ дѣлахъ обнаруживаются не скоро, не безъ препятствій и не безъ толковъ, распространяемыхъ незнаніемъ, близорукостью, подозрѣніемъ и мелочными страстями. Я зналъ, что истина моихъ убѣжденій разъяснится не разомъ для всѣхъ, а между тѣмъ встрѣтится много такого, что будетъ говорить противъ меня и заслужитъ порицаніе тѣхъ, которые думаютъ перейти отъ одного порядка вещей къ другому, противоположному, измѣнивъ только внѣшнюю обстановку, или тѣхъ, которые вовсе ничего не думаютъ. Я зналъ, что немногіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще, зналъ наконецъ и то, что меня будутъ обвинять въ слабости, въ неумѣніи и въ гоньбѣ за популярностью; но все это не могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденій, не могло остановить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣріи къ ея благородству мыслей и стремленію къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потому что я не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не мною. Это значило-бы для меня перестать жить. Я остался мною и разставаясь съ вами, уношу тѣ же убѣжденія, которыя принесъ къ вамъ, которыя никогда и ни отъ кого не скрывалъ, потому что считалъ преступнымъ скрывать начала, служившія основаніемъ моихъ дѣйствій. Надѣюсь, вы успѣли также убѣдиться, что я основывалъ мои отношенія къ вамъ на томъ же нравственномъ довѣріи, которое имѣлъ право требовать и отъ васъ, потому что дѣйствовалъ прямо, и знаю, что на молодость нельзя дѣйствовать иначе, какъ пріобрѣвъ полное довѣріе. Вы увѣрились, полагаю, что я водворялъ между вами уваженіе къ закону, долгу и власти не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ. Я не приказывалъ, а убѣждалъ, потому что заботился не о внѣшности, а о чувствѣ долга, которое признавалъ въ молодости также, какъ и все другія высокія стремленія духа. Наконецъ вы, думаю, увѣрились, что для меня всѣ вы были одинаково равны, безъ различія вашихъ національностей. Въ моихъ глазахъ университетъ, служащій вамъ мѣстомъ образованія, не могъ быть мѣстомъ другихъ стремленій, кромѣ научныхъ. Поэтому-то я также искренно желалъ и вашего сближенія съ представителями науки въ университетѣ, нарушеннаго, къ сожалѣнію, временемъ и обстоятельствами. Но не различая вашихъ національностей предъ лицемъ науки, я никогда не мечталъ

о слитіи васъ въ одно цѣлое, избѣгалъ раздражать самолюбіе и навязывать вамъ такія убѣжденія, которыхъ у васъ не могло быть, потому что гнушался притворствомъ и двуличіемъ. Я твердо вѣрилъ, что одно взаимное довѣріе и примѣръ водворятъ между вами законность и порядокъ. Законность и порядокъ упрочатъ нравственную свободу университетской жизни. Эта свобода разовьетъ самодѣятельность и любовь къ наукѣ, которая, въ свою очередь, представитъ университетъ въ вашихъ глазахъ чуждымъ всѣхъ постороннихъ стремленій. Нѣсколько для меня знаменательныхъ фактовъ доказали мнѣ, что мои убѣжденія, мои надежды не обманули меня, и взаимное довѣріе, которое я клалъ за основу моихъ дѣйствій, обнаруживаясь не разъ, награждало мои труды и заботы. И если я заслужилъ, чтобы вы меня помнили, то это докажутъ всего болѣе тѣ изъ васъ, которые, сохранивъ въ памяти мой взглядъ на университетъ, оправдаютъ своею жизнію мое довѣріе, любовь и уваженіе къ вашей молодости. А я, разставаясь съ вами прежде, чѣмъ успѣлъ достигнуть моей цѣли, буду имѣть утѣшеніе въ томъ, что оставался вѣрнымъ моимъ началамъ, и буду счастливъ тѣмъ, что, если и не довелъ еще ни одного изъ васъ до истиннаго счастія, то, по крайней мѣрѣ, ни одного не сдѣлалъ, по моей волѣ, несчастнымъ.

Итакъ прощайте. Служите вѣрно наукѣ и правдѣ, и живите такъ, чтобы, состарѣвшись, могли безупречно вспоминать вашу и уважать чужую молодость.»

На эти слова, которыя ясно говорятъ сами за себя, отвѣчалъ студентъ юридическаго факультета, г. Сологубъ:

«Николай Ивановичъ! Разставаясь съ вами, кромѣ благодарности за ваше высоко-гуманное обращеніе, за ваше отношеніе къ намъ не какъ начальника, а доброжелательнаго, опытнаго совѣтника во всѣхъ благородныхъ намѣреніяхъ, мы благодаримъ васъ за дѣло, которое, какъ память вашего всегдашняго сочувствія къ распространенію интересовъ науки между студентами, перейдетъ къ поколѣніямъ лишеннымъ возможности развиваться при просвѣщенномъ попечительствѣ вашемъ. Дѣло это: открытіе нашей библіотеки. Вашему участію, скажемъ больше, вашей настойчивости, вашимъ пожертвованіямъ обязана библіотека своимъ существованіемъ. Каждый, посѣщающій лекторію, каждый, пользующійся библіотекой, съ благодарностію вспомнитъ перваго ихъ основателя.

Мы просимъ позволенія украсить вашимъ портретомъ нашу лекторію. Кому не выпала завидная участь развиваться при вашемъ попечительствѣ, тотъ будетъ имѣть возможность, посѣщая лекторію, постоянно встрѣчаться съ портретомъ личности, которой имя съ сочувствіемъ и уваженіемъ произносится не въ одномъ нашемъ университетѣ, имя, ободряющее трудъ, постоянство убѣжденій и развитіе всего лучшаго въ человѣкѣ.

Если обязанность попечителя въ отношеніи къ университету—возбудить въ молодыхъ людяхъ любовь къ наукѣ, то обязанность эта достойно выполнена вами. Но вы сдѣлали болѣе: вы поставили насъ въ положеніе, вызвавшее болѣе самостоятельности въ каждомъ. Вы вѣрили, что мы дожили до того времени, когда предоставленіе человѣку большаго простора въ дѣйствіяхъ, уменьшеніе формальностей, доставленіе большихъ средствъ къ занятіямъ, а не принужденіе къ нимъ, дѣйствіе не приказаніемъ, а убѣжденіемъ, доставятъ ему болѣе вѣры въ себя и укажутъ настоящее направленіе. Мы съ гор-

достію можемъ указать на только что сказанныя вами слова: «я никогда не раскаявался въ своихъ убѣжденіяхъ относительно васъ».

Позвольте же выразить вамъ наше глубокое уваженіе, нашу искреннюю благодарность за все сдѣланное вами для насъ. Библіотека, основанная вами, будетъ подтверждать истину того свѣтлаго воспоминанія, той симпатіи, той благодарности, которыя до тѣхъ поръ будутъ жить въ нашемъ университетѣ, пока онъ будетъ сочувствовать лучшимъ человѣческимъ и научнымъ стремленіямъ.

Намъ, лишившимся васъ, остается только пожелать продолженія вашей дѣятельности, которая вездѣ и всегда будетъ достойна вашей личности, слѣдовательно всегда полезна, всегда цѣнима всѣми, тѣмъ болѣе дорога для насъ: она напомнитъ намъ то время, когда дѣятельность эта преимущественно посвящена была намъ.

Вечеромъ того же дня происходила литературная ученическая бесѣда, послѣдняя, на которой присутствовалъ основатель бесѣдъ, да и то́ уже въ качествѣ гостя, а не хозяина. По окончаніи бесѣды, ученикъ 2-й гимназіи, Василій Лѣсковъ, произнесъ прощальную рѣчь, въ которой, между прочимъ, высказалъ слѣдующее:

«Вы были для насъ попечителемъ въ полномъ, истинномъ значеніи этого слова, потому что всѣ наши интересы были близки сердцу вашему и составляли предметъ постоянныхъ попеченій вашихъ. Вы всегда старались вести насъ путемъ правды и добра. *Правила о наказаніяхъ и проступкахъ*, которыя мы имѣли всегда передъ глазами, предостерегая насъ отъ шалостей, въ то-же самое время показывали намъ, что наказанія назначаются намъ не произвольно, но въ силу утвержденныхъ правилъ. Измѣненіемъ системы нашихъ *экзаменовъ* вы заставили насъ сознательно и постоянно заниматься предметами, и заниматься не для экзаменовъ только, но для того чтобъ усвоить то, что́ намъ преподавалось. Вы всегда старались способствовать нашему развитію. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для этого были *литературныя бесѣды*, которыя были направлены къ установленію взаимнаго обмѣна мыслей между воспитанниками и воспитателями и сближали ихъ между собою. А этого-то сближенія недоставало въ гимназіяхъ, и отсутствіе его мѣшало дѣлу воспитанія».

9-го апрѣля данъ былъ Н. И. Пирогову обѣдъ кіевскимъ обществомъ.

«Великая заслуга Пирогова, въ ряду другихъ заслугъ его, «говоритъ авторъ *Опасанія прощанія его съ Кіевомъ*,» и заключалась именно въ томъ, что онъ сблизилъ общество съ учебнымъ міромъ.

«При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ мѣстныхъ и временныхъ, препятствовавшихъ его дѣятельности, онъ съумѣлъ первый въ здѣшнемъ краѣ сдѣлать интересы учебнаго вѣдомства интересами общественными. Распоряженія его, какъ руководителя воспитательной части, были открыты для каждаго. Сколько-нибудь существенная мѣра всегда предавалась печати. Поэтому каждый заинтересованный въ дѣлѣ воспитанія зналъ эти мѣры и въ «собственномъ домѣ, на самыхъ близкихъ, какъ выразился одинъ изъ участвующихъ на обѣдѣ, повѣрялъ ихъ благіе результаты». Притомъ Пироговъ былъ доступенъ

какъ частное лицо для каждаго и, сверхъ того, личнымъ письменнымъ трудомъ и непреоборимымъ вліяніемъ онъ вызвалъ округъ къ небывалой умственной и педагогической дѣятельности. Общество, по крайней мѣрѣ мыслящая часть его, осязательно поняло, что воспитаніе не есть формальная дрессировка, удобное средство для пріобрѣтенія привилегій; оно увидѣло, что авторъ *Вопросовъ жизни* самъ, и, подъ его вліяніемъ, окружающіе его стараются сообщить воспитанію будущихъ поколѣній характеръ жизненнаго, насущнаго вопроса. Общество поняло это и оцѣнило. Отсюда неудивительно, что вѣсть объ оставленіи Н. И-мъ должности попечителя отозвалась такъ же скорбно и съ тою же силой въ самомъ обществѣ, какъ и между учебнымъ вѣдомствомъ. Общее сочувствіе выразилось въ разныхъ формахъ: въ мысли о подпискѣ, о стипендіи, въ желаніи многихъ пріобрѣсть портретъ Пирогова. Тѣ, для которыхъ онъ трудился послѣдніе два года, сознавали ясно, что теряютъ въ немъ, независимо отъ необыкновенной симпатической личности знаменитаго педагога и человѣка, выразившаго въ себѣ лучшія, хотя, можетъ-быть, инстинктивныя ихъ стремленія.

«Съ этой точки обѣдъ 9-го апрѣля представлялъ фактъ небывалый и многознаменательный.

«Едва только была заявлена мысль о гласномъ выраженіи общаго сожалѣнія отъѣзжающему, какъ готовность участвовать въ немъ выразилась отовсюду. Лица разныхъ классовъ и вѣдомствъ, военные и штатскіе, спѣшили принять участіе въ грустномъ торжествѣ. Конечно, тупое и безсильное недоброжелательство, обыкновенно сопровождающее замѣчательныя личности, пыталось и здѣсь уронить значеніе обѣда, придавъ ему далеко не такой характеръ, какой онъ имѣлъ по составу лицъ, въ немъ участвовавшихъ. Разумѣется, эти усилія остались безъ успѣха, потому что дѣло говорило само за себя. Утромъ, въ день обѣда, число участвующихъ возросло до 140 и затѣмъ приходилось уже отказывать многимъ, такъ какъ зала, выбранная для торжества, не вмѣщала въ себя болѣе посѣтителей. Оживленный и пестрый видъ представляло собраніе, когда вошелъ Н. И., сопровождаемый депутатами. Здѣсь каждый по своему спѣшилъ выразить ему свое сочувствіе, но всего опредѣленнѣе оно выразилось, разумѣется, въ рѣчахъ».

Говорили отцы семействъ, благодарившіе Пирогова за дѣтей своихъ, Еврей отъ лица своихъ соплеменниковъ, иностранецъ, высказавшій удивленіе, возбужденное въ немъ простотой обхожденія Пирогова, говорили и другіе. Не имѣя возможности помѣстить здѣсь все сказанное, приводимъ только нѣкоторыя замѣчательнѣйшія мѣста рѣчей:

«Граждане города Кіева,» сказалъ Пирогову почтенный отецъ семейства и бывшій градской глава Н. С. Балабуха, «не одною славою, которая разноситъ имя ваше по всей Россіи и даже по всей Европѣ, какъ извѣстнѣйшаго благодѣтеля человѣчества, побуждаются изъявлять вамъ свое глубокое уваженіе и душевную признательность.

«Наши дѣти, обучающіяся здѣсь въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ отъ университета до воскресныхъ школъ, вамъ обязанныхъ своимъ существованіемъ, возбуждаютъ насъ къ тому, потому что всѣ они питаютъ къ вамъ почтительную привязанность и часто повторяютъ имя ваше, какъ ихъ высокаго руководителя и воспитателя въ правилахъ чести, человѣколюбія, въ духѣ правды и

истины. За нихъ-то мы почитаемъ святымъ долгомъ благодарить васъ и отъ глубины души искренно, сердечно благодаримъ, благодаримъ! Дай Богъ, чтобы добрыя сѣмена, вами и подъ вашимъ руководствомъ, достойными наставниками посѣянныя въ юныхъ умахъ и сердцахъ дѣтей нашихъ, сохранялись, возрастали и приносили благіе плоды любезному отечеству нашему, плоды, радующіе наше сердце.»

Г. Каценъ сказалъ:

«Не стану говорить о фактической, всѣми видимой сторонѣ вашей дѣятельности: она уже была понята и оцѣнена представителями другихъ еврейскихъ обществъ. Я остановлюсь на сторонѣ еще болѣе свѣтлой, болѣе богатой послѣдствіями—на нравственномъ вліяніи вашей дѣятельности, отразившемся такъ благодѣтельно на русскихъ Евреяхъ. Бѣдственная участь нашего народа въ средніе вѣка оставила насъ въ состояніи человѣка, ошеломленнаго постоянными несчастіями, мучительными преслѣдованіями; мы такъ были измучены, такъ избиты, что намъ нечего было болѣе бояться, нечего было болѣе повредить въ насъ. Наученные опытомъ, мы не могли вѣрить, чтобы кто-нибудь захотѣлъ облегчить наши страданія. Новая исторія не слишкомъ много сдѣлала для того, чтобы вывести насъ изъ этого нравственнаго оцѣпенѣнія, этого гибельнаго недовѣрія ко всему не-европейскому. Правда, орудіе было другое: въ среднихъ вѣкахъ—физическая сила, въ новыхъ—низшая степень гражданскихъ правъ. Разумѣется, время и цивилизація взяли свое: образованное меньшинство успѣло примириться съ настоящимъ и съ любовію и надеждой протягиваетъ руку потомкамъ, забывъ вину предковъ; но для того, чтобы возбудить это чувство довѣрія въ массѣ, къ окружающей ее средѣ, нужна была личность, не только одинаково сочувствующая интересамъ всѣхъ народностей, но и привязанная къ нашему бѣдному, страдальческому племени особеннымъ чувствомъ сострадавія, снисходительности къ его слабостямъ, какъ къ необходимымъ послѣдствіямъ историческаго хода событій, нужна была личность свѣтлая, высоконравственная, нужны были вы Н. И.! Вы это и сдѣлали. Ваше имя, имя Русскаго стало популярнымъ между Евреями; вы намъ дали этимъ надежду на сближеніе съ народомъ русскимъ, сближеніе, составляющее задушевное желаніе, самое искреннее стремленіе образованнаго Еврея. Вотъ подвигъ, который вы совершили, вотъ заслуга, за которую ваше имя останется вѣчнымъ памятникомъ въ исторіи развитія еврейскаго народа.»

Простыя слова Француза г. Морена, недавно пріѣхавшаго въ Россію и дививщагося благосклонному пріему, которымъ удостоилъ его бывшій попечитель, оказавшійся не суровымъ и не неприступнымъ, а просто-привѣтливымъ, равно какъ и рѣчь г. Судовщикова, оставляютъ глубокое, отрадное впечатлѣніе. Вотъ-что сказалъ г. Судовщиковъ:

«На службѣ ли, въ частныхъ ли отношеніяхъ, мы видѣли въ васъ ту же неизмѣнность своимъ убѣжденіямъ и терпимость къ чужимъ, ту же независимость, ту же прямоту, то же желаніе быть полезнымъ всякому, то же довѣріе къ человѣку, тотъ же сочувственный откликъ всему человѣческому.

«Мало того, кто хоть разъ побылъ въ вашемъ кабинетѣ, тотъ могъ уже заключить, что уваженіе къ человѣку не только перешло у васъ изъ головы въ сердце, но оно усвоилось всѣмъ организмомъ вашимъ, сдѣлалось вашею

натурой, и сказалось въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи вашемъ; эти человѣчныя начала проникли въ самую манеру вашу, которую иначе нельзя назвать, какъ человѣчною.

«Генералъ, учитель, профессоръ, сторожъ, гимназистъ, богатый купецъ и жалкій продавецъ спичекъ—вы встрѣчали ихъ всѣхъ равно человѣчно. Ваше естественное, даже рѣзкое прямодушіе легко отражалось на посѣтителѣ и никто не стѣснялся совѣтоваться съ вами ни о какомъ честномъ дѣлѣ. Скажу больше: я знаю людей, которые искусственно пріискивали предлоги пойти къ вамъ, только бы слышать ваше мудрое, теплое слово, только бы наглядѣться на ваше открытое, спокойное лицо.

«Какъ, повидимому, ни обыкновенны въ человѣкѣ такія человѣческія свойства, сколько ни велико въ наше время число людей, претендующихъ на гуманность, но у насъ пока она—вещь рѣдкая, слишкомъ рѣдкая.

«Отдаемъ все должное гуманнымъ людямъ нашимъ—и все-таки не можемъ не замѣтить, что одинъ изъ нихъ подавляетъ тебя своимъ ученымъ авторитетомъ и высокомѣрнымъ взглядомъ на всякое противорѣчіе, другой видимо рисуется гуманностью въ серіозномъ кружкѣ и показываетъ свое общественное положеніе въ комильфотной гостиной, третій отдѣлывается чиновническою вѣжливостью отъ всѣхъ, кромѣ интимныхъ пріятелей, четвертый наконецъ, при случаѣ, просто подымаетъ плечи и щеголяетъ украшеніемъ на шеѣ.

«А впрочемъ все это передовые люди наши, представители нашего образованія, всѣ они такъ убѣдительно говорятъ о гуманности вообще и такъ добросовѣстно умиляются собственною.

«Бѣда только въ томъ, что головная гуманность не даетъ общаго настроя ихъ жизни, не проходитъ сквозь ихъ житейскія отношенія.

«Вина всему, очевидно, заключается не въ самихъ личностяхъ, а въ той необразованной средѣ, гдѣ воспитались онѣ; не умѣя возвыситься надъ нею нравственно и сохранивъ многіе недостатки большинства, лучшія личности наши успѣли возгордиться потому только, что нашли мало подобныхъ себѣ по умственному развитію.

«Вы, Н. И., смѣло можете находить еще меньше подобныхъ себѣ, вы больше другихъ оказали услугъ обществу, вы имѣете много внутреннихъ и внѣшнихъ отличій, вы наконецъ родились въ той же необразованной средѣ.

«Какъ же вы успѣли раздѣлаться съ мелочною спѣсью даже лучшихъ людей нашихъ?

«Какъ же вы остались такъ гуманны на дѣлѣ, такъ просты душою, такъ естественны со всякимъ человѣкомъ?

«Кто же виною тому?

«Конечно, не русская жизнь—она успѣла испортить много и лучшихъ людей—а ваша собственная нравственная личность, высокая и простая, какъ все высокое. Она-то одинаково человѣчно выражается и въ общественной дѣятельности и въ вашихъ личныхъ, ежедневныхъ отношеніяхъ; она-то вызвала къ вамъ симпатію даже тѣхъ людей, которые почти не знали васъ, какъ человѣка.»

Какъ ни ярко изображаютъ характеръ дѣятельности и личныя свойства Николая Ивановича приведенныя нами слова присутствовавшихъ на обоихъ обѣдахъ, но яснѣе и нагляднѣе основныя начала си-

стемы его отразились въ краснорѣчивомъ и мудромъ словѣ самого знаменитаго гостя.

«То, что мнѣ теперь предстоитъ,» сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ,» сходно съ тѣмъ, что для меня прошло.

«Позднею весной, послѣ продолжительной и суровой зимы, я буду орать и засѣвать мои поля (¹), запущенныя, засоренныя плевелами и съ закопавшеюся вблизи саранчей.

«Я буду трудиться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю; постараюсь сдѣлать все какъ-можно раціональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободнымъ, буду обходиться и съ рабочими какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными.

«Но, разумѣется, законовъ природы и необходимости этимъ не измѣню.

«Растаявшій ледъ превратится въ потоки воды, которые во многихъ мѣстахъ разнесутъ мои сѣмена; саранча выведется тамъ, гдѣ она не была разрушена плугомъ и воздухомъ; рабочіе не сразу поймутъ, что для нихъ лучше такъ работать, чѣмъ по прежнему.

«И можетъ-быть мои труды и заботы не удадутся на первый разъ. Это, конечно, не остановитъ меня, потому что я знаю, отчего сразу не можетъ все идти хорошо.

«Но найдутся, безъ сомнѣнія, и тутъ люди, которые скажутъ, что причина, почему у меня не все взошло, не потоки воды, разнесшіе мои сѣмена, не ледяная кора, покрывавшая слишкомъ долго землю, и даже не саранча, которая закопалась еще до меня, а то, что я началъ обработывать мои поля не по прежней рутинѣ и слишкомъ скоро замѣнилъ крѣпостной трудъ свободнымъ.

«Бывъ попечителемъ, я также оралъ и засѣвалъ мое поле позднею весной, едва оттаявшее отъ лучей вешняго солнца; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободный и прибыльный для обѣихъ сторонъ.

«Мудрено ли, что могли и тутъ найдтись такіе, которые не въ законахъ необходимости, не въ порядкѣ вещей искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву?

«Но неужели же я долженъ былъ остановиться, слушая толки и не вѣря болѣе въ то, что зналъ вѣрно; неужели долженъ былъ измѣнить весь планъ моихъ дѣйствій, промѣнять раціональность и здравый смыслъ на рутину и безсмысліе?

«Кѣмъ былъ бы я тогда въ глазахъ передовыхъ людей, мнѣніемъ которыхъ дорожу, и главное,—кѣмъ былъ бы я тогда въ собственныхъ глазахъ моихъ?

«Теперь, когда я начну у себя хозяйничать, я долженъ буду прежде всего позаботиться о кредитѣ. Мнѣ необходимо довѣріе тѣхъ, съ кѣмъ я буду вести мои дѣла.

«Но если кредитъ и взаимное довѣріе теперь необходимы для меня, какъ для будущаго хозяина: то не болѣе ли они мнѣ были нужны, когда я былъ попечителемъ?

«Что могъ я сдѣлать существеннаго, не заслуживъ сначала полнаго нравственнаго довѣрія тѣхъ, которыхъ главная обязанность проводить убѣжденія' и тѣхъ, на кого я долженъ былъ дѣйствовать путемъ убѣжденія?

(¹) Н. И. уѣзжалъ въ деревню.

«Вотъ это-то полное, нравственное довѣріе я и старался всѣми салами водворить и между старыми, и между молодыми. Но для этого я долженъ былъ дѣйствовать прямо и откровенно. Въ краѣ, гдѣ постоянно нужно сообразоваться съ различіемъ національностей, я не могъ не быть ровенъ и одинаковъ со всѣми и строго безпристрастенъ, желая добра и правды всѣмъ безъ различія.

«Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе, въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серіозный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга и законности, къ благородству и достоинству человѣка, онъ не можетъ расчитывать ни на себя, ни на другихъ.

«Таковъ мой взглядъ. Онъ не могъ не казаться страннымъ и даже, можетъ-быть, опаснымъ. Я это очень хорошо зналъ всегда. Но не мною я быть не могъ. И мнѣ оставалось идти, не отступая, предоставивъ Провидѣнію рѣшить кто крѣпче: препятствія ли, которыя я долженъ былъ встрѣтить, или я самъ.

«Слѣдуя моему взгляду, мнѣ нужно было дѣйствовать и на учащуюся молодежь и на самихъ наставниковъ. Общество, отцы, сограждане имѣли полное право требовать отчета въ моихъ дѣйствіяхъ: хвалить и порицать.

«А тогда можно ли было обойтись обществу, составленному изъ нѣсколькихъ національностей, безъ разнорѣчій, ложныхъ слуховъ и неправильныхъ толкованій?

«Но долженъ ли я былъ имъ подчиниться и исказить мой образъ дѣйствій для того только, чтобъ утѣшать себя обманчивою тишиною, пассивнымъ безмолвіемъ и кажущимся порядкомъ?

«Ученіе и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ. Но и въ слабыхъ я чтилъ человѣческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою.

«На этомъ уваженіи, которое я заявлялъ открыто и гласно, основывалъ я и то взаимное, нравственное довѣріе наставниковъ и учащихся, которымъ начиналъ уже пользоваться, но не для себя, а въ интересахъ университета и цѣлаго общества этого края.

«Я твердо зналъ, что необдуманные порывы молодости и поступки, противорѣчащіе законамъ нравственности, будутъ исчезать сами собою по мѣрѣ того, какъ возрастетъ еще сильнѣе довѣріе, а съ нимъ вмѣстѣ и значеніе нравственной власти.

«Я зналъ, что гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, тамъ исчезаетъ произволъ съ его волнующими слѣдствіями.

«Я не могъ дождаться этого счастливаго времени; но вамъ, мм. гг., членамъ общества, предстоитъ, если вы вполнѣ раздѣляете мои взгляды и сочувствуете моимъ убѣжденіямъ, поддержать данное мною направленіе вашимъ мнѣніемъ, вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ и любовью къ общему благу.»

Весьма замѣчательна рѣчь М. В. Юзефовича, бывшаго помощника попечителя кіевскаго округа:

«Настоящее собраніе, независимо отъ прямой своей цѣли, есть фактъ весьма утѣшительный: оно доказываетъ, что у насъ есть уже элементы для высшихъ требованій жизни, есть достаточно развитія для сознанія главныхъ ея интересовъ, есть, слѣдовательно, способность итти впередъ. Дѣятельность

Н. И. Пирогова была здѣсь такова, что ее не могла бы осмыслить неподвижная рутина; насъ же собрало здѣсь сознательное сочувствіе къ знаменитому двигателю отечественнаго просвѣщенія.

«Оставленіе имъ этого поприща отзовется, безъ сомнѣнія, грустнымъ чувствомъ во всей мыслящей Россіи. Тѣмъ грустнѣе оно для тѣхъ, кто могъ воочію слѣдить за его дѣятельностію.

«Конечно, не всѣ у насъ одобряли систему Пирогова. Многіе, смотря на воспитаніе съ формальной его стороны, не могли примириться съ тѣми явленіями, которыя неизбѣжны на поверхности всякаго переворота, и не дождавшись результатовъ, по нагляднымъ признакамъ, осуждали самую систему. Такова судьба всѣхъ реформаторовъ. Переходъ отъ одного порядка къ другому никогда не совершается ровнымъ шагомъ и потому всегда сопутствуется недовѣріемъ, опасеніемъ, обвиненіями. Одинъ только передовой вожатый идетъ мѣрнымъ, твердымъ шагомъ и приводитъ къ цѣли, если ему не мѣшаютъ.

«Педагогическая система Н. И. Пирогова была глубоко задумана и обдумана. Она была разсчитана вѣрно, скажу болѣе, она одна вѣрна, если мы хотимъ серьёзно покончить съ старою рутиной.

«Согласуясь съ требованіями современнаго у насъ движенія, Пироговъ вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ мысли, и въ совѣсти, имѣлъ въ виду не уклоняться отъ параллели общаго хода у насъ вещей. Гражданская честность его была такъ строга, что онъ не только не считалъ такого уклоненія позволительнымъ, но называлъ его преступленіемъ. Я привожу его собственныя слова, сказанныя въ искренней бесѣдѣ. Такой взглядъ на гражданскія свои обязанности онъ и формально подтвердилъ, дважды заявивъ программу своего управленія.

«Отмѣченъ долженъ быть въ лѣтописи русскаго народнаго просвѣщенія тотъ день, въ который Пироговъ призванъ былъ на педагогическое поприще. Тогда еще общее мнѣніе встрѣтило автора *Вопросовъ жизни* съ полными надеждъ ожиданіями. Но когда его дѣятельности, заявившей уже себя въ Одессѣ, стеченіе обстоятельствъ открыло здѣшнее, болѣе широкое, поле, тогда всѣ люди благомыслящіе привѣтствовали это событіе, какъ начало новой эры въ исторіи нашего общественнаго образованія. И они не обманулись. Здѣсь знаменитый дѣятель неутомимо, съ настойчивостію доконченныхъ убѣжденій, приступилъ къ осуществленію своихъ преобразовательныхъ плановъ. Не выходя изъ круга существующихъ постановленій, онъ внесъ въ этотъ кругъ всѣ новыя начала, какимъ былъ возможенъ въ него доступъ: возстановленіе значенія педагогическихъ совѣтовъ, по закону имъ принадлежавшаго, введеніе конкурсовъ для выбора преподавателей, принятіе въ основу воспитанія начала законности, все это вмѣстѣ придало ходу какъ учебной, такъ и воспитательной части, новое направленіе, конечно только приготовительное, но оживившее прежнюю учебную рутину и выведшее наши воспитательныя заведенія изъ разряда чисто-дисциплинарныхъ учрежденій. Будучи убѣжденъ въ нравственномъ безсиліи дисциплинарной системы и въ воспитательной недѣйствительности повиновенія безъ убѣжденія, онъ прежде всего желалъ утвердить воспитательный авторитетъ на безусловномъ довѣріи воспитываемыхъ, и начавъ, собственнымъ примѣромъ, съ признанія права въ самомъ ребенкѣ, этимъ путемъ повелъ юношество къ сознанію значенія и обязанностей человѣка и гражданина. Много прекрасныхъ началъ пробудилось въ юныхъ душахъ съ тѣхъ поръ, какъ дали имъ свободу распахнуться. Но при

этомъ, разумѣется, юная жизнь не могла воздержаться отъ прыжковъ и скачковъ перваго увлеченія, что́ и дало поводъ къ опасенію и недовѣрію, о которыхъ я упомянулъ выше.

«Дѣйствуя положительными мѣрами тамъ, гдѣ было можно, онъ въ то же время разработалъ и выяснилъ множество педагогическихъ вопросовъ, общихъ и частныхъ, какъ въ своемъ циркулярѣ, такъ и въ другихъ повременныхъ нашихъ изданіяхъ. Въ числѣ этихъ работъ есть въ особенности одна, которая привьется къ жизни, если не въ наше время, то въ будущемъ, потому что вѣрная идея, вызванная на свѣтъ, никогда не погибаетъ. Я разумѣю планъ нижнихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, составленный имъ въ отвѣтъ на проектированный у насъ новый уставъ этихъ заведеній и разрѣшающій одну изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ задачъ нашего времени, именно: примиреніе двухъ образованныхъ направленій—общечеловѣческаго съ реальнымъ. Съ удивительною простотой здравой логики разрѣшаетъ нашъ педагогъ этотъ капитальный вопросъ,—съ тою простотой, которая доступна лишь геніяльнымъ умамъ.

«Но трудно было Н. И. совершить здѣсь спокойно свою педагогическую реформу. Въ учебныхъ заведеніяхъ здѣшняго края совмѣщаются двѣ разнородныя и разнохарактерныя національности. Борьба между ихъ началами пока еще неустранима. Хотя Н. И. формально устранялъ отъ себя этотъ вопросъ, какъ чуждый чисто-воспитательнымъ цѣлямъ, какъ вопросъ, сверхъ того, не разрѣшающійся воспитательными пріемами, что́ доказалъ тридцатилѣтній нашъ опытъ, а зависящій отъ воздѣйствія другихъ умиряющихъ способовъ; но, тѣмъ не менѣе, этотъ посторонній вопросъ мѣшалъ правильному развитію системы, стѣсняя во многомъ свободу дѣйствій педагога.

«Онъ, однакожъ, велъ къ разумному разрѣшенію и эту трудную задачу здѣшняго университета. Онъ оставляетъ поприще въ ту самую минуту, когда приготовительныя мѣры давали уже ему возможность перейдти къ самой организаціи студентской общины, хотя, впрочемъ, въ этомъ отношеніи, онъ желалъ радикальной реформы.

«Намъ остается скорбѣть, что такая глубокозадуманная дѣятельность не успѣла совершить всего своего подвига и водворить въ нашей жизни новыя начала общественнаго воспитанія.

«Какъ близкій свидѣтель дѣйствій Н. И. Пирогова и какъ человѣкъ, имѣющій всѣ данныя для сравненія прошедшаго съ настоящимъ, я утверждаю положительно, что и въ неполной мѣрѣ своего развитія система его достигла результатовъ, достаточныхъ для оправданія своей состоятельности, именно: она достигла возбужденія педагогической дѣятельности въ наставникахъ и любви къ образованію въ учащихся, возвышенія научныхъ требованій со стороны студентовъ и, наконецъ, несомнѣннаго улучшенія въ общемъ нравственномъ направленіи молодежи, внѣ увлеченія стремленіями, независящими отъ воспитанія.

«Каждый, кому дорого отечественное благо, проводитъ Н. И. Пирогова съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности за услуги, оказанныя имъ, словомъ и дѣломъ, нашему просвѣщенію, и каждый долженъ обратиться къ нему съ желаніемъ и просьбой, чтобъ онъ и на покоѣ, въ тиши уединенія, не оставлялъ безъ помощи вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ зависятъ всѣ наши судьбы, вся наша будущая исторія.

«Выпьемъ же, мм. гг., въ лицѣ нашего Пирогова, за здоровье міроваго ученаго геніяльнаго мыслителя, знаменитаго педагога и образцоваго гражданина!»

Въ заключеніе, приведемъ слова автора *Описанія Прощанія* о послѣднихъ проводахъ Н. И.

«Пироговъ выѣхалъ изъ Кіева 15-го апрѣля въ 8 часовъ вечера. Уже съ 3-хъ часовъ пополудни большая толпа (отъ 200 — 300) студентовъ, гимназистовъ, многихъ лицъ учебнаго вѣдомства и весьма многихъ жителей города, пѣшкомъ и въ экипажахъ ожидала у зданія первой гимназіи минуты, чтобы сказать послѣднее *прости* искренно любимому и цѣнимому человѣку. Еще бо́льшая толпа (отъ 700—800) заранѣе отправилась на дачу Санъ-Суси (на 7-й верстѣ отъ города) съ тою же цѣлью. Тамъ, между собравшимися, было много и дамъ, лишенныхъ доселѣ возможности принять участіе въ выраженіяхъ общаго сочувствія къ Николаю Ивановичу.

«Въ 8 часовъ онъ вышелъ съ своимъ семействомъ и отовсюду послышались крики сожалѣнія и разлуки. Еще въ воздухѣ раздавались слова «прощайте, помните насъ,» а уже почтовый экипажъ уносилъ изъ Кіева человѣка, память котораго будетъ долго и долго жить въ немъ. Длинный кортежъ всякаго рода экипажей потянулся до Санъ-Суси за тарантасомъ Пирогова. Когда пріѣхали,—уже совершенно стемнѣло. Можно было только разсмотрѣть, что на пространствѣ $^1/_4$ версты по шоссе все было занято народомъ и экипажами. Воздухъ огласился снова криками сожалѣнія. Ожидавшіе остановили экипажъ Пирогова; онъ долженъ былъ выйдти и сказать нѣсколько прощальныхъ словъ людямъ, захотѣвшимъ почтить и послѣднія минуты пребыванія его въ Кіевѣ. Онъ благодарилъ всѣхъ за участіе, ему выраженное, напомнилъ въ короткихъ словахъ то, о чемъ подробно говорилъ на первомъ и второмъ обѣдахъ, напомнилъ о непреходящемъ царствѣ идеи, гдѣ онъ не перестанетъ еще встрѣчаться съ любящими его, простился со всѣми, обнялъ въ лицѣ одного всѣхъ присутствовавшихъ, и при единодушныхъ крикахъ искренней любви, уваженія и сожалѣнія, отправился далѣе по дорогѣ къ Бердичеву. Большинство возвратилось въ городъ; но многіе еще провожали его до станціи и болѣе счастливые сказали ему послѣднее «прощайте.»

Въ Бердичевѣ, Н. И. оказанъ былъ также горячій пріемъ. Признательные Евреи и здѣсь, какъ и въ Кіевѣ, выражали ему свои чувства, за благородныя заботы объ ихъ просвѣщеніи и за тѣ человѣчныя отношенія, которыя Н. И. соблюдалъ къ нимъ самъ, и въ которыя другихъ умѣлъ поставить.

Въ заключеніе, прибавимъ, что Н. Ив. Пироговъ принялъ на себя должность *мироваго посредника*. Кто не согласиться съ нами, что едва ли къ кому-другому больше пристало это благородное званіе и едва ли кто-другой лучше Н. Ив-ча исполнитъ этотъ трудный, высокій подвигъ... Какъ было-бы полезно, еслибъ великій педагогъ сообщилъ во всеуслышаніе свои наблюденія въ новой сферѣ жизни...

НЕДОРАЗУМѢНІЕ

по поводу слова «Жидъ».

Мы получили письмо, въ которомъ дѣлаютъ намъ незаслуженный упрекъ. Вотъ что̀, между прочимъ, пишетъ г. П—въ:

«Я былъ увѣренъ, что въ программу «Основы» не входило намѣреніе оскорблять кого-нибудь. На дѣлѣ вышло иначе...

«Позвольте мнѣ объясниться. Всего годъ, какъ я кончилъ университетское образованіе, и впродолженіи шести лѣтъ, имѣлъ счастье, вмѣстѣ съ лучшими своими товарищами, посѣтить русскіе университеты (Харьковскій, Кіевскій и Казанскій). Я вступилъ въ университетъ въ прежнее время. Тогда еще въ университетахъ раздавалась гнусная кличка «жидъ», и этой кличкой часто называли студента еврейскаго исповѣданія. Но, съ обновленіемъ Россіи, эта кличка исчезла изъ университетовъ. Многочисленные мои товарищи подчасъ уже обозначали этимъ *нарицательнымъ* словомъ вообще всякого плута и мошенника,—все равно, былъ ли онъ еврейскаго, католическаго или православнаго исповѣданія. Значитъ, молодое поколѣніе дальше васъ шагнуло. Оно отрѣшилось отъ національныхъ узкихъ предразсудковъ и отличаетъ человѣка по его личнымъ достоинствамъ, а не по вѣрѣ. Признаюсь, я радовался этому совершенному примиренію молодого поколѣнія и былъ счастливъ, что это совершилось на моихъ глазахъ. Радостная вѣсть эта разносилась нами во всѣ концы Россіи. Русская литература заявила себя въ томъ же духѣ и давно отрѣшилась отъ слова *жидъ*. Вдругъ являетесь *вы* съ журналомъ, гдѣ хотите пробудить средневѣковую вражду, еле-еле задремавшую; вы хотите возвратить свой народъ (по-крайней-мѣрѣ въ этомъ отношеніи) ко временамъ *Богдана*. Скажите на милость, неужели вамъ это доставитъ душевное удоволь-

ствіе, когда разъяренная чернь проведетъ свой неумолимый ножъ по тысячамъ несчастныхъ жертвъ и кровь почти полумилліона Евреевъ безвинно прольется по Украинѣ?... Или вы хотите имѣть побольше подписчиковъ, обязавшись льстить грубымъ и черствымъ натурамъ разныхъ Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей? Если — *да*, то я васъ поспѣшу увѣрить въ слѣдующемъ. Вы учились давнымъ-давно, а я только-что оставилъ университетъ. Молодое поколѣніе Малороссовъ, сочувствуя вашей *Основѣ* во всемъ другóмъ, нисколько не раздѣляетъ отсталыхъ понятій относительно Евреевъ. Въ послѣдніе годы, студенты русскихъ университетовъ научились отличать Евреевъ и не клеймить ихъ болѣе позорнымъ словомъ «жидъ». Слѣдовательно, выраженія: «жидъ, жидова», и тому подобныя, уже не производятъ теперь того эффекта, какой производили они во времена Ѳаддея Венедиктовича Булгарина и К°. Напрасный трудъ, ложный путь!...

«Далѣе. Я имѣлъ счастье, вмѣстѣ съ своими товарищами православнаго исповѣданія, посѣтить и тюрьмы. Странно, что нашъ слухъ нигдѣ не былъ оскорбляемъ никѣмъ изъ смотрителей, вахтеровъ, унтеровъ, ефрейторовъ и другихъ бывшихъ при насъ въ крѣпостяхъ, тюрьмахъ и острогахъ. А тутъ пришлось встрѣтиться съ этимъ милымъ эпитетомъ, послѣ долговременной разлуки, въ вашемъ журналѣ. Отъ души жаль!

«Вы, конечно, легко поймете, что раздраженный тонъ моего письма порожденъ чувствомъ *глубоко-оскорбленнаго самолюбія*. Нельзя же иначе. И я умоляю васъ—не оскорблять насъ больше. Неужели вамъ это трудно? Согласитесь, что если образованные молодые люди изъ Евреевъ оскорбляются этимъ прозвищемъ, то вамъ, какъ редактору, слѣдуетъ избѣгать его. Кто-жъ изъ Евреевъ этимъ не оскорбляется, тотъ ничѣмъ не оскорбится.

«Во имя успѣха вашего журнала, во имя благоденствія Украины, отъ имени Евреевъ, оскорбленныхъ гнусными выраженіями вашего журнала, умоляю васъ замѣнять ихъ впередъ нашимъ національнымъ именемъ. И только вѣра въ благородство вашихъ цѣлей и стремленій побуждаетъ меня просить васъ объ этомъ письменно, а не печатно, не гласно (¹). Въ подтвержденіе своей правоты, ссылаюсь на судъ

(¹) Только ложь и зло любятъ скрываться, а мы не мыслимъ ни того, ни другаго, и пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ отвѣтить всѣмъ, кто удостоитъ наше откровенное мнѣніе своимъ вниманіемъ. *Ред.*

университетовъ и въ-особенности на голосъ нашего великаго учителя, котораго вы, вѣроятно, знаете. Можете передать ему мои претензіи. Знакомый съ студентами-Евреями, онъ васъ увѣритъ, насколько вашъ журналъ несовремененъ въ этомъ отношеніи.

«Я надѣюсь, что вы удовлетворите нашей просьбѣ и тѣмъ обяжете всю сочувствующую вамъ еврейскую молодежъ, а въ-особенности меня, Еврея.»

Мы почли своею обязанностью отвѣчать на это письмо печатно, въ томъ предположеніи, что мнѣніе, высказанное г. П—вымъ, (котораго человѣчности и любви къ своимъ соплеменникамъ мы искренно сочувствуемъ), вѣроятно, раздѣляютъ и другіе Евреи.

Положа руку на сердце, мы можемъ смѣло сказать, что насъ меньше тронуло обидное предположеніе о служеніи своимъ интересомъ посредствомъ угожденія средневѣковымъ понятіямъ, нежели тó, что кто-либо оскорбленъ выраженіемъ, употребленнымъ въ «Основѣ», будто-бы *умышленно, изъ вражды и презрѣнія къ какому бы то ни было племени на землѣ.* Смѣю увѣрить почтеннаго моего обвинителя и вообще всѣхъ Евреевъ, сочувствующихъ намъ и не сочувствующихъ,—просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ сознаніемъ братства всѣхъ безъ-исключенія людей,—что никогда враждебное къ еврейскому племени чувство не входило въ «Основу», что мы не считаемъ себя вправѣ оскорблять *кого бы то ни было*; что явленія, въ родѣ избіенія Евреевъ во времена *Богдана* и *Максима*, представляются намъ печальнѣйшими симптомами разстроеннаго общественнаго организма; что, по нашему глубокому убѣжденію, никакія, повидимому, добрыя послѣдствія подобныхъ болѣзненныхъ содроганій не искупаютъ того зла, которое наносится другимъ и самимъ-себѣ местью для мести, жестокостью и убійствомъ; что уваженіе и справедливость къ *человѣку*, а тѣмъ-болѣе къ *племени*, *народу* и *народности*, легло въ основаніе нашей «Основы», и что только *одно это начало* оправдываетъ ея появленіе и существованіе; что мы вѣруемъ только въ силу и плодотворность одной *правды*, безъ которой, пока она не станетъ главнымъ двигателемъ человѣческихъ отношеній, не можетъ осуществиться идеалъ человѣческаго общества,—а правда не мирится съ враждой и неуваженіемъ къ человѣческой личности;—что если мы надѣемся на успѣхъ, то единственно въ силу этого начала, которому никогда и ни для чего не измѣнимъ; и что, наконецъ, если мы (естественно) желаемъ для «Основы» больше подписчиковъ, то во имя то-

го, что она служитъ на пользу самопознанія, просвѣщенія, справедливости и любви, а ужъ никакъ не вражды, избытокъ которой долго еще будетъ и безъ насъ ощущаться въ нашемъ обществѣ, на каждомъ шагу и каждый часъ (¹).

Но признавая общія начала, искренно и горячо желая осуществленія ихъ въ жизни, мы не должны забывать, что стоимъ на исторической, обусловленной извѣстною минутой и обстоятельствами, почвѣ; что эти начала, близкія, понятныя и убѣдительныя для насъ, еще долго будутъ неубѣдительны для массы, которая живетъ настоящею дѣйствительностью, фактомъ и каждую минуту ощущаетъ на собственной спинѣ его давленіе.

Держась исторической почвы, разсмотримъ безпристрастно недоразумѣніе относительно употребленія слова *жидъ*.

Слово *жидъ*, родственное латинскому *Judaeus*, нѣмецкому и французскому *Jude* и *Juif* и польскому *Zyd*, ни по словопроизводству, ни по смыслу своему, ни по значенію іудейскаго племени въ ряду прочихъ племенъ, нисколько не уступаетъ названіямъ *Еврей* (²) и *Израильтянинъ* (³). Имя *Жида*, т. е. Іудея, только позднѣйшее (появилось не за тысячи — какъ другія два, — а за сотни лѣтъ до Р. Х.), но значеніе его одно и то же съ значеніемъ Израильтянина и Еврея.

Автору письма, вѣроятно, неизвѣстно, что Малороссы стали называть издавна и теперь называютъ Евреевъ *жидами* не въ презрительномъ, бранномъ, оскорбительномъ смыслѣ, а точно такъже, какъ Великороссіянъ называли и называютъ Москалями, Поляковъ —

(¹) Быть-можетъ, кому-нибудь покажется смѣшно, что мы публично исповѣдываемъ руководящія насъ начала по поводу письма, написаннаго въ раздраженіи самолюбія изъ-за слова (никогда, впрочемъ, нами лично неупотребленнаго) *жидъ* вмѣсто *еврей*. Намъ, напротивъ, грустно, что такъ мало взаимнаго пониманія между людьми, что 5 книжекъ журнала было недостаточно для уясненія другъ другу нашего взгляда; что г. П — въ, съ своимъ университетскимъ образованіемъ и знакомствомъ съ текущей литературой, нуждается, съ нашей стороны, въ разъясненіи, и чуть не съ угрозой предъявляетъ свои требованія къ украинскимъ писателямъ, у которыхъ встрѣтилъ слово *жидъ* и которые между тѣмъ, въ числѣ первыхъ, печатно протестовали въ «Русскомъ Вѣстникѣ» противъ несправедливаго поступка «Иллюстраціи» съ г. Горвицемъ.

(²) Отъ слова *Геберъ*,—которое означаетъ—*по ту сторону* (народъ, обитающій по ту сторону Евфрата), или—какъ нѣкоторые думаютъ—имя одного изъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ.

(³) Происходящій отъ Израиля.

Ляхами; что другого слова, для названія еврейскаго племени, они почти и не знаютъ. Слово это пришло въ Южную Русь, вмѣстѣ съ еврейскимъ населеніемъ, изъ Польши, гдѣ и до сихъ поръ служитъ народнымъ названіемъ не только у Поляковъ, но и *у самихъ Евреевъ*. Даже въ ту эпоху, когда Евреи, подъ покровительствомъ польскихъ пановъ, пользовались на Украинѣ, такими (невѣроятными) правами и привиллегіями, какихъ не имѣлъ цѣлый классъ южнорусскаго народа, — названіе *жидъ* употреблялось нетолько въ разговорномъ, но и въ офиціальномъ языкѣ самихъ пановъ-покровителей. Г. П—въ можетъ найти многочисленныя подтвержденія нашихъ словъ въ актахъ стараго и новаго времени, въ которыхъ нерѣдко встрѣчаются слѣдующія выраженія: «объявляемъ симъ арендным листомъ нашимъ, что мы отдали въ аренду *славному пану Абраму Шмойловичу*, *жиду Турейскому* и потомкамъ его наше наслѣдственное имѣніе». (Памятн. изд. Кіевскою Коммисіею, т. III., отд. II, стр. 68—70). Самое значеніе этого акта и слова не намекаетъ ни малѣйшей чертой на что-нибудь поносное для Еврея (это, конечно, хорошо извѣстно и автору письма).

Наша южно-русская литература ведетъ свое начало и почерпаетъ свои силы непосредственно отъ народа: основаніемъ ей послужили народные памятники изустной словесности; украинскіе писатели вышли или прямо изъ среды народа, или, будучи оторваны отъ него сословнымъ воспитаніемъ, — съ пробужденіемъ сознанія возвратились къ народу и долго не только изучали его, но и учились у него сами. Оттого-то языкъ и содержаніе нашей литературы вполнѣ народны. Ясно, поэтому, что украинскій писатель, желая оставаться вѣрнымъ основному началу своей литературы, не долженъ, въ противность своей народности, вносить въ литературный языкъ, безъ нужды, новыя слова. Всякій малороссъ могъ бы упрекнуть г. Кулиша въ безполезномъ нововведеніи, еслибъ онъ въ своей *Хмельнищинѣ* сталъ употреблять вмѣсто *жидъ* слово *еврей*. Ученый, занимающійся изученіемъ старой украинской жизни, также не можетъ избѣжать слова *жидъ*, потому что вся старая южно-русская письменность только и знала это слово для обозначенія еврейскаго племени, и всякое, приведенное въ подлинникѣ мѣсто акта, лѣтописи, думы, пѣсни, касающееся Евреевъ, будетъ содержать это слово. Вотъ почему тѣ писатели, которые протестовали противъ «Иллюстраціи», употребляютъ между-тѣмъ слово *жидъ*, отнюдь не соединяя съ этимъ име-

немъ другаго значенія, кромѣ прямаго. Южно-русскій поэтъ Шевченко, котораго никто не можетъ упрекнуть во враждѣ къ какой бы то ни было народности, произведенія котораго проникнуты негодованіемъ противъ всякихъ притѣсненій и несправедливостей, но не противъ народовъ, — также употреблялъ это слово. Еслибы г. П—въ сообразилъ эти факты, то,—мы думаемъ,—онъ не сталъ бы, въ пылу раздраженнаго, Богъ вѣсть почему, *самолюбія*, упрекать насъ, въ томъ, будто бы мы хотимъ пробудить средневѣковую вражду къ еврейскому племени,—будто мы желаемъ возвратить свой народъ ко временамъ *Богдана!?* Воображеніе тáкъ далеко увлекло г. П—ва, что ему чудится даже разъяренная *чернь*, которая «проведетъ свой неумолимый ножъ по тысячамъ *несчастныхъ жертвъ*», т. е. Евреевъ, и все это потому только, что въ «Основѣ» допущено слово *жидъ*, которое постоянно, въ теченіе вѣковъ, произносилось и произносится 12-милліоннымъ населеніемъ. Г. П—въ домогается, чтобы мы, ради его народности, отказались отъ своего народнаго слòва... а почему бы г. П—ву не подумать, въ это время, и о нашей народности, которая имѣетъ же свои права, и прежде всего—право говорить тѣмъ языкомъ, какимъ она всегда говорила?... Послѣ этого Полякъ станетъ требовать, чтобы южно-русскіе писатели, въ своихъ народныхъ произведеніяхъ, называли его Полякомъ, а не Ляхомъ, кàкъ называлъ его народъ, для котораго они пишутъ. Подобныя притязанія, съ гораздо большимъ правомъ, могъ бы предъявить и *Нѣмецъ* (такъ-какъ это слово происходитъ, вѣроятно, отъ *нѣмой*), а — чего добраго! — и Татаринъ, на томъ основаніи, что этимъ именемъ Малороссъ называетъ иногда недобраго человѣка. Чтò касается до насъ лично, то мы согласились бы, въ этомъ отношеніи, на самыя широкія уступки... но чтó въ томъ пользы? «Розу какъ ни назови—она все-таки будетъ розой.»

Мы знаемъ, что народъ нашъ, отличающійся терпимостью вообще и вѣротерпимостью въ-особенности, смотритъ на Еврея несовсѣмъ дружелюбно, и что—поэтому, а не по чему другому—слово *жидъ*, въ устахъ его, означаетъ и человѣка, о которомъ народъ невысокаго мнѣнія,—извѣстный нравственный образъ котораго не возбуждаетъ къ себѣ особенной расположенности. Винить ли въ этомъ народъ... Представьте же себѣ, что въ нашей печати слово *жидъ* исчезло; и неужели вы думаете, что съ изгнаніемъ его изъ южно-русской литературы измѣнится и взглядъ народа на еврейское племя? Развѣ перерожденіе понятій и убѣжденій можно совершить пу-

темъ мелкихъ, теоретическихъ уступокъ, не служащихъ ни къ чему, кромѣ минутнаго удовлетворенія щекотливому самолюбію и болѣзненной раздражительности? Развѣ не смѣшно обольщать себя тѣмъ, что, съ перемѣной названія, хоть на волосъ улучшатся отношенія народностей? Дѣло такъ важно! Оно требуетъ, чтобы люди, искренно готовые служить дѣлу, занялись его сущностію, а не внѣшностію, опустились до глубины, добрались до источника зла, и не думали, что, перемѣняя названія предметовъ, шагаютъ впередъ.

Въ народѣ образовалось невыгодное о Евреяхъ мнѣніе вслѣдствіе тѣхъ притѣсненій, которыя онъ когда-то вытерпѣлъ отъ нихъ. Вотъ-что онъ-самъ повѣствуетъ о своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Еврею:

Якъ одъ Кумівщини да до Хмельнищини,
Якъ одъ Хмельнищини да до Брянщини,
Якъ одъ Брянщини да до сёго-жъ то дня,
Якъ у Земли Кралевскій да добра не було:
Якъ жиди—рандáрі
Всі шляхи козацькі зарандовали,
Що на одній милі
Да по три шинки становили,—
Становили шинки по долинахъ,
Заводили щоглі по высокихъ могилахъ.

Ище-жъ то жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Украíні всі козацькі торги зарандовáли
Да брали мито-промито;
Одъ *возового*
По пів-золотого,
Одъ *пішого-пішенниці* по три денежки мита брали,
Одъ неборака-старця
Брали кури да яйця,
Да ище питае:
«*Ци нема, котикъ, сце цого?*»

Ище-жъ жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Украíні всі козацькі церкви зарандовали:
Которому бъ то козаку, альбо мужику, давъ Богъ дитину появити,
То не йди до попа благословитьця,
Да пійди до жида-рандаря, да положъ шостакъ,

Щобъ позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину окрестити.
Ище-жъ то которому бъ то козаку, альбо мужику, давъ
Богъ дитину одружити,
То не йди до попа благословитьця,
Да пійди до жида-рандаря, да положъ битий *тарель*,
Щобъ позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину одружити.

Ище-жъ то жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Украіни всї козацькі реки зарандовали:
Перва на Самарі
Друга на Саксані,
Третя на Гнилій,
Четверта на Пробійній,
Пьята на речці Кудесці.
Который-бъ то козакъ, альбо мужикъ, исхотівъ риби вловити,
Жинку свою зъ дітьми покормити:
То не йди до пана благословитьця,
Да пійди до жида-рандаря да поступи ёму часть оддать,
Щобъ позволивъ на річці риби вловити,
Жинку свою зъ дітьми покормити.

(Записки о Южной Россіи, П. А. Кулиша, 1856 г. т. II стр. 58.)

Изображенныя въ народной думѣ отношенія измѣнились. Но до сихъ-поръ еврейское племя живетъ особнякомъ среди южно-русскаго населенія; до-сихъ-поръ оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ народомъ и не сдѣлало ни одного шага къ сближенію съ нимъ, а, напротивъ не рѣдко дѣйствуетъ противно духу и пользамъ нашего народа. Для націи ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ существованіе посреди нея другихъ народностей, которыя держатъ себя всторонѣ и равнодушны къ ея судьбамъ, или—что́ еще хуже—стремятся подчинить ее своей власти, или своему вліянію. Взаимное сближеніе, просвѣщеніе понятій, измѣненіе вредныхъ общественныхъ отношеній—вотъ то дѣло, которому съ пользою и успѣхомъ могутъ посвятить себя люди, желающіе послужить своему народу. Вмѣсто того, чтобъ тратить свои силы въ тщетныхъ спорахъ и несправедливыхъ притязаніяхъ, лучше постараемся, отложивъ въ сторону всяческое самолюбіе, внимательно и безпристрастно изслѣдовать зло во

всѣхъ его проявленіяхъ; тогда мы откроемъ причину и средства, тогда мы достигнемъ и до взаимнаго пониманія другъ друга,—а «пониманіе есть начало примиренія». Будемъ не словами только,—не однимъ бездѣятельнымъ сочувствіемъ, а самимъ дѣломъ слѣдовать Н. Ив. Пирогову, этому наставнику и руководителю на этомъ пути,—и, несмотря на предразсудки, несмотря на всѣ—повидимому—непреодолимыя трудности, представляемыя дѣйствительными, настоящими, отношеніями, мы успѣемъ больше сдѣлать, нежели сдѣлало бы повсемѣстное исчезновеніе названій и прозвищъ, непріятныхъ для чьего-либо народнаго самолюбія.

Не отказываясь, за своихъ сотрудниковъ, отъ употребленія, въ *Основѣ*, народнаго слова *жидъ*, мы съ своей стороны искренно желаемъ дѣйствительнаго сближенія народностей всегда готовы и словомъ и дѣломъ тому содѣйствовать. Зная, какъ даровито еврейское племя, какими богатыми способностями оно надѣлено къ нѣкоторымъ въ особенности родамъ дѣятельности, мы убѣждены однакожъ, что только то развитіе его будетъ прочно и благотворно для Южной Руси, которое выйдетъ изъ потребностей нашей страны и народа и найдетъ въ немъ сочувствіе. Всякое явленіе, въ этомъ духѣ, мы встрѣтимъ съ искреннею радостію и любовію, подобно тому, какъ мы порадовались, узнавъ объ участіи кіевскихъ студентовъ евреевъ въ устройствѣ воскресныхъ школъ.

Ред.

КОНЦЕРТЪ 27 АПРѢЛЯ,

(сборъ съ котораго былъ предназначенъ на покупку земли для родственниковъ Т. Гр. Шевченка.)

Въ *южно-русскомъ вѣстникѣ* я надѣюсь найти мѣсто своему, хотя и запоздалому, сужденію объ артистическомъ явленіи, въ которомъ преобладала украинская народная музыка, и съ которымъ соединялась мысль о помощи семейству дорогаго поэта, который такъ понималъ, такъ любилъ и такъ часто пѣвалъ свои родныя пѣсни.

Почти два мѣсяца прошло со дня концерта 27-го апрѣля, но желая быть какъ-можно справедливѣе и безпристрастнѣе, мы нарочно не торопились печатно высказывать свое мнѣніе, прислушиваясь къ устнымъ и печатнымъ толкамъ другихъ *за* и *противъ*... Толковъ этихъ было довольно, и они находили себѣ отзывъ въ газетахъ: одно это уже свидѣтельствуетъ, что концертъ въ значительной степени возбудилъ вниманіе.

Подобный нашему, (по-преимуществу—украинскому), концертъ изъ славянской музыки, въ память знаменитаго Чеха, В. В. Ганки, (данный въ университетской залѣ 23-го марта), подъ управленіемъ одного прославленнаго пьяниста и плохаго — (по-крайней-мѣрѣ для народной славянской музыки)—дирижёра, прошелъ почти незамѣтно. Съ послѣднимъ звукомъ «Комаринской», Глинки, — (піэсы, поставленной, въ программѣ и исполненной послѣднею, слѣдовательно, по обыкновенію, въ заботахъ о разъѣздѣ—недослушанной), съ послѣднимъ звукомъ этого концерта, замерло и впечатлѣніе отъ него. И никто объ немъ ни слова...

Многіе украинцы ушли съ этого концерта весьма неудовлетворенные, и вотъ почему. Не вдаваясь въ разборъ достоинствъ и недостатковъ исполненія, укажемъ на составъ программы: большая часть

піэсъ, слабо, безъ воодушевленія исполненныхъ, принадлежала къ *ученой* музыкѣ; народной—и то только чешской и польской—было мало, и притомъ ни одной *народной* пѣсни великорусской, ни сербской, ни самой мелодической славянской пѣсни — украинской... Такъ ли слѣдовало поминать знаменитаго народолюбца, автора тутъ же спѣтой, по музыкѣ Воячка, піэсы — *nàrody ne hàsnau?*

Эта-то исключительность (или недогадливость?) и была поводомъ неудовольствія многихъ, но, вмѣстѣ, навела на мысль о концертѣ, въ которомъ бы отозвалась и народная музыка Славянъ юговосточныхъ. Задумали это украинцы, незадолго предъ тѣмъ глубоко опечаленные утратой своего вѣчнопамятнаго *батька Тараса*, и потому, естественно, въ концертѣ первое мѣсто должна была занять народная украинская пѣсня: хотѣли помянуть поэта, напомнить о его семействѣ и познакомить съ южнорусскими напѣвами тѣхъ, кто не имѣлъ случая ихъ слышать.—Признаемся, это намѣреніе намъ показалось очень смѣлымъ: гдѣ средства, гдѣ исполнители и слушатели для народной *южной* музыки въ *сѣверной* столицѣ? Для гостиной можно, пожалуй, найти и здѣсь то́ и другое, но для концертной залы??—да, это было слишкомъ смѣло...

Но — *концертъ* въ большой залѣ дворянскаго собранія состоялся, и при такомъ стеченіи слушателей, что сбора было достаточно не только на покрытіе значительныхъ расходовъ по устройству концерта, и даже на подарки нѣкоторымъ артистамъ — не-украинцамъ, заслужившимъ особенную признательность, но и на сбереженіе суммы для доброй цѣли. Значитъ—мысль объ украинскомъ концертѣ нашла сочувствіе въ обществѣ; объ этомъ концертѣ, повторяемъ, толковали, спорили—это тоже не дурной знакъ,—хотя бы сужденія нѣкоторыхъ были и неблагопріятны... Чтобъ показать, въ какой степени справедливы неблагопріятныя сужденія, необходимо вспомнить тѣ затрудненія, которыя слѣдовало преодолѣть для устройства концерта.

Главнымъ затрудненіемъ было то, что никто не счелъ себя вправѣ, и не вызвался, быть распорядителемъ по *музыкальной* части концерта, хотя каждый, кто сочувствовалъ мысли концерта и кому позволяло время, принялъ на себя часть заботъ распорядителя,—а заботъ этихъ было не мало: надо было ознакомить незнавшихъ украинскаго языка и народной нашей музыки, — мало вѣровавшихъ въ успѣхъ— артистовъ и любителей, — съ новымъ въ Петербургѣ предметомъ, выбрать и доставить ноты пѣсенъ и, насколько было возможно, въ ко-

роткое время передать исполнителямъ манеру народнаго пѣнія, — эту живую прелесть естественности, исключающую всякую манерность, напряженность, чуждыя прикрасы, и т. д.

Когда, наконецъ, артистами и любителями были выбраны: для концерта: любимая Т. Гр. увертюра «Вильгельма Теля» и другія партіи изъ украинской и не-украинской музыки, земляки наши обратились, за совѣтомъ въ выборѣ пѣсенъ къ любителямъ народныхъ мотивовъ, (въ томъ числѣ и къ П. А. Кулишу), а затѣмъ къ извѣстному знатоку музыки, А. Н. Сѣрову, (разработывающему украинскія пѣсни для «Основы»), съ просьбой восполнить составъ концерта нѣсколькими хорами. А. Н. принялъ на себя этотъ трудъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ, и арранжировалъ два превосходныхъ украинскихъ хора—мужской и женскій, и одинъ сербскій военный хоръ, прибавивъ къ программѣ отлично-оркестрованный маршъ, Франца Листа, изъ симфоніи его, на поэму Байрона «*Мазепа*». Бывшій въ это время, въ Петербургѣ, землякъ нашъ, извѣстный пчеловодъ и любитель музыки, Як. Ив. Костенецкій, указалъ на фантазію, составленную, Авкс. Ив. Тарновскимъ, въ 40-хъ годахъ, изъ украинскихъ мотивовъ, подъ названіемъ *Покосарщина*. Поименованныя пьесы, составили существенную часть концерта, вмѣстѣ съ слѣдующими украинскими народными пѣснями:

1) *Зелененькій барвіночку, стелися низенько*, и 2) *Ой вийду я на шипелочокъ*, исполненныя г-жею Леоновою; 3) *Чи я въ лузі не калина була*,—г-жею Леонтьевою; 4) *Стоіть яворъ надъ водою*,—г-мъ Артемовскимъ; 5) *Ой крикнула лебедонька изъ-за филі виринаючи* и 6) *Ой дівчина по грибі ходила*, — г-мъ Чумачевскимъ; 7) *Ой не шуми, луже!* и 8) *Ой ходивъ чумакъ*, — г-мъ Ревуцкимъ; 9) *Ой тамъ на моріжку Поставлю я хижку* и 10) *Ой на річці та на дощечці*, — женскимъ хоромъ; 11) *Ой Морозе, Морозенку!* — мужскимъ хоромъ.

Чтобъ дать нашимъ читателямъ полный отчетъ о крайне-разногласныхъ мнѣніяхъ, возбужденныхъ этимъ концертомъ, выпишемъ главнѣйшіе печатные объ немъ отзывы, а въ заключеніи представимъ и собственный нашъ взглядъ.

Въ 95 № (1 мая) *Сѣверной Пчелы*, въ фельетонѣ, сказано: «Въ-особенности замѣчателенъ былъ концертъ, данный въ четвертокъ, въ залѣ дворянскаго собранія, съ благотворительною цѣлію, на покупку земли родственникамъ покойнаго академика, Тараса Григорьевича Шевченка. Большая часть пьесъ этого концерта, какъ и долж-

но ожидать, состояла изъ малороссійскихъ мелодій и пѣсенъ, изъ которыхъ лучшія для мужскаго и женскаго хора и оркестра принадлежали таланту г. Сѣрова. И чудно-торжественно звучали эти пѣсни, и какая-то особенная интонація слышалась въ нихъ, при сознаніи цѣли, съ которою раздались онѣ подъ сводами залы благороднаго сословія, при воспоминаніи о томъ, что благостояніе семейства даровитаго многострадальнаго поэта будетъ куплено лишь цѣною его преждевременной смерти и что эта земля, въ которой, можетъ-быть, навсегда успокоятся его останки, можетъ отнынѣ называться единственною его собственностью, трехъ-аршиннымъ владѣніемъ, на необозримой поверхности Россіи! Всѣ, кому болѣе или менѣе была дорога память Шевченка, присутствовали на этомъ концертѣ, и не мало глазъ были какъ-то особенно маслянисты и влажны, и чудились, быть-можетъ, многимъ и слышались, быть-можетъ, среди заунывныхъ, гладящихъ душу, малороссійскихъ напѣвовъ, иные напѣвы—не роднаго украинскаго языка, а напѣвы, приличные настоящему случаю, умиляющіе, сглаживающіе всѣ общественныя разстоянія.»

По странной игрѣ случая, именно въ томъ же номерѣ, но не въ фельетонѣ, помѣщено письмо П. А. Кулиша къ издателю газеты, съ самымъ неодобрительнымъ приговоромъ о концертѣ, объ исполнителяхъ, и вообще о людяхъ, которые, не будучи патентованными украинцами, таковыми именовать себя смѣютъ. Приводимъ это характерное письмо вполнѣ:

«Одна изъ печальныхъ слабостей покамѣстъ малочисленнаго украинскаго общества—это величаться своимъ украинисмомъ передъ людьми, мало знакомыми съ предметомъ. У насъ много господъ, которые, воображая себя знатоками малороссійскаго языка, превозносятъ похвалами даже такія вещи, какъ *Энеида*, *Котляревскаго*, или какая-нибудь повѣсть, очевидно, написанная pecuniarum causa. Эти господа, смѣло выдавая себя за истинныхъ украинцевъ, несмотря даже на фальшивыя ударенія въ словахъ, поддерживаютъ въ публикѣ заблужденія объ украинской поэзіи. Они, возглашая изустно и тиская посредствомъ равнодушнаго ко всему станка всякую чепуху подъ названіемъ украинской поэзіи, профанируютъ строгій характеръ и вкусъ украинскаго народа.

«Такъ поступили они и съ концертомъ, предназначеннымъ на покупку земли родственникамъ покойнаго поэта, Шевченка. Мы давно слышали о приготовленіяхъ къ этому концерту, давно видѣли озабо-

ченныя лица. Хотя мы и знали по опыту, какъ эти господа несостоятельны въ понятіяхъ объ истинно-украинскомъ, объ истинно-народномъ, но составъ концерта и распоряженіе практическою его частью превзошли всѣ наши горестныя ожиданія. *Выбраны* были пѣсни *худшія изъ худшихъ* по напѣвамъ и содержанію; если же *попали* въ концертъ какими-то судьбами и *прекрасныя* произведенія народной музы, то были изуродованы анти-народнымъ выполненіемъ. Призываю на судъ весь русскій міръ: что́ за идея, что́ за поэзія въ слѣдующихъ словахъ, столь же ничтожныхъ въ подлинникѣ, какъ и въ переводѣ: «Дѣвушка ходила за грибами и заблудилась въ зеленомъ лѣсу; пришла она къ зеленому дубу. Здѣсь я буду ночевать. Я думала, что это зеленый дубъ, анъ это молодой козакъ. Ой козакъ-повѣса, выведи меня изъ зеленаго лѣса, Когдабъ ты меня не звала повѣсою, я вывелъ бы тебя изъ зеленаго лѣсу»,—и только! (?!) Но одинъ изъ пѣвцовъ, г. Артемовскій, одолжилъ насъ еще больше: онъ одной народной пѣснѣ придалъ собственный анти-украинскій напѣвъ, а вмѣсто другой—спѣлъ бездушный и уродливый романсъ г. Виктора Забѣлы, въ которомъ есть такіе поэтическіе стихи:

А коли сёго не зро́бишъ,
Кинь мене́ у мо́ре.

Это, видите ли, поэтъ обращается къ вѣтру, которому онъ завидуетъ, потому что вотъ-молъ—

Ревешъ, вітре, та не стогнешъ,
Бо тобі не тяжко:
Ти не знаешъ въ світі горя,
Такъ тобі й не ва́жко.

Да, хорошо бы и намъ было вооружиться подобнымъ безчувствіемъ! а то намъ было не только *тяжко*, но и *важко*, слушать эту пошлую тарабарщину, *выдаваемую нашими знатоками* Украины за поэзію въ народномъ духѣ. И какъ это обидно, что *подобный вой* раздается надъ могилою поэта, который такъ чисто, такъ благородно понималъ вкусъ народной поэзіи (*)!»

(*) Каждому, надѣемся, ясно, что мы говорили собственно только объ украинской части концерта. Что́ касается до прочихъ пьесъ, то онѣ были выбраны и исполнены превосходно. Намъ очень жаль, что не-украинскіе пѣвцы и пѣвицы довѣрчиво вообразили, что имѣютъ дѣло съ *знатоками* народной музыки, а тѣ своими совѣтами уничтожили въ ихъ пѣніи то́, что́ было бы для насъ дороже,—уничтожили характеръ народной музыки, который, будучи строго вы-

Вслѣдъ за этимъ отзывомъ, въ томъ же совершенно тонѣ, послышался голосъ въ правдивой (но—безъ ея вины—не въ настоящемъ случаѣ) *Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника*, голосъ враждебный не столько къ концерту, сколько къ распорядителямъ: (въ число ихъ, прикрывшійся обманчивымъ именемъ, авторъ, вѣроятно, попасть не могъ по какой-нибудь основательной причинѣ). Вотъ-какъ повѣствуетъ г. Тымишъ Львенко-Маренко:

«27 апрѣля, мы были на давно-ожидавшемся малороссійскомъ концертѣ. Признаемся, судя по долгому приготовленію и *громаднымъ* издержкамъ на этотъ концертъ, мы ожидали встрѣтить если не что́ нибудь необыкновенное, то по крайней мѣрѣ соотвѣтствующее великолѣпному содержанію афиши. Но каково же было наше разочарованіе, когда мы положительно не нашли ни того, ни другаго. Вмѣсто малороссійскихъ піесъ, мы услышали нѣчто такое, чего нельзя назвать ни русскимъ, ни малороссійскимъ. Прекраснѣйшая хоровая пѣсня «Морозенко» и другая, женская, «веснянка», до-того были обезображены, что ихъ нельзя было узнать. Послѣднюю скорѣе можно было принять за извѣстную пѣсню: «Ахъ на что́ было огородъ городить» (которой достоинство мы, впрочемъ, совсѣмъ не хотимъ унизить, да никто и не можетъ), чѣмъ за очаровательную музыку нашей родины. А г. Артемовскій не удовольствовался даже коверканьемъ мотива,—онъ переиначивалъ и самыя слова... Изъ всѣхъ піесъ сноснѣе другихъ, и то относительно, была пѣсня *чумака*, исполненная г. Ревуцкимъ. Самый выборъ піесъ доказываетъ, что у гг. распорядителей музыкальной части концерта вкусъ слишкомъ неизящный... Однимъ словомъ, неуспѣхъ былъ полный. То-то наживутся родственники Тараса́ Григорьевича на землѣ, купленной распорядителями на деньги, вырученныя отъ концерта! Изъ трехъ цѣлей его: 1) почтить память незабвеннаго поэта, 2) ознакомить публику съ украинской музыкой, 3) и самая главная, выручить деньги на покупку земли для родственниковъ покойнаго,—положительно ни одна не была достигнута...»

Между тѣмъ, опять въ той же *Сѣверной Пчелѣ* (№ 107, 15 мая) зазвучала, согласно съ приведеннымъ фельетономъ, восторженно-хвалебная пѣснь концерту и въ-особенности нѣкоторымъ исполнителямъ (по правдѣ заслуживаемъ горячую признательность украинцевъ за

держанъ, перенесъ бы наши души въ нашу милую, поэтическую родину. Судя по ихъ обработанным и прекраснымъ голосамъ, мы думаемъ, что они, *при другомъ руководствѣ*, выполнили бы свое дѣло вполнѣ удовлетворительно. *П. К.*

радушное участіе). Изъ этой статьи, написанной авторомъ симпатическихъ стиховъ, сказанныхъ надъ гробомъ Т. Гр. Шевченка, П. Н. Тавлогою — Мокрицкимъ, выпишемъ нѣкоторыя характеристическія мѣста:

«Желая чѣмъ-нибудь отозваться на только-что замершій голосъ любви, земляки Шевченка, устроили 27 апрѣля, концертъ, съ цѣлію услышать родные звуки пѣсенъ, въ которыхъ вылилась вся чувствительная душа южно-русса, или украинца, вся радость и тоска его, всѣ высокія побужденія души, которыя родили такъ много прекрасныхъ чувствъ и думъ въ сынахъ Украины. Шевченко, котораго душа отзывалась на все изящное, особенно на звуки, самъ пѣлъ превосходно и любилъ пѣсни украинскія до увлеченія. Въ память его, земляки пожелали дать концертъ, достойный своей пламенной, нѣжной любви къ домашнему крову,—оправдать, осмыслить эту любовь передъ братьями своими, великоруссами.

«Концертъ начался увертюрою «Карлъ Смѣлый».

«Соло и украинскія пѣсни выполняли любители: гг. Чумачевскій, Ревуцкій и г-жа Леонтьева, а также артисты: г-жа Леонова, г. Артемовскій и г. Никольскій.

«Послѣ каждаго исполненія задушевныхъ мотивовъ, не сочиненныхъ въ кабинетахъ, а вылетѣвшихъ въ народѣ изъ сердца безъискусственно, подъ вліяніемъ чувства, которое оттого такъ свѣжо и безсмертно, публика рукоплескала. Г. Артемовскій былъ вызванъ два раза. Появленіе г-жи Леоновой въ бѣломъ платьѣ, съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ, было встрѣчено бурей аплодисментовъ, долго неутихавшихъ. Г. Вителяро началъ прелюдію къ украинской пѣснѣ (которую должна была исполнить артистка. Публика съ большимъ вниманіемъ устремила на эстраду глаза, прислушиваясь что споетъ Леонова на нарѣчіи ей чуждомъ; что создастъ изъ звука, неполучившаго еще законнаго права, бродящаго сироткой подъ плетнемъ,—которому искусство не подало еще дружелюбно руки, не привело въ свѣтлицу, не усадило на приличномъ мѣстѣ...

«Г-жа Леонова совершенно правильно по-украински пропѣла слѣдующія трогательныя слова, выражающія плачъ «дівчини», случайно отыскавшей могилу отца:

«Ой вийду я за гаєчок,
Та гляну я на долину,
Долина глибока, калина висока,
Ажъ до землі віття гнутця,
А въ мене, дівчини, въ мене, молодої,

Річенькою слёзи ллютця.
Підъ тіею калиною
Висо́кая моги́лонька: —
Моги́ла висока и яма глибо́ка —
Коза́цькая постілонька;
У тій у моги́лі, въ холо́дній постілі
Лежи́ть ба́тенько нашъ ми́лий....
Ой Тарасе, голу́бонько!
Ки́нувъ мене́ сво́ю до́ньку,
Ки́нувъ усіхъ до́чокъ—си́зихъ голу́бочокъ,
И старе́ньку на́шу не́ньку.
Розступи́ся зе́мле—подивись на ме́не,
Якъ пла́чу я, дівчинонька...

«Всякій пойметъ, что не легко сразу овладѣть выговоромъ, интонаціею, духомъ языка, приложить все это къ обстоятельству, требующему извѣстнаго выраженія каждаго слова и звука. Но г-жѣ Леоновой ничто нетрудно. Ее, какъ перлами, осыпали рукоплесканіями и возгласами, въ которыхъ наблюдательное ухо легко могло примѣтить отраду и благодарность украинцевъ, необыкновенное, истинное удовольствіе всей публики. Послышалось множество «bis! bis!» Она снова вышла и — о ужасъ украинцевъ! — вмѣсто повторенія той же трогательной пѣсни, начала игривую пѣсенку:

«Зелене́нький барві́ночку,
Стели́ся низе́нько,
А ти, ми́лий, чорнобри́вий,
Прису́ньси близе́нько;
Зелене́нький барві́ночку,
Стели́ся ще ни́жче,
А ти, ми́лий, чорнобри́вий,
Прису́ньси ще бли́жче.

«Я видѣлъ ясно, какъ нѣкоторые увлаженные глаза во мгновеніе измѣнили выраженіе, блеснувъ недружелюбно. Но во второмъ куплетѣ:

Не сте́летця барві́ночокъ —
Ко́рень посиха́е;
Не ди́витця коза́ченько —
Тя́женько здиха́е.
Ой, чого́жъ ти одверну́вся,
Мій о́рле-коза́че?
Глянь на мене веселе́ньку —
Я сміюся... й пла́чу...

она начала вводить солидный тонъ, растягивая мотивъ и придавая голосу, таинственность—и тотъ же веселый мотивъ, который въ украинской пѣснѣ всегда имѣетъ грустный оттѣнокъ, принялъ другой характеръ. Въ этомъ тонѣ она, изобразивъ неизмѣнное чувство козака къ его милой:

«Дівчи́ночко, пташи́ночко,
Щебету́шечко!
Співа́й мені, кажи мені,
Говору́шечко!»

окончила безотраднымъ воплемъ козака:

«Співа́й що хо́чъ, кажи́ що хочъ —
Не чу́ю я гласа —
Ні слова́ми, ні слёзами
Не ве́рнешъ Тара́са!»

«Неожиданность эта была эфектна и выразилась сильнѣйшею признательностью публики; на многихъ глазахъ блестѣли слезы.

«Настроеніе публики было прекрасное,—нецеремонное, ненатянутое, сердечное.

«Г. Сѣровъ, который, несмотря на свои разнородныя занятія, не можетъ не быть артистомъ-композиторомъ, понялъ высшимъ чутьемъ новый рудникъ разнообразной русской музыки и оркестровалъ въ видѣ опыта, мужскую и двѣ женскія пѣсни-веснянки для хора. Первая сочинена на смерть воинственнаго Морозе́нка, выражающая мощь духа сотоварищей его, поющихъ какимъ-то рокотомъ, катящимся по степи. Двѣ женскія составляютъ второй хоръ, раздѣленный на двѣ разнородныя части: въ первой рисуется граціозно дѣвушка, которой походка сравнена съ струею воды, льющейся тихо по камешкамъ; во второмъ, игривымъ, для разнообразія, мотивомъ, представлена также юная красавица, сидящая на дощечкѣ въ водѣ; она плещется, какъ рыбка, потомъ одѣвается на зеленой травкѣ и, любуясь собою, весело пришѣваетъ (къ своимъ черевичкамъ:)

«Сежъ мені пан-оте́ць покупи́въ,
Щобъ хоро́ший молоде́ць полюби́въ,
А панчішки (чулочки) па́ні-ма́тка дала́,
Щобъ хоро́ша я паня́нка була́.»

«Третій хоръ, положенный г. Сѣровымъ (сербская пѣсня,) также прекрасно оркестрованъ, какъ и прочіе. При исполненіи хоровъ съ акомпанементомъ оркестра, г. Сѣровъ былъ вызванъ публикою.

«Встрѣча г. Никольскому была шумнымъ всплескомъ моря при налетѣвшемъ ураганѣ.

«Онъ исполнивъ романсъ: «Скажите ей!» очаровательно.

«Оркестръ исполнилъ маршъ изъ симфонической фантазіи «Мазепа», сочиненіе Фр. Листа, и другую очень милую вещь «Покосарщину», фантазію для скрипки, на украинскіе мотивы, соч. Авксентія Тарновскаго. Звонъ косъ, какъ ихъ острятъ въ косовицу, придуманный кстати композиторомъ,—прелестный букетъ мотивовъ, такъ близкихъ сердцу,—перенесли насъ изъ блестящей залы на зеленый безконечный коверъ родины, надъ которымъ, какъ лампадки, висятъ въ воздухѣ жаворонки, составляя обширный хоръ Создателю.... Звуки, свѣжесть степей, солнце родины!—ахъ, вы ничѣмъ незамѣнимы!... Недостаетъ вамъ одного: Леоновой и Никольскаго!

«Г-жа Леонова и г. Никольскій, исполнили дуэтъ «Не искушай меня» музыка великаго Глинки. Послѣ этого дуэта, будто вся зала обрушилась на нихъ, но они ушли невредимы, какъ отмѣченные судьбою воины среди кипящаго боя.

«Г. Никольскій прекрасно закончилъ впечатлѣніе, исполнивъ: «Его ужъ нѣтъ!» величественно, съ высокою любовью.

«Концертъ этотъ, не смотря на свои маленькіе недостатки, которые бываютъ вездѣ и вовсемъ, особенно при новости дѣла и скорости исполненія его, можно назвать необыкновеннымъ. Онъ похожъ былъ на свѣтлый майскій день среди зелени и цвѣтовъ, среди звуковъ, которыми дышетъ вся природа.

«О! не завидую вамъ, мужи велемудрые, операторы всякого чувства! въ самый усовершенствованный лорнетъ вы проглядите его. Сколькихъ наслажденій вы лишены, если не забѣгаетъ къ вамъ порѣзвиться это дитя Божіе, если не отдохнетъ вашъ утомленный, суетный взоръ на чистой лазури глазъ его, на улыбающейся, свѣженькой его головкѣ! Это дитя имѣетъ такое же законное мѣсто въ нашей душѣ, какъ и старшія его сестры—мысли, которыя, въ отсутствіи этого чистаго *Веніамина*, остаются пусты, холодны...

«По окончаніи концерта, благодарность г. Сѣрову была выражена съ восторгомъ.

«Г-жа Леонова вышла изъ уборной комнаты, и оставшаяся часть публики аплодировала ей, идя чрезъ всю залу. Каждый просилъ оторвать ему цвѣтокъ или листикъ изъ ея букета. Мы чувствовали, что,

не смотря на новыя положенія, закрѣпостила насъ окончательно эта русская боярыня родныхъ звуковъ, такъ-сказать, вздоховъ нашей души.»

Наконецъ, тамъ же (25 мая, № 116) встрѣчаемъ еще двѣ статьи по поводу концерта 27 апрѣля: одна—П. Н. Т.–Мокрицкаго, другая—Ає. В. Марковича. Вторую,—съ которою нельзя вполнѣ не согласиться всякому, кто безпристрастно, но съ теплымъ участьемъ отнесся къ концерту,—мы помѣщаемъ отъ слова до слова; изъ первой же статьи, которая представляетъ скорѣе рѣзкое возраженіе П. А. Кулишу, нежели критическую оцѣнку артистическаго явленія, мы извлечемъ немногое, оставляя въ сторонѣ обстоятельства, не идущія къ самому предмету и не подлежащія частному, личному суду.

Вотъ отзывъ г. Марковича:

«Много говорили и писали объ этомъ концертѣ и толки о немъ еще не окончились. Онъ очень далекъ, конечно, отъ совершенства; но и бранить его намъ кажется дѣломъ неблагодарнымъ. Одна искренность и теплота отношенія къ нему его участниковъ, особенно г. Сѣрова и г-жи Леоновой, придаютъ ему такія прекрасныя симпатическія достоинства, какими не похвалятся многіе и многіе концерты.

«Участіе А. Н. Сѣрова въ этомъ концертѣ было весьма важно. Оно состояло въ аранжировкѣ на хоры и оркестръ трехъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ и одной сербской; въ составленіи программы концерта также онъ участвовалъ, хотя и не могъ здѣсь быть самостоятельнымъ, получивъ для программы выбранныя самими исполнителями пѣсни и готовыя соображенія, болѣе или менѣе обязательныя, частныхъ лицъ, хлопотавшихъ объ этомъ концертѣ.

«Въ составленіи самихъ хоровъ, столько оживившихъ концертъ, г. Сѣровъ былъ парализованъ неблагопріятными случайностями и неудачами: писавъ партитуры, онъ не имѣлъ подъ рукой инструмента; не могъ провѣрить переписанныхъ партій; не имѣлъ возможности присутствовать на спѣвкахъ, и едва попалъ, случайно, на репетицію, кончившуюся за часъ передъ концертомъ. Винить въ этомъ кого бы то ни было нельзя, потому, что *главныхъ распорядителей по концерту вовсе не было*. Самъ г. Сѣровъ, по независимости своего характера, конечно, не обращался къ кому нибудь за тѣмъ, за чѣмъ, по всей справедливости должны были къ нему обращаться. А. Н. Сѣрову остаются не упреки, а полнѣйшая, глубочайшая благодарность искреннихъ друзей Шевченка и истинныхъ почитателей его великой

памяти. Нашему критику музыкальному, котораго имя съ почтеніемъ произносится въ музыкальной Германіи, и даровитому композитору, какимъ онъ вдругъ обнаружилъ себя передъ нами, принадлежитъ теперь честь первой значительной ученой разработки народной украинской музыки; ему же и наша горячая любовь на всю жизнь, живая струя той любви, какую каждый украинецъ питаетъ къ чарующимъ, глубокимъ, задушевнымъ пѣснямъ своей милой родины.

«И тѣмъ выше заслуга г. Сѣрова, чѣмъ онъ сознательнѣе утверждаетъ, что работу свою, по ея спѣшности и, слѣдовательно, неудовлетворительности, считаетъ не иначе, какъ предварительною, почти черновою, и тѣмъ обязательнѣе для каждаго признаніе этой заслуги, что выполненіе этихъ малороссійскихъ пьесъ въ концертѣ оставляло еще многаго желать. Композиторъ не только-что не имѣлъ времени поправить ошибки, вкравшіяся въ партіи или придать выдержку и энергію инструментамъ и голосамъ, но изъ опасенія, чтобы не сбить исполнителей на единственной пробѣ, имѣвшей мѣсто передъ самымъ концертомъ, не могъ поправить даже собственныхъ ошибокъ; напримѣръ, не могъ ускорить такта въ мужскомъ малороссійскомъ хорѣ и въ первой половинѣ первой пѣсни женскаго хора, уничтожить поставленныхъ въ срединѣ пѣсенъ ферматъ, сообщившихъ имъ какой-то для нихъ чуждый, отчасти театральный, характеръ. Что же касается самихъ исполнителей хоровъ, то съ ихъ голосами и добрымъ вниманіемъ къ дѣлу можно было многаго достигнуть. Затѣмъ ужъ почти лишнее жалѣть о томъ, что слоги словъ въ хоровыхъ украинскихъ пѣсняхъ кое-гдѣ не были разставлены подъ соотвѣтственными имъ нотами, а въ пѣніи недоставало вольныхъ и смѣлыхъ переливовъ, требуемыхъ характеромъ исполненія пѣсенъ самимъ народомъ. По стѣсненному времени, несправедливо обвинять кого бы то ни было, ни благосклонныхъ артистовъ, ни усердныхъ, но чуждыхъ иногда другъ другу, любителей, и всего менѣе — г. Сѣрова.

«Напротивъ, если, и за всѣмъ этимъ, нашъ прелестный женскій хоръ, наравнѣ съ блистательно-оркестрованнымъ сербскимъ, продолжаетъ составлять предметъ оживленныхъ разговоровъ въ обществѣ, то это лучше всего показываетъ, сколько г. Сѣровымъ положено въ эти работы любви и таланта.»

Въ статьѣ П Н. Мокрицкаго высказано, между прочимъ, слѣдующее:

«Не позволяя себѣ рѣшительно никакихъ разсужденій, обратимся

къ фактамъ. Сознаваясь въ своей недальновидности, мы откровенно скажемъ, что не понимаемъ слѣдующихъ словъ г. Кулиша: «покамѣстъ малочисленнаго украинскаго общества», а также «смѣло выдавая себя за истинныхъ украинцевъ.» равно не понимаемъ, къ чему здѣсь нарушенъ прахъ давно-почившаго Котляревскаго, малороссіянина съ замѣчательнымъ талантомъ, котораго пародія Энеиды считалась всегда удачнѣйшею изъ пародій и въ свое время была выучена наизусть всѣми украинцами; котораго «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чаривникъ» играются десятки лѣтъ на театрѣ и до сихъ поръ не прискучили. Общая симпатія публики никому даромъ не дается; украинская пословица говоритъ: «громада—великий чоловікъ»; она не издаетъ книгъ, а читаетъ, присматриваясь.

«За пораженіемъ Котляревскаго, у г. Кулиша слѣдуетъ пораженіе композитора, Глинки, признаннаго Европою великимъ артистомъ. Положенный имъ на ноты романсъ, на слова г. Забѣлы, исполненный г. Артемовскимъ, г. Кулишъ назвалъ «бездушнымъ и уродливымъ романсомъ!» а въ концѣ статьи, всѣ сердечныя изліянія людей, которыхъ привела безкорыстная любовь къ памяти одного изъ прекраснѣйшихъ сердецъ человѣческихъ и желаніе пособить доброму дѣлу, названы «воемъ» надъ могилою Шевченка....

«Гдѣ же искать причину этого разочарованія въ которомъ находится одинъ г. Кулишъ, тогда какъ публика очень признательно выражала свое сочувствіе въ концертѣ, что́ видѣлъ и слышалъ каждый бывшій и что доказываетъ фельетонъ, выглядывающій, какъ укоръ, изъ-за другой страницы того же листа? Намъ совершенно непонятно, ка́къ могли родиться враждебныя движенія, и въ такой сильной степени, въ людяхъ, пришедшихъ раздѣлить одно съ нами чувство. Неужели человѣкъ, въ которомъ есть хоть одна теплая искра въ груди, сталъ бы насмѣхаться надъ выраженіемъ лица особы, посѣтившей могилу его отца?»

Заявивъ уже, что вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Марковича, мы думали-было сдѣлать замѣчаніе противъ нѣкоторыхъ фразъ, нѣкоторыхъ преувеличенныхъ похвалъ и нападокъ въ другихъ мнѣніяхъ, но— остановились: намъ сдѣлалось и скучно и грустно при одной мысли полемикѣ, обращенной къ тому, что́ было, прошло, и если когда-нибудь повторится, то совершенно въ иномъ видѣ. Многое, что́, по

первому впечатлѣнію, охватываетъ и голову и сердце, — смотришъ потомъ — только отвлекло тебя отъ лучшаго, прямаго дѣла. Не словопреніе теперь нужно, а дѣло, — любовь: одна любовь творитъ достойное и настоящаго и будущаго.

И такъ, отсторонивъ частности и предоставивъ ихъ суду общественному, скажемъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно музыкальнаго исполненія и музыкальной критики: быть-можетъ, они впередъ къ чему-нибудь послужатъ.

Справедливо замѣчено въ одной изъ приведенныхъ нами статей, что концертъ былъ далекъ отъ совершенства; но можно ли требовать *совершенства* отъ чего-бы-то-ни-было, а тѣмъ болѣе отъ концерта, образовавшагося на́-скоро, на-сѣверѣ, гдѣ такъ еще мало знанія и пониманія нашей народной музыки. Надо было испытать *возможное*, и оно показалось обществу не чуждымъ, не страннымъ, не безплоднымъ; *возможное* въ настоящемъ подаетъ надежды къ лучшему въ будущемъ. Кто чуетъ нашу пѣсню не однимъ ухомъ, но и сердцемъ, тотъ долженъ понимать, что она, для артистическаго своего выполненія, требуетъ свободы вдохновенія, создавшаго ее въ народѣ, — т. е. такого глубокаго проникновенія словами и звуками пѣсни, какъ будто бы они родились въ минуту самого пѣнія. Такъ иногда поетъ извѣстный многимъ Украинцамъ, Гр. Н. Честоховскій, — но его голосъ не для концертной залы. Такъ нѣкогда пѣлъ Шевченко — и голосомъ и стихами... но легко ли и на одну минуту стать Шевченкомъ?... Вотъ-что́ слѣдовало помнить критикамъ концерта 27 апрѣля: — тогда бы вѣроятно, взглядъ ихъ былъ прямѣе и справедливѣе, — тогда бы требованія ихъ относительно *украинскаго* концерта *въ Петербургѣ* въ такой же степени уменьшились, въ какой — относительно себя — увеличились...

Да! критики должны бы быть гораздо требовательнѣе въ-отношеніи къ себѣ и осмотрительнѣе въ своихъ приговорахъ, нежели они это показали. Концертъ есть дѣло музыкальное и, слѣдовательно, для *вѣрнаго* сужденія о концертѣ *какомъ-бы-то-ни-было*, прежде всего необходимо, хотя до нѣкоторой степени, знаніе музыки въ томъ, кто берется судить о музыкальномъ дѣлѣ печатно. Кажется, что въ такомъ требованіи довольно основательности. Такимъ-образомъ, хотя концертъ въ память Т. Г. Шевченка былъ больше чѣмъ на-половину программы составленъ изъ музыки южно-русской, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы концертъ этотъ подлежалъ исключительному суду од-

нихъ украинцевъ, — и вовсе не каждый украинецъ, на томъ только основаніи, что онъ слыхалъ пѣсни своего народа, народомъ исполняемыя, можетъ превратиться въ музыкальнаго знатока и критика. Никто, напримѣръ, не усомнится въ истинной «народности» русской плясовой пѣсни, извѣстной по всей Руси подъ именемъ «Комаринской». Эта пѣсня симфонически разработана М. И. Глинкою, но—еслибъ потребовалось оцѣнивать это мастерское и великолѣпное произведеніе Глинки—хотябы и со стороны собственно-народности,—неужели бы любой «русскій,» быть-можетъ неразъ плясавшій подъ звуки этой пѣсни, съ аккомпанементомъ балалайки, могъ быть приглашенъ въ судьи для оцѣнки эффектовъ и впечатлѣнія оркестровой разработки этой пѣсни Глинкою?—Весьма вѣроятно, подобный импровизированный судья изрекъ бы такой приговоръ: «Сначала-то, вотъ пока скрыпки наигрываютъ пѣсню (т. е. еще на-голо́, одну мелодію, безъ аккомпанемента), узнать можно: — совсѣмъ какъ у насъ выходитъ; а что́ дальше, такъ ужъ хитро больно,—заплелъ, заплелъ разныя припѣвочки да подпѣвочки, да въ трубы, въ литавры грянулъ, — отъ пѣсни-то чуть-ли не въ сторону метнулъ. У *насъ* поютъ и играютъ ее попроще;—а это уже на нѣмецкіе лады смахиваетъ.» Могъ ли бы такой приговоръ, хотя бы и очень искренній, служить укоромъ симфонической фантазіи Глинки, или прямымъ доказательствомъ недостатка народности въ разработкѣ «Комаринской»?

Не ставя нисколько въ параллель съ этимъ могучимъ, зрѣлымъ произведеніемъ Глинкиной музы первые и вовсе не особенно-значительные опыты А. Н. Сѣрова на поприщѣ разробатыванія украинскихъ мотивовъ для хора и оркестра, мы все-таки скажемъ, что сужденія враждебныя этимъ небольшимъ, но—по отзыву дѣльныхъ музыкантовъ—весьма удачнымъ, опытамъ, враждебныя именно со стороны «народности» въ музыкальныхъ звукахъ, совершенно несправедливы и выказываютъ только въ г.г. порицателяхъ незнаніе предмета.

Что́ можетъ быть, напримѣръ, забавнѣе упрека женскому хору (въ его второй половинѣ) за то́, что мотивъ пѣсни «*Ой на річці та на дощеччі*» сбивается на великорусскую пѣсню «Ахъ, начто́жъ было огородъ городить»? Можно, пожалуй, и еще прибавить, что мотивъ этотъ похожъ и на другую русскую пѣсню «Ты поди, моя коровушка, домой», а изъ земли Чеховъ, или Сербовъ, или Словаковъ найдутся, быть-можетъ, и десятка два еще другихъ мотивовъ все вполнѣ народныхъ, и какъ нельзя ближе похожихъ и на упомянутые

великорусскія пѣсни и на ту украинскую, которая была спѣта женскимъ хоромъ въ концертѣ, съ аккомпанементомъ оркестра, разработаннымъ совершенно согласно наивно-веселому характеру самаго напѣва: что́ жъ изъ этого слѣдовало бы, (еслибъ и было сходство, о которомъ говоритъ (вѣроятно, не разобравъ музыки), г. Маренко)? Ужъ навѣрное не то́, что́ онъ думалъ. А что мотивъ, разумѣется, сохраненъ въ хорѣ вездѣ, отъ ноты до ноты, объ этомъ и распространяться не слѣдуетъ: достаточно заглянуть въ музыкально-критическій этюдъ А. Н. Сѣрова надъ украинскими пѣснями, чтобы увидѣть ка́къ цѣнитъ и понимаетъ онъ народную музыку. Читатели видѣли замѣчательную ошибку другого критика, который одно изъ весьма удачныхъ произведеній Глинки — давно оцѣненную пѣсенку «*Гуде вітеръ*» смѣшалъ *съ словами*, которыхъ авторъ В. Н. Забіла. Музыкальная критика всегда умѣетъ ясно разграничивать область текста и область музыки, хотя бы и въ народной пѣснѣ; случайные судьи музыкальныхъ явленій, наоборотъ, никакъ не могутъ отдѣлить звука отъ слова и, за-часту́ю, не узнаютъ и мотива пѣсни, если она имъ спѣта съ инымъ, незнакомымъ для нихъ, текстомъ, или сыграна безъ пѣнія и, слѣдовательно, безъ словъ.

Наконецъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что область народной музыки, когда уже она выступаетъ въ концертъ, непремѣнно должна стать *въ уровень* съ художественными произведеніями *не-народными*. Пѣсня, точь въ точь какъ она поется народомъ, съ длиннымъ, однообразнымъ повтореніемъ двухъ-трехъ фразъ, иногда весьма-короткихъ, — богатѣйшій *матеріалъ* для музыки, но этотъ матеріалъ, въ своемъ *необработанномъ* видѣ, еще не есть музыка, *готовая для концерта*. А для сцѣпленія, для сплетенія между собою разныхъ народныхъ мотивовъ, даже для лёгкой разработки ихъ, хотя бы и въ видѣ импровизированной фантазіи, требуется вниканіе въ законы *развитаго* искусства и опытность въ техникѣ музыкальнаго дѣла, — чего отчасти недостаетъ, напримѣръ, въ «Покосарщинѣ;» хотя мотивы этой пьесы, сами по-себѣ, весьма интересны съ своимъ чисто-народнымъ оттѣнкомъ.

Нельзя не отозваться съ благодарностью объ усердіи всѣхъ господъ и госпожъ исполнявшихъ чисто-украинскую часть программы: всѣ они свое дѣло исполнили весьма-удовлетворительно. Глубокаго проникновенія задачею, напримѣръ въ хорахъ и акомпанементѣ имъ, конечно, недоставало, но на это есть очень уважительная причина: совершенное отсутствіе въ Петербургѣ вполнѣ хорошаго *капельмейсте-*

ра для народной музыки, истиннаго по всѣмъ правамъ *предводителя* оркестровыхъ и хоровыхъ силъ (*отличныхъ* въ отдѣльности)... Кромѣ техническаго знанія и опытности (которые найдутся и въ оперныхъ и концертныхъ дирижерахъ)—кромѣ таланта (который, какъ высшій даръ, вовсе не часто встрѣчается въ музыкантахъ-профессіонистахъ), тутъ необходимо еще одно важнѣйшее условіе: безграничная любовь къ своему дѣлу, призваніе, неразлучное и съ безкорыстіемъ и съ самоотверженіемъ. Музыканты оркестра, пѣвцы и пѣвицы хора, не могутъ смотрѣть на музыку иначе, какъ на поденное занятіе, на работу, за которую, по уговору, получаютъ извѣстную плату. Начальникъ оркестра и хоровъ, начальникъ *всего* исполненія, во всецѣлости музыкальной, обязанъ смотрѣть на дѣло иначе. Онъ долженъ душею горѣть, пламенѣть къ музыкѣ; долженъ, по *внутреннему*, сильнѣйшему побужденію стремиться къ идеально-совершенному выполненію ввѣряемыхъ ему задачъ. Его дѣло–вдохнуть душу живую въ матеріальныя силы голосовъ человѣческихъ и музыкальныхъ орудій,—понять духъ, характеръ того, что́ исполняется,—осуществить все, что́ только въ видѣ мертвой буквы заключено въ холодныя страницы партитуръ. Для всего этого, безъ сомнѣнія, никакъ недостаточно было *одной* (!) пробы, при музыкѣ, для г. капельмейстера совершенно-чужой и незнакомой; для всего этого, конечно, и пробу никакъ нельзя дѣлать за какой-нибудь часъ до концерта!.. Когда капельмейстеръ занимаетъ свое мѣсто вовсе не по призванію, а та́къ, Богъ знаетъ почему,—какъ не рѣдко случается со всякими другими должностями,—когда и онъ—никакъ не менѣе музыкантовъ оркестра и хористовъ—поденщикъ, наемникъ, которому нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до цѣлей искуства,—когда, вмѣсто того, чтобъ «одушевлять» исполненіе, онъ скорѣе, своею вялостью, сухостью, равнодушіемъ, самъ парализуетъ и ту маленькую энергію, которая изрѣдка, почти безсознательно, является въ хорахъ и оркестрѣ: тогда... гдѣ же требовать *силы* впечатлѣнія на слушателей, гдѣ же требовать смысла, разумности въ оттѣнкахъ, гдѣ же требовать истинной музыкальности и отъ концертовъ, тысячу разъ повторявшихся, — тѣмъ болѣе отъ концерта, въ основаніи котораго совершенно новая музыка?..

Въ заключеніе, не считаемъ лишнимъ сказать, что многіе Украинцы, въ томъ числѣ и Н. Ив. Костомаровъ, выразили свою признательность артистамъ и любителямъ, за участіе въ концертѣ, осо-

быми письмами; что оркестръ, хоры и устройство концертной залы обошлись — ка́къ и для всѣхъ здѣсь обходятся — очень дорого, не смотря на все усердіе друга покойнаго поэта, — М. М. Л—скаго, — который завѣдывалъ хозяйственною частью концерта; и, наконецъ, что — ка́къ говорятъ — нѣкоторые изъ артистовъ и любителей, участвовавшихъ въ концертѣ 27 апрѣля, — въ томъ числѣ г-жа Леонова и г. Никольскій, — вскорѣ намѣрены посѣтить Кіевъ, Полтаву, Черниговъ и Харьковъ. Въ ихъ успѣхѣ и сочувствіи тамошняго общества не сомнѣваемся.

А.-В. Побратимъ.

ВІСТІ.

ВОВЧИЦЯ.

(*Изъ письма моего пріятеля*).

— — Солнечные лучи ложились параллельно землѣ, пробиваясь сквозь свѣтлыя зимнія облака. Слабо освѣщали они стѣны убогихъ хатъ, плетни и вербы, когда почтовая тройка тронулась изъ хутора Картая и понеслась по степной дорогѣ, оглашая воздухъ рѣзкимъ дребезжаньемъ колокольчика. Сѣвшій въ рогожную кибитку проѣзжающій закурилъ сигару, отъ которой дымъ быстро вылеталъ изъ-подъ кибитки и тотчасъ же исчезалъ въ сжатомъ зимнемъ воздухѣ. Тихій вѣтеръ началъ усиливаться болѣе и болѣе; отдѣльно бродившія облака стали сходиться въ сплошную массу, и пошелъ снѣгъ. Наконецъ, солнце совершенно скрылось, а снѣгъ усилился до-того, что узкую дорогу, походившую болѣе на тропинку, стало заносить совершенно; ее не было бы возможности узнать, еслибъ она съ обѣихъ сторонъ не была утыкана палками, оберченными соломой, которыя у насъ называются *тычками*.

«Да!!» вздохнувши подумалъ проѣзжающій, глядя на безконечное чистое пространство, покрытое снѣгомъ: «еще одно здѣсь спасаетъ человѣка — тычки! а не будь ихъ въ мятель, непремѣнно сбился бы съ дороги и застылъ бы въ этомъ снѣговомъ морѣ».

Онъ бросилъ въ сторону недокуренную сигару и, закутавшись въ шубу, прижался къ той сторонѣ кибитки, въ которую дулъ бушующій вѣтеръ, и, поглядывая въ обѣ стороны, прислушивался къ пѣснѣ ямщика, напѣвавшаго полнымъ степнымъ голосомъ:

Забіліли сніги, заболіло тіло,
ще й голо́вонька;
Ніхто́ не запла́че по білому тілу,
по бурла́цькому....

Ямщикъ поминутно стегалъ батогомъ свою тройку, движеніе которой по занесенной снѣгомъ дорогѣ становилось все тише и тише. Она проѣхала уже нѣсколько верстъ, а ни впереди, ни въ сторонѣ никакого жилья не было замѣтно: все только и виднѣлась одна неизмѣримая, покрытая снѣгомъ степь, на которой въ лѣтнее время не мало можно встрѣтить дикихъ козъ и зайцевъ. Наконецъ, тройка спустилась въ глубокій яръ, гдѣ, къ удивленію ѣхавшаго господина, въ первый разъ встрѣтился дубовый лѣсокъ, и онъ, не разговаривая съ ямщикомъ всю дорогу, не вытерпѣлъ и спросилъ:

— А что́, здѣсь есть жилье, или одинъ только лѣсъ?

— Жилля нема́ ніякого, а тілько одинъ лісъ,—отвѣчалъ ямщикъ хлеснувъ батогомъ лошадей.

— Большой?

— Ні, ге велик'й, та й не малий.

— А сколько верстъ отъ этого лѣсу до станціи?

— Та, якъ бы вамъ сказа́ть?—верстовъ... три́дцять, чи три́дцять пять.

— А впередъ встрѣтится какой нибудь хуторъ?

— Буде маленькій хутире́ць, та й той оста́нется у боку́.

— Въ лѣсу, недалеко отъ дороги, что-то блеснуло, словно огонекъ. Всматриваясь въ ту сторону, путешественникъ спросилъ у ямщика:

— Тутъ нѣтъ ли избушки, что вонъ вправо видѣнъ огонь?

— Це не огонь,—отвѣчалъ ямщикъ.

— А что́же?

— Вовкъ. То у ёго о́чи блищя́ть якъ ого́нь.

— Развѣ здѣсь ихъ этакъ бываетъ и много?

— Та не такъ бага́цько, а коли не ідешь, то все попада́ютця назу́стрічъ.

Когда они поровнялись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находился волкъ, лошади подняли уши и стали храпѣть, а сидѣвшій въ саняхъ господинъ такъ струсилъ, что не только прервалъ разговоръ, но прижался поближе къ одной сторонѣ саней и едва переводилъ духъ. Онъ даже забылъ про пистолетъ, который имѣлъ всегда заряженнымъ и возилъ съ собою изъ предосторожности. Но, переводя съ большою осторожностію дыханіе, онъ чувствовалъ себя нисколько не легче; а когда спустились въ самый яръ, ему сдѣлалось еще жутче оттого, что лошади, утопая по самое брюхо въ мягкомъ снѣгу,

чуть двигались впередъ, и нерѣдко даже совершенно останавливались. А волкъ съ горящими, какъ двѣ свѣчки, глазами стоялъ неподвижно. Герой нашъ хотя былъ и не изъ самаго трусливаго десятка, а въ этомъ случаѣ совершенно оплошалъ. Онъ не могъ замѣтить, что здѣсь уже не было видно ни дороги, ни тычекъ, которыя были занесены снѣгомъ и что ямщикъ, будучи знакомъ съ мѣстностью, ѣхалъ по лѣсу почти *манівцемъ*, сжеминутно покрикивая и ударяя батогомъ лошадей, которыя насилу выбивались изъ глубокаго снѣгу, залегшаго спокойно въ лѣсу. Наконецъ, умыленная до изнеможенія тройка перебралась чрезъ глубокій яръ и, такъ сказать, вынырнувъ изъ снѣговой топи, очутилась на гладкой дорогѣ, изрѣдка перерѣзанной большими вàлявами снѣгу. Изъ лѣсу, въ которомъ остался страшный волкъ съ огненными глазами, долетали до нашихъ ѣздоковъ свистъ сильнаго вѣтра и шумъ деревьевъ.

Оставивъ позади себя лѣсъ и выѣхавъ на ровную мѣстность, ямщикъ опять началъ напѣвать потихоньку, какъ-будто сквозь зубы:

Забіліли сніги, заболіло тіло....

Лошади, получая менѣе ударовъ батога, пошли однакожъ шибче, а проѣзжающій снова спросилъ ямщика:

— А что, эти свѣтлоглазые ничего не трогаютъ, или этакъ что нибудь и пощипываютъ?

— Да якъ ще гáрно щипáють! Торíкъ до насъ у хýтíръ такъ унáдились, шо не було того дня, шобъ чого-небудь изъ хлíвá не витягли: спéрву стáли крáсти гусéй, а тамъ свинéй и овéчокъ; та такъ сібíрні унáдились, шо и въ день бувáло пíдкрáдутця до вíвéць, ухóпить ягня, або старý вівцó, та й побіжúть у лíсъ. Лíсъ цей невелúкій.... Отъ ми зібрáлись разъ чоловíкъ изъ шíсть; взялú зъ собою всí по кійкý и чотирі ружжя, та й и пішлú. Дай, кáжемъ, прóйдемо цей лíсъ, чи не нáйдемъ тамъ ихъ скóти (¹). Тíльки прихóдимъ у лíсъ, и всí шéстеро розíйшлúсь по бокáхъ.... ну, и найшóвъ одúнъ, такъ, у ярóчку, вóвчу скóту, и закричáвъ: «Сюдú, брáтцí»! Отъ ми якъ прийшлú всí, такъ одúнъ смíлий и вúбрався, та й полíзъ у скóту.... А тамъ булú тíльки самú вовченята и обóе

(¹) Берлоги.

гарцювали зъ маленькимъ ягняткомъ. Ну, ми тутъ скоріше забрали ціхъ маленькихъ вовченятъ и ягнятко и понеслі до дому, шобъ не зострітись изъ вовчицею. А щобъ вона и по слідамъ не найшла своіхъ дітей, то ми якъ переходили черезъ містокъ, взяли та іхъ и помили.

— Развѣ волчица по слѣдамъ могла найти, еслибы вы волченятъ не обмыли?—спросилъ путешественникъ.

— Эге! вона бъ тоді и домъ той розорила, куди принеслі вовченятъ: вона по слідамъ прийшла до самого містка, а далі вже не пійде, бо зъ нихъ увесь духъ вовчий обмили.... Бідну скотинку ажъ жаль було, якъ вона цілу неділю лізла въ воду, та все вила, да й здохла тамъ на березі.

Хуторъ, о которомъ ямщикъ говорилъ прежде своему сѣдоку, только сейчасъ они проѣхали; но путешественникъ, завалившись въ уголъ саней и закутавшись отъ сильнаго вѣтра и снѣга въ шубу, не замѣтилъ его.

— Чтоже вы съ волченятами сдѣлали?

— Становий дознавсь, та до себе й забравъ. У станового, бачте, на тій неділі, якъ вовчиця все вила и лізла у річку, корова пропала. Ему хтось про це й сказавъ; вінъ узявъ писаря, отамана (²) и двухъ десятниківъ, та й приіхавъ до насъ у хутіръ и заразъ же звелівъ зібрать усіхъ стариківъ и всіхъ насъ у громаду. Мене тоді дома не було: я возявъ якогось пана; такъ за мною послали въ погоню, шобъ якъ можно скоріше я іхавъ у хутіръ до станового. Коли я приіхавъ у хутиръ — а тамъ уже всі хлопці, шо зо мною забрали въ лісі изъ скоти вовченятъ, стоятъ у громаді. Отъ становий и питае: «Шо? ви, каже, забрали изъ лісу вовченятъ»?— «Ми, кажимъ, забрали». — «Де жъ вони»? — «У мене дома», сказавъ одинъ зъ насъ.—«Ну, такъ послать, шобъ іхъ привезли сюда... А іхъ, каже, посадить у холодню» (показуе на насъ). Ми стали его просити, вінъ и дивиться на насъ не хоче; такъ росходівсь, шо и въ два не вберетъ. Послі: «ні,» каже, «не сажайте іхъ у холодню, а приводіть по одному до мене въ хату». Отъ насъ усіхъ по одному у хату, де бувъ становий, писарь и отаманъ, переводіли, и все у насъ питали, а ми все імъ казали, а

(²) У насъ отаманъ избирается изъ среды сельскаго общества, какъ у великороссіянъ старшина.

вони́ все писа́ли. Якъ усіхъ до одного́ перебра́ли, такъ станови́й вийшовъ, та й поча́въ чита́ть при всій грома́ді: шо такі-то и такі-то, тоді-то и тоді-то, ходи́ли въ лісъ и во́вчу ско́ту розори́ли, и вовченя́тъ забра́ли, и зъ ни́ми дойшли́ до міста́ и ихъ у рі́чці обми́ли. Вовчи́ця про це не зна́ла, и якъ прійшла́ въ ско́ту, глядь, ка́же, а тамъ вовченя́тъ нема. Ну, вона́ побігла по слі́дамъ до са́мого міста́, де вовченя́та були́ обми́ті, та й ну ви́ти и ки́датьця въ воду; та такъ разсе́рдилась, шо зділа мою коро́ву.... Та це ще нічо́го, ка́же, а якъ би вона́ зділа чоловіка, тодібъ шо було́? ка́же становий усій громаді. Тодібъ и мене підтягну́ли, сказа́ли бъ, шо отъ-шо робитця въ твоімъ ста́ні»! А старики́ зъ ля́ку: «Ні,» ка́жуть, «и за коро́ву нехай вони́ вамъ запла́тють, шо вона́ сто́ить». А ми й кажимъ: «Та якъ же вовчи́ця корову зділа, ва́ше благоро́діє, коли́ вона́ одъ ва́шого ху́тора па́слась більше, якъ пятна́дцать верстъ? Скорій бы вона́ зъ на́шого ху́тора чиё-не́будь иззіла». «Ні,» ка́же вся грома́да: «це могло́ случи́тьця, бо вона́ не ходи́ла въ че́реді, а по во́лі, де хотіла.... такъ вона́, може, пря́мо черезъ пшени́ці и пройшла́ підъ ва́шъ ху́тіръ». «Отъ то-то и есть!» ста́ли ми каза́ти: «якъ вона́ ходи́ла по пшени́цямъ, то хто-не́будь и прицькува́въ її соба́ками, а вони́ й загна́ли дале́ко»... «Не пра́вду ви ка́жете, перебила вся грома́да: скільки разъ ми всі ба́чили, шо вона́ пасе́тця въ пшени́ці, а ма́ло того и ля́же — и то ніхто́ не чіпа́въ, а не то шобъ соба́ками цькува́ть». А станови́й: «такъ,» ка́же, вы, господа́ чесні́, согла́сні, шобъ вони́ заплати́ли мені за коро́ву, чи ні?... та самъ же й ка́же: «по мені и нічо́гобъ не тре́ба; такъ, якъ простіть імъ, то и дру́гі таке́ діло зро́блять». «Согла́сні, согла́сні,» сказа́ла вся грома́да: «стільки, скільки ви прика́жете». А станови́й: «скільки я самъ заплати́въ Жукові: сто карбо́ванцівъ. Це коро́ва не на́ська, а Чорномо́рська». Якъ сказа́въ вінъ це, такъ-такъ ми всі, грішні, й поду́мали: «Якъ ёго ще сира́ земля́ де́ржить на світі, шо вінъ такъ люде́й моро́чить!» Всі зна́ли, шо коро́ва станово́го не ку́плена, а про́сто взя́та у Жука́ за те, шо вінъ якъ пра́сілъ, такъ вся́ке літо приганя́є бага́цько скоти́ни; а старики́ жа́луютця, шо вінъ своє́ю скоти́ною вибива́є на́ полі кормъ, такъ-шо й на́шій скоти́ні нічого їсти. Отъ цей пра́сілъ вся́ке літо и дару́є скоти́ною, або́ грішми, станово́му, пи́сареві и ота́манові, якъ який бере (¹); тимъ и коро́ву цю вся станово́го дво́рня, коли́ шука́є бува́ло въ пшени́ці, такъ усе́ ка́жуть: «Чи не ба́чили *Жучи́хи*?»

(¹) Отаманы, будучи часто перемѣняемы, рѣдко пользуются случаемъ взять.

— Почему же вся громада не вооружится противъ того, чтобы становаго корова не паслась въ пшеницѣ?

— Не то шо корова пасетця въ пшеници, — и всі трое коней ходять де хотя,—и то ніхто нічого не каже; тілько насъ Бога ради не чіпай!...

— Ну, а чѣмъ же кончилось дѣло о волчицѣ?—спросилъ путешественникъ, желая скорѣе узнать развязку.

— Та тимъ, шо зъ насъ изъ усіхъ злупили сто карбованцівъ за корову, та тридцять карбованцівъ и шість мішківъ пшеници за безчесте; а зо всего хутора зобрали яець на яешню и курей на закуску всімъ панамъ стілько, шо вони тутъ пообідали, та ще одвезли становому и писареві на підводі.

— А что такое значитъ — безчестье?

— Та безчесте въ насъ зовется те, шо якъ будешъ позиватьця, такъ все рівно берутъ — и съ правого и неправого: тільки разниця та, шо зъ виноватого берутъ за вину и безчесте, а съ правого тілько за одно безчесте.

— А всякій ли разъ бываетъ сборъ яицъ и куръ, когда пріѣзжаютъ ваши власти?

— Хтобъ ні приіхавъ—становий по своему ділу, писарь и збірщикъ оброкъ збірать,—все ходять десятники и збірають зъ души по скільки чого слідуе.

— Какъ? развѣ опредѣлено поскольку чего съ души?

— А якже! Становому одному по два яйці зъ души, а зъ двадцяти душъ по курочці; а писареві и збірщикові, на двохъ стільки, скільки одному становому. А отаманові, коли буває, то прибавляетця, якъ тамъ буде приказано.

Бесѣда съ ямщикомъ дотого увлекла проѣзжающаго, что онъ невольно задумался и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время отъ станціи до станціи. Но онъ счелъ излишнимъ выражать свое удовольствіе словами, и только лишнихъ пять копѣекъ серебромъ, прибавленныхъ къ обычной его платѣ ямщикамъ на водку, выразили его безмолвную благодарность.

И. Свячченко.

Изъ Черниговской губ.

(Іюнь 1861 г.).

I.

Вы просили меня писать обо всемъ, что́ будетъ любопытнаго въ той мѣстности, гдѣ я живу уже около двухъ недѣль.

Вы, можетъ-быть, разсчитывали получить отъ меня свѣдѣнія интересныя для «*Основы*» и для читателей ея; но я сомнѣваюсь — удастся ли мнѣ сообщить что́-нибудь подобное. Помѣщиковъ, кромѣ ближайшихъ сосѣдей, я еще не видѣлъ; сосѣди же, бо́льшею частью, жалуются на судьбу. Они окончательно рѣшили въ своей головѣ, что выхода изъ бѣды нѣтъ ни съ какой стороны; съ главами, поникшими долу, ждутъ они голодной смерти, и не внимаютъ голосу умнаго человѣка, по временамъ взывающему къ нимъ. Всѣ помыслы ихъ устремлены теперь къ тому, чтобы накопить какъ можно больше денегъ; продается все, что́ можно продать; продукты, залежавшіеся по нѣскольку лѣтъ, сбываются по какой-бы-то-ни-было цѣнѣ. Но съ собранными деньгами они рѣшительно не знаютъ ка́къ поступить и прячутъ ихъ по угламъ, подальше отъ постороннихъ взглядовъ. Нѣтъ ни желанья, ни умѣнья распорядиться ими разумно, употребить въ дѣло. Привыкнувъ смотрѣть на деньги какъ на цѣль жизни, они и теперь не видятъ въ нихъ средства къ благосостоянію, и жмутся до-крайности, лишь бы не выпускать денегъ изъ рукъ. О правильномъ употребленіи капитала нѣтъ никакого понятія. Я пробовалъ убѣдить нѣкоторыхъ господъ обратиться къ промышленности, смотрѣть правильно на свободный трудъ, стараться выиграть время—не внемлютъ!.. Одинъ отвѣтъ: все погибло!

А между тѣмъ, въ первый же годъ, можно бы уже воспользоваться выгодами свободнаго труда; но у насъ та́къ привыкли къ патріархальному способу вести хозяйство, что боятся и подумать о какомъ либо промышленномъ оборотѣ, и скорѣе соглашаются вздыхать, сложа руки, нежели заняться чѣмъ-нибудь. Словомъ, человѣкъ свѣжій испытываетъ здѣсь впечатлѣніе самое тяжелое, и невольно вспоминаются слова лѣтописца: «Запустѣніе на стогнахъ градовъ и весей: то бо суть Агаряне» и проч.

Начало этого зла заключается, прежде всего—благодаря централизаціи—въ совершенномъ отсутствіи молодыхъ образованныхъ людей, которые бы своимъ примѣромъ, на дѣлѣ, показали несостоятельность ста-

раго порядка и жизненность новаго. Нѣтъ силы, которая подвинула бы съ мѣста застоявшуюся массу, расшевелила бы ее и указала путь.

Да! отсутствіе молодежи здѣсь очень чувствительно. Если нѣтъ постоя войскъ, то, на съѣздахъ помѣщиковъ, нѐкому танцовать, а въ уѣздной жизни безъ этого не могутъ обходиться. Здѣшнія барышни выходятъ замужъ, обыкновенно, за военныхъ всякихъ націй, вводя, такимъ—оброзомъ, въ свои семейства и великорусовъ, и нѣмцевъ, и итальянцевъ, и перекрещенныхъ евреевъ, и *агіатовъ* и т. д. Это ведетъ къ тому, что ихъ имѣнія мужья стараются обращать въ деньги, и земля снова переходитъ въ старыя, привыкшія къ кулачному праву руки. Да если правду говорить, и молодежь военная, оставаясь здѣсь, принесла бы еще меньше пользы, а скорѣе вредъ. Безъ образованія, часто безъ здраваго смысла, съ неодолимою страстью къ кутежу, попойкамъ, картамъ — она способна только разорять и уничтожать, а не создавать. А посмотришь, какія иногда славныя имѣнія попадаютъ въ руки этихъ господъ! Что́ бы можно сдѣлать при умѣньи да при правильномъ веденіи хозяйства! Все гибнетъ!.. У этихъ господъ дѣлается все наоборотъ. Вмѣсто того, чтобъ начать дѣло экономіей и устройствомъ порядка и постепенно переходить къ довольству и комфорту, они, захвативъ въ руки разстроенное имѣніе, заводятъ оранжереи, тысячные экипажи, рысаковъ, строятъ громадные дома и проч., и тѣмъ окончательно убиваютъ свое состояніе. А жены ихъ, здоровыя деревенскія барышни, вскормленныя плодоносною Малороссіею, начиная съ перваго же года, отличаются аккуратной производительностью. Уѣзжая прошлый годъ на сѣверъ, я оставилъ здѣсь нѣсколько невѣстъ, вышедшихъ замужъ уже послѣ меня. Возвращаюсь домой, — и что́же? всѣ онѣ пріѣхали изъ полковъ къ своимъ родителямъ—родить.

Впрочемъ, здѣсь есть два-три молодыхъ человѣка... Они могутъ служить интересными сюжетами для наблюденія. (Мы съ ними еще встрѣтимся и познакомимся, современемъ, покороче). Люди эти — кара небесная для здѣшняго уѣзда. Это — шулера, пьяницы, мошенники, отъ которыхъ добрымъ людямъ покоя нѣтъ. Я сообщилъ бы вамъ нѣсколько очень характеристическихъ разсказовъ, но боюсь, что это будетъ похоже нѣсколько на *бабьи сплетни*. Кстати, о сплетняхъ. Тутъ имъ раздолье и почетъ! Дѣлать нечего, читать половина *помѣщицъ* не привыкла или нехочетъ: пьютъ, ѣдятъ спятъ, рѣжутся по цѣлымъ суткамъ въ карты, да слушаютъ, раз-

вѣсивъ уши, сплетни безмолвно-уполномоченныхъ на то особъ прекраснаго пола...

Мнѣ особенно понравились просьбы нѣкоторыхъ дамъ, поданныя ими въ губернское присутствіе о зачисленіи ихъ въ мелкопомѣстныя. У нихъ было больше 21 души; а потому лишнее количество крестьянъ онѣ предлагали перечислить въ государственные, чтобъ самимъ попасть въ мелкопомѣстныя!.. Конечно, просьбы ихъ были отвергнуты. Такія и подобныя явленія бываютъ тутъ сплошь и рядомъ.

Недавно, въ Конотопскомъ уѣздѣ, начали составляться волости. Много мѣшаетъ полной свободѣ подачи голосовъ отсутствіе правильной баллотировки. Крестьяне совѣстятся гласно объявлять себя противъ лица, котораго они не желаютъ; а потому, многіе, нехотя, подаютъ голосъ *за*. Еслибы у нихъ были ящики, какіе существуютъ вообще при всякаго рода другихъ баллотировкахъ, это было бы несравненно лучше.

Скоро поступятъ въ продажу, въ уѣздныхъ казначействахъ, бланки для уставныхъ грамотъ. Предстоитъ, стало быть, интересное зрѣлище!

Урожай хлѣбовъ, озимаго и яроваго, вездѣ отличный; но травы въ степяхъ нехороши.

Плодовъ и ягодъ, въ нашей, южной, мѣстности, почти нѣтъ. Табакъ значительно поднялся въ цѣнѣ; но, съ переполоху, его посажено гораздо меньше противъ прежнихъ лѣтъ.

Межеваніе медленными шагами подвигается впередъ. И не удивительно: члены межевой здѣшней коммиссіи, вмѣстѣ взятые, принадлежатъ къ возрасту, который вовсе не располагаетъ къ дѣятельности... Видно — таковые понадобились...

Вісточка зъ Нешитáй-города.

Окликаемся до братіи, хто поважае старинні мури, будинки и старинну осéлю нашоі прежнёі Краіни. У Черніговi, окроме святихъ церковъ стародревніхъ, устóяли старинні будинки: покоі Полуботка, — ще зъ прошлого віку одъ Григоровича поступили у духовні руки (¹), а теперь підъ семинаріею. На взіръ вони цілі и кріпкі, іще постóять для потомнёго часу. Другі будинки, ще давнішого часу (²); у нихъ була Черніговська полкова канцелярія; стоять на валу; іхъ построй-

(¹) Истор. и статист. описаніе г. Черніговa. Н. Маркевича. Въ Черниговскихъ вѣдомостяхъ, за 1852 г.

(²) Кажуть ще за Пóльщі построені.

ка, усякі виводи и прикраси на стінахъ, такъ и вимолвляють прежній смакъ и руку давнёго часу. Покоі чепурненькі, розведені всякими прикрасами и зубчиками: любо подивитьця! Вони були запустіли, прийшли въ розоръ; кажуть, недавнёго часу, підъ приіздъ царський, сее знаменó прежнёі постройки, по вищому приказу, піднóвлено по прежнёму, покрито листовимъ жалізомъ, и до сёго часу красовалось, якъ квіточка прихороша, хоронячи въ собі другий памьятникъ прежнёго давнёго часу: діла и житло нашихъ предківъ, на пісьмі записане; тутъ, зложена архива губерського правленія: староі Гетьманщини діла, різнихъ полківъ, про всяку всячину.

А теперъ—за серце хапае, якъ поглянешъ, що сіі старинніі мури розоряютця одъ недóгляду полиціі. Листове жалізо крадуть, розносять, уже на двохъ углахъ обідрали кривлю; піде течь, мокрота, пропадуть и бумаги одъ мокроти и сама схованка іхъ, памьять прежнёго часу, тожъ піде прахомъ.

Заявляемъ передъ чеснимъ людомъ, коли не найдется спроможності оберегти сіі будинки одъ такоі напусті, то нехай братія, хто матиме спроможность, або случай буть у Чернігові, змалюе на папері, щобъ доберегти дідівськую памьять потомнёму часу.

С. Волошинъ.

Непитай-городъ.
1861 року, Квітня 12-го.

Изъ Чернигова.

(іюнь 1861.)

Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаю въ *Основу* одно распоряженіе нашего начальства, которому могли бы подражать многіе и во многомъ. Это распоряженіе принесетъ несомнѣнную пользу, если будетъ поддержано энергически, на дѣлѣ, если не останется однимъ добрымъ желаніемъ:

Циркулярное предписаніе г. Начальника Черниговской губерніи, *отъ 21 мая 1861 года, Городскимъ и Посадскимъ Полиціямъ здѣшней губерніи.*

«При вступленіи моемъ въ управленіе губерніею, когда я имѣлъ честь въ первый разъ принимать гг. чиновниковъ мѣстнаго губерни-

скаго правленія, я высказалъ, что нами должно руководить безусловное уваженіе къ законамъ, отвращеніе отъ произвола какъ въ собственныхъ нашихъ распоряженіяхъ, такъ и въ дѣйствіяхъ нашихъ подчиненныхъ, и непрестанная память о томъ, что мы прежде всего обязаны охранять общественное спокойствіе въ губерніи и безопасность всѣхъ и каждаго, и что только въ случаяхъ особенныхъ мы должны являться исполнителями карающаго закона.

«Къ-сожалѣнію, я замѣчалъ неоднократно, что дѣйствія лицъ полицейскаго вѣдомства ввѣренной моему управленію губерніи находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ высказанными мною убѣжденіями. Не только нижніе чины означенныхъ учрежденій дозволяютъ себѣ насиліе и самоуправство, но и многіе изъ гг. чиновниковъ уничтожаютъ всякое довѣріе жителей грубымъ произволомъ и вовсе не примѣрнымъ поведеніемъ.

«Обращаю еще разъ вниманіе гг. начальниковъ полицейскихъ учрежденій на то, что дѣлается ихъ подчиненными, и напоминаю имъ словесныя мои замѣчанія. Полиція не должна забывать, что она учреждена для жителей, а не жители для нея; что если ей и приходится являться часто исполнительницею наказаній и взысканій, то все же первое ея назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы служить защитою правыхъ, какого бы кто званія ни былъ. Оказывая уваженіе къ личностямъ, Полиція пріобрѣтетъ и для себя то уваженіе, которое жители обязаны оказывать лицамъ облеченнымъ законною властію.

«Ожидаю, что отнынѣ полицейскія учрежденія будутъ подавать примѣръ уваженія къ законамъ; если же за этимъ мною будутъ замѣчены вновь отступленія отъ правилъ, то я вынужденъ буду принять мѣры къ удаленію изъ полицейскихъ учрежденій тѣхъ лицъ, которыя поступками своими уничтожаютъ довѣріе къ этимъ учрежденіямъ.»

Зъ Полтáви.

Щобъ хочъ трóхи познакóмити народъ зъ теáтромъ, охóтники почалú побивáтись объ тíмъ, щобъ на великóднихъ святкахъ показáть зóтри, або зъ чотирí народнíхъ спектáклí. Найнялú ужé й теáтръ, вив чили, на пéрвий спектакль, комéдíї: «*Бідность–не порóкъ*» и

«*Шельменко, волосній писарь*»,—да ба! не позволено грати... черезъ те, кажуть, що для народу ще *дуже рано* заводити театри, та й ціни назначили дешеві (ложи 8, 4, 3, и $1\frac{1}{2}$ карбованці, а дзиглики 50, 30, и 25 коп.) Охотники просили, щобъ ціни набавити, въ афишці не писати «*народній спектакль...*»—не помоглось!.. *рано*, кажуть, та й годі.—Мині здається, що нехай би лучче народъ седівъ у театрі, ніжъ у шінку; а якъ другимъ—про те не знаю...

Саранча въ южной части Черниговской губерніи.

(7 Іюня 1861).

Въ августѣ прошлаго года, въ Остерскій, Козелецкій и Нѣжинскій уѣзды, прилетѣла саранча и, сдѣлавъ небольшой вредъ гречкѣ, залегла преимущественно на *облогахъ*. Въ настоящее время появилось ея множество, въ видѣ черныхъ кузнечиковъ, но большая часть еще не выползла изъ земли, гдѣ закопалась. Не смотря на всѣ старанія земской полиціи и окружныхъ начальниковъ, отъ ихъ дѣйствій нельзя ожидать значительной пользы, по невозможности уничтожить саранчу повсемѣстно. Надо опасаться голода. Дай Богъ, чтобы мы ошиблись, но саранча уже начала уничтожать хлѣба; такъ напримѣръ, въ с. Щасновкѣ Козелецкаго уѣзда, пѣшая (въ видѣ кузнечиковъ) саранча уничтожила въ одинъ день, пятнадцать десятинъ озимаго хлѣба.

ПРИГЛАШЕНІЕ.

«Предпринимая въ Черниговѣ, съ іюля мѣсяца, изданіе еженедѣльной газеты, подъ названіемъ «ЧЕРНИГОВСКІЙ ЛИСТОКЪ», программа которой будетъ объявлена впослѣдствіи, мы обращаемся съ просьбою ко всѣмъ сочувствующимъ общественной пользѣ — содѣйствовать намъ въ успѣхѣ нашего предпріятія. Цѣль изданія—доставить возможность мѣстнымъ жителямъ имѣть, за умѣренную плату (2 р. ср.), свой печатный органъ общественной жизни и дѣятельности, а потому намъ дорого всякое извѣстіе, интересна даже мимолетная замѣтка о важныхъ происшествіяхъ въ уѣздахъ: несчастіяхъ, пожарахъ, навод-

неніяхъ, неурожаяхъ, падежахъ и т. под., о замѣчательныхъ явленіяхъ въ жизни общественной, о забавныхъ приключеніяхъ, толкахъ, слухахъ и т. п. Мы покорнѣйше просимъ не стѣсняться формою изложенія: дѣло не въ формѣ, а въ содержаніи.

«Для отдѣла *литературнаго* предназначаются вообще статьи для легкаго чтенія: небольшіе разсказы, стихотворенія на великорусскомъ и южнорусскомъ языкахъ, путевыя записки, очерки изъ народнаго быта, анекдоты, сцены, юмористическія замѣтки, эпизоды изъ охотничьей жизни и т. под.

«Въ отдѣлѣ *общеполезныхъ свѣдѣній* мы съ удовольствіемъ дадимъ мѣсто каждой дѣльной практической замѣткѣ, заключающей въ себѣ свѣдѣнія по части сельскаго хозяйства, домоводства, промышлености, торговли, популярной медицины, народнаго образованія и т. под.

«Адресовать: *Леониду Ивановичу Глѣбову, въ Черниговъ, въ зданіи пансіона при гимназіи.*»

Редакція *Основы* отъ всего сердца желаетъ успѣха этому прекрасному предпріятію, и увѣрена, что подъ редакціею Л. Ив. Глѣбова, *Черниговскій Листокъ* заслужитъ сочувствіе общества и найдетъ себѣ подражателей и въ другихъ мѣстахъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ.»

Рисунокъ VI-й взятъ мною изъ альбома *Н. И. Соколова*. Это — *молодиця*, Полтавской губ., Золотоношскаго уѣзда, села Вереміевки. Свита—бѣлая; сзади—*усы*—синіе.

VII-й—портретъ *чумака*, снятый *К. А. Трутовскимъ* въ Харьковской губ. У К. А. Трутовскаго очень большое собраніе рисунковъ съ натуры; благодаря ему, я могу теперь сдѣлать ихъ извѣстными. Эти рисунки имѣютъ большой интересъ. Я передамъ, по возможности, все снятое съ натуры. *Головою чумака* начинается рядъ головъ съ натуры.

Л. Жемчужниковъ.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Ан-р-ю Г-р-чу М-др-кѣ, въ Козелецъ. Ваша статья не можетъ быть напечатана.

М-ру О-ль-вичу, въ Козелецъ. По мнѣнію людей знающихъ, Вашъ трудъ, при всѣхъ его достоинствахъ, не можетъ имѣть должной полноты безъ соображенія съ документами, хранящимися въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. За «Записки» весьма благодарны; постараемся ими воспользоваться. — Ожидаемъ отъ васъ мѣстныхъ извѣстій.

Д-лу И-чу Л-вр-у, въ Черниговъ. Дуже вамъ дякуемо; мусимо підождать зъ печаттю... Не забувайте насъ; запоможіть ище чимъ-ласка.

Г-ву О-ги-му, въ Екатеринославъ. Ваша тетрадь получена. Окончательный отвѣтъ—въ VIII книжкѣ.

С-ну Д-чу Н-у, въ Конотопъ. Одібрали. Дяка Вамъ одъ щирого серця. Ра́ди Вашоі послухаемо, до Васъ одпишемо.

Ѳ-ну Д-л-чу Л-д-ц-ву, въ Кіевъ. Зміна заголовка й почáтку не зъ нашоі вини. Ждемо—не—діждемось Вашоі по́силки.

Підводному. Правдива Ваша рада, да треба огледітись. Одпишемо, а поки-що—наша прозьба: не забувайте й надальшъ,—якъ до сёго часу, спасибі Вамъ, насъ не забували.

К-ст-ну Е-с-чу Тр-нѣ, въ Нѣжинъ. Слова объясняются въ *Основѣ* только въ томъ значеніи, въ какомъ они тамъ же употреблены авторами. Слово *пригóда* употребляется также и въ смыслѣ *событія, приключенія*, какъ въ польскомъ *przygoda*. Стихотвореніе, о которомъ Вы писали, извѣстно, и даже переведено въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ.

Н. Рос-ш-скому, въ Петербургѣ. Спѣшимъ увѣдомить Васъ, что мы получили *Воспоминаніе изъ прошлаго* и весьма рады повидаться съ Вами до напечатанія.

Въ слѣдующей книжкѣ, между прочимъ, будетъ напечатано весьма любопытное письмо 1840 года, отъ *Основьяненка* къ *Шевченку*, по поводу *Кобзаря*.

Въ *апрѣльской* книжкѣ *Основы* обращаютъ вниманіе три типографскихъ недосмотра: 1) въ статьѣ «Воспоминаніе о двухъ малярахъ», стр. 49, вмѣсто Сансскій» должно быть Самсскій; 2) въ нотахъ къ пѣснѣ «Гей, гукъ, мати, гукъ», (стр. 95), въ самомъ началѣ, вмѣсто *f* должно быть *d*, подъ первой линейкой; и 3) подъ байками «Мірошникъ» и «Жаба й Вілъ» должна быть подпись: *Р. Витавський*.

ПОЛТАВСЬКА ОБЛАСНА БІБЛІОТЕКА

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 6-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Бабинець — мѣсто въ церкви, гдѣ стоятъ женщины.

Багатирка — богачка.

Біда́ха — бѣдняга.

Бо́вкнуть — (о колоколѣ издать густой звукъ).

Бо́лізько — больно.

Бриніти — чуть блестѣть, яснѣть вдали, видиѣться будто въ туманѣ.

Буртись! — междометіе звукоподражательное, обозначающее паденіе тѣла съ извѣстнымъ шумомъ.

Вага́ — тяжесть; уваженіе (въ смыслѣ: принять въ уваженіе, напр. жаль ваги́ не ма́е); беременность (я була въ вазі, — важка́); вѣсы.

Ввижа́тись — привидѣться, казаться.

Ви́прать — вымыть.

Відсіль, відсіля́ — отсюда; отсюдова.

Віі — рѣсницы.

Вилічувать — высчитывать.

Ви́пурхнуть — выпорхнуть.

Ви́садки — коренья, сохраненные до весны и посаженные опять въ землю для полученія изъ нихъ сѣмянъ.

Ви́тягнуть — вытянуть, вытащить.

Волоцюга — бродяга.

Воло́шки — васильки.

Вра́нці — утромъ.

Вчини́ть — замѣсить (хлѣбъ въ квашнѣ).

Ґа́нки — крыльца.

Гірший — худшій.

Гойда́тись — качаться.

Го́ренько (уменьш.) — горе.

Греча́ний — гречневый.

Гу́дина — плети въ зелени огурцовъ, дынь, арбузовъ, и проч.

Деркачъ — истертый вѣникъ.

Ді́бки (нарѣчіе) — дѣлать первые слабые шаги (о дѣтяхъ).

Довідатись — освѣдомиться, навѣдаться.

Дово́лі — достаточно.

Догодувать (хлібомъ) — докормить; призрѣть въ старости до самой смерти.

Дозира́тись — присматриваться; обращать вниманіе.

Доконе́чне — непремѣнно.

До (о)ста́нку — до конца, до послѣдней минуты.

Дотина́ть — досаждать; надоѣдать.

Дрібо́чокъ — кусокъ соли.

Ду́жий — здоровый, сильный.

Дурни́чка — даромъ, по пустякамъ.

Дя́дина — жена дяди.

Една́ти — согласить, согласиться, условиться.

Жениха́тись — ухаживать за дѣвушками.

Завдава́ти — причинять.

Зага́ятись — замѣшкать, замедлить.

Заго́їть — залечить.

За́здрість — зависть.

Закудла́ний — взъерошенный.

За́кутокъ — закоулокъ.

Замордовáтися — замучиться, выбиться изъ силъ.
Занапастúти—затратить, погубить.
Занятúсь—загорѣться, вспихнуть.
Запобігáти — о заботиться, предупреждать что-либо заранѣе принятыми мѣрами.
Заснітити (очі) — заслонить, затуманить глаза.
Заторóчити — заговорить, затуманить.
Заходúтьця — начать; засуетиться.
Займáтися (на світъ)—свѣтать.
Зблукáти—исходить.
Звúтьця—подняться вверхъ.
Звісточка—вѣсточка.
Звідъ — взводъ (снасть надъ колодеземъ), верхняя перекладина журавля́.
Згóдомъ—повременивъ, обождавъ.
Зикъ—крикъ; шумъ.
Зінька—Зиновія.
Зірвáтись—сорваться; быстро подняться съ мѣста.
Зкрашáти—украшать.
Змáлку—съ малыхъ лѣтъ.
Зморúтись — утомиться, устать.
Знущáтись—издѣваться; наругаться; насмѣхаться надъ кѣмъ.
Зодягáть—одѣвать.
Зполóшить—встревожить; испугать и поднять съ мѣста (напр., птицу и т. п.).
Зъурóчити—сглазить.

Изборóти—побороть; одолѣть.

Каблýчка—кольцо.
Карнáвка—церковная кружка.
Качáточка—утёнки.
Кáчуръ—селезень.
Кирхъ—кулакъ, поставленный перпендикулярно; мѣра (вышиною въ кулакъ).
Клопотáтись—хлопотать; суетиться.
Ключúна—срубленное и очищенное отъ вѣтокъ, тонкое длинное дерево.
Колотúтись — биться (о сердцѣ); тревожиться.
Колючка—колика (болѣзнь).
Копúця,—чка—копна сѣна.
Корóвячий—коровій.
Королівъ-цвітъ — цвѣтущіе бобы (красный цвѣтъ, phaseolus multiflorus, Willd).
Крúшка,—ечка—крошка.
Курітн—вздымать пыль.

Личмáнъ—медальонъ, носимый въ монистѣ, какъ украшеніе.
Лікн—лекарства; лікъ—счетъ.
Лой, лій—топленое сало, изъ котораго приготовляются свѣчи; свѣчное сало.
Лýскать—щелкать.
Любúстокъ—пахучее растеніе. (Levisticum officinale, Koch.)

Манячить—виднѣться вдали.
Мерéжка—сквозное шитье, узоръ.
Мовля́ть—говорить.
Мошéнство—мошенничество.
Мря́ка—сырость въ воздухѣ.

На-всю-гýбу — въ полной мѣрѣ (напр. панъ на всю гýбу.)
Навзáході—на заходѣ (о солнцѣ).
Нáволóкъ—паносная земля?
Нá-вхрестъ — накрестъ; крестообразно.
Нагодúтьця—нечаянно подоспѣть; случиться.
Надкрóювать—надкроивать; вырѣзать.
На-насíнне—на сѣмена; на посѣвъ.
Недоля́шокъ — отставшій отъ своихъ и не успѣвшій сдѣлаться Полякомъ.
Нúкать—ходить изъ угла въ уголъ, заглядывать то сюда, то туда.

Обернýти—опрокинуть.
О(б)падáти—обступить; окружить.
Огортáти—окутать; обвернуть.
Одмовля́тись—отговариваться.
Одпірáти—отталкивать.
Одпрáва—служба (церковная).
Одробля́ти — отбывать долгъ работой.
Одсýнути—отодвинуть.
Ожеледь—гололедица.
Озвáтись—откликнуться, отозваться.
Олéнка—весенній жукъ золотисто-зеленеватаго цвѣта. Олéнка—уменьш. имя отъ Олéна, Елена.
Опóвесні—въ весеннюю пору.
Орудовáть—управлять; самоуправствовать, употреблять другого какъ орудіе.
Очýняти—придти въ себя; въ здоровое состояніе; встать на ноги послѣ болѣзни.
Ошáхрать—надуть.
Ошукáть—обмануть.

Пáшити—горѣть пламенемъ.
Перестáвитись—умереть; преставиться.
Пернáчъ—одно изъ козацкихъ оружій.
Пилъ—пыль.
Пишáтись—гордиться, кичиться.
Підживúтись—покрѣпиться, подкрѣпить силы пищею.

Пі́длітокъ—птичка начинающая летать; пі́длітками называются также дѣти въ отроческомъ возрастѣ.

Пля́ха—бутыль.

Побра́тись—повѣнчаться.

Погля́нути—взглянуть; посмотрѣть.

Подбива́ть (гурки́)—взрыхлять землю около растенія, очищая его отъ сорныхъ травъ.

По-де́-куди́—кой-куда.

Поки́нути—бросить; оставить.

Поліня́ка—большое полѣно.

Помини́тись—намекнуть, проговориться.

Помийниця—кадка, куда сливаютъ помои.

Поми(ья)ну́ть—помянуть.

Посма́гти—стянуть, обсохнуть (отъ жару, о губахъ).

Посповнёвано—наполнено.

Посвари́тись—погрозить.

Посці́літи—(о растеніи)—вытянуться прежде времени, безплодно.

По́ручъ—подлѣ; рядомъ.

Потовкти́—побить, потолочь.

Похню́питись — повѣсить голову; задуматься.

При́снуть—быстро подскочить, броситься.

Пристёбувать—пристегнуть, привѣшивать

Промо́рія—повальная болѣзнь.

Причипури́тись—красиво одѣться.

Прищу́литись—прижаться; прильнуть.

Пусти́ня—нежилая хата.

Пустова́ти—шалить.

Разо́къ (намиста)—низка намиста.

Ри́пати—скрипѣть.

Рі́сочка—маленькая капля воды.

Роди́на—родство.

Розборони́ти—разводить дерущихся.

Роспоряди́ти—распредѣлить, устроить.

Роспу́ковка—распускающійся цвѣтокъ.

Ростіка́тися—расходиться; разбѣгаться.

Ру́хнутись—тронуться съ мѣста.

Ря́ска—водное растеніе, (съ мелкими круглыми листочками).

Ряснi коси́ці—(на вербѣ) обильныя тонкія вѣтви.

Ря́сно—обильно; густо (о деревѣ).

Серпа́нокъ—родъ киселя.

Сиро́ватка—сыворотка.

Сірачи́на—сѣрая свита, и кто ходитъ въ ней.

Ска́бка—заноза.

Скри́тись—блестѣть; искриться.

Ску́питись—сойтись; собраться въ одно мѣсто.

Слизько—скользко.

Сліна—слюна.

Спе́ртись—опереться.

Спини́ти — удерживать; отговаривать.

Спізна́тись—познакомиться; еблизиться.

Спітка́тись—встрѣтиться; случиться.

Спости́ти—провести время въ постѣ.

Стано́къ (полотна)—цѣльный кусокъ холста.

Стогна́ти—стонать.

Ссать—сосать.

Схибнуть—оступиться, промахнуться.

Теле́хнуть—издавать тихій звукъ, произносить по-тихоньку слово.

Ти́нь!—(междометіе отъ ти́кнуть—ткнуть.

То́-що—и тому подобное.

Третячо́къ, — теленокъ которому третій годъ.

Трі́ска—щепка.

Турбъ—хлопоты; безпокойство.

Уба́чити—увидѣть.

Ублага́ти—умолять упрашивать.

Уве́чері—ввечеру.

Угорта́ти—увернуть; запрятать.

Уживки—веревки.

Узива́ть—называть.

Уквіччати—убрать цвѣтами.

Хви́ща—ненастье, бурясь дождемъ.

Хропти́—храпѣть

Хори́вий—болѣзненный.

Цу́рка — небольшая палка, посредствомъ которой что-либо скручено.

Чи-що́—что-ли.

Чека́ти—ждать.

Чорнобри́вці—бархатцы.

Шкітильга́ти—хромать.

Щось—что́-то.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ

ЦЕНТРАЛЬНАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА:

СПИСКИ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ: Цѣна въ С.-Петербургѣ.

I. *Списокъ населенныхъ мѣстъ Архангельской губерніи.* Въ большую 8-ку, XXIV и 131 стран., съ хромолитографированною картою . . . . . 1 р. 20 к.

(Вѣсовыхъ за 2 ф., укупорочн. 10 коп.)

II. *Списокъ населенныхъ мѣстъ Астраханской губерніи.* Въ большую 8-ку, XVI и 51 стран., съ хромолитографированною картою . . . . . 70 к.

(Вѣсов. за 1 ф., укупорочн. 10 коп.)

Продаются:

у коммисіонера Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, С. П. Лоскутова и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

БИБЛІОТЕКА
№
Гр. Т. Сиротенко

6р

НІБУ

V

НБУ